B148 —
156

В148
156

С. М. Некрасовъ.

ПРЕДКИ
ЦАРЯ
Михаила Ведоровича
РОМАНОВА.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова, преем. М. В. Блиновъ. Трехсвятская ул., д. Шиканова.
1913 г.

ПРЕДКИ

ЦАРЯ

МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА

РОМАНОВА.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Н. М. Родіонова, Трехсвятская ул., д. Шиканова.
1913 г.

765080 V
ГОСУДАРСТВЕННАЯ РУБАНИЧНАЯ
МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА I.

I.

Первымъ исторически-извѣстнымъ намъ предкомъ царя Михаила Ѳедоровича Романова считается Андрей Кобыла. Его историческое бытіе удостовѣряютъ и лѣтописи[1]), и родословныя росписи[2]), и др. памятники[3]). И всѣ извѣстные наши историки согласно признаютъ Андрея Кобылу именно за родоначальника Романовыхъ[4]). Этотъ Андрей Кобыла былъ бояриномъ у московскихъ великихъ князей въ половинѣ XIV вѣка,—и бояриномъ очень важнымъ, о чемъ можно заключить изъ его посольства въ Тверь въ качествѣ великокняжескаго свата[5]). Отъ него произошли не только бояре Романовы, но многія и другія знатныя фамиліи—Яковлевы, Шереметевы, Колычевы и пр.[6]).

Но если историческое существованіе боярина Андрея Кобылы, какъ родоначальника Романовыхъ и родственныхъ имъ фамилій, засвидѣтельствовано, такимъ образомъ, несомнѣнными историческими данными и потому не можетъ вызывать какихъ-либо споровъ и разногласій, то, къ сожалѣнію, нельзя сказать этого о происхожденіи самого Андрея Кобылы,—о томъ, кто были его собственные предки и гдѣ они жили. На этотъ счетъ можно лишь строить болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, опираясь на одни преданія. А преданія эти, какъ и всѣ вообще преданія, не лишены и легендарнаго, миѳического элемента.

Наилучшимъ выразителемъ древнѣйшихъ преданій о происхожденіи Андрея Кобылы является „Историографія“... Колычева. Ближній

---

[1]) П. С. Р. Л., VII, 210; X, 218; XII, 127 и др.
[2]) Времен., 1851, X, 86, 159; Сб. Селиф., 97, 215, 283.
[3]) Собр. г. гр. и д., I, 62.
[4]) Костомар., Рус. ист. въ жизн., отд. I, вып. III, 729; Ключев., К. Р. И., III, 78 и др.
[5]) Объ этомъ рѣчь будетъ ниже.
[6]) Ниже коснемся и этого вопроса.

стольникъ и герольдмейстеръ петровскаго времени Степанъ Андреевичъ Колычевъ, одинъ изъ многочисленныхъ потомковъ Андрея Кобылы, подъ вліяніемъ происходившихъ въ концѣ XVII в. работъ по обновленію и пополненію старыхъ родословныхъ росписей, задумалъ собрать всѣ письменныя и устныя сказанія о родинѣ и происхожденіи своихъ древнѣйшихъ предковъ. Въ результатѣ его трудовъ появилась въ 1722 г. довольно порядочная рукописная записка „Исторіографія, вкратцѣ собранная изъ разныхъ кроникъ и лѣтописцевъ“, проникающая въ прошлое Кобылина рода до IV вѣка христіанской эры[1]).

По этой Исторіографіи предки Андрея Кобылы жили не въ Россіи, а въ сосѣдней, прусской землѣ, гдѣ они были владѣтельными князьями или королями. Родоначальникомъ этихъ князей былъ Вейдевутъ. По словамъ Колычева, въ 373 г. по Р. Хр. Вейдевутъ получилъ отъ старшаго брата Прутено королевскую власть и сдѣлался верховнымъ правителемъ страны. Прутено же, по преклонности лѣтъ, удалился отъ государственной жизни, принялъ жреческій санъ, какъ особенно почитавшійся пруссами, и поселился въ городѣ Романовѣ, гдѣ теперь находится нѣмецкое мѣстечко Гейлигенбейль.

Такимъ образомъ, предокъ Андрея Кобылы сдѣлался прусскимъ королемъ еще во второй половинѣ IV вѣка. Предъ смертью своей онъ раздѣлилъ свое королевство на 12 удѣловъ, по числу 12 сыновей своихъ, и каждому сыну далъ по удѣлу. Четвертый сынъ Вейдевута, Недронъ, чрезъ котораго Кобыла и велъ свое происходеніе отъ Вейдевута, получилъ себѣ въ удѣлъ область рѣки Прегеля. При князѣ Дивонѣ, потомкѣ Недрона въ 9 колѣнѣ, въ XIII вѣкѣ, недровскій удѣлъ подвергся нападенію „крыжаковъ“ (ордена меченосцевъ), которые „край земель недровскихъ мечемъ и огнемъ лютѣе паче прочихъ раззорили и городы недровскихъ князей... до основанія истощили и разрушили“[2]). Потомки Недрона не въ силахъ были долго бороться съ „крыжаками“, и въ 1280 г. старшій сынъ Дивона, князь Руссингенъ, уступилъ, наконецъ, „крыжакамъ“ и со всей фамиліей своей крестился въ католическую вѣру. Въ числѣ крестившихся въ это время оказался и младшій братъ Руссингена—Камбила, названный Гландою или Гландосомъ. Этотъ самый Камбила Гланда или Гландосъ, по словамъ Колычева, и переселился въ Московское государство въ 1283 году, на службу къ московскому велик. князю „Данилѣ Александровичу всеа Россіи самодержцу“,—и послѣдній крестилъ его въ вѣру православно-восточную. Здѣсь же, въ Москвѣ, передѣлали и прозвище его „Камбила“—въ Кобылу. Почему передѣлали,—Колычевъ такъ объясняетъ это обстоятельство: „А что того славнаго Камбилу или

---

[1]) Барсук.—Родъ Шеремет., I, 3—7.

[2]) Ibid., 6.

Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то, мню, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку наряди иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а наипаче древніе писари русскіе, недовольные въ граматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванія и имена отмѣняли, недописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню по сему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кобыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры“[1]).

Тоже самое почти, лишь съ небольшими варіантами, встрѣчаемъ и въ другихъ источникахъ о прапредкахъ фамиліи Романовыхъ [2]). Такъ, въ „Общемъ Гербовникѣ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи“ (изд. департамента Герольдіи) прапредкомъ Андрея Кобылы также считается прусскій король Вейдевудъ, но только получившій престолъ отъ старшаго брата, короля Прутено, не въ 373 году, какъ полагалъ Колычевъ, а въ 305 году по Р. Хр. Четвертый сынъ Вейдевуда называется Недро (а не Недронъ), владѣлъ онъ Судавіей, Самогитіей и др. областями. Потомокъ Недро Гланда Камбила Дивоновичъ, побѣжденный крестоносцами, удалился въ Россію съ сыномъ и многими вассалами не къ Даніилу Александровичу, вел. князю московскому, а къ его отцу—вел. князю Александру Ярославичу Невскому. Въ крещеніи Гланда якобы названъ Иваномъ, а сынъ его—Андреемъ[3]).

Въ такомъ же видѣ находимъ это преданіе у Мальгина въ его „Зерцалѣ Русскихъ Государей“[4]).

Нѣсколько иное встрѣчаемъ у историка Миллера. По его мнѣнію—въ Россію переселился не Гланда, а только его сынъ Андрей Ивановичъ Кобыла. Причемъ этотъ переселенецъ представляется не прусско-самогитскимъ княземъ, гонимымъ крестоносцами, а однимъ изъ этихъ послѣднихъ, т. е. самъ былъ простымъ рыцаремъ—крестоносцемъ, который „изъ Германіи (значитъ—былъ германцемъ) пришелъ въ землю пруссовъ; потомъ въ Россію, имѣя въ виду вновь сразиться съ невѣрными“. Переселеніе его въ Россію Миллеръ объясняетъ тѣмъ, что Россія тогда находилась также въ борьбѣ съ невѣрными (татарами) и также нуждалась и привлекала къ себѣ храбрыхъ иноземныхъ воиновъ. Самое переселеніе Андр. Ив. Кобылы въ Россію относится имъ къ болѣе позднему времени—къ правленію вел. кн. Ивана Даниловича Калиты или сына его, вел. кн. Семена Ивановича Гордаго [5]).

---

[1]) Ibid., 7.

[2]) Заимствуемъ ихъ въ данномъ случаѣ изъ родословной царствующаго дома Романовыхъ – Кампенгаузена, помѣщенной въ „Сборникѣ...“ Селифонтова.

[3]) Сб. Селиф., 157, 159.

[4]) Ibid., 159.

[5]) Ibid., 159–161.

Кампенгаузенъ, давшій въ своей „Родословной царствующаго Дома Романовыхъ“ подробный критическій разборъ легендарныхъ сказаній о прапредкахъ рода Романовыхъ, приводитъ, между прочимъ, такія подробности объ этихъ прапредкахъ изъ разбираемаго имъ преданія.—Вейдевудъ, родоначальникъ Андрея Кобылы, происходилъ изъ племени алановъ. Эти аланы, по преданію, жили въ сосѣдствѣ съ пруссами. Отсюда аланы ходили воевать на Рейнъ, за Рейнъ и даже въ Испанію. Но побитые въ концѣ концовъ и въ Испаніи (вестъ—готами), и на Рейнѣ (сикамбрами) остатки аланскаго племени во главѣ съ Литталаномъ удалились въ землю пруссовъ и здѣсь поселились окончательно. Отъ имени Литталана, повидимому, и смѣшанный народъ этотъ (пруссы и аланы) стали именоваться литовцами [1]).

Пруссы и аланы нѣкоторое время, какъ утверждаетъ преданіе, жили между собой мирно, безъ раздоровъ и споровъ. Но затѣмъ пошли несогласія, ссоры, междоусобія, жители раздѣлились на партіи, словомъ—воцарился полный безпорядокъ и безначаліе со всѣми печальными послѣдствіями какъ для цѣлаго общества, такъ и для каждаго человѣка въ частности. Нужно было водворить какой нибудь порядокъ въ странѣ, иначе грозила опасность со стороны сосѣдей—враговъ. И вотъ въ эту критическую минуту выступаетъ на сцену нѣкто Вейдевудъ, или Войдеводъ, богатый аланъ. Онъ посовѣтовалъ обоимъ племенамъ, для прекращенія безпорядковъ и анархіи, избрать общимъ совѣтомъ кого-нибудь въ князья или короли себѣ, которому-бы и дать полномочіе привести въ порядокъ страну. Оба племени—и пруссы, и аланы—согласились съ Вейдевудомъ, составили общій совѣтъ и выбрали на немъ въ короли самого иниціатора этого дѣла—Вейдевуда. Это происходило въ 305 году [2]).

Такимъ образомъ, Вейдевудъ, прапредокъ Андрея Кобылы, сдѣлался первымъ верховнымъ вождемъ или королемъ прусско—литовской земли.

Сдѣлавшись королемъ, Вейдевудъ, какъ говоритъ преданіе, вполнѣ оправдалъ надежды и довѣріе своихъ избирателей, такъ какъ явился „мудрымъ княземъ и благодѣтелемъ своего народа“. До его избранія пруссы и аланы вели кочевой образъ жизни, не имѣли ни твердыхъ законовъ, ни добрыхъ обычаевъ, ни даже семейнаго начала. Вейдевудъ кореннымъ образомъ измѣнилъ въ этомъ отношеніи жизнь своего народа. Прежде всего онъ пріучилъ народъ къ земледѣлію и сдѣлалъ его осѣдлымъ. Затѣмъ, положилъ начало законному семейному союзу въ своемъ народѣ; издалъ извѣстный кодексъ законовъ; ввелъ многія ремесла и полезныя общественныя развлеченія и т. п. Вейдевудъ правилъ своимъ народомъ съ такимъ успѣхомъ и поль-

---

[1]) Ibid., 167—169

[2]) Ibid., 169.

зой цѣлыхъ 74 года. По однимъ извѣстіямъ онъ умеръ на престолѣ, а по другимъ—добровольно отказался отъ власти на 116 году отъ рожденія, въ 379 г. по Р. Хр., принявши предъ смертью санъ верховнаго жреца своего народа,—криво-кривейте,—и поселившись для этого въ дубовой рощѣ, близь Ромнова [1]). У Вейдевуда было 12 сыновей, которые и стали править его королевствомъ по смерти или отреченіи Вейдевуда.

Далѣе Кампенгаузенъ сообщаетъ такую подробность изъ дальнѣйшей исторіи (по преданію) предковъ Романовыхъ, которой мы еще не встрѣчали ранѣе. Онъ разсказываетъ о переселеніи какихъ-то итальянцевъ въ предѣлы литовскихъ королей—потомковъ Вейдевуда—въ 900 году. Итальянцы явились большой ордой, подъ предводительствомъ Палямона. По рѣкѣ Мемелю они приплыли къ прусско-литовской странѣ и неожиданно для всѣхъ поселились здѣсь. Ни о какой враждѣ съ туземцами не говорится,—наоборотъ, Палямонъ, спустя нѣкоторое время, избирается въ князья даже и туземцами, такъ что въ прусско-литовскомъ королевствѣ очутились двѣ династіи—Палямона и Вейдевуда, потомки которыхъ сообща правили страной [2]).

Дальнѣйшая судьба потомковъ Вейдевуда таже, что и по большинству другихъ сказаній—они въ восьмидесятыхъ годахъ XIII столѣтія были совершенно побѣждены нѣмецкими рыцарями—Маріинскаго Ордена и меченосцами—и частью арестованы и заточены, а частью—бѣжали къ сосѣднимъ государямъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и отецъ Андрея Кобылы, Гланда Дивоновичъ Камбила, прямой потомокъ Вейдевуда и одинъ изъ послѣднихъ прусско-литовскихъ князей. Онъ бѣжалъ въ Россію [3]).

Таковы преданія о первыхъ предкахъ московскаго боярина Андрея Кобылы. Возникаетъ вопросъ: какъ отнестись къ этимъ извѣстіямъ, если исторія не оставила намъ отъ столь давняго времени сколько-нибудь прочныхъ и достовѣрныхъ данныхъ, которыми бы можно было руководиться въ данномъ случаѣ? Признавать или не признавать Андрея Кобылу дѣйствительнымъ потомкомъ прусско-литовско—самогитскихъ князей? Можно-ли утверждать о немъ хотя бы то, что онъ—вообще выходецъ изъ за-границы?

Въ русской исторической наукѣ на этотъ счетъ находимъ очень мало спеціальныхъ изслѣдованій вполнѣ компетентныхъ лицъ. То же, что мы находимъ здѣсь, по нашему мнѣнію, говоритъ скорѣе въ пользу именно иностраннаго происхожденія нашего лѣтописнаго Андрея Кобылы. Но были попытки, хотя немногія, доказать и русское

---

[1]) Ibid.
[2]) Сб. Селиф., 171.
[3]) Ibid., 187, 189.

происхожденіе послѣдняго.—Чтобы лучше разобраться въ этомъ вопросѣ,—въ вопросѣ о происхожденіи перваго вполнѣ историческаго предка Романовыхъ,—начнемъ съ того, кто рѣшительно отвергаетъ всѣ преданія о Вейдевудѣ, Недронѣ и т. д., какъ предкахъ Андр. Кобылы, и настойчиво доказываетъ, что Андр. Кобыла—коренной русскій, славянинъ. Здѣсь разумѣется П. Н. Петровъ.

II.

Въ своемъ трудѣ „Исторія родовъ русскаго дворянства“ г. Петровъ, между прочимъ, рѣшился подвергнуть сомнѣнію и критикѣ вышеприведенныя преданія объ иностранномъ происхожденіи Андр. Кобылы. Эти преданія онъ называетъ „сказочными вымыслами, принимавшимися до сихъ поръ за истину и желавшими, во чтобы то ни стало, навязать роду Романовыхъ не-русское происхожденіе, благодаря московскому стереотипному термину „выѣзжій изъ прусъ“ [1]).

Этотъ терминъ, по мнѣнію Петрова, на самомъ дѣлѣ не означаетъ дѣйствительнаго переселенія изъ за-границы,—позднѣйшіе московскіе грамотѣи прилагали его къ родоначальникамъ почти всѣхъ знаменитыхъ фамилій съ тою цѣлью, чтобы, согласно традиціи, возвеличить указаніемъ на иностранное происхожденіе членовъ такихъ фамилій. И въ отношеніи Романовыхъ терминъ „выѣзжій изъ прусъ“ является также только почетнымъ титуломъ, безъ реальнаго содержанія.

Въ качествѣ аргументовъ въ пользу невозможности принять на вѣру указанія родословныхъ на „выѣзжихъ изъ прусъ“ Петровъ приводитъ то, во первыхъ, что въ XIII вѣкѣ,—(время происхожденія рода Романовыхъ, предполагаемое Петровымъ),—Пруссія въ смыслѣ самостоятельнаго государства не существовала—и не существовала вплоть до 1700 года. „Откуда же, спрашиваетъ Петровъ, могли быть въ XIII вѣкѣ прусскіе подданные или прусская народность?“ [2]) Во вторыхъ, онъ указываетъ на переработку со временъ Грознаго термина „выѣзжій изъ прусъ“, который былъ замѣненъ болѣе подходящимъ выраженіемъ „выѣзжій изъ нѣмецъ“ Значитъ, и сами московскіе грамотѣи поняли, что прежній терминъ идетъ въ разрѣзъ съ тогдашней географіей и этнографіей—(никакой де Пруссіи и прусской народности тогда не было),—и поэтому вывели прежній терминъ изъ употребленія, какъ неудачный и безсмысленный. Но и новый терминъ „выѣзжій изъ нѣмецъ“, по мнѣнію Петрова, не свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ переходѣ нѣмцевъ на московскую службу.

---

[1]) Петровъ—Ист. род. русск. дв., I., 7.
[2]) Ibid., 3.

Конечно, соглашается Петровъ, во время ливонской войны въ царствованіе Ив. Грознаго среди плѣнныхъ, попавшихся въ руки русскихъ, были люди и нѣмецкой расы, но—добавляетъ онъ сейчасъ же—„только такихъ выходцевъ—плѣнныхъ можемъ мы насчитать меньше десятка, а родовъ „выѣзжихъ изъ нѣмецъ“—цѣлыя сотни“ [1]).

Отвергнувши иностранное происхожденіе всѣхъ тѣхъ, о предкахъ которыхъ сказано въ родословныхъ: „выѣзжій изъ прусъ“ или „изъ нѣмецъ“, Петровъ категорически приписываетъ имъ всѣмъ чисто-русское происхожденіе, выводя ихъ изъ Новгорода, гдѣ была и прусская улица въ загородскомъ концѣ, и такъ называемый прусскій путь (въ Псковъ),—и часть новгородцевъ, именно жители прусской улицы, назывались прусами [2]). Эти прусы, по словамъ Петрова, за все время новгородской вольности были во главѣ демократіи, составлявшей оппозицію на вѣчахъ противъ стремленій аристократовъ—консерваторовъ. Прусы эти были „люди талантливые, энергичные, полные предпріимчивости и отваги“. Ихъ именно трудами и подвигами будто-бы разбогатѣлъ Вел. Новгородъ, ихъ усиліями разрослась территорія новгородскихъ владѣній. Но потративши свои силы на пользу родного города, прусы, однако, „напрасно ожидали отъ захватившихъ власть въ немъ соперниковъ признанія правъ на соучастіе въ правленіи. Борьба съ противниками довела ихъ до изгнанія только“ [3]). Потерпѣвши фіаско на своей родинѣ, новгородцы—прусы устремились въ Москву, поступили на службу къ московскому князю и своими трудами—военными и дипломатическими—„подняли ее изъ удѣльнаго княжества до престольнаго великаго княженія и поглощенія другихъ удѣловъ“ [4]). А съ усиленіемъ Москвы, потомки новгородскихъ прусовъ воспользовались единодержавной и сильной властью вел. кн. Ивана III Васильевича и, въ отмщеніе тѣхъ гоненій, которыя испытали въ Новгородѣ ихъ предки, лишили этотъ Новгородъ политической самостоятельности [5]).

Въ вѣрности такого вывода Петрова убѣждаетъ прежде всего необыкновенная подробность, съ какой трактуютъ русскія лѣтописи о Новгородѣ и о новгородскихъ выходцахъ съ начала XII и до конца XV вѣковъ: „невольно, говоритъ онъ, рождается въ умѣ изслѣдователя идея: не писаны ли эти самыя сказанія новгородцами, служа оригиналами для позднѣйшихъ компиляторовъ, если отъ себя что-либо и прибавлявшихъ, то очень немногое, сразу открываемое“ [6]). Причемъ этихъ подробностей о новгородской жизни такъ много, что

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.

можно „прямо по тексту лѣтописей начать изслѣдованіе представителей древнихъ родовъ волховской народной державы“ [1]). Въ результатѣ же такого изслѣдованія оказывается, по Петрову: „1, что Новымъ-городомъ управляли немногіе аристократическіе роды и 2, что *едва-ли не большинство новгородцевъ* [2]) съ начала XIV вѣка находило пріютъ и поле дѣятельности въ Москвѣ, когда родина въ лицѣ властныхъ противниковъ не давала простора дѣятельности своимъ талантливымъ чадамъ или изгоняла ихъ совсѣмъ, благодаря распрямъ партій“ [3]). Затѣмъ, убѣждаетъ Петрова въ правильности своего взгляда и то, замѣченное имъ въ лѣтописяхъ, обстоятельство, что „въ XV вѣкѣ новгородскіе роды въ Москвѣ занимали на поприщахъ администраціи едва-ли не преобладающее значеніе *и во всякомъ случаѣ* [4]) *были выше многихъ* потомковъ князей Рюрикова рода и дворянъ, отъ нихъ происходящихъ, каковы: Еропкины, Заболоцкіе, Ивины, Монастыревы, Татищевы, Ржевскіе, Мамоновы, Пузины, Сатины, Судаковы, Толбузины, Травины, Цыплетевы и нѣсколько другихъ“ [5]).

Изъ числа такихъ новгородскихъ переселенцевъ на московскую службу былъ и Андрей Кобыла (причемъ это переселеніе могъ совершить и отецъ его—Иванъ,—но точно сказать объ этомъ нельзя потому, что о послѣднемъ ничего неизвѣстно). Петровъ даже указываетъ и предка Андрея Кобылы въ лицѣ знаменитаго Ратши, родоначальника Свибловыхъ и др. знатныхъ фамилій Московскихъ. А этого Ратшу—выходца „изъ нѣмецъ“—онъ отожествляетъ съ Ратшою, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1146 годомъ, и который былъ кіевскимъ тіуномъ при Всеволодѣ, а потомъ едва спасся отъ народнаго гнѣва за свои поборы при возмущеніи противъ Игоря [6]).

Ходъ разсужденій Петрова въ данномъ случаѣ такой.—Въ родословцѣ XVI вѣка, достовѣрность котораго Петровъ рѣшительно отвергаетъ, находя въ немъ „очевидныя позднѣйшія выдумки невѣждъ, не имѣвшихъ понятія о возможности повѣрки родословныхъ показаній хронологіею“ [7]), о предкахъ Свибловыхъ сказано: „Во дни благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго пріѣде изъ нѣмецъ мужъ честенъ, именемъ Ратша, а у Ратши сынъ Якунъ, а у Якуна сынъ Алекса, а у Алексы сынъ Гаврило, а Гавриловы дѣти Иванъ Морхинъ, да Акинфъ Великой... а Акинфъ было подвелъ рать

---

[1]) Ibid.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Петр.—Ист. род. рус. дв., 3.
[4]) Курсивъ нашъ.
[5]) Петр.—Ист. р. р. дв., 3.
[6]) П. С. Р. Л., II, 22.
[7]) Петр.—Ист. р. р. дв., 7.

тверскую на великаго князя Василія...[1]) а у Акинѳа дѣти: Иванъ да Ѳедоръ, а у Ивана дѣти: Андрей, да Володимеръ, да Романъ Каменской, да Михаилъ“[2]). По мнѣнію Петрова, внукъ Акинѳа Великаго—Андрей Ивановичъ—и есть Андрей Ивановичъ Кобыла, родоначальникъ Романовыхъ. То же обстоятельство, что въ родословныхъ XVI вѣка Андрей Кобыла со своимъ родомъ стоитъ отдѣльно, внѣ какой бы то ни было связи съ родомъ Ратши, онъ объясняетъ тѣмъ, что Андрей Кобыла, какъ лицо извѣстное и выдающееся въ Москвѣ, началъ собою отдѣльный родъ подъ своимъ собственнымъ названіемъ. Въ такихъ случаяхъ, говоритъ Петровъ, обыкновенно въ родословцахъ новый частный родъ ставили вслѣдъ за главнымъ, кореннымъ родомъ, но бывало де часто, что переписчикъ родословныхъ сбивался въ порядкѣ статей или даже намѣренно измѣнялъ послѣдній, вслѣдствіе чего, полагаетъ Петровъ, между прочимъ и произошло разобщеніе рода Кобылы отъ коренного рода Ратши. Позднѣйшіе же „баснословные авторы компиляторы“, по невѣжеству и по недостатку точнаго знанія прошлаго, въ эти родословныя—по мнѣнію Петрова—„прибавляли своихъ нелѣпостей столько, что вполнѣ вѣроятное, со вводомъ ихъ, дѣлалось неузнаваемымъ и ни съ чѣмъ несогласимымъ“[3]). Съ появленіемъ въ XVIII в. печатныхъ родословныхъ всѣ эти вымыслы „баснословныхъ авторовъ компиляторовъ“ получили еще большую устойчивость и кредитъ въ глазахъ простодушной публики, съ довѣріемъ, почти съ благоговѣніемъ относящейся ко всякой печатной строчкѣ [4]).

Не довѣряя, т. о., дошедшимъ до насъ родословнымъ и опираясь на нѣкоторыя лѣтописныя указанія, Петровъ такъ понимаетъ вышеприведенную цитату о Ратшѣ изъ родословца XVI вѣка. Въ виду важности этого разсужденія необходимо привести его возможно полнѣе. „Въ родословцѣ конца XVI в.,—читаемъ у него,—ко временамъ невскаго героя отнесенъ будто бы пришедшій „изъ нѣмецъ“ „мужъ честенъ именемъ Ратша, отецъ Якуна, дѣдъ Алексы и прадѣдъ Гавріила“.

„Между тѣмъ послѣдній, поставленный правнукомъ родоначальника, былъ на самомъ дѣлѣ извѣстный герой невской битвы со Шведами 15 іюля 1240 г., убитый въ 1241 г. въ бою съ нѣмецкими рыцарями, сдѣлавшими наѣздъ на псковскій пригородъ Изборскъ. Въ невской битвѣ герой Гаврило названъ Алексичемъ, а въ разсказѣ о смерти его геройской—Гориславичемъ (П. Собр. рус. лѣт. 1 Новгор. лѣт.,

---

[1]) Петровъ, приводя эту выдержку (Ист. р. р. дв., 7.), дѣлаетъ слѣдующую вставку послѣ слова „Василія“: „вмѣсто Ивана Калиты, п. ч. дѣло идетъ о начатіи борьбы Мих. Тверского съ Московскими князьями, 1304 г.“.

[2]) Времен., 1851, X, матер., 102.

[3]) Петр., Ист. р. р. др., 7.

[4]) Ibid.

Стр. 50). А Гориславъ—Алекса былъ, какъ извѣстно, св. Варлаамъ, изъ новгородскихъ бояръ, основатель (1191 г.) монастыря на Хутынѣ, умершій, какъ полагать можно, позднѣе 1215 г. Алекса—св. Варлаамъ—былъ братъ посадника Михаила Степановича, умершаго тоже въ монашествѣ съ именемъ Митрофана 1206 г. (6714). Этотъ Михаилъ Степановичъ имѣлъ народное прозваніе Якуна, какъ и отецъ его Степанъ—Ратши. Если старцемъ умеръ Михаилъ Степановичъ въ 1206 г., то ясно, могъ-ли онъ родиться въ первой половинѣ XII (?) вѣка? Слѣдовательно, отецъ его былъ современникомъ дѣтей Юрія Долгорукаго и его самого частію. Дѣйствительно мы и находимъ сановника Ратшу, т. е. Ратислава (по смыслу значенія прозванія этого человѣка воинственнаго или способнаго поддерживать порядокъ силою—ратью)... Мы находимъ въ лѣтописи подъ 1146 годомъ—въ ряду другихъ новгородцевъ, державшихъ сторону Всеволода Ольговича (зятя Мстислава Великаго) и его братьевъ Игоря и Святослава—тіуномъ въ Кіевѣ при Всеволодѣ Ратшу. Онъ притѣснялъ, должно быть, своими поборами гражданъ и при возмущеніи противъ Игоря чуть спасся отъ ярости народа, который „разграбилъ Ратшинъ дворъ“. Этотъ Ратша и представляется намъ по времени тождественнымъ съ родоначальникомъ Свибловыхъ и другихъ въ Москвѣ, прадѣдомъ Гаврилы Алексича, ум. въ 1241 г. Гаврила же—современникъ и соратникъ Невскаго—имѣлъ сына Іакинфа Великаго, убитаго въ 1304 г., слѣдующемъ за смертью сына Невскаго, св. Даніила Московскаго. Въ этомъ ясно видна несомнѣнная уже точность хронологіи“.

„Если же мы знаемъ, что Акинфъ Великій несомнѣнно былъ современникомъ Даніила Александровича, то и сыновья его Иванъ и Ѳедоръ были современниками Калиты, а ближнимъ бояриномъ сына Калиты, Симеона Гордаго, является Андрей Ивановичъ Кобыла, когда сынъ Андрей былъ и у Ивана Акинфовича и когда, какъ мы указывали, въ родословіяхъ болѣе древнихъ, даже XVI вѣка, отецъ Андрея Кобылы не означенъ“[1]).

Для большей наглядности и убѣдительности Петровъ предлагаетъ хронологическую таблицу родословія Ратши параллельно съ княжескимъ родомъ Рюрика. Вотъ эта таблица:

„Владиміръ Мономахъ, ум. 1125 г.

Юрій, ум. 1154 г.

Всеволодъ, ум. 1212 г.

Ярославъ—Ѳедоръ, ум. 1246 г.

Ратша, Стефанъ, упом. 1146 г.

Якунъ-Михаилъ, посадникъ Новгородскій, ум. въ монашествѣ съ именемъ Митрофана, 1206 г.

Алекса Гориславъ, въ монаш. Варлаамъ св. Хутынскій, ум. 1215 г. (?) или 1243 г. (?)

---

[1]) Петр.—Ист. р. р. дв., 7—8.

Св. Александръ Невскій, ум. 1263 г.	Гавріилъ, герой невской битвы 1240; ум. 1241 г. убитъ не старымъ.
Даніилъ св., ум. 1303 г.	Іакинѳъ Ѣеликій, ум. 1304 г.
Иванъ Калита, вел. кн. московскій, ум. 1340 г.	Иванъ
Симеонъ, ум. 1348 г.	Андрей“[1]).

Такова теорія г. Петрова. Андрей Кобыла—повторимъ ее вкратцѣ—вовсе не „прусъ“ и не „нѣмецъ“, а природный русскій бояринъ. Предки его—Ратша, Якунъ, Алекса и т. д.—были новгородскими вельможами. И только позднѣйшіе потомки Ратши перешли на службу къ московскимъ великимъ князьямъ, въ числѣ которыхъ (потомковъ) былъ и Андрей Кобыла, внукъ Акинфа Великаго, а, м. б., еще и отецъ его Иванъ Акинфовичъ, не оставившій по себѣ почти никакихъ историческихъ слѣдовъ, и потому часто пропускавшійся въ родословныхъ. Разобщеніе же Андрея Кобылы отъ его коренного рода Ратши произошло „вслѣдствіе сбитія порядка основного родословія“, въ которомъ отдѣльные члены, начинающіе собой собственную фамилію, сначала писались послѣ главнаго основного рода, безъ повторенія статьи о происхожденіи первоначальныхъ предковъ ихъ, а потомъ „по милости описки“ переставлялись въ другое мѣсто, и, т. о., теряли связь со своимъ кореннымъ родомъ. Въ отношеніи Андрея Кобылы это обстоятельство могло совершиться особенно легко въ виду того, что родъ Ратши отличался многочисленностью, какъ въ лицѣ потомковъ Акинфа Великаго, такъ въ лицѣ и его брата Ивана Морхина. Подобно Андрею Кобылѣ, произошло, между прочимъ, разобщеніе отъ рода Ратши и другого его потомка—Ѳедора Акинфовича Бякота (Бяконта), родоначальника Плещеевыхъ, которому потомъ доморощенные грамотѣи присочинили „небывалое переселеніе изъ Черниговскаго княженія, отъ нашествія Батыева, уже фактически не существовавшаго“[2]).

Можно-ли, однако, согласиться съ г. Петровымъ и, т. о., совсѣмъ отвергнуть то, что говорятъ намъ преданія объ иноземномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы?

Достаточно разъ внимательно прочесть теорію Петрова, чтобы почувствовать искусственность, натянутость его построеній. Рѣчь идетъ о событіяхъ и лицахъ, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи 700—800 лѣтъ назадъ и оставившихъ лишь смутныя преданія о себѣ,—и потому, естественно, нужно съ большой осторожностью приступать къ анализу этихъ преданій и возстановленію дѣйствительной исторіи. У Петрова же чувствуется какъ разъ недостатокъ этой осторожности—наоборотъ, замѣтна большая поспѣшность въ заключеніяхъ, вы-

---

[1]) Ibid., 8.
[2]) Ibid.

текающая изъ того-же чисто-академическаго, теоретическаго интереса его доказать именно русское происхожденіе Романовыхъ, тенденцію котораго онъ видитъ въ своихъ противникахъ, признающихъ, наоборотъ, иноземное происхожденіе ихъ. Случайное сходство именъ принимается имъ за существенное, — случайные, внѣшніе признаки—за главные и внутренніе,—противорѣчащее его идеѣ объявляется „выдумкою невѣждъ, не имѣвшихъ понятія и т. д.“—и все это для того, чтобы какъ-либо обосновать созданную имъ въ кабинетѣ теорію непремѣнно русскаго происхожденія Андрея Кобылы въ противовѣсъ тѣмъ, кои придерживаются на этотъ счетъ традиціоннаго преданія—конечно, въ его основной сущности, съ отрицаніемъ очевидныхъ вымысловъ и преувеличеній.

Прежде всего не вполнѣ правъ Петровъ въ своемъ общемъ положеніи, подвергая сомнѣнію вообще всѣ преданія, говорящія объ иноземномъ происхожденіи русскихъ знаменитыхъ боярскихъ фамилій (благодаря московскому стереотипному термину „выѣзжій изъ прусъ“). Если въ отношеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фамилій сомнѣніе Петрова и имѣетъ право на существованіе, то ужъ по отношенію къ большинству ему едва-ли должно быть мѣсто. Довольно взглянуть въ наши родословныя книги, чтобы убѣдиться, какое множество иноземныхъ и даже иновѣрныхъ родовъ просачивалось во всѣ времена многовѣковой русской исторіи въ наши—служилый и правительственный классы. Этотъ процессъ начался съ самаго основанія (если не раньше) перваго русскаго княжества, когда отважные норманны—„варяги“ захватили военно-политическую власть въ славянскихъ приднѣпровскихъ торговыхъ городахъ (общеизвѣстный историческій фактъ),—и продолжается до сихъ поръ: Россія и сейчасъ привлекаетъ иностранцевъ всѣхъ интеллигентныхъ цвѣтовъ своими сказочными природными богатствами и благосклоннымъ отношеніемъ къ послѣднимъ со стороны менѣе культурныхъ русскихъ, сулящимъ имъ всевозможныя привилегіи и матеріальныя выгоды. Здѣсь мы видимъ и нѣмецкихъ колонистовъ, постепенно заселяющихъ южно-западныя губерніи, противъ чего правительство рѣшило было бороться еще осенью 1910 года, [1])—и всевозможныхъ комиссіонеровъ и концессіонеровъ (бельгійскія, американскія и иныя общества),—и офицеровъ, и профессоровъ и т. д., и т. д.

Что же касается того періода нашей исторіи, о которомъ говоритъ Петровъ, т. е. XIV—XVI вв.—(время возвышенія Московскаго княжества и собиранія Руси), то притокъ ратныхъ иноземцевъ былъ тогда особенно силенъ—въ виду почти безпрерывной борьбы

---

[1]) Объяснит. записка прем.-мин. Столыпина къ правительственному предположенію ограничить притокъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Волынскую губ.—Биржев. Вѣдом.—Вечерн. выпускъ, 26 окт. 1910 г.

Москвы то съ внѣшними врагами, то съ удѣльными князьями. Не заглядывая въ родословную книгу, можно на память привести для примѣра извѣстныя въ это время иноземныя фамиліи—кн. Глинскіе, кн. Черкасскіе, масса татарскихъ царьковъ и князей—Шигъ—Алей, Урусовы и др. Изъ историковъ нашихъ, подтверждающихъ этотъ наплывъ со всѣхъ сторонъ на московскую службу ратныхъ, служилыхъ людей—какъ изъ удѣльныхъ княжествъ, такъ и изъ иноземныхъ государствъ—въ означенный періодъ, укажемъ на В. О. Ключевскаго, какъ на историка именно боярскаго, правительственнаго класса: „съ Волыни,—говоритъ онъ,— шли Волынскіе (служилые люди и бояре), изъ Кіева Квашнины, Разладины..., изъ Орды Сабуровы съ Годуновыми, Старковы, Сорокоумовы и Бѣлеутовы, изъ Крыма Ховрины—Головины, изъ Литвы князья Патрикѣевы съ позднѣйшими отраслями..., изъ Пруссіи Кошкины съ отраслями своими и др.“ [1]).

Далѣе, Петровъ утверждаетъ,—что ни Пруссіи, ни прусской народности до 1700 года не существовало, и что „выходцевъ изъ прусъ“ надо искать, поэтому, на прусской улицѣ въ Новгородѣ. Тутъ, очевидно, какое-то недоразумѣніе. Преданіе не говоритъ: „изъ Пруссіи“ или „изъ прусскаго государства“, а всего лишь: „изъ прусъ“ или „изъ нѣмецъ“, [2]) разумѣя здѣсь вообще жителей восточной части нынѣшней Германіи, извѣстныхъ еще съ конца X вѣка подъ именемъ пруссаковъ или пруссовъ [3]). Петровъ, повидимому, не допускаетъ существованія того или другого племени или націи безъ организаціи ихъ въ національное государство,—нѣтъ самостоятельнаго государства—нѣтъ, по его мнѣнію, и народности. Между тѣмъ какъ и наши предки—славяне—жили въ свое время только племенами и родами, однако существованіе славянъ, какъ націи, никто не отрицалъ ни въ далекомъ прошломъ, ни теперь. Въ настоящее время большимъ опроверженіемъ теоріи Петрова является фактъ существованія еврейской національности безъ еврейскаго самостоятельнаго государства. И нашимъ предкамъ, несомнѣнно, было извѣстно объ этихъ пруссахъ, хотя послѣдніе и не были тогда организованы еще въ настоящее государство,—на что указываетъ и самое существованіе въ Новгородѣ названій „прусской улицы“, „прусскаго пути“, очевидно произведенныхъ отъ слова „прусъ“. Селифонтовъ, авторъ „Сборника матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳ. Романова“, относительно происхожденія прусской улицы и ея участка въ Новгородѣ приводитъ мнѣніе Передольскаго („Новгородскія Древности), по которому въ этомъ участкѣ селились среди прочихъ и выходцы изъ Помераніи, Штетина и Литвы“ [4]).

---

[1]) Ключевскій.—Б. Д., 168.
[2]) Барсуковъ.—Родъ Шеремет., 1—2.
[3]) Кампенгауз.—Сб. Селиф., 165.
[4]) Сб. Селиф., 317 (прим.).

Кромѣ этого, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются и прямыя указанія на пруссовъ., Напр., подъ 1410 г. говорится, что князь Витовтъ съ королемъ лятскимъ воевалъ съ прусской ратью и побѣдилъ ее [1]); подъ 1448 г. упоминается даже король прусскій [2]); подъ 1410 же годомъ упоминаются пруссы отдѣльно отъ нѣмцевъ (значитъ—безусловно различаются одни отъ другихъ)—„съ нѣмцы и съ пруссы“ [3]) Есть указаніе на пруссовъ даже въ самомъ началѣ XIV вѣка, въ 1305 г.—„пруссы и мазошане“ [4]).

Что касается переработки со временъ Грознаго прежняго термина „выѣзжій изъ прусъ“ въ новый „изъ нѣмецъ“, то нѣтъ нужды видѣть въ этомъ просвѣтленіе московскаго грамотѣя, якобы уразумѣвшаго, наконецъ, что пруссовъ не было на самомъ дѣлѣ и нѣтъ, и что нужно замѣнить это ошибочное слово всѣмъ знакомымъ и соотвѣтствующимъ истинѣ—„нѣмецъ“. Новый терминъ появляется и становится наряду съ прежнимъ со второй половины XVI в., по нашему мнѣнію, просто потому, что пруссы были болѣе извѣстны русскимъ въ прежніе вѣка—(XIV, XV), когда Русь была особенно замкнута для иностранцевъ и соприкасалась лишь съ ближайшими сосѣдями, между которыми были и пруссы, а съ половины XVI вѣка въ Россію начинаютъ пріѣзжать и становятся повсемѣстно извѣстными „нѣмцы“, каковымъ именемъ московиты называли почти всѣхъ представителей германской расы—будутъ-ли то шведы, будутъ-ли англичане или въ собственномъ смыслѣ—германцы. Эти то „нѣмцы“, поселившись въ московскомъ государствѣ въ качествѣ врачей, аптекарей, техниковъ, офицеровъ и т. д., и вытѣснили собой въ представленіи русскаго человѣка прежнихъ пруссовъ, которые, разумѣется, вовсе не прекращали вслѣдствіе этого своего историческаго существованія. Естественно, поэтому, что нѣкоторые грамотѣи московскіе стали *запънять съ этого времени*—и то иногда—выраженіе „изъ прусъ“ выраженіемъ болѣе понятнымъ и популярнымъ, хотя бы и не точнымъ на самомъ дѣлѣ—„изъ нѣмецъ“.

Не отрицая, затѣмъ, того, что новгородцы дѣйствительно въ томъ или иномъ количествѣ переселялись съ XIV в. въ Москву, на службу вел. кн. московскаго, мы должны, однако, больше чѣмъ подвергнуть сомнѣнію тотъ выводъ г. Петрова, что „едва-ли не большинство новгородцевъ съ начала XIV вѣка находило пріютъ и поле дѣятельности въ Москвѣ“, и что „въ XV в. новгородскіе роды въ Москвѣ занимали на поприщахъ администраціи едва-ли не преобладающее значеніе и *во всякомъ случаѣ были выше многихъ* потомковъ князей

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 201; V, 58.
[2]) Ibid., IV, 213.
[3]) Ibid., VIII, 85.
[4]) Ibid., II, 227.

Рюрикова дома". Первая часть этого заключенія страдаетъ неопредѣленностью или по меньшей мѣрѣ—неточностью. О какомъ здѣсь большинствѣ новгородцевъ идетъ рѣчь?—Судя по тому, что этой фразѣ у Петрова предшествуетъ то положеніе, что „Новымъ городомъ управляли немногіе аристократическіе роды", можно полагать, что онъ разумѣетъ здѣсь всю оппозицію на вѣчѣ этимъ немногимъ родамъ, но въ такомъ случаѣ странно, почему Новгородъ продолжалъ процвѣтать и въ XIV вѣкѣ, когда, по Петрову, большинство новгородцевъ покинуло городъ и переселилось въ Москву?! Выводъ получается весьма и весьма странный.

Противъ второй части вывода Петрова полагаемъ вполнѣ достаточнымъ сослаться на историка—спеціалиста В. О. Ключевскаго, утверждающаго какъ разъ обратное тому, что вывелъ Петровъ. Говоря о наплывѣ на службу къ московскому великому князю покоренныхъ удѣльныхъ князей и потомковъ великихъ князей съ XV вѣка, Ключевскій, между прочимъ, констатируетъ, что Кошкины являются „единственной нетитулованной боярской фамиліей, которая не потонула въ потокѣ новыхъ титулованныхъ слугъ, нахлынувшихъ къ московскому двору съ половины XV вѣка", [1]—значитъ — всѣ остальныя нетитулованныя фамиліи, въ томъ числѣ, конечно, и новгородскія, потонули въ этомъ потокѣ. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ-же лекцій Ключевскаго мы читаемъ, что съ наплывомъ массы удѣльныхъ князей въ Москву московское боярство распалось на три слоя,—и къ первому слою относились лишь потомки бывшихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ; нетитулованное же боярство было оттѣснено князьями на задній планъ [2]). Въ „Боярской же Думѣ" Ключевскій, говоря на туже тему, высказывается еще категоричнѣе: „вездѣ на первыхъ мѣстахъ государственнаго управленія стоятъ почти одни служилые князья, и только какой-нибудъ Воронцовъ изъ старой первостепенной боярской фамиліи Москвы Вельяминовыхъ, да столь же знатные Кошкины еще держатся кое-какъ на поверхности служилаго потока" [3]).

Таковы, при критическомъ отношеніи, общія положенія Петрова по интересующему насъ вопросу. Также мало обоснованы и неубѣдительны построенія его въ частности и относительно Андрея Кобылы.

Какія, на самомъ дѣлѣ, объективныя основанія, по которымъ Петровъ связалъ и отожествилъ три до сихъ поръ разграничиваемые момента-дату 1146 г. (упоминаніе о кіевскомъ тіунѣ Ратшѣ), пріѣздъ „изъ нѣмецъ" въ княженіе Александра Невскаго „мужа честна"—Ратши и прадѣда Андрея Кобылы, жившаго, по преданію, въ Прус-

---

[1]) Ключевскій—Курсъ, рус. ист.. III, 78—79.
[2]) Ibid., II, 176.
[3]) Ключев.—Бояр. Дума, 212.

сіи? Кромѣ теоретическихъ, чисто субъективныхъ разсужденій, никакихъ объективныхъ предпосылокъ мы не видимъ.

Въ вышеупомянутомъ родословцѣ XVI вѣка о Ратшѣ опредѣленно сказано, что онъ пришелъ на русскую службу именно „во дни благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго“, т. е. въ пятидесятые или шестидесятые годы XIII вѣка, такъ какъ Александръ Невскій умеръ въ 1263 или 1264 г., прокняживши, по лѣтописи, десять только лѣтъ [1]). А между тѣмъ кіевскій тіунъ Ратша живетъ и дѣйствуетъ лишь въ первой половинѣ XII вѣка. Г. Петровъ приписываетъ эту разницу извращенію позднѣйшихъ писателей и списателей, „не имѣвшихъ понятія о возможности повѣрки родословныхъ показаній хронологіею“. Но сколь ни достовѣренъ фактъ извращенія древними русскими грамотѣями нашей хронологіи, все-же кажется невѣроятнымъ, чтобы они допустили такую грубую ошибку (болѣе ста лѣтъ),—тѣмъ болѣе что оба факта—и кіевскій тіунъ, и жизнь кн. Александра Невскаго, какъ моменты выдающіеся—были запечатлѣны въ русской лѣтописи и, т. о., были извѣстны нашимъ древнимъ книжникамъ—писателямъ. Правда, послѣдніе поражаютъ своей отсталостью и невѣжествомъ во всемъ, что касается тогдашней объективной науки,—но нельзя того же сказать объ ихъ отношеніи къ фактамъ родной, русской исторіи. „Да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу“—не было лишь „pium desiderium“ въ устахъ монаха—лѣтописца,—на отдѣльныхъ примѣрахъ (царь Иванъ Грозный и др.) и по цѣлому ряду мѣстническихъ дѣлъ можно вполнѣ убѣдиться, что наши „книжные“ предки хорошо знали прошлое своей родины и особенно хранили то, что относится къ генеалогіи дѣдовъ и прадѣдовъ.

Естественнѣе, кажется, было бы для Петрова отожествить Ратшу изъ родословца съ другимъ Ратшей, тоже новгородцемъ, но современникомъ Александра Невскаго. Этотъ другой Ратша упоминается подъ 1268 г., когда его убили взбунтовавшіеся новгородцы [2]),—и слѣдовательно—болѣе подходитъ къ Ратшѣ изъ родословца по времени. Однако Петровъ оставляетъ въ покоѣ этого Ратшу и останавливаетъ свое вниманіе на кіевскомъ тіунѣ. Не трудно понять, почему онъ такъ дѣлаетъ: онъ не нашелъ возможнымъ отвергнуть дѣйствительное существованіе указанныхъ въ родословцѣ прямыхъ потомковъ Ратши—Якуна, Алексы и т. д., а уложить въ одно столѣтіе—съ половины XIII вѣка до половины XIV (до Андрея Кобылы)—семь поколѣній Петровъ, конечно, не могъ. Поэтому ему и пришлось углубиться еще на одно столѣтіе и взять Ратшу 1146 года [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 58; IV, 38, 39; X, 143.
[2]) Ibid., III, 60; V, 194.
[3]) Барсук.—Обз. источн. и лит. рус. род., 54.

Насколько непрочна почва, на которой стоитъ Петровъ въ своихъ построеніяхъ, свидѣтельствуютъ уже тѣ противорѣчія и натяжки, къ которымъ онъ принужденъ прибѣгать для того, чтобы придать своей теоріи хоть внѣшній видъ стройности и убѣдительности. Въ родословной таблицѣ, составленной Петровымъ [1]), Алекса—Гориславъ (въ монашествѣ св. Варлаамъ Хутынскій) показанъ на третьемъ мѣстѣ, слѣдовательно—внукомъ Ратши, какъ и требуетъ того указанный родословецъ, а между тѣмъ только что предъ этой таблицей Петровъ доказывалъ, что „Алекса—св. Варлаамъ былъ братъ посадника Михаила Степановича", т. е.—Якуна, и, значитъ, тоже—сынъ, а не внукъ Ратши. Гдѣ же правильнѣе? [2]).

Затѣмъ, чтобы согласовать какъ нибудь лѣтописныя сказанія о новгородскихъ дѣятеляхъ и показанія родословца и выдержать, т. о., главный принципъ свой въ этомъ отношеніи, Петровъ, не указывая въ свое оправданіе никакихъ источниковъ, какъ будто рѣчь идетъ о вещи, уже всѣмъ извѣстной, утверждаетъ, что имена Якунъ и Ратша суть только народныя прозванія, а по настоящему: Якунъ—это Михаилъ Степановичъ, посадникъ новгородскій, а Ратша—Стефанъ, отецъ предыдущаго. Не видя объективныхъ основаній для такого отожествленія, мы въ правѣ усомниться и видѣть въ данномъ случаѣ просто натяжку автора для указанной уже цѣли. [3])

Очевидно въ тѣхъ же видахъ Петровъ споритъ и съ положительными, общепринятыми фактами нашей исторіи. По сказанію лѣтописи—св. Варлаамъ Хутынскій умеръ 6 ноября 1193 г. (6701) [4]), по Петрову же—препод. Варлаамъ умеръ позднѣе 1215 года, а въ таблицѣ на стр. 8 поставленъ еще, какъ предполагаемый, и 1243 г. Почему Петровъ игнорируетъ лѣтописныя указанія и замѣняетъ ихъ своими предположеніями—неизвѣстно.

Наконецъ, и категорическое утвержденіе Петрова, что Андрей Кобыла по отцѣ былъ Ивановичъ, подлежитъ еще сомнѣнію, такъ какъ лѣтописи наши объ отцѣ Андрея ничего не говорятъ, а преданія, въ лицѣ родословныхъ, разногласятъ о немъ. Одни называютъ его Иваномъ, какъ, напр., поколѣнная роспись Шереметевыхъ, поданная въ Разрядъ въ 1686 г. [5]), а другія—Михаиломъ, какъ, напр., преданіе о прародителѣ Шереметевыхъ, общемъ съ Романовыми, записанное кн. Курбскимъ [6]), или родословные списки въ „Книгѣ о древностяхъ Россійскаго государства" [7]). Можно-ли теперь отбросить одно,

---

[1]) Ист. род. рус. двор., 8.
[2]) Барсук.—Обз. ист. и лит. рус. род., 54—55.
[3]) Ibid., 54
[4]) П. С. Р. Л., IV, 17.
[5]) Барсук.—Родъ Шеремет., 2.
[6]) Сказ. Курбскаго, 108.
[7]) Барсуковъ.—Обз. источн. и лит. рус. род., 55.

какъ ложное, а другое по произволу признать за истинное, когда обѣ версіи преданія идутъ изъ глубокой старины и обѣ имѣютъ одинаковое право почитаться за истинныя?!

Изъ сказаннаго видно, что попытка Петрова не достигла цѣли—порвать съ традиціей и провести новую точку зрѣнія въ разбираемомъ вопросѣ. Не только въ легендарномъ матеріалѣ, но и въ положительномъ, не подлежащемъ уже сомнѣнію, у него встрѣчается масса погрѣшностей—и погрѣшностей весьма крупныхъ для историка[1]).

Изъ другихъ авторовъ, аналогично съ Петровымъ утверждающихъ русское происхожденіе родоначальника Романовыхъ, можно упомянуть Иловайскаго да, пожалуй, Лихачева. Иловайскій ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что въ преданіи объ иноземномъ происхожденіи Андрея Кобылы и другихъ знаменитыхъ боярскихъ фамилій онъ видитъ только „тенденцію бояръ выводить своихъ предковъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ... какъ подражаніе царствующему дому, который, согласно съ лѣтописной легендой, велъ свое происхожденіе отъ знатныхъ варяговъ“. “Въ XVI в. эта легенда,—говоритъ Иловайскій,—видоизмѣнилась желаніемъ Василія Ивановича и Ив. Грознаго произвести свой родъ отъ миѳическаго Пруса, брата римскаго императора Августа. По всей вѣроятности въ подражаніе своимъ царямъ въ томъ же столѣтіи нѣкоторыя боярскія фамиліи, въ ихъ числѣ и Романовы—Юрьевы, въ родословныхъ начали показывать своихъ предковъ выѣзжими изъ прусъ“ [2]).—Никакой попытки доказать русское происхожденіе Андрея Кобылы историческими документами и фактами, подобной попыткѣ Петрова, мы у Иловайскаго не видимъ. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ онъ высказываетъ то же самое положеніе, какое мы встрѣчали и у Петрова—именно, что всѣ эти выходцы „изъ прусъ“ и „изъ нѣмецъ“ суть тоже русскіе. Поэтому, то. что нами сказано было по поводу главныхъ положеній Петрова, относится равнымъ образомъ и къ утвержденію Иловайскаго.

Что же касается Лихачева, то онъ заявляетъ лишь о своей солидарности съ тѣми историками, которые считаютъ вымысломъ сказанія нашихъ родословныхъ о боярскихъ выѣздахъ „изъ прусъ“ [3]).

III.

Если мы нашли попытки Петрова и ему подобныхъ не достигшими цѣли, то это еще не значитъ, конечно, что всѣ легенды и преданія по поводу происхожденія Андрея Кобылы признаются доселѣ

---

[1]) Ibid., 55—58.
[2]) Иловайскій—См. вр., 315.
[3]) Лихачевъ.—Разр. дьяки, 404.

за достовѣрныя и истинныя во всей своей полнотѣ. Историки, и признающіе въ принципѣ иноземное происхожденіе родоначальника фамиліи Романовыхъ, относятся, однако, критически къ деталямъ родословныхъ преданій, очищая ихъ отъ несомнѣнныхъ вымысловъ и позднѣйшихъ извращеній и возстановляя, такимъ образомъ, первобытную историческую истину болѣе или менѣе правдоподобно. Они совершенно правильно разсуждаютъ, что „если, за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, недозволительно слѣпо довѣряться легендѣ, то несправедливо и отвергать ее безусловно, якобы выдумку невѣждъ“ [1]), такъ какъ „почти никакая... молва или никакой слухъ не рождаются изъ ничего, а тѣмъ болѣе сказаніе о чемъ-либо видѣнномъ отцемъ и переданное имъ сыну, а отъ сего послѣдняго дошедшее до внука, правнука и т. д.“ [2]). Къ такимъ историкамъ, раздѣляющимъ въ принципѣ родословныя сказанія объ иностранномъ происхожденіи Андрея Кобылы, за вычетомъ очевидныхъ нелѣпостей въ деталяхъ, принадлежитъ прежде всего баронъ Кампенгаузенъ. Онъ еще въ 1805 г. издалъ въ Лейпцигѣ свою „Генеалогическо—хронологическую исторію Пресвѣтлѣйшаго Дома Романовыхъ“ [3]), въ которой далъ подробный разборъ существующихъ преданій и легендъ о прапредкахъ Андрея Кобылы.

Во всѣхъ сказаніяхъ и преданіяхъ, относящихся къ данному вопросу, Кампенгаузенъ видитъ вольное или невольное извращеніе историческихъ событій, особенно же хронологіи, и указываетъ, между прочимъ, слѣдующія отдѣльныя искаженія. По преданію, Прутено или Войдевудъ, изъ племени алановъ, принимаетъ верховную власть надъ страной въ 305 году, причемъ отъ момента поселенія этого племени, разбитаго сикамбрами, въ предѣлахъ Пруссіи прошло довольно порядочно уже времени. „Между тѣмъ, говоритъ Кампенгаузенъ, извѣстно, что горькая судьба, постигшая алановъ на Рейнѣ, имѣла мѣсто въ концѣ 4-го вѣка“ [4]).

Затѣмъ, преданіе, какъ мы видѣли, изображаетъ вокняженіе Войдевуда или Прутено надъ прусско-аланскимъ народомъ совершившимся мирнымъ путемъ, безъ всякаго противодѣйствія со стороны алановъ и ихъ союзниковъ—туземцевъ, принужденныхъ якобы къ избранію общаго предводителя или князя раздорами, возникшими среди нихъ. На это Кампенгаузенъ возражаетъ, что, если и признать, что раздоры между союзниками могли побудить ихъ къ избранію одного общаго князя, то все-же кажется неправдоподобнымъ, чтобы „всѣ родственныя между собой племена, жившія между Вислою и

---

[1]) Барсуковъ.—Обз. ист. и лит. рус. род., 53.
[2]) Кампенгауз.—Сб. Селиф., 177.
[3]) Ibid., 111—271.
[4]) Сб. Селиф., 173.

Двиною, и между балтійскимъ прибрежьемъ и южною частью Польши и западною Россіи, ведшія кочевой образъ жизни, слѣдовательно разбросанныя по разнымъ кочевьямъ, помимо войны и помимо покоренія ихъ внѣшнею силой, подчинились совершенно добровольно власти повелителя всей прибрежной страны—Войдеводы". [1]) Только легенда можетъ объяснять такъ появленіе княжеской или королевской власти.

Но сквозь мракъ легендарныхъ вымысловъ, искаженій и преувеличеній, чрезъ поэтическую пленку, окружающую прапредковъ дома Романовыхъ, Кампенгаузенъ пытается уловить своимъ взглядомъ и зерно исторической истины. Для этого онъ всѣми возможными мѣрами и средствами „очищаетъ устное преданіе" отъ разныхъ „пятенъ и дефектовъ", осторожно разбираетъ легендарныя данныя, провѣряетъ, сравниваетъ ихъ съ достовѣрными уже историческими фактами и т. д. И путемъ такого „взвѣшиванія" легендарной „исторіи" Кампенгаузенъ приходитъ къ слѣдующему выводу.

По его мнѣнію, много-много лѣтъ назадъ, въ то время, когда прусско-литовскій народъ жилъ еще мирно и безмятежно, безъ притѣсненій со стороны сосѣдей, на прусскомъ прибрежьѣ Балтійскаго моря высадилась большая „ватага храбрыхъ мореходцевъ". Когда произошла эта высадка—въ точности неизвѣстно, „но,—говоритъ Кампенгаузенъ,—по всей вѣроятности, гораздо позднѣе, нежели сообщаетъ вышеприведенныя легенда" [2]). Кампенгаузенъ полагаетъ при этомъ, что эти „храбрые мореходцы", высадившіеся въ предѣлахъ Пруссіи, были „не аланы, а норманны или варяги, которые именно въ 9 и 10 вѣкахъ, придя изъ Скандинавіи, воевали во многихъ морскихъ прибрежныхъ странахъ Европы, расширяли свое владычество и основали нѣсколько государствъ, но въ разныхъ мѣстахъ были оттѣснены" [3]). Съ послѣднимъ согласно и преданіе, по которому „эти новые гости, удалившіеся первоначально съ морскихъ береговъ западной Германіи и изъ нидерландской земли, вернулись на прежнюю родину, сосѣдственную пруссо-литовскому народу (я же къ этому прибавляю — говоритъ Кампенгаузенъ —высадились нѣсколько на сѣверо-востокъ, невдалекѣ отъ пруссо-литовскихъ земель)" [4]). Эти пришельцы, по убѣжденію Кампенгаузена—норманны, отличались воинственностью и отвагой; изъ ихъ среды выходили „опытные вожди дикихъ народовъ" [5]). Будучи по природѣ своей грубы и невоспитанны, эти отважные воины, благодаря частымъ стычкамъ съ цивилизованными людьми, постепенно культивируются. Это обстоятельство, въ связи съ природной отвагой и воинственностью норманновъ, дѣлаетъ

---

[1]) Ibid.
[2]) Сборн. Селиф., 181.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

ихъ почти непобѣдимыми въ борьбѣ съ некультурными народами, которые должны уступать не только предъ ихъ военными способностями, но и предъ ихъ нравственнымъ превосходствомъ. Отсюда—норманскіе вожди легче, чѣмъ иные полководцы, становятся во главѣ тѣхъ или другихъ некультурныхъ или малокультурныхъ племенъ и народовъ. По этой причинѣ, по мнѣнію Кампенгаузена, и прусско-литовскій народъ избралъ себѣ князя именно изъ норманновъ. [1])

Что касается имени „Войдеводъ“, которымъ надѣляетъ преданіе перваго прусско-литовскаго князя, то Кампенгаузенъ видитъ здѣсь не собственное имя какого-либо вождя или князя, а нарицательное—„воевода“ (если исключить изъ слова „Войдеводъ“ литеру „д“), сохранившееся до сихъ поръ въ литовскихъ и славянскихъ языкахъ, какъ общее обозначеніе предводителей войскъ [2]). Собственнаго имени перваго прусско-литовскаго князя—норманна, т о., мы не знаемъ,—равно какъ не знаемъ и его ближайшихъ преемниковъ и соправителей. Прутено, Литталанусъ, Саймо, и т. п., по мнѣнію Кампенгаузена, не болѣе—какъ миѳическіе, воображаемые лишь, субъекты [3]).

О томъ, какъ правилъ страной этотъ норманнъ—князь, можно лишь предполагать—и то болѣе или менѣе приблизительно. Какъ варягъ, слѣдовательно—человѣкъ сравнительно съ пруссами образованный, первый прусско-литовскій князь, какъ думаетъ Кампенгаузенъ, возвелъ своихъ подданныхъ „на первую степень культуры“, т. е. научилъ ихъ земледѣлію, нѣкоторымъ ремесламъ, грамотѣ и пр. Вмѣстѣ съ этимъ онъ постарался, конечно, и о томъ, чтобы возможно болѣе распространить свое господство надъ прусско-литовскими племенами и какъ можно прочнѣе утвердить въ своемъ родѣ верховную власть. Съ послѣдней цѣлью въ завоеванныхъ областяхъ онъ ставилъ правителями своихъ родственниковъ и преданнѣйшихъ товарищей, подобно тому, какъ потомъ поступилъ на Руси тоже норманнъ—Рюрикъ. Такимъ образомъ, на ряду съ представителями главнаго княжескаго рода въ прусско-литовскомъ государствѣ существовали владѣтельные роды потомковъ областныхъ правителей перваго князя.

Съ точки зрѣнія своей теоріи о норманскомъ происхожденіи перваго прусско-литовскаго князя Кампенгаузенъ смотритъ и на преданіе о переселеніи въ началѣ X вѣка какихъ-то итальянцевъ, подъ предводительствомъ Палямона, въ предѣлы Пруссіи. „Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, что тѣ итальянцы, о которыхъ говоритъ преданіе, что они высадились у р. Мемеля и затѣмъ обосновали въ Литвѣ свое владычество, были ничто иное, какъ норманны, которымъ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

не понравилась жизнь въ Италіи и которые потому и вернулись на сѣверъ“ [1]). А „извѣстно,—говоритъ Кампенгаузенъ,—что въ половинѣ XI вѣка въ неаполитанской землѣ и въ Сициліи норманны (дѣйствительно) основали государство“ [2]). Значитъ, преданіе ошиблось лишь въ хронологіи да въ названіи національности переселенцевъ,—но фактъ этаго переселенія, очевидно, имѣлъ мѣсто въ исторіи.

Въ пользу своего предположенія о переселеніи именно норманновъ, а не природныхъ итальянцевъ, Кампенгаузенъ указываетъ на невѣроятность того, „чтобы итальянцы могли промѣнять свою пріятную и образованную Италію на дикій и неразвитой сѣверъ“ [3]) Невѣроятно также, чтобы грубые и воинственные пруссо-литовцы могли допустить надъ собой господство такихъ изнѣженныхъ людей, какъ итальянцы, да еще только что переселившихся въ Пруссію. Съ точки же зрѣнія Кампенгаузена становится, дѣйствительно, вполнѣ правдоподобнымъ не только сліяніе этихъ переселенцевъ изъ Италіи (т. е. норманновъ) съ жителями прусско-литовскаго государства, но даже и то, что въ ихъ руки со временемъ перешла и часть верховной власти, такъ какъ первымъ княземъ прусско-литовскимъ, по его мнѣнію, былъ тоже норманнъ [4]).

Господство норманновъ въ прусско-литовскомъ государствѣ продолжалось до XIII вѣка, когда пруссы своими военными набѣгами на сосѣднія нѣмецкія земли вызвали горячій отпоръ со стороны жителей послѣднихъ. Конрадъ, герцогъ Мазовіи, первый повелъ войну противъ зарвавшихся сосѣдей и положилъ начало завоеванію Пруссіи. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь сначала меченосцевъ, а потомъ рыцарей Нѣмецкаго или Маріинскаго ордена, и въ результатѣ въ восьмидесятыхъ годахъ XIII вѣка, послѣ упорной и кровопролитной борьбы, Пруссія была завоевана Нѣмецкимъ орденомъ въ союзѣ съ меченосцами. Жители Пруссіи были крайне стѣснены, а ихъ князья и областные правители, потомки отважныхъ норманновъ, частью были арестованы и заключены по тюрьмамъ, а частью удалились добровольно въ сосѣднія государства.

Къ числу послѣднихъ Кампенгаузенъ относитъ и Гланду Дивоновича Камбилу, предполагаемаго родоначальника бояръ Романовыхъ, тоже потомка древнихъ державцевъ—норманновъ, бѣжавшаго, по завоеваніи Пруссіи, въ Россію. Кампенгаузенъ считаетъ его несомнѣннымъ основателемъ рода Кобылиныхъ—Кошкиныхъ—Романовыхъ и указываетъ даже мѣсто первоначальнаго его державства. „Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по симъ вопросамъ сходство показа-

---

[1]) Ibid. 183.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 183, 185.

ній,—читаемъ у него,—которыя мы находимъ какъ во многихъ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріалахъ и актахъ—дозволяетъ съ увѣренностью установить, что Гланда (или Гландалъ) Камбила Дивоновичъ былъ не только пращуромъ или основателемъ прародительскаго рода Романовыхъ, но что онъ былъ и выходцемъ изъ Самогитіи и сосѣдней съ нею Зюдъ—ауэръ—ляндіи [1]); былъ въ этихъ странахъ державцемъ и, по преданію, принадлежалъ къ княжескому роду, съ древнихъ временъ вокняжившемуся надъ прусско-литовскими племенами“ [2]).

Въ достовѣрности преданія о принадлежности Гланды Дивоновича къ древнѣйшему владѣтельному дому убѣждаетъ Кампенгаузена то, во-первыхъ, соображеніе, что по части генеалогическихъ данныхъ преданія вообще наиболѣе заслуживаютъ довѣріе историка. „Могло-ли въ данномъ случаѣ, говоритъ онъ, зародиться и потомъ удерживаться ложное преданіе, когда оно могло быть въ самомъ началѣ уничтожено протестомъ дѣйствительныхъ членовъ рода, которымъ навязывали чужеродцевъ“? [3]) Не только у народовъ культурныхъ, но и у варваровъ потомки чѣмъ-либо прославившихся личностей—князей, полководцевъ и т. п.—обыкновенно выдѣляются народнымъ сознаніемъ въ особую категорію,—и, т. о., предохраняются отъ привнесенія—случайнаго или намѣреннаго—въ ихъ среду лицъ посторонних, лицъ другого корня. Во-вторыхъ, въ пользу вышеупомянутаго преданія Кампенгаузенъ указываетъ на изображенія родового герба Гланды Дивоновича, подтверждающія, что его предки были нѣкогда дѣйствительно верховными властелинами. Этотъ родовой гербъ заключаетъ въ себѣ эмблемы именно княжеской власти—корону, скиперъ, державу и священный дубъ, почитавшійся у пруссовъ, самогитовъ и куроновъ особенно священнымъ. Эти эмблемы,—оговаривается Кампенгаузенъ,—впрочемъ, не значатъ еще, чтобы предки Гланды Дивоновича на самомъ дѣлѣ носили ихъ,—цѣль ихъ изображенія на гербѣ та лишь, чтобы показать потомкамъ, какими владѣтельными князьями были ихъ первые предки [4]).

Такимъ образомъ, Кампенгаузенъ считаетъ Гланду Дивоновича, во-первыхъ, родоначальникомъ Романовыхъ, и, во-вторыхъ, потомкомъ древнихъ пруско-литовскихъ князей—норманновъ, господствовавшихъ съ давнихъ поръ въ разныхъ областяхъ Пруссіи, Самогитіи и Литвы. Вопросъ о томъ, въ какой именно области прусско-литовскаго государства княжилъ самъ Гланда прежде бѣгства своего въ предѣлы Россіи, Кампенгаузенъ рѣшаетъ такъ. Составитель Общаго Гербов-

---

[1]) Или: Судавіи.—Прим. Селифонтова.
[2]) Сб. Селиф., 191, 193.
[3]) Ibid., 193.
[4]) Ibid., 193, 195.

ника дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи и нѣкоторые другіе авторы,—говоритъ онъ,—считаютъ Гланду владѣтелемъ Судавіи и Самогитіи и прибытіе его въ Россію относятъ къ XIII вѣку. Имѣя это въ виду, Кампенгаузенъ обращается къ самогитско-литовской исторіи XIII вѣка, перечисляетъ всѣхъ главныхъ и удѣльныхъ князей Самогитіи, жившихъ въ продолженіе всего XIII вѣка, но ни одного державца Самогитіи съ именемъ Гланды, однако, онъ не нашелъ[1]). Послѣднее обстоятельство приводитъ Кампенгаузена къ тому предположенію, что Гланда могъ быть не только великимъ или удѣльнымъ княземъ Самогитіи или Шамаитіи,—какъ княжескій родственникъ, онъ могъ владѣть всего лишь небольшой „землицей“ или помѣстьемъ—по нашему, и, однако, могъ при этомъ носить титулъ владѣтеля Самогитіи и Судавіи—подобно тому, какъ и теперь нѣкоторые князья или герцоги (напр., саксонскіе и голштинскіе герцоги) носятъ громкіе титулы своихъ знаменитыхъ предковъ—князей, хотя сами владѣютъ весьма незначительной частью того, надъ чѣмъ господствовали ихъ прославленные предки. Факты древней прусско-литовской исторіи вполнѣ подтверждаютъ возможность такого явленія въ жизни Гланды, такъ какъ въ этой исторіи мы видимъ тотъ же удѣльный порядокъ въ правленіи страной, какой мы знаемъ и изъ собственной русской исторіи [2]).

Относительно времени переселенія Гланды въ Россію мы находимъ у Кампенгаузена слѣдующія соображенія. Преданія, относящія это переселеніе къ великому княженію Александра Ярославича Невскаго или къ половинѣ XIII вѣка, не могутъ быть приняты за достовѣрныя потому, что, согласно имъ, выходитъ, что Андрей Кобыла (сынъ Гланды), прибывшій вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ Россію и посылавшійся въ 1347 г. [3]) въ Тверь въ качествѣ великокняжескаго свата, былъ при этомъ сватовствѣ около 90—100 лѣтъ,—что совсѣмъ невѣроятно. Затѣмъ, невѣроятнымъ кажется, чтобы Гланда пробылъ въ Россіи около 30 лѣтъ некрещенымъ, такъ какъ его крещеніе преданіе относитъ только къ 1287 году. На основаніи этихъ разсужденій Кампенгаузенъ считаетъ самой вѣроятной ту версію преданія, которая полагаетъ прибытіе Гланды въ послѣдней четверти XIII вѣка, т. е. въ великое княженіе или Василія Ярославича (1272—1276), или Димитрія Александровича (1276—1294) [4]).

Причиной, побудившей Гланду Дивоновича искать убѣжища въ предѣлахъ Россіи, Кампенгаузенъ считаетъ тѣ нападенія рыцарей Нѣмецкаго ордена на владѣнія Гланды, которыя имѣли мѣсто въ промежутокъ времени между 1272 и 1294 годами.

---

[1]) Ibid., 195, 201.
[2]) Ibid., 201—203.
[3]) П. С. Р. Л., VII, 210; X, 218.
[4]) Сборн. Селиф., 203—205.

Итакъ, Кампенгаузенъ признаетъ князя Гланду Камбилу первымъ достовѣрнымъ предкомъ дома Романовыхъ, считаетъ его отцомъ исторически уже извѣстнаго боярина Андрея Кобылы и полемизируетъ съ тѣми историками, которые, подобно г. Миллеру, считаютъ, наоборотъ, Андрея Ивановича Кобылу первымъ родоначальникомъ дома Романовыхъ и ничего не говорятъ о Гландѣ Дивоновичѣ. По мнѣнію Кампенгаузена, ссылка Миллера на родословцы, которые начинаютъ родъ Романовыхъ именно съ Андрея Кобылы, а не съ его отца—Гланды Камбилы, еще не доказываетъ, что Андрей Кобыла первый переселился въ Россію въ своемъ родѣ. Родословцы, какъ извѣстно, не всегда доводились до перваго предка того или другого рода, а лишь до того, который первымъ поступилъ на русскую службу. Возможно, поэтому,—говоритъ Кампенгаузенъ,—что и отецъ Андрея Кобылы, Гланда, хотя и переселился въ Россію, но служилымъ человѣкомъ не былъ,—сынъ же его, Андрей Кобыла, поступилъ на службу. Кампенгаузенъ допускаетъ и другое предположеніе: отецъ Андрея Ивановича могъ поселиться первоначально не въ Москвѣ, а гдѣ-либо на западной окраинѣ Россіи, сосѣдней съ его родиной, и только уже сынъ его переселился въ Москву. Все это, по мнѣнію Кампенгаузена, однако, не ослабляетъ „несомнѣннѣйшихъ“ указаній на фактъ переселенія князя Гланды въ Россію, на его крещеніе, въ которомъ онъ получилъ имя Ивана, а сынъ его—имя Андрея (1287),—и на то, что Гланда именно былъ отцомъ лѣтописнаго Кобылы, равно какъ—что онъ же нѣкогда былъ и княземъ Самогитіи и Литвы [1]). Не противорѣчитъ сдѣланнымъ выводамъ, по мнѣнію Кампенгаузена, и то обстоятельство, что Миллеръ считаетъ Андрея Кобылу не потомкомъ прусско-литовскихъ князей, а просто нѣмецкимъ рыцаремъ, прибывшимъ изъ Пруссіи въ Россію съ цѣлью биться съ невѣрными—татарами [2]). Нѣмецкому рыцарю того времени,—говоритъ Кампенгаузенъ,—не было никакой нужды отыскивать гдѣ-то въ далекой и чуждой ему Россіи объектовъ для приложенія своей военной отваги и миссіонерскаго рвенія,—онъ, какъ истинный католикъ, долженъ былъ начать борьбу не съ язычниками, жившими за тридевять земель отъ него, а съ тѣми окружавшими его сосѣдями, которые не признавали Римскаго вѣроученія, единственно истиннаго въ его глазахъ. Непонятно, какъ онъ, рыцарь—католикъ, идетъ на службу къ православному князю, когда онъ на родинѣ своей могъ устроиться лучше даже и въ матеріальномъ отношеніи. Что же касается разногласія родословныхъ, называющихъ Андрея Кобылу то варягомъ, то нѣмцемъ, то пруссомъ,—каковыя названія, по мнѣнію Миллера, относились тогда къ одному нѣмецкому народу,—то Кампенгаузенъ соглашается, что такое смѣ-

---

[1]) Ibid., 211.
[2]) Ibid., 207.

щеніе названій встрѣчается въ древнихъ письменныхъ памятникахъ Россіи, но тамъ же встрѣчается и такое явленіе, что, если изъ какой либо страны, покоренной врагами, переселялся въ Россію знатный вельможа, то нерѣдко этотъ вельможа по ошибкѣ считался въ Россіи принадлежащимъ къ націи покорителей его страны. Нѣтъ ничего невозможнаго, что такъ случилось и съ Андреемъ Кобылой, ибо русскимъ извѣстно было, что нѣмцы покорили Пруссію [1]).

Такова теорія самого Кампенгаузена о прапредкахъ дома Романовыхъ, предшествующихъ первому исторически-достовѣрному родоначальнику этого дома—московскому боярину временъ вел. кн. Семена Ивановича, Андрею Кобылѣ.—Нельзя не согласиться съ Кампенгаузеномъ въ отдѣлѣ его критики баснословныхъ сказаній о разныхъ Прутено, Вейдевудѣ, Палямонѣ и т. п., какъ фактахъ незасвидѣтельствованныхъ исторіей, о которыхъ, слѣдовательно, можно что угодно сочинять. Но и къ тому, что онъ самъ считаетъ достовѣрнымъ или вѣроятнымъ въ той или иной степени, (напр., о норманнскомъ корнѣ Романовскаго рода, о Гландѣ Камбилѣ, какъ отцѣ Андрея Ивановича и т. д.), нужно относиться безусловно осторожно. Если мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ опровергать теорію Кампенгаузена, то также не имѣемъ основаній считать ее и безусловно истинной.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ историческихъ памятниковъ, относящихся къ жизни прапредковъ Романовыхъ до Андрея Кобылы, и опираясь лишь на одни преданія и родословныя записи, не имѣющія, конечно, абсолютнаго значенія, Кампенгаузенъ, понятно, могъ и ошибиться въ своихъ предположеніяхъ и выводахъ. Не только его предположеніе о норманнахъ, какъ прародителяхъ Андрея Кобылы,—предположеніе, требующее доказательствъ еще,—но и его утвержденія о Гландѣ Дивоновичѣ имѣютъ только большую или меньшую степень вѣроятности, такъ какъ наши лѣтописи о немъ ничего не говорятъ, а въ иностранной литературѣ соотвѣтствующаго времени есть одно лишь упоминаніе о какомъ-то Кабилѣ,—это въ Памятникахъ Варминской (Эрмляндской) исторіи. По словамъ Барсукова, который былъ знакомъ съ упомянутымъ изданіемъ, въ этихъ Памятникахъ находится дарственная запись Эрмляндскаго капитула, данная 23 іюля 1290 года, на владѣніе помѣстьемъ Налабенъ (Nalaben) какому-то Кабилѣ (Cabilo). Причемъ этотъ Кабила со своимъ потомствомъ обязывается, какъ водится въ старинѣ, нести военную службу капитулу „однимъ конемъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ“. Это помѣстье Налабенъ, какъ утверждаютъ издатели Памятниковъ, существуетъ и понынѣ въ видѣ колмской деревни того же названія, въ приходѣ Петерсвальдъ, близъ Мельзака [2]).

---

[1]) Ibid., 207—211.

[2]) Барсуковъ.—Родъ Шеремет., I, 8.

Есть-ли этотъ Кабила то-же самое лицо, о которомъ говорятъ Кампенгаузенъ и Колычевъ, и который, по преданію, былъ отцомъ Андрея Кобылы—ничего положительнаго сказать нельзя. Барсуковъ, напр., склоненъ отожествить упоминаемаго въ Памятникахъ Кабилу съ колычевскимъ Гляндой—Камбилой [1]). Можетъ быть, онъ и правъ,—но навѣрное все же сказать нельзя.

Хотя и у Кампенгаузена, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло лишь съ болѣе или менѣе вѣроятными положеніями и гипотезами, однако, по сравненію съ теоріей Петрова, у него мы находимъ то преимущество, что онъ не рубитъ съ плеча, не отвергаетъ преданій всецѣло, не прибѣгаетъ къ разнаго рода натяжкамъ и т. д., но совершенно правильно ищетъ ключа тамъ, гдѣ онъ сокрытъ, т. е. въ томъ же преданіи. Какъ бы преданіе ни представлялось фантастическимъ, въ основѣ его всегда почти лежитъ вѣрный историческій фактъ, лишь преувеличенный или искаженный суевѣріемъ и невѣжествомъ позднѣйшихъ поколѣній. Заслуга Кампенгаузена и состоитъ въ томъ, что онъ вѣрно указалъ этотъ ключъ въ вопросѣ о прапредкахъ Романовыхъ и совершенно правильно, по нашему мнѣнію, началъ отыскивать ихъ въ прусско-литовскихъ предѣлахъ, а не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ (Новгородъ). Нашелъ-ли онъ дѣйствительнаго отца Андрея Кобылы въ Гландѣ Камбилѣ или нѣтъ—это уже другой и второстепенный вопросъ. Важна основная точка зрѣнія, основной тезисъ, а въ этомъ отношеніи Кампенгаузенъ, производящій предковъ Андрея Кобылы именно отъ прусско-литовскихъ державцевъ, очевидно, ближе всѣхъ стоитъ къ исторической истинѣ.

IV.

Что касается позднѣйшихъ русскихъ историковъ, то они въ большинствѣ своемъ раздѣляютъ основное положеніе Кампенгаузена, какъ наиболѣе согласное съ духомъ вѣковыхъ преданій,—именно, что Андрей Кобыла по происхожденію своему былъ потомокъ какихъ-то прусскихъ вельможъ и, м. б., князей, переселившійся въ Россію единолично или съ отцемъ своимъ. Кн. Петръ. Долгорукій, авторъ „Россійской родословной книги“, такъ, напр., говоритъ о родоначальникѣ Шереметевыхъ, а вмѣстѣ—и Романовыхъ, какъ происшедшихъ отъ одного корня съ первыми: „Существуетъ преданіе, (къ опроверженію коего нѣтъ ни малѣйшаго повода), что родоначальникомъ Шереметевыхъ былъ знатный вельможа изъ земли прусской (West—Preussen), выѣхавшій изъ своего отечества въ Россію и принявшій Св. Крещеніе православной вѣры, между тѣмъ какъ, въ своемъ оте-

[1]) Ibid., 9.

чествѣ онъ происходилъ отъ фамиліи, нѣкогда бывшей владѣтельной“ [1]). Послѣднее, добавляетъ князь, станетъ еще болѣе достовѣрнымъ, если припомнить, что сынъ этого знатнаго вельможи, Андрей Кобыла, былъ бояриномъ въ Москвѣ въ ту именно эпоху, когда этотъ санъ давался исключительно лицамъ знатнаго происхожденія [2]).

Далѣе, уже цитированный нами авторъ „Рода Шереметевыхъ“—А. П. Барсуковъ склоняется, какъ выше сказано, къ отожествленію колычевскаго Кабилы и Кабилы Варминскихъ Памятниковъ съ нашимъ лѣтописнымъ Кобылой, [3]) слѣдовательно, тоже признаетъ въ принципѣ прусско-литовское происхожденіе Романовыхъ. Въ другой своей книгѣ г. Барсуковъ совѣтуетъ (по адресу Петрова) удѣлять больше вниманія разбираемымъ преданіямъ: „не тревожьте напрасно праха вѣковой легенды; не относитесь къ ней надменно“ [4]).

Костомаровъ также придерживается этого мнѣнія, называя Андрея Кобылу, согласно преданію, „выходцемъ изъ прусской земли“ [5]).

Наконецъ и В. О. Ключевскій принимаетъ на вѣру это, освященное вѣками, преданіе о прусско-литовскомъ происхожденіи Андрея Кобылы: „Давно, говоритъ онъ въ своихъ лекціяхъ, еще при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ выѣхалъ въ Москву изъ „Прусскія земли“, какъ гласитъ родословная, знатный человѣкъ, котораго въ Москвѣ прозвали Андреемъ Ивановичемъ Кобылой“ [6]). То-же самое онъ выражаетъ и въ Боярской Думѣ: „Изъ Пруссіи (шли) Кошкины (потомки Кобылы) съ отраслями своими“ [7]).

Резюмируя все вышесказанное, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе относительно предковъ Андрея Кобылы, историческаго родоначальника фамиліи Романовыхъ. Такъ какъ преданія, идущія къ намъ изъ сѣдой старины, согласно указываютъ на прусско-литовскіе предѣлы, какъ на родину предковъ Андрея Ивановича, и—на прусско-литовскихъ владѣтельныхъ державцевъ, какъ на предковъ послѣдняго, и такъ какъ ни историческія событія того времени въ прусско-литовскомъ государствѣ, ни тѣмъ болѣе положительныя письменныя данныя не представляютъ никакихъ основаній къ недопущенію возможности переселенія отца Андрея Кобылы или его самого изъ Пруссіи въ Россію,—наоборотъ, политическое положеніе прусско-литовскихъ земель въ XIII вѣкѣ, ихъ завоеваніе нѣмецкими рыцарями, скорѣе подтверждаетъ преданіе объ этомъ переселеніи, равно какъ и въ письменныхъ памятникахъ старины мы находимъ скорѣе

---

[1]) Кн. П. Долгорукій.—Росс. род. кн., III, 494—495.
[2]) Ibid.
[3]) Родъ Шеремет., 9.
[4]) Барсуковъ.—Обз. ист. и лит. рус. род., 55.
[5]) Костомаровъ.—Руск. ист. въ жизн., отд. I, 729
[6]) Ключевскій.—Курсъ рус. ист., III, 78.
[7]) Ключевскій.—Б. Д., 168.

подтвержденіе (хотя и косвенное) этого преданія, чѣмъ его опроверженіе: то, слѣдовательно, мы въ правѣ признать за истинную основную мысль преданія о прусско-литовскомъ происхожденіи Андрея Кобылы, который самъ, самостоятельно, или съ отцомъ своимъ оставилъ родину, погибшую подъ ударами крестоносцевъ, и поселился въ Москвѣ въ качествѣ служилаго московскаго вел. князя. Это было или въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, какъ можно судить на основаніи фактовъ прусско-литовской исторіи и нашей лѣтописной даты—1347 г. Были-ли предки Андрея Кобылы у себя на родинѣ князьями—неизвѣстно, но одно несомнѣнно, что они были тамъ во всякомъ случаѣ очень знатными вельможами, такъ какъ иначе ихъ потомокъ—Андрей Кобыла—не могъ бы занять такого высокаго и почетнаго мѣста (бояринъ и сватъ великокняжескій), какое онъ занималъ въ Москвѣ.

Что касается разныхъ теорій о норманскомъ, аланскомъ и т. п. корнѣ этихъ предковъ Кобылы,—о Гландѣ Дивоновичѣ Камбилѣ, какъ отцѣ Андрея Кобылы—то все это должно признать только болѣе или менѣе удачными предположеніями, не имѣющими, однако, права на достовѣрность.

Наконецъ, считаемъ излишнимъ доказывать несомнѣнно—миѳическій характеръ разныхъ Прутено, Войдевуда, Недрона и т. д., отъ которыхъ производитъ легендарное преданіе Андрея Кобылу, а чрезъ него—и Романовыхъ.

ГЛАВА II.

I.

До сихъ поръ мы говорили о событіяхъ и лицахъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ—лѣтописяхъ, и потому намъ приходилось вращаться по большей части въ сферѣ предположеній и вѣроятностей, лишь констатируя достовѣрность основного принципа сохранившихся сказаній и преданій, именно того, что свое происхожденіе извѣстные намъ изъ лѣтописей родоначальники Романовыхъ ведутъ изъ Пруссіи отъ какихъ-то владѣтельныхъ вельможъ. Теперь мы перейдемъ къ исторіи предковъ царя Михаила Ѳедоровича Романова, уже извѣстныхъ намъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ—изъ разныхъ лѣтописей нашихъ, памятниковъ дипломатическихъ сношеній, всевозможныхъ сказаній и т. д. Эти предки, слѣдовательно, являются уже безусловно историческими лицами, и притомъ—русскими, такъ какъ жизнь и дѣятельность ихъ проходятъ у насъ, въ русской землѣ.

Первымъ такимъ предкомъ фамиліи Романовыхъ былъ московскій бояринъ половины XIV вѣка, Андрей Кобыла, по отчеству—Ивановичъ, какъ гласятъ нѣкоторыя родословныя [1]). Когда онъ переселился въ Россію—точно сказать нельзя. Вѣроятно—въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ принятъ на службу московскими князьями—тоже ничего неизвѣстно. Наши лѣтописи упоминаютъ о немъ всего лишь одинъ разъ, подъ 1347 годомъ, когда онъ, Андрей Кобыла, по порученію вел. кн. московскаго Семена Ивановича Гордаго, ѣздилъ въ качествѣ великокняжескаго посла въ Тверь за невѣстой вел. князя княжной Маріей Александровной, дочерью велик. кн. тверского Александра Михайловича. „Въ лѣто 6855,—читаемъ мы,—женися князь великій Семенъ Ивановичъ въ третіе, поя за ся княжну Марію Александровну тверского князя; а ѣздиль по нее Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ“ [2]). Но и по одному этому случаю видно, что Андрей Кобыла былъ изъ числа самыхъ приближенныхъ къ великому князю сановниковъ—бояръ. Высокое положеніе Андрея Кобылы при дворѣ вел. кн. московскаго подтверждаетъ лишь наше мнѣніе о его знатномъ происхожденіи.

---

[1]) Напр., родословная по списку Синод. Библіотеки.—Временн. 1851., X, 86.—Нѣкоторыя же родословныя, какъ мы уже указывали, называютъ его по отцѣ—Михайловичемъ.

[2]) П. С. Р. Л., VII, 210.

Въ нашихъ лѣтописяхъ болѣе того, что мы уже сказали, ничего не говорится объ Андреѣ Кобылѣ. Нѣкоторые авторы полагаютъ, что онъ, послѣ поѣздки въ Тверь за невѣстой вел. князя, въ томъ же году отправленъ былъ въ Тверь воеводой [1]). Ни о дальнѣйшей дѣятельности Андрея Кобылы, ни о смерти его ничего неизвѣстно.

А. П. Барсуковъ высказываетъ предположеніе, что сей сватъ государевъ имѣлъ хорошее и обезпеченіе, соотвѣтствовавшее его высокому положенію при дворѣ. Въ качествѣ косвенныхъ (прямыхъ не осталось) доказательствъ богатства Кобылы онъ указываетъ на множество старинныхъ мѣстъ въ сѣверной Россіи, по преимуществу въ предѣлахъ псковскихъ и новгородскихъ, съ названіемъ Кобылино. „Было бы слишкомъ смѣло сказать, говоритъ Барсуковъ, что всѣ населенныя мѣста съ названіемъ Кобылино входили нѣкогда въ составъ владѣній Андрея Кобылы; но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ, состоявшія, по документамъ, за его потомками, несомнѣнно принадлежали ему и перешли въ потомство по наслѣдству“ [2]). И далѣе онъ, въ видѣ примѣра, указываетъ часть этихъ кобылинскихъ селъ, бывшихъ потомъ въ рукахъ потомковъ Андрея Кобылы: кобылинскія села на Вологдѣ, которыя правнука послѣдняго, Марья Ѳедоровна Голтяева, подарила князю Борису Васильевичу Волоцкому, и деревня Кобылино (въ Московск. уѣздѣ), которой владѣла праправнука Андрея Кобылы, Соломонида Ивановна Кошкина. Послѣдняя деревня была въ 1558 г. отдана московскому Успенскому собору на поминокъ съ упоминаніемъ въ жалованной о „крѣпостяхъ“, по которымъ владѣли этой деревней, и которыя, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Въ этихъ „крѣпостяхъ“, по мнѣнію Барсукова, можетъ быть, и заключались данныя о владѣніяхъ самого Андрея Кобылы, но, какъ уже сказано выше, эти документы не сохранились [3]).

II.

У Андрея Кобылы, по родословнымъ, было пять сыновей, давшихъ многочисленное потомство, отчасти угасшее уже, отчасти существующее и сейчасъ [4]). Оставляя въ сторонѣ потомство старшихъ сыновей Андрея Кобылы, какъ выходящее за предѣлы нашей непо-

---

[1]) Фридеб., отд. о предк., 2.

[2]) Барсуковъ—Родъ Шеремет., 16.

[3]) Ibid., 16—17.

[4]) Насчитываютъ до 20 фамилій, ведущихъ свое начало отъ А. Кобылы: Кобылины, Лодыгины, Коновницыны, Кокоревы, Образцовы, Колычевы, Хлызневы-Колычевы, Лошаковы-Колычевы, Немятые-Колычевы, Неплюевы, Боборыкивы, Кошкины, Захарьины, Беззубцовы, Шереметевы, Ляцкіе, Синіе, Стербеевы, Горбуновы и др.—См. Барсуковъ—Родъ Шеремет., 17—18; Сборн. Селиф., 71, 123, 125.

средственной задачи [1]), займемся исторіей потомковъ пятаго сына Кобылы, Ѳедора Андреевича Кошки, отъ котораго и произошелъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ. При этомъ будемъ останавливать свое вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ потомкахъ Ѳедора Кошки, которые являются или прямыми предками царя Михаила, или ближайшими по крови ихъ родственниками.

Списки потомковъ Андрея Кобылы сохранились въ нѣсколькихъ родословныхъ росписяхъ, дошедшихъ до насъ. Самыми древними родословными сейчасъ считаются тѣ три родословца, которые напечатаны во „Временникѣ Импер. Москов. Общ. исторіи и древн. росс.“ за 1851 г., кн. X.—Одинъ изъ нихъ (по списку Моск. Архива Иностр. Дѣлъ, лит. Б.) относится ко времени царя Ивана Грознаго, другой (тоже по списку Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, лит. А.) составленъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, и третій (по списку Москов. Синодальной библіотеки, № 860)—вѣроятно, при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ [2]). Приведемъ здѣсь списокъ тѣхъ потомковъ Андрея Кобылы, которые были предками царя Михаила по прямой линіи или же, какъ сказали мы, были самыми близкими родственниками послѣднихъ. Причемъ за оригиналъ возьмемъ самый древній списокъ,—списокъ временъ царя Грознаго, который, однако, не напечатанъ во „Временникѣ“ въ виду его абсолютнаго тожества съ Синодальнымъ спискомъ начала XVII вѣка [3]). Поэтому мы заимствуемъ его изъ упомянутаго Синодальнаго списка.

„У Андрея Ивановича у Кобылина было пять сыновъ: болшоій сынъ Семенъ Жеребецъ, другой сынъ Александръ Елка, третій сынъ Василей Ивантей—той бездѣтенъ, четвертоій сынъ Гаврило Гавша, пятоій сынъ Ѳедоръ Кошка [4])... А у пятого сына Ондреева у Кобылина у Ѳедора у Кошки четыре сына: болшой Иванъ, другой Ѳедоръ Голтяй, третій Александръ Беззубецъ, четвертой Михайло Дурной бездѣтенъ. А Ивановы дѣти Ѳедоровича Кошкины: болшой Иванъ, другой Ѳедоръ Брехъ бездѣтенъ, третей Яковъ Козакъ, четвертой Захарей. (В. а у Ивана Ивановича сыновъ не было, а было двѣ дочери: одна была за Тимоѳеемъ Собакинымъ, а другая за Григорьемъ Скокомъ, за Морозовымъ). А у Ѳедора у Голтяя дѣти: Иванъ, да Гаврило, да Ондрей бездѣтны, да дочь его была за княземъ Ярославомъ Володимеровичемъ Боровскимъ. А у Александра Ѳедоровича у Беззубца три сына: Болшой Иванъ, другой Григорей, третей Костянтинъ. А у Якова у Казака сынъ Василей. А у Захарья Ива-

---

[1]) За исключеніемъ Кошкиныхъ съ ихъ развѣтленіями—Захарьинымн, Беззубцовыми, Шереметевыми и Ляцкими—всѣ остальныя перечисленныя выше фамиліи ведутъ начало отъ этихъ старшихъ сыновей Андр. Кобылы.

[2]) Времен., 1851, X, матер., I—II.

[3]) Ibid., III.

[4]) Ibid., 86.

новича три сына: болшой Яковъ, другой Юрьи, третій Василей Лятской; а у Якова у Захарьича дѣти: Петръ да Василей; а у Петра дѣти: Григорей, да Захарья, да Иванъ Херокъ, да Василей..., а у Юрья Захарьича дѣти: Михайло, да Иванъ бездѣтенъ, да Романъ, да Григорей, а у Михаила дѣти: Иванъ, да Василей, да Иванъ меншой; а Романовы дѣти Юрьевича: Данило, да Долматъ, да Никита; а Никитины дѣти Романовича: Ѳедоръ, да Александръ, да Михайло, да Василей, да Иванъ, да Левъ“ [1]).

Изъ пяти сыновей Андрея Кобылы Ѳедоръ Андреевичъ Кошка занималъ самое видное положеніе въ Московскомъ государствѣ, хотя и былъ самымъ младшимъ братомъ. Это видно изъ того уже, что наши лѣтописи и грамоты не разъ упоминаютъ его имя, тогда какъ о его братьяхъ онѣ ничего не говорятъ, если не считать единичнаго упоминанія второй духовной вел. кн. Дмитрія Ивановича о какомъ-то бояринѣ „Олександрѣ Аньдрѣевичѣ“, подъ которымъ, можетъ быть, разумѣется Александръ Андреевичъ Елка, второй сынъ Андрея Кобылы [2]). Ѳедоръ Андреевичъ жилъ и дѣйствовалъ въ великое княженіе Дмитрія Ивановича Донского (1362- 1389) и его сына Василія Дмитріевича (1389—1425). Онъ былъ не только знатнымъ бояриномъ при московскомъ дворѣ, но чуть-ли и не главнымъ правителемъ въ малолѣтство вел. кн. Дмитрія Ивановича, и совѣтникомъ—въ періодъ его возмужалости. Къ сожалѣнію, наши историческіе памятники—лѣтописи и различныя грамоты, изъ которыхъ мы узнаемъ о Ѳедорѣ Кошкѣ, не всегда называютъ его по прозвищу—„Кошка“, ограничиваясь иногда именемъ и отчествомъ, а въ то время въ Москвѣ былъ другой бояринъ съ такимъ же именемъ и отчествомъ, по прозванію „Свибло“, котораго вел. кн. Дмитрій Ивановичъ посылалъ, между прочимъ, въ 1377 г. съ ратью противъ „поганой мордвы“ [3]). Въ виду этого мы должны съ большой осторожностью подходить къ тѣмъ мѣстамъ нашихъ лѣтописей и грамотъ, гдѣ говорится просто о Ѳедорѣ Андреевичѣ, безъ указанія прозвища,—относить ихъ всѣ безъ разбора именно къ Ѳедору Кошкѣ, а не къ Свибло, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права.

Въ первый разъ имя Ѳедора Андреевича мы встрѣчаемъ въ первой духовной грамотѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича, составленной въ 1371 г. [4]). Но уже и здѣсь возникаетъ вопросъ: сынъ-ли это Андрея Кобылы, или вышеупомянутый Свибло? Шансы совершенно равные—и тотъ и другой могли быть свидѣтелями въ данномъ случаѣ такъ же, какъ они оба были свидѣтелями при составленіи второй духов-

---

[1]) Ibid., 88.
[2]) Сбор. г. гр. и д., I, 62.
[3]) П. С. Р. Л., VIII, 26; XI, 29.
[4]) Собр. г. гр. и д., I, 51.

ной вел. кн. Дмитрія Донского въ 1389 г. [1]). Вопросъ, значитъ, остается открытымъ.

Слѣдующее упоминаніе о Ѳедорѣ Андреевичѣ находимъ въ лѣтописяхъ подъ 1380 годомъ, когда была война съ Мамаемъ. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, отправляясь на борьбу съ послѣднимъ, поручаетъ свое семейство нѣкоему Ѳедору Андреевичу: „а самъ князь въ понедѣльникъ перебреде своимъ дворомъ, а на Москвѣ остави воеводъ своихъ, у великой княгинѣ у Евдокѣи и у сыновъ своихъ, у Василья и у Юрья и у Ивана, Ѳедора Ондрѣевича..."[2]). Здѣсь также неизвѣстно, который изъ двухъ—Кошка или Свибло—былъ оставленъ великимъ княземъ въ Москвѣ для попеченія о великокняжеской семьѣ.

Но если предыдущія указанія мы не можемъ отнести непремѣнно къ Ѳедору Кошкѣ, то уже присутствіе послѣдняго въ качествѣ свидѣтеля при написаніи второй духовной вел. кн. Дмитрія Ивановича въ 1389 г. не подлежитъ сомнѣнію [3]). Въ концѣ этой духовной стоитъ подпись двухъ бояръ съ именемъ Ѳедора Андреевича, изъ которыхъ одинъ, значитъ, безусловно есть Ѳедоръ Кошка.

Если, такимъ образомъ, бояринъ Ѳедоръ Кошка былъ при написаніи второго завѣщанія вел. кн. Дмитрія Ивановича, заболѣвшаго внезапно, то, значитъ, къ нему въ частности относится и то прощальное, трогательное слово, съ которымъ обратился на смертномъ одрѣ Дмитрій Донской къ своимъ боярамъ. Изъ этой предсмертной рѣчи вел. князя видно, что бояре, къ которымъ онъ говорилъ, и которые подписались подъ послѣднимъ завѣщаніемъ, правили московскимъ государствомъ во время малолѣтства Донского, а съ его возмужалостью—были помощниками и главными совѣтниками его. Отношеніе умирающаго вел. князя къ этимъ боярамъ дышитъ искренною любовью и благодарностью за тѣ услуги, которыя оказали послѣдніе Москвѣ. Такихъ ласковыхъ словъ, такой нѣжной преданности боярамъ со стороны вел. князей мы болѣе нигдѣ не увидимъ. „Бояры своя любите, говоритъ сыновьямъ умирающій государь, честь имъ достойную воздавающе противу служенію ихъ, безъ воля ихъ ничтоже творите, привѣтливи будите ко всѣмъ" [4])... „Предъ вами родихся,—обращается онъ далѣе къ боярамъ,—и при васъ возрастохъ, съ вами и царствовахъ и землю Русскую держахъ 27 лѣтъ..., и мужествовахъ съ вами на многы страны, и противнымъ страшенъ быхъ въ бранехъ, и поганыя низложихъ Божіею помощію, враги покорихъ, княженіе укрѣпихъ, и миръ и тишину земли створихъ, отчину свою съ вами соблюдохъ... къ вамъ честь и любовь имѣхъ... и чада ваша любихъ, никомуже зла

---

[1]) Ibid., 62.
[2]) П. С. Р. Л., IV, 78; VI, 92; VIII, 36.
[3]) Собр., г. гр. и д., I, 62.
[4]) П. С. Р. Л., IV, 352.

не сотворихъ, ни силно что отъяхъ, ни досадихъ..., но всѣхъ любихъ и въ чести держахъ, и веселихся съ вами, съ вами же и скорбѣхъ; вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей... Послужите княгинѣ моей и чадомъ моимъ ото всего сердца своего; во время радости повеселитеся съ ними, и въ время скорби не оставите ихъ“[1])... Эти слова не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что вышеупомянутые бояре, въ томъ числѣ и нашъ Ѳедоръ Кошка, оказали вел. князю какую-то особенно важную помощь. Эта помощь, очевидно, была подана Донскому въ то время, когда онъ остался по смерти отца девятилѣтнимъ наслѣдникомъ и чуть было не лишился великокняжескаго стола. Наши лѣтописи говорятъ, что со смертью вел. кн. Ивана Ивановича, отца Донского, великое княженіе получилъ сначала не Дмитрій Ивановичъ, а кн. Дмитрій Константиновичъ Суздальскій [2]). Вотъ тутъ то бояре московскіе и помогли Дмитрію Донскому вернуть отцовское наслѣдство (1362 г.) [3]). Самъ лично вел. князь едва-ли могъ вести упорную и ожесточенную борьбу за великокняжескій престолъ въ виду своего малолѣтства,—и мы вправѣ приписать этотъ трудъ самоотверженной преданности его бояръ, въ числѣ которыхъ, несомнѣнно, былъ и Ѳедоръ Кошка, какъ видно изъ его вообще высокаго значенія при дворѣ.

Судя по лѣтописи, споры и борьба за великое княженіе въ 1362 году не окончились совсѣмъ, а продолжались и далѣе [4]). Естественно, что и бояре продолжали свою прежнюю дѣятельность въ этомъ отношеніи и въ концѣ концовъ окончательно упрочили за московской династіей первенство среди русскихъ удѣльныхъ князей, право великокняжескаго суда и т. д., словомъ то, что констатировалъ Дмитрій Донской къ своихъ словахъ: „съ вами... княженіе укрѣпихъ..., отчину свою съ вами соблюдохъ“...

Горячее участіе Ѳедоръ Андреевичъ принималъ въ дипломатическихъ дѣлахъ своего времени. Авторитетъ его въ этой области стоялъ такъ высоко, что его считали даже главнымъ руководителемъ тогдашней внѣшней политики. Въ 1409 году, когда Ѳедора Кошки не было уже въ живыхъ, вел. кн. Василій Дмитріевичъ получилъ отъ ордынскаго князя Эдигея грамоту съ объявленіемъ войны Москвѣ за ея непокорность татарской Ордѣ. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, написано по адресу вел. князя: „вся твоя дѣла нѣдобрыи и нѣправыи. Добрыи нравы и добрая дума и добрыя дѣла были къ орде отъ Ѳедора отъ Кошки—добрый былъ человѣкъ,—которые добрые дѣла ординскіе, то и тобе возспоминалъ, и то ся минуло; а нынѣ у

---

[1]) Ibid., 352—353.
[2]) П. С. Р. Л., VIII, 11.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 12.

тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любовникъ, старѣйшина, и ты нынѣ исъ того слова, исъ того думы нѣ выступаешъ. Ино того думою учинилось твоему улусу пакость и крѣстьянѣ изгибли, и тыбъ опять тако не дѣлалъ, а молодыхъ не слушалъ, и собралъ бы еси старѣйшихъ своихъ бояръ" [1]). Изъ этихъ словъ Эдигея видно, что бояринъ Ѳедоръ Кошка былъ самымъ вліятельнымъ совѣтникомъ великихъ князей московскихъ въ государственныхъ дѣлахъ. При этомъ онъ представляется какъ бы доброжелателемъ Орды—„добрый былъ человѣкъ"; при немъ, по словамъ Эдигея, Москва вела себя по отношенію къ Ордѣ вполнѣ исправно, корректно. Со смертью же его все измѣнилось: вел. кн. Василій Дмитріевичъ, подъ вліяніемъ сына Ѳедора Кошки, Ивана—„казначея и любовника" своего, сталъ отказывать въ послушаніи татарскимъ царямъ, неисправенъ сталъ въ исполненіи разныхъ повинностей и даже допускалъ всевозможныя оскорбленія татарскимъ посламъ и гостямъ—„вы пословъ и гостей на смѣхъ подымаете, да еще велика обида, истома имъ отъ васъ чинитца" [2])... Все это даетъ понять, какую политику проводилъ Ѳедоръ Кошка. Чувствуя, что Москва не достаточно еще окрѣпла для окончательной ликвидаціи монгольскаго ига, Ѳедоръ Кошка не допускалъ обостренія отношеній между Москвой и Ордой, старался всѣми мѣрами ладить съ татарами и усыпить ихъ бдительность, чтобы дать Москвѣ собраться съ силами и подготовиться къ успѣшной развязкѣ съ ненавистной и ему Ордой. Но побѣда Дмитрія Донского, одержанная надъ Мамаемъ, окрылила духъ русскихъ, поселила въ нихъ увѣренность въ себѣ и нетерпѣливое желаніе скорѣе сбросить иго татаръ. Этимъ и объясняется перемѣна московской политики при вел. кн. Василіи Дмитріевичѣ. Тотъ оппортунизмъ, котораго придерживался Ѳедоръ Кошка въ отношеніи татаръ, былъ замѣненъ теперь со стороны Москвы по настоянію его же родного сына, Ивана Ѳедоровича, нескрываемой враждебностью и вызывающей самоувѣренностью. Было ясно, что Москва стала сильнѣе, а Орда—наоборотъ—слабѣе.

На исключительно важное значеніе Ѳедора Кошки въ дѣлѣ политики московскаго государства во второй половинѣ XiV вѣка указываетъ безусловно и то очень характерное обстоятельство, что съ нимъ счелъ нужнымъ породниться даже великій князь тверской Михаилъ Александровичъ. „Того же лѣта (1391 г.), говоритъ лѣтопись, женилъ князь велики Михайло Александровичь Тверскій сына своего (какъ полагаютъ—Ѳедора) на Москвѣ у Ѳеодора у Кошки, у Андрѣева сына" [3])... Тверь тогда соперничала съ Москвой и то и дѣло воевала съ ней. Болѣе чѣмъ вѣроятно, поэтому, что бракъ тверского

---

[1]) Собр. г. гр. и д., II, 16.
[2]) Ibid.
[3]) П. С. Р. Л., XI, 127.

князя съ московской боярышней Кошкиной заключенъ былъ съ политической цѣлью—съ цѣлью заручиться поддержкой такого сильнаго, вліятельнаго боярина, какимъ былъ Ѳедоръ Андреевичъ Кошка. Важенъ этотъ бракъ и въ другомъ отношеніи: онъ впервые породнилъ родъ Андрея Кобылы съ княжескимъ домомъ Рюрика.

Послѣднее лѣтописное указаніе на Ѳедора Андреевича Кошку относится къ 1393 году. Оно сдѣлано по слѣдующему случаю. Новгородцы, этотъ искони свободолюбивый народъ, въ великое княженіе Василія Дмитріевича сдѣлали попытку порвать какія-бы то ни было отношенія зависимости отъ Москвы—отказались давать „черный боръ“ (народная дань) великому князю и отказались отъ суда московскаго митрополита. Чтобы возстановить прежнія отношенія Новгорода къ Москвѣ, вел. кн. Василій Дмитріевичъ посылаетъ въ строптивый городъ своихъ бояръ во главѣ съ Ѳедоромъ Кошкой. Порученіе это исполнено было послѣднимъ блестяще: „тогда пріѣхаша послы отъ князя Василья съ Москвы, Ѳедоръ Кошка Ондрѣевичь, и Уда, и Селиванъ; и покрѣпиша миръ съ новгородци. И Новгородъ даша князю черный боръ брати по своимъ волостемъ“ [1])... Изъ этого обстоятельства можно видѣть, что авторитетъ Ѳедора Андреевича стоялъ высоко даже въ безпокойномъ Новгородѣ, гдѣ онъ обнаружилъ свои дипломатическія дарованія возстановленіемъ мира между Москвой и новгородцами.

Ѳедоръ Кошка не только самъ лично достигъ высокаго положенія при дворѣ московскомъ, но, по словамъ Соловьева, выдвинулъ впередъ на государственномъ поприщѣ и свою ближайшую родню—прежде всего, старшаго сына своего Ивана, всецѣло усвоившаго первенствующее значеніе своего отца при дворѣ,—далѣе, слѣдующихъ сыновей своихъ—Ѳедора Ѳедоровича и Михаила Ѳедоровича, и, наконецъ, племянника своего, Игнатія Семеновича Жеребцова, бывшаго коломенскимъ воеводой и убитаго въ битвѣ съ пронскимъ княземъ[2]). Всѣхъ ихъ мы видимъ на весьма почетныхъ мѣстахъ великокняжеской службы, подлѣ Ѳедора Кошки и его сына Ивана. По словамъ Ключевскаго, Кошкины до половины XV вѣка занимали „наиболѣе видное“ мѣсто въ Москвѣ; онъ ставитъ ихъ даже на первомъ мѣстѣ, впереди Морозовыхъ, Бутурлиныхъ, Челядниныхъ и др. знатныхъ въ то время фамилій [3]).

О смерти Ѳедора Андреевича Кошки ничего неизвѣстно. Въ виду того, что грамота Эдигея говоритъ о немъ, какъ уже о покойномъ, надо полагать, что онъ умеръ ранѣе 1409 года. Точнѣе опредѣлить годъ его смерти невозможно. Есть извѣстіе, что предъ смертью Ѳедоръ Андреевичъ принялъ монашество, въ которомъ нареченъ былъ Ѳеодоритомъ [4]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 100; V, 246; VI, 123.
[2]) Солов., IV, 46.
[3]) Ключевскій,—К. р. и., II, 173.
[2]) Барсуковъ.—Родъ Шереметъ., 26.

III.

Со смертью боярина Ѳедора Андреевича Кошки все вліяніе его при московскомъ великомъ князѣ перешло къ его сыну „болшому Ивану“—прямому предку царя Михаила. Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ, конечно, и при жизни отца уже былъ извѣстенъ, какъ старшій сынъ вліятельнѣйшаго сановника, но его дѣятельность тогда не могла такъ свободно развиваться, какъ по смерти отца. Поэтому мы и не находимъ никакихъ указаній на него, пока былъ живъ Ѳедоръ Кошка. По смерти же послѣдняго Иванъ Ѳедоровичъ пріобрѣтаетъ едва-ли не большій даже авторитетъ въ дѣлахъ правленія, чѣмъ имѣлъ самъ Ѳедоръ Андреевичъ Кошка. По словамъ уже знакомой намъ грамоты князя Эдигея, Иванъ Кошкинъ пользовался исключительной любовью и довѣріемъ вел. кн. Василія Дмитріевича, былъ „казначеемъ... любовникомъ и старѣйшиной“ его и имѣлъ неотразимое вліяніе на великокняжескую волю—„и ты (вел. кн.) нынѣ исъ того слова, исъ того думы нѣ выступаешъ“.

Какъ отецъ его, Ѳедоръ Кошка, былъ въ свое время руководителемъ общей политики московскаго государства, такъ и самъ Иванъ Ѳедоровичъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ рѣшеніи насущнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ того времени (объ отношеніяхъ Москвы къ Ордѣ). Князь Эдигей приписываетъ вліянію Ивана Кошкина и еще какихъ-то молодыхъ бояръ то обстоятельство, что Москва вдругъ измѣнила свои прежнія „добрыя“ отношенія къ Ордѣ, перестала исполнять требованія послѣдней на счетъ дани, стала издѣваться надъ татарскими послами и купцами и т. д. Эдигей предлагаетъ великому князю отвергнуть совѣты молодыхъ бояръ, и въ особенности—Ивана Кошкина, и призвать прежнихъ старѣйшинъ—бояръ: „ино того (Ивана Кошкина) думою учинилось твоему улусу пакость и крѣстьянѣ изгибли, и тыбъ опять тако не дѣлалъ, а молодыхъ нѣ слушалъ, и собралъ бы еси старѣйшихъ своихъ бояръ Илію Ивановича, Петра Костянтиновича, Ивана Микитича“ [1]).

Политика Ивана Ѳедоровича Кошкина по отношенію къ татарамъ, какъ видимъ, была совершенно не похожа на политику его отца. Въ началѣ XV вѣка, когда дѣйствовалъ Иванъ Кошкинъ, Московское государство, благодаря совокупнымъ усиліямъ московскихъ князей и бояръ, настолько окрѣпло, что москвичи перестали дрожать при видѣ татаръ и стали помышлять уже о томъ, какъ бы отомстить

---

[1]) Собр. и гр. и д., II, 16.

имъ за вѣковое иго свое. Отсюда понятно новое поведеніе московскаго правительства въ XV вѣкѣ, руководимаго молодыми, полными силъ и надеждъ, боярами съ Иваномъ Кошкинымъ во главѣ. Теперь не было нужды прибѣгать къ подаркамъ и всевозможнымъ компромиссамъ, коими пользовался Ѳедоръ Кошка въ отношеніи Орды подъ вліяніемъ тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ для Московскаго государства. Московское государство можетъ дѣйствовать теперь съ открытымъ забраломъ.

Сколько времени жилъ и когда умеръ Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ—точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Въ первый разъ онъ упоминается въ 1406 г., въ качествѣ свидѣтеля при составленіи первой духовной грамоты вел. кн. Василія Дмитріевича [1]). Причемъ онъ былъ уже въ боярскомъ званіи—чѣмъ предполагается, что его служба при московскомъ дворѣ началась гораздо ранѣе этой даты. Послѣдній разъ имя Ивана Ѳедоровича встрѣчаемъ въ концѣ третьей духовной того же вел. князя, въ 1424 г. [2]) Позднѣе не встрѣчается имени Ивана Ѳедоровича. Судя по тому, что чрезъ 8 лѣтъ послѣ послѣдняго упоминанія о немъ мы видимъ на государственномъ поприщѣ уже его сына Захарія Ивановича (1433 г.), можно предполагать, что бояринъ Иванъ Кошкинъ умеръ ранѣе 1433 г., хотя не невѣроятно и то, что онъ по смерти своего друга и благодѣтеля—вел. кн. Василія Дмитріевича—оставилъ государственную службу и доживалъ свою жизнь гдѣ-либо вдали отъ суеты мірской.

Наши древніе письменные памятники не даютъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о братьяхъ Ивана Ѳедоровича Кошкина, хотя едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что и они, какъ дѣти знаменитаго отца и родные братья великокняжескаго любимца, занимали видныя правительственныя должности. Послѣднее предположеніе подтверждается и тѣми отрывочными извѣстіями о нихъ, которыя дошли до насъ. Прежде всего мы находимъ, наряду съ подписью Ивана Ѳедоровича, въ первой духовной вел. кн. Василія Дмитріевича и имя Ѳедора Ѳедоровича, подъ которымъ, вѣроятно, разумѣется второй сынъ Ѳедора Кошки—Ѳедоръ Голтяй, тѣмъ болѣе что подпись Ѳедора Ѳедоровича слѣдуетъ непосредственно за именемъ Ивана Ѳедоровича [3]). А если такъ, то, значитъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Голтяй былъ бояриномъ, и притомъ близкимъ къ великому князю, уже въ 1406 г. Затѣмъ, Барсуковъ приводитъ еще извѣстіе объ этомъ Голтяѣ изъ „Башмаковской разрядной книги“,—извѣстіе „впрочемъ довольно глухое“—по словамъ его. Въ 1500 году былъ мѣстническій споръ

---

[1]) Собр. г. гр. и. д., I, 74.

[2]) Ibid., 85.—И во второй духовной (1423) вел. кн. Вас. Дм. есть подпись, Ивана Ѳедоровича (Собр. г. гр. и. д., I, 82).

[3]) Собр. г. гр. и д., I, 74.

между боярами Сабуровымъ и Заболоцкимъ, причемъ оба они ссылались въ свое оправданіе на стараго боярина Геннадія Бутурлина. И вотъ послѣдній въ своемъ письменномъ показаніи упоминаетъ о какомъ-то старинномъ спорѣ изъ за мѣста между Голтяемъ и нѣкіимъ Иваномъ: „если вѣдаемъ то, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ Голтяй не далъ мѣста Ивану, Львову отцу“ [1]). Извѣстіе, дѣйствительно, довольно глухое—неизвѣстно даже, кто этотъ Иванъ, Львовъ отецъ, хотя кажется несомнѣннымъ, что соперникомъ Голтяя былъ какой-либо изъ знатныхъ же бояръ московскихъ.

Косвеннымъ путемъ, наконецъ, мы узнаемъ, но узнаемъ уже достовѣрно, что дочь Ѳедора Ѳедоровича Голтяя, Марія Ѳедоровна, была замужемъ за княземъ Ярославомъ Владимировичемъ Боровскимъ, такъ какъ ея дочь, на которой женился вел. кн. Василій Васильевичъ въ 1433 г., называется, при обрученіи въ 1432 г., княжной Маріей Ярославной и внучкой Голтяя—„того же лѣта (1432), во осени, князь великій обручалъ за собя княжну Марію, дщерь Ярославлю, а внуку Марьи Голтяевы“ [2]) Женитьба князя Ярослава Боровскаго, правнука Ивана Калиты, на дочери Ѳедора Голтяя всего болѣе удостовѣряетъ насъ въ томъ, что Голтяй занималъ весьма почетное положеніе въ кругу тогдашней московской аристократіи.

Есть основаніе полагать, что Ѳедоръ Голтяй имѣлъ и огромныя матеріальныя средства, состоявшія въ обиліи вотчинъ, селъ, пустошей, волостей и т. д. Въ первой духовной грамотѣ вел. кн. Василія Васильевича Темнаго перечисляются разныя волости и села съ деревнями, которыя подарила Марья Ѳедоровна Голтяева, бывшая замужемъ за кн. Боровскимъ, своему любимому внуку кн. Борису Васильевичу Волоцкому (сыну вел. кн. Василія Темнаго и княжны Марьи Ярославны Боровской). Эти села и волости разбросаны почти по всѣмъ областямъ московскаго великаго княжества: „На Коломнѣ села Проскурниковскіе, да Веденьскіе и зъ деревнями, и на Городнѣ деревня, и на Москвѣ за Похрою Розсудовскіе села—Зверевское и Барановское, и иные сельца и зъ деревнями и съ пустошми, и въ Володимерѣ—Симизиньскіе села и Лазарьское и Котязино, и что къ тѣмъ селомъ потягло, какъ было за Марьею (Голтяевой); да у города у Володимеря Евнутьевское село, да на Костромѣ на Волзѣ Нижняя Слобода со всѣми деревнями, да Базѣевское, да Мануиловское и зъ деревнями“... и т. д. [3]). Судя по количеству селъ, деревень и волостей—подарокъ былъ сдѣланъ Марьей Ѳедоровной очень большой. А принимая во вниманіе, что въ грамотахъ по этому поводу, какъ въ 1462 г., такъ и въ 1473 г. (договорная между вел. кн. Ив.

---

[1]) Барсуковъ.—Родъ Шеремет., 28.
[2]) П. С. Р. Л., V, 264; VI, 148; XII, 17.
[3]) Собр. г. гр. и д., I, 203—204.

Васильевичемъ и кн. Борисомъ Волоцкимъ), упомянутое имѣніе называется принадлежавшимъ ранѣе „боярынѣ Маріи Ѳедоровой Ѳедоровича Голтяевой", а не княгинѣ Боровской (по мужу), [1]) мы должны предположить, что вышеуказанныя села и волости Марья Ѳедоровна Голтяева получила въ приданое отъ отца своего Ѳедора Голтяя. Отсюда не трудно догадаться, каковы были по обширности владѣнія самого боярина Ѳедора Ѳедоровича, если его только дочь была въ состояніи дѣлать такіе дорогіе подарки изъ своего приданаго!

Само собой разумѣется, что предыдущее обстоятельство должно характеризовать не одного Голтяя, а и весь родъ Ѳедора Кошки и особенно Ивана Ѳедоровича Кошкина, этого перваго человѣка послѣ государя, ибо совершенно невѣроятно, чтобы Ѳедоръ Голтяй—и младшій по возрасту, и меньшій по личному значенію—былъ богаче своего старшаго брата.

Изъ остальныхъ братьевъ Ивана Кошкина въ нашихъ древнихъ историческихъ памятникахъ упоминается одинъ лишь Михаилъ Ѳедоровичъ. Онъ подписался вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ къ третьей духовной грамотѣ—вел. кн. Василія Дмитріевича въ 1424 г.[2]), и, слѣдовательно, такъ же, какъ и старшіе его братья, находился въ числѣ приближенныхъ къ государю бояръ.

Съ кончиной вел. кн. Василія Дмитріевича въ 1452 г. сходитъ со сцены московской государственной жизни и третье колѣно предковъ царя Михаила, если считать ихъ съ Андрея Кобылы.

IV.

Переходя къ исторіи четвертаго колѣна, мы замѣчаемъ, что родъ Кобылиныхъ—Кошкиныхъ, съ вступленіемъ на великокняжескій престолъ Василія Темнаго, не играетъ уже той первенствующей, исключительной роли, какая принадлежала ему раньше въ лицѣ бояръ Ивана Кошкина и его отца—Ѳедора Андреевича, хотя члены этого рода все-же и теперь остаются въ рядахъ высшей придворной аристократіи. Послѣднее подтверждается уже тѣмъ, что самъ вел. кн. Василій Васильевичъ въ 1432 г. обручился, а въ слѣдующемъ году и женился на родной внучкѣ боярина Ѳедора Кошкина—Голтяя, княжнѣ Маріи Ярославнѣ Боровской.

Изъ четырехъ сыновей Ивана Ѳедоровича Кошкина особенно замѣтную роль играетъ въ государствѣ младшій—Захарій Ивановичъ, сдѣлавшійся однимъ изъ родоначальниковъ фамиліи Романовыхъ. Не будучи столь вліятельнымъ временщикомъ, какимъ былъ его отецъ

---

[1]) Ibid., 203, 235, 237.

[2]) Ibid., 85.

Иванъ Ѳедоровичъ, Захарій Ивановичъ, однако, и не слишкомъ удалялся отъ великокняжескаго двора,—что съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ того инцидента съ поясомъ, которымъ ознаменовалась свадьба вел. кн. Василья Васильевича въ 1433 году. Захарій Ивановичъ на этой свадьбѣ, по лѣтописному сказанію. отобралъ драгоцѣнный поясъ у одного знатнаго гостя—у галицкаго князя Василья Юрьевича Косого: „и на той свадьбѣ Захарья Ивановичь Кошкынъ имался за поясъ у князя у Василья у Юрьевича у Косого“ [1]). Что это за поясъ, и какъ онъ попалъ къ князю галицкому—трудно рѣшить съ достовѣрностью. Вѣроятнѣе всего, что онъ очутился у князя Василья Юрьевича не вполнѣ честнымъ путемъ. По Никоновской лѣтописи, означенный поясъ былъ снятъ съ галицкаго князя не Захаріемъ Ивановичемъ, а самой княгиней Софьей, матерью жениха [2]). Насколько правильно это—сказать трудно, но несомнѣнно, что вел. княгиня Софья Витовтовна приняла въ этомъ дѣлѣ сторону боярина Захарія Ивановича Кошкина. Указаніе имени Захарія Ивановича наряду съ именемъ великой княгини свидѣтельствуетъ о многомъ. По словамъ Петра Крекшина, предполагаемаго автора Родословной Романовыхъ половины XVIII вѣка,—„сіи слова (слова лѣтописи о Зах. Иван.), хотя не весьма вразумительныя, однако же они показываютъ то, что когда Захарія съ ближнимъ родственникомъ вел. князя упоминается вмѣстѣ при одномъ дѣлѣ, то онъ находился въ немаломъ почтеніи“ [3]).

Въ послѣдній разъ бояринъ Захарій Ивановичъ упоминается въ лѣтописи подъ 1445 г., въ качествѣ участника литовской войны (Суходровскій бой). Его участіе въ этой войнѣ изображается лѣтосью не вполнѣ ясно и отчетливо, такъ что сказать что-либо опредѣленное о военной дѣятельности его, къ сожалѣнію, нельзя. Вотъ это лѣтописное упоминаніе: „Въ лѣто 6953 (1445), приходи Литва къ Колузѣ: панъ Судіивой, панъ Родивилъ Осиковичъ... Захарія Ивановичъ Кошкинъ, а рати съ ними седмь тысячъ“,—[4]) и далѣе, въ описаніи Суходровскаго боя, мы не встрѣчаемъ имени Захарія Ивановича ни въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ, ни въ числѣ убитыхъ.

О дальнѣйшей жизни и дѣятельности, а равно и о годѣ смерти боярина Захарія Ивановича Кошкина ничего неизвѣстно. Но молчаніе о немъ нашихъ лѣтописей. конечно, еще не говоритъ о томъ, что онъ „захудалъ“ въ отношеніи своей карьеры. Если его не видно послѣ 1445 г. ни на военномъ поприщѣ, ни на дипломатическомъ, то несомнѣнно, что онъ игралъ значительную роль въ придворныхъ

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 264—265.
[2]) Ibid., XII, 17.
[3]) Сборн. Селиф., 97—98.
[4]) П. С. Р. Л., VIII, Ш; XII, 63.

кругахъ—объ этомъ говоритъ какъ знатность его отца съ дѣдомъ, такъ знатность и его собственныхъ дѣтей и потомковъ. Кошкины настолько крѣпко и высоко держали знамя своихъ родоначальниковъ, Ѳедора Кошки и Ивана Ѳедоровича, что даже наплывъ удѣльныхъ князей на московскую службу въ половинѣ XV вѣка оказался не въ силахъ вытѣснить ихъ совершенно изъ высшаго аристократическаго круга. Ключевскій по этому поводу говоритъ буквально слѣдующее: „Кошкины блистали при московскомъ дворѣ въ XIV и XV вв. Это была единственная нетитулованная боярская фамилія, которая не потонула въ потокѣ новыхъ титулованныхъ слугъ, нахлынувшихъ къ московскому двору съ половины XV вѣка Среди князей Шуйскихъ, Воротынскихъ, Мстиславскихъ Кошкины умѣли удержаться въ первыхъ рядахъ боярства“ [1]). Тоже почти находимъ и у Соловьева, который утверждаетъ, что въ правленіе вел. кн. Василья Васильевича фамилія Кобылиныхъ—Кошкиныхъ „удерживаетъ прежнее значеніе“, т. е. остается въ томъ же высшемъ аристократическомъ кругу, къ которому принадлежали и ея основатели—бояре Андрей Кобыла и Ѳедоръ Кошка со своимъ сыномъ Иваномъ Ѳедоровичемъ [2]).

Такимъ образомъ, надо полагать, что бояринъ Захарій Иванович до конца жизни своей оставался виднымъ дѣятелемъ московскаго правительства и участникомъ того историческаго собиранія Руси, которое началось еще задолго до него и особенно усилилось при его дѣтяхъ и внукахъ.

Въ заключеніе объ этомъ предкѣ царя Михаила нужно сказать, что онъ сообщилъ своему роду новую фамилію, по имени своему—Захарьичей или Захарьиныхъ, которая потомъ распалась на три вѣтви—Яковлевичей или Яковлевыхъ—Захарьиныхъ, по имени старшаго сына Захарія Ивановича—Якова,—Юрьевичей или Юрьевыхъ—Захарьиныхъ, по имени сына Юрья, выдѣлившихъ изъ себя потомъ знаменитую фамилію Романовыхъ—(Юрьевыхъ—Захарьиныхъ),—и, наконецъ, (третья вѣтвь)—Ляцкихъ, по прозвищу третьяго сына Захарія Ивановича, Василія Ляцкаго.

Наши лѣтописи ничего не говорятъ о старшихъ братьяхъ Захарія Ивановича—Большомъ Иванѣ, Ѳедорѣ Брехѣ (бездѣтномъ) и Яковѣ Козакѣ. Изъ этого нельзя опять заключать, что они были совершенно непричастны къ государственной и общественной жизни. Уже самое положеніе фамиліи Кошкиныхъ въ первыхъ рядахъ правительственнаго класса обязывало ея членовъ принимать то или другое участіе въ управленіи страной. Можетъ быть подъ нѣкоторыми еще неразгаданными прозвищали и неполными именами въ нашихъ лѣтописяхъ разумѣются и братья Захарія Ивановича, но мы,

---

[1]) Ключевскій.—К. р. и., III, 78—79.
[2]) Солов., IV, 118.

по недостатку положительныхъ данныхъ, еще не знаемъ этого. Очевидно—имѣя это въ виду, нашъ историкъ Соловьевъ и говоритъ, напр., что подъ бояриномъ Иваномъ Ивановичемъ, подписавшимъ завѣщаніе Темнаго въ 1462 г., [1]) и вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ покорившимъ Вятку въ 1459 г., [2]) можно разумѣть старшаго брата Захарья Ивановича—Ивана Большого [3]). Но ничего опредѣленнаго по этому поводу сказать, конечно, нельзя при настоящемъ состояніи русской исторической науки.

Что касается, наконецъ, другихъ родственниковъ боярина Захарія Ивановича Кошкина, современныхъ ему по своей жизни и дѣятельности, то здѣсь прежде всего нужно упомянуть о Голтяевыхъ, съ которыми породнился вел. кн. Василій Васильевичъ.—Родство вел. князя съ Голтяевыми естественно сообщило этой вѣтви Кошкиныхъ нѣсколько большій удѣльный вѣсъ, чѣмъ она имѣла раньше,—почему эта немногочисленная и недолговѣчная фамилія въ великое княженіе Василія Темнаго (1425—1462) встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ уже болѣе часто.

Самымъ виднымъ и дѣятельнымъ представителемъ фамиліи Голтяевыхъ въ это время былъ двоюродный братъ Захарія Ивановича и родной дядя супруги вел. кн. Василія Васильевича—Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ, младшій сынъ Ѳедора Голтяя. Андрей Ѳедоровичъ, какъ родственникъ вел. князя, особенно потрудился во время войны между вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ и кн. Юріемъ Дмитріевичемъ и его сыновьями по поводу знаменитаго инцидента съ поясомъ. Лѣтопись два раза упоминаетъ о немъ за это время. Послѣ несчастной для вел. князя битвы „въ ростовской области у Николы Святаго на горѣ“ въ 1434 г., въ которой побѣда осталась на сторонѣ кн. Юрія Дмитріевича, Андрей Голтяевъ посылается великимъ княземъ въ Тверь, куда убѣжалъ послѣ этого пораженія союзникъ вел. князя кн. Иванъ Можайскій, съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ послѣдняго не измѣнять вел. кн. Василію Васильевичу и не передаваться восторжествовавшему врагу его [4]). Но это посольство успѣха не имѣло—кн. Иванъ Можайскій, обѣщая вѣрность на словахъ, на дѣлѣ перешелъ, однако, на сторону кн. Юрія Дмитріевича, сѣвшаго тѣмъ временемъ на великокняжескій престолъ [5]). Во второй разъ Андрей Ѳедоровичъ упоминается въ лѣтописи по случаю этой войны въ 1435 г., когда кн. Василій Юрьевичъ Косой, послѣ пораженія своего „въ Ярославльской отчинѣ у Кузмы Даміана на Которасли“, направился въ Во-

---

[1]) Собр. г. гр. и д., I, 206.
[2]) П. С. Р. Л., XII, 112.
[3]) Солов., IV, 118.
[4]) П. С. Р. Л., VIII, 98.
[5]) Ibid.

логду и захватилъ тамъ въ плѣнъ нѣсколькихъ воеводъ великаго князя и среди нихъ Андрея Ѳедоровича Голтяева—„и собрався въ Кашинѣ поиде изгономъ къ Вологдѣ на великаго князя заставу, и шедъ тамо воеводъ великаго князя поималъ, Федора Михайловича Челядню, Андрѣя Федоровича Голтяева“ [1])... Но дѣло кончилось въ концѣ концовъ миромъ между князьями, и Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ получилъ свободу.

Въ 1438 г. Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ снова появляется въ нашихъ лѣтописяхъ. Онъ въ качествѣ воеводы участвовалъ въ войнѣ съ татарскимъ царемъ Махметомъ, дрался въ бою Бѣлевскомъ, а по окончаніи этого счастливаго для русскихъ боя вмѣстѣ съ Василіемъ Ивановичемъ Собакинымъ ѣздилъ „на зговорку“ съ татарскими уполномоченными Елбердеемъ Дадаръ, князьями Усеиномъ Сараевымъ да Усенемъ Хозей [2]). Миръ этотъ, какъ извѣстно, не состоялся: пока Голтяевъ съ Собакинымъ спорили съ татарами, не удовлетворяясь условіями, которыя тѣ предлагали, русскіе тѣмъ временемъ были побиты татарами и обращены въ постыдное бѣгство,—и Андрею Ѳедоровичу Голтяеву со своимъ товарищемъ по посольству ничего не оставалось послѣ этого, какъ ни съ чѣмъ возвратиться на родину.

Какъ воевода, однако, Андрей Голтяевъ заявилъ себя съ прекрасной стороны. Въ 1443 г. онъ съ кн. Василіемъ Оболенскимъ удостоивается отъ вел. князя отвѣтственнаго порученія разбить татарскаго царевича Мустафу, пришедшаго „на Рязань съ множествомъ татаръ ратью“. И Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ съ княземъ Оболенскимъ блестяще выполнили это порученіе: они не только разбили Мустафу, но и убили его, равно какъ и всѣхъ его почти князей или перебили или взяли въ плѣнъ [3]). По Никоновской лѣтописи, эта побѣдоносная битва произошла на рѣчкѣ Листани—и не въ 1443, а въ 1444 году [4]).

Болѣе ничего въ лѣтописяхъ не находимъ объ этомъ храбромъ воеводѣ. Но и изъ приведенныхъ указаній личность Андрея Ѳедоровича Голтяева достаточно выясняется для насъ—онъ прежде всего очень близкій и преданный великому князю Василію Васильевичу человѣкъ, что видно изъ горячаго участія, которое онъ принималъ въ междоусобной борьбѣ русскихъ князей, и затѣмъ—выдающійся воевода своего времени, храбрый, рѣшительный и непреклонный, что онъ доказалъ и въ 1443 г. у Рязани, и „на зговоркѣ“ подъ Бѣлевымъ въ 1438 г.

О старшихъ братьяхъ Андрея Ѳедоровича—Иванѣ и Гаврилѣ Голтяевыхъ—мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно

---

[1]) Ibid., 99; V, 266; VI, 149.
[2]) Ibid., VIII, 107; XII, 24.
[3]) Ibid., 111.
[4]) П. С. Р. Л., XII, 61—62.

лишь изъ родословной [1]), что оба они, какъ и младшій ихъ братъ Андрей Голтяевъ, были бездѣтными,—и съ ихъ смертью, такимъ образомъ, прекратился родъ Голтяевыхъ по мужской линіи.

Остается сказать о представительницѣ Голтяевыхъ по женской линіи—княгинѣ Маріи Ярославнѣ, женѣ вел. кн. Василія Васильевича. Отъ этой княгини мы имѣемъ нѣсколько жалованнымъ грамотъ разнымъ монастырямъ, рисующихъ ихъ автора главнымъ образомъ съ религіозной стороны. Княгиня Марія Ярославна весьма усердно помогаетъ монастырямъ, заботится о душѣ своей и своихъ родныхъ, занимается благотворительностью, и вообще является весьма набожной и благочестивой женщиной. Въ частности—въ жалованной грамотѣ Кириллову монастырю отъ 1453 г. о смѣсномъ судѣ вел. княгиня Марія Ярославна подтверждаетъ право игумена монастырскаго судить совмѣстно съ волостелями вел. княгини монастырскихъ людей въ случаѣ, если „смѣшается тѣмъ людемъ монастырскимъ судъ съ моими (вел. княгини) людми“. Причемъ право наказанія монастырскаго человѣка въ случаѣ его виновности въ смѣшанныхъ тяжбахъ предоставляется исключительно одному монастырю: „а правъ-ли, виноватъ-ли, манастырьской человѣкъ манастырю въ правдѣ и въ винѣ, а волостели мои у нихъ не емлютъ ничего, но знаютъ собѣ своего въ правдѣ и въ винѣ и во всѣхъ пошлинахъ; а хто на нихъ чрезъ сю мою грамоту что возметъ, или чѣмъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни“ [2]). Отъ 1477 года сохранилась другая грамота вел. княгини Маріи Ярославны въ Кирилловъ монастырь на имя игумена Нифонта. Эта грамота интересна въ томъ отношеніи, что еще разъ подтверждаетъ уже высказанное здѣсь предположеніе о богатствѣ рода Голтяевыхъ и всѣхъ вообще Кошкиныхъ. Великая княгиня пишетъ игумену Нифонту, что ею послано въ этотъ монастырь съ нѣкіимъ Майкомъ цѣлыхъ „пятсотъ рублевъ безъ пяти рублевъ“... „на милостину нищимъ и на кормли въ монастыри по старци по Пафнотіи, и по государи по своемъ по великомъ князи, и по всемъ по нашемъ роду, на пятнадцать лѣтъ“ [3]). И далѣе дается подробное расписаніе того, какъ нужно расходовать эти деньги, когда и на кого. Перечисляется болѣе десяти „скудныхъ монастырей“, которымъ тоже предписывается выдавать изъ означенной суммы „на всякой годъ, мѣсяца мая въ первый, на старцеву на Пафнотіеву годину“ [4]). Здѣсь бросается въ глаза величина вклада великой княгини по тому времени. Чтобы перевести на наши деньги этотъ вкладъ, нужно помножить означенную цифру (500) приблизительно на 20 [5]). Большіе личные расходы великой княгини пред-

---

[1]) Временн., 1851, X, 161.
[2]) Доп. къ акт. ист., I, 350.
[3]) Ibid., 358.
[4]) Ibid.
[5]) Ключевскій.—К. р. и., II, 339–341, 346, 348, 353 и др.

полагаютъ и соотвѣтствующіе имъ личные доходы. А эти доходы она получала, несомнѣнно, съ тѣхъ волостей и селъ, которыя перешли къ ней отъ Голтяевыхъ—и въ качествѣ приданаго ея матери, и просто по наслѣдству отъ бездѣтныхъ дядей. Обладаніе великой княгиней Маріей Ярославной личными наслѣдственными имѣніями подтверждается третьей жалованной грамотой, дошедшей до насъ отъ нея. Около 1479 г. она извѣщаетъ игумена Спасо-Каменскаго монастыря Логина съ братіею о дарованіи этому монастырю отъ нея, великой княгини, Николаевскаго монастыря въ Святой Лукѣ „и съ деревнями“ [1]).

Изъ другихъ ближайшихъ родственниковъ боярина Захарія Ивановича Кошкина извѣстенъ лишь Константинъ Александровичъ Беззубцовъ, двоюродный братъ послѣдняго. Этотъ Беззубцовъ прославился какъ въ высшей степени отважный и счастливый воевода. Въ 1450 г., по порученію вел. князя, онъ „съ Коломничи“ разбилъ татаръ на „Бетюковѣ рѣцѣ въ полѣ“, пришедшихъ воевать русскія земли, побилъ многихъ изъ нихъ, а остальныхъ прогналъ восвояси [2]). Въ 1469 или 1470 году Констант. Александровичъ Беззубцовъ, въ качествѣ большого воеводы, отправляется въ „судовой рати“ воевать „казанскія мѣста“. Походъ былъ очень труденъ и опасенъ,—однако, благодаря выдержкѣ и храбрости большого воеводы, онъ былъ совершенъ весьма успѣшно [3]).

Будучи самъ прекраснымъ воеводой, Константинъ Александровичъ Беззубцовъ передалъ свои военные таланты и своимъ потомкамъ, отличавшимся по-преимуществу на военномъ поприщѣ. Упомянемъ здѣсь хотя бы его сыновей—Михаила и Ѳедора Константиновичей Беззубцовыхъ [4]), внука Семена Семеновича Беззубцова [5]) и все почти цѣликомъ потомство его второго сына Андрея Константиновича Беззубцова, по прозванію—Шеремета,—потомство (Шереметевы), существующее до сихъ поръ и давшее какъ въ древнія времена, такъ въ новѣйшія многихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей почти на всѣхъ поприщахъ русской жизни. Въ древности же фамилія Шереметевыхъ славилась главнымъ образомъ на военномъ поприщѣ. Рѣдкій военный походъ въ XVI и XVII вѣкахъ обходился безъ участія кого-либо изъ Шереметевыхъ въ качествѣ воеводы. Наши лѣтописи и грамоты тогдашняго времени то-и-дѣло упоминаютъ фамилію Шереметевыхъ. Какъ на наиболѣе прославившихся изъ нихъ въ военномъ дѣлѣ можно указать на современниковъ царя Ивана

---

[1]) Доп. къ акт. ист., I, 14.
[2]) П. С. Р. Л., VIII, 123; V, 270.
[3]) Ibid., VI, 188–190; VIII, 155–157; XII, 121–122.
[4]) Ibid., VIII, 230–237; XII, 240.
[5]) Ibid., XIII, 108, 436.

Васильевича Грознаго—Ивана Васильевича Большого Шереметева [1]) и Ивана Васильевича Меньшого Шереметева, [2]) и на воеводу и вмѣстѣ знаменитаго дѣятеля начала XVII вѣка боярина Ѳедора Ивановича Шереметева [3]).

V.

Теперь намъ предстоитъ изложить исторію пятаго колѣна рода Кобылиныхъ—Кошкиныхъ. Къ этому колѣну предковъ царя Михаила относятся дѣти боярина Захарія Ивановича Кошкина, получившія названіе Захарьичей или Захарьиныхъ.

Но раньше, чѣмъ приступить къ изложенію жизни и дѣятельности дѣтей Захарія Ивановича, позволимъ себѣ сдѣлать краткое общее замѣчаніе о дальнѣйшей судьбѣ предковъ царя Михаила. Вѣтвь Кошкиныхъ—Захарьиныхъ оказалась въ послѣдующей русской исторіи самой счастливой, самой знаменитой отраслью кобылинскаго рода. Въ то время, какъ другія отрасли этого рода ютятся въ описываемое время (кон. XV и XVI вв.) въ среднихъ слояхъ правительственнаго класса Москвы, рѣдко достигая высшаго боярскаго званія, да и то лишь въ лицѣ Шереметевыхъ да отчасти—Колычевыхъ,—фамилія Захарьиныхъ, благодаря выдающимся дипломатическимъ и военнымъ способностямъ своихъ представителей, въ числѣ самыхъ немногихъ нетитулованныхъ старинныхъ боярскихъ родовъ остается въ высшемъ аристократическомъ кругу, наполнявшемся съ половины XV вѣка почти одними родовитыми князьями—рюриковичами и гедиминовичами, пріѣзжавшими на московскую службу. В. О. Ключевскій, говоря о наплывѣ этихъ князей въ Москву, о захватѣ ими первыхъ мѣстъ на московской службѣ въ XV—XVI вв. и оттѣсненіи нетитулованныхъ, хотя бы и болѣе старинныхъ, бояръ на второй и третій планы, добавляетъ, что „только какой-нибудь Воронцовъ изъ старой первостепенной боярской фамиліи Москвы Вельяминовыхъ да столь же знатные Кошкины еще держатся кое-какъ на поверхности служилаго потока“ [4]). Изъ лекцій же Ключевскаго видно, что подъ Кошкиными онъ разумѣетъ здѣсь именно фамилію Захарьиныхъ. Во второмъ томѣ своихъ лекцій онъ заявляетъ, что, когда московское боярство съ приливомъ князей распалось на три слоя, то Захарьины одни только изъ стариннаго нетитулованнаго боярства удержались въ первомъ

---

[1]) П. С. Р. Л., XIII, 146, 175, 257, 287, 289, 349, 356, 357, 439, 440;—Собр. г. гр. и д., I, 468, 469, 473, 496, 497—503 и др.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 313; XIII, 263, 264, 287, 289, 313, 323, 349 и др.; Собр. г. гр. и д., I, 496, 576 и др.

[3]) Собр. г. гр. и д., II, 345, 346, 365, 369 и др; А. И., II, 168, 379, 383 и др.

[4]) Ключевскій.—Б. Д., 212, 215.

слоѣ, на ряду съ потомками бывшихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ (съ князьями Пѣнковыми, Шуйскими, Бѣльскими, Мстиславскими и др.); прочіе же нетитулованные роды боярскіе были оттѣснены этими князьями на задній планъ [1]).

Хоть и „кое-какъ“ и „съ нѣкоторымъ успѣхомъ“ [2]) только, какъ видимъ, Захарьины удерживаются на ряду съ знатнѣйшими князьями,—однако, и это много значитъ, если другіе, подобные имъ, нетитулованные роды безъ боя уступили первыя мѣста князьямъ и спустились, такимъ образомъ, на низшія ступени московской іерархической лѣстницы. Но Захарьины сумѣли не только удержаться въ рядахъ самаго высшаго служилаго круга московскаго,—съ теченіемъ времени они начинаютъ пріобрѣтать и то прежнее значеніе, какое имѣли ихъ предки—Ѳедоръ и Иванъ Кошкины, и постепенно приближаются и въ Думѣ, и въ войскѣ къ первымъ мѣстамъ, утраченнымъ ихъ родомъ въ пользу пріѣзжихъ знатныхъ князей. Изъ рѣшенія вел. княземъ мѣстническаго спора Юрья Захарьевича съ кн. Щенятемъ въ 1500 г. видно, что Юрій Захарьевичъ былъ ниже князя Щенятн,—слѣдовательно, сидѣлъ ниже второго мѣста и въ Думѣ, такъ какъ кн. Щеня самъ занималъ въ Думѣ Ивана Ш второе мѣсто (первое мѣсто—кн. Холмскій) [3]). Сынъ же Юрья Захарьевича, Михаилъ Юрьевичъ, какъ видно изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть вел. кн. Василія Ивановича, занималъ уже по крайней мѣрѣ второе мѣсто въ ближней думѣ послѣдняго, судя по той поразительной близости и довѣрію, которыми онъ пользовался у умиравшаго великаго князя [4])

Возвышеніе рода Захарьиныхъ и приближеніе ихъ къ престолу продолжалось въ теченіе всего XVI вѣка. Захарьиныхъ мы видимъ и въ ближней думѣ великихъ князей и царей московскихъ, видимъ ихъ и на военномъ поприщѣ, гдѣ они особенно держатся высоко и успѣшно, видимъ, наконецъ, и на дипломатическомъ поприщѣ. Труды Захарьиныхъ въ послѣдней области особенно цѣнны по той причинѣ, что Московское государство въ періодъ преимущественнаго расцвѣта государственной дѣятельности Захарьиныхъ, т. е. съ конца XV в., находилось въ самомъ энергичномъ и успѣшномъ процессѣ объединенія древней удѣльной Руси. Это было то время, когда Москва вырабатывала идею національнаго русскаго государства, изъ обломковъ древнихъ удѣловъ задумала создать единую, нераздѣльную, какъ при Владимирѣ Святомъ, Русь, когда „внѣшнія отношенія Москвы, по словамъ Ключевскаго, къ иноплеменнымъ сосѣдямъ полу-

---

[1]) Ключевскій—Курсъ рус. ист.. II, 176.
[2]) Ключевскій.—Б. Д., 215.
[3]) Солов., V, 369.
[4]) П. С. Р. Л., VI, 268—274.

чали одинаковое значеніе для всего великорусскаго народа," и въ умахъ русскихъ поселилась мысль, что „Москва—общій сторожевой постъ, откуда слѣдятъ за интересами и опастностями, одинаково близкими и для москвича, и для тверича, для всякаго русскаго [1])". Въ это именно время—частнѣе, въ княженіе Ивана III (въ 1501 и 1503 г.г.)—были объявлены притязанія московскаго великаго князя на древніе русскіе города, находившіеся тогда въ рукахъ Литвы—Кіевъ, Смоленскъ и др., какъ на исконныя вотчины московскаго государя. И вотъ въ этомъ-то, по выраженію Ключевскаго, превращеніи „историческаго воспоминанія" объ единствѣ русской земли въ „политическое притязаніе", и въ распространеніи послѣдняго во всѣ стороны, какъ неотъемлемаго права Москвы, и принимали горячее участіе члены рода Захарьиныхъ. Не только въ качествѣ дипломатовъ Захарьины содѣйствуютъ московскимъ государямъ въ великомъ дѣлѣ объединенія древней Руси,—въ великой борьбѣ между Москвой и Литвой—Польшей, которая была слѣдствіемъ московскихъ притязаній на всѣ древніе русскіе города, мы видимъ ихъ также и въ роли храбрыхъ воеводъ, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивавшихъ общенаціональные русскіе интересы.

Заслуги Захарьиныхъ въ дѣлѣ объединенія и собиранія русскихъ областей подъ кровомъ Москвы высоко цѣнились московскими государями: Захарьины, какъ мы сказали, становятся все почетнѣе и почетнѣе въ XVI вѣкѣ, такъ что, по предположенію Ключевскаго, нѣкоторые изъ „Яковлей и Юрьевыхъ", двухъ вѣтвей этого рода, пользовались даже такимъ служебнымъ преимуществомъ, какъ полученіе боярскаго сана прямо, непосредственно, безъ прохожденія предварительной ступени—окольничества [2]). А этой привилегіей пользовались даже не всѣ князья, а лишь потомки великихъ князей, хотя бы и недавно поступившіе на московскую службу (кн. Ростовскіе, Пѣнковы-Ярославскіе, Шуйскіе, Голицыны и др.).

Если и „нѣкоторые" только члены Захарьинаго рода, дѣйствительно, пользовались такимъ преимуществомъ (Ключевскій говоритъ объ этомъ условно, съ оговоркой: „если только здѣсь не обманываетъ насъ неполнота списка, не обозначившаго, когда бояре этихъ фамилій были окольничими"—[3])), то все-же нужно признать тогда, что служебное положеніе Захарьиныхъ было весьма высоко—они, значитъ, по службѣ принадлежали къ первому, высшему разряду и стояли выше многихъ простыхъ удѣльныхъ князей, уступая лишь князьямъ съ громкими удѣльными титулами.

---

[1]) Ключевскій.—К. р. и., II, 143.
[2]) Ключевскій.—Б. Д., 221.
[3]) Ibid.

Особенно возвысились Захарьины съ половины XVI вѣка, когда самъ царь Иванъ Грозный породнился съ ними чрезъ бракъ свой съ Анастасіей Романовной Юрьевой-Захарьиной. Съ этого времени фамилія Захарьиныхъ-Юрьевыхъ остается все время вблизи престола, пріобрѣтаетъ массу поклонниковъ и въ народѣ, и въ дворянствѣ и, благодаря родству съ московской династіей и популярности своей, выдвигаетъ, наконецъ, со смертью царя Ѳедора Ивановича, свою кандидатуру и на царскій престолъ.

Теперь возвратимся къ „Захарычамъ“ и начнемъ съ Юрія Захарьевича, который, хотя и младше своего брата Якова Захарьевича, но, какъ родной прадѣдъ Филарета Никитича, отца царя Михаила, имѣетъ для насъ первенствующее значеніе.

Когда родился Юрій Захарьевичъ—неизвѣстно. Первый разъ онъ упоминается въ нашихъ историческихъ памятникахъ подъ 1483 г., по поводу спора „о земляхъ о Ржевскихъ“ между вел. кн. Иваномъ Васильевичемъ и его братомъ, княземъ Борисомъ Васильевичемъ Волоцкимъ. Когда послѣдній просилъ суда у вел. князя и, получивши его, не удовлетворился имъ, а обратился снова къ вел. князю—и притомъ лично, то вел. князь Иванъ Васильевичъ „отвѣчалъ ему своими бояры Юрьемъ Захарьичемъ, да Иваномъ Товарковымъ“ [1]). Юрій Захарьевичъ, такимъ образомъ, является посредникомъ между князьями—братьями,—порученіе безусловно многозначительное. Какъ видимъ, онъ называется здѣсь уже бояриномъ, по „Послужному же списку старинныхъ бояръ“...—боярство „сказано“ Юрью Захарьевичу лишь въ 1493 году [2]). Значитъ, приходится допустить въ данномъ случаѣ одно изъ двухъ—или ошибку писца, или то, что слово „бояры“ въ грамотѣ употреблено въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ сановниковъ вообще, а не въ спеціальномъ значеніи чина.

Далѣе идутъ отрывочныя указанія на Юрья Захарьевича. Въ 1485 г. онъ участвуетъ въ казанскомъ походѣ [3]); въ 1489 г. вмѣстѣ со старшимъ братомъ Яковомъ Юрій Захарьевичъ является бояриномъ и намѣстникомъ новгородскимъ, которому великій князь даетъ наставленіе встрѣтить и проводить пословъ цесарскихъ [4]); въ 1493 году, какъ уже сказано, ему пожаловано боярство [5]), наконецъ, въ 1499 г. онъ участвуетъ въ качествѣ воеводы „въ правой рукѣ“ въ казанскомъ походѣ противъ татарскаго царевича „Агалака“ [6]). Наименованіе Юрья Захарьевича бояриномъ, когда онъ былъ намѣстникомъ въ Нов-

---

[1]) Собр. г. гр. и д., I, 289.
[2]) Др. Р. В., XX, 7.
[3]) Сборн. Селиф., 284; Архіеп. Серг., 7.
[4]) Пам. дипл. сн., I, 24.
[5]) Др. Р. В., XX, 7.
[6]) П. С. Р. Л., VIII, 237; VI, 44; XII, 250.

городѣ, очевидно, носитъ тотъ-же общій характеръ, что и въ межевой грамотѣ 1483 года. Относительно намѣстничества его въ Новгородѣ нужно сказать еще, что въ 1490 году, по повелѣнію вел. князя, Юрій Захарьевичъ вмѣстѣ съ братолъ Яковомъ Захарьевичемъ помогалъ новгородскому митрополиту Геннадію въ искорененіи и исправленіи еретиковъ—жидовствующихъ—„велѣли ихъ казнити градскою казнію“ [1]). Сколько времени Юрій Захарьевичъ былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ—неизвѣстно. Что же касается похода 1499 г. противъ казанскихъ татаръ, то Юрій Захарьевичъ занималъ въ немъ довольно высокое положеніе—былъ третьимъ воеводой по мѣсту послѣ двухъ знатныхъ князей—Ѳ. И. Бѣльскаго и С. Р. Ярославскаго. Военныхъ способностей Юрью Захарьевичу въ этомъ походѣ не удалось проявить, такъ какъ до сраженія дѣло не дошло: „Агалакъ же и Уракъ, слышавъ то, что идутъ воеводы вел. князя съ силою, и побѣгоша восвояси, а воеводы великаго князя возвратишася къ Москвѣ“ [2]).

Гораздо больше знаемъ мы объ участіи Юрья Захарьевича въ русско-литовской войнѣ, въ 1500 году. Онъ прославился въ ней и какъ побѣдоносный воевода, и какъ искренній патріотъ, принесшій въ жертву государственнымъ интересамъ свое личное самолюбіе. Нужно замѣтить, что война 1500 г. была уже однимъ изъ вступительныхъ актовъ той вѣковой, какъ бы хронической, борьбы, которую вели между собою Москва и Литва—Польша изъ за порубежныхъ русскихъ областей, и о которой мы уже упоминали. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о взятіи Дорогобужа и о побоищѣ на р. Ведроши. „Тоя же весны, говоритъ лѣтопись, послалъ князь велики воеводу и боярина своего Юрья Захарьича съ многими людми къ Дорогобужу; и Юрьи шедъ Дорогобужъ взятъ“ [3]). Когда объ этомъ стало извѣстно литовскому великому князю Александру, то онъ „собралъ силу многу“ и послалъ противъ Юрья Захарьевича „воеводъ своихъ, многихъ пановъ и гетмановъ, съ многими людми“. Предстояла, такимъ образомъ, новая битва, и очень серьезная. Къ счастью для русскихъ къ нимъ пришла помощь отъ великаго князя московскаго въ лицѣ князя Данилы Васильевича Щеняти съ тверскою ратью. Но счастье это было готово разстроиться изъ за мѣстническаго спора, возникшаго между Юрьемъ Захарьевичемъ и кн. Щенятемъ, котораго вел. князь Иванъ Васильевичъ прислалъ командовать большимъ полкомъ,—и русскимъ, потому, грозило жестокое пораженіе. Юрій Захарьевичъ очень обидѣлся назначеніемъ его воеводой въ сторожевомъ полку, и писалъ въ Москву, что ему въ сторожевомъ полку быть нельзя: „то мнѣ стеречь князя Данила“ [4]). Великій князь постарался умиротво-

---

[1]) А. А. Э., I, 479.
[2]) П. С. Р. Л., VIII, 237.
[3]) Ibid., 239; VI, 46; III, 147; XII, 252, 265.
[4]) Солов., V, 139.

рить ихъ и уговорилъ Юрья Захарьевича уступить кн. Щеняти: „Гораздо-ль, отвѣчалъ онъ Захарьичу, такъ дѣлаешь?... Ты будешь стеречь не его, но меня и моего дѣла; каковы воеводы въ большомъ полку, таковы и въ сторожевомъ: такъ не позоръ это для тебя“ [1]). Юрій Захарьевичъ не счелъ возможнымъ продолжать споръ о мѣстѣ и поспѣшилъ примириться со своимъ соперникомъ. Слѣдствіемъ этого въ высшей степени своевременнаго примиренія русскихъ воеводъ была блестящая побѣда, одержанная ими надъ литовцами: „и снидошася, говоритъ лѣтопись, воеводы вел. князя Ивана Васильевича всея Русіи съ литовскими воеводами на Митковѣ полѣ, на рѣчкѣ на Ведроши, мѣсяца іюля 14... и бысть промежи ими бой великъ и сѣча зла; и милостію Божіею и Пречистыя Его Матере одолѣша воеводы вел. кн. Ивана Васильевича..., литовскихъ воеводъ многихъ побиша..., а иныхъ многихъ живыхъ поимаша воеводъ, пановъ и гетмановъ и панскихъ дѣтей...“ [2]). Побѣда эта доставила русскому національному самолюбію полнѣйшее удовлетвореніе: „и бысть тогда радость велика на Москвѣ,“ [3])—и вел. князь посылалъ даже „спросить о здоровьѣ“ воеводъ—побѣдителей [4]).

Какъ видимъ, Юрій Захарьевичъ уступилъ въ концѣ концовъ первенство князю Данилѣ Щеняти и, такимъ образомъ, лишній разъ подтвердилъ то положеніе, что первыя мѣста въ концѣ XV и XVI вв. принадлежали въ Москвѣ только знатнѣйшимъ князьямъ,—и что въ частности и Захарьины оказываются сдвинутыми съ первыхъ мѣстъ, которыя они занимали въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV вѣковъ. Но не трудно замѣтить въ инцидентѣ Юрья Захарьевича съ кн. Щенятемъ и то, что оба соперника являются изъ одной служилой среды, изъ одного аристократическаго круга, безъ особенно рѣзкой разницы въ своихъ служебныхъ положеніяхъ. Уже самое возникновеніе мѣстническаго спора между ними и тонъ примиряющаго рѣшенія, присланнаго изъ Москвы, свидѣтельствуютъ, что спорившіе принадлежатъ къ одной корпораціи людей—высшихъ, аристократическихъ. Между безусловнымъ аристократомъ и столь-же безусловнымъ неаристократомъ не могло бы и возникнуть подобнаго мѣстничества. Стало быть, и изъ этого, повидимому—отрицательнаго, явленія въ исторіи бояръ Кошкиныхъ—Захарьиныхъ мы можемъ сдѣлать положительный выводъ о знатности этого рода: даже тогда, когда первенство во всѣхъ отрасляхъ государственной службы было монополизировано пріѣхавшими въ Москву знатными князьями, Захарьины сохраняютъ свою прежнюю принадлежность къ высшимъ сферамъ, и, хотя они вынуждены теперь сидѣть ниже первыхъ мѣстъ, все-же во

---

[1]) Ibid.
[2]) П. С. Р. Л., VIII, 239—240.
[3]) Ibid., 240.
[4]) Солов.,—V, 139.

второй слой боярскихъ фамилій не опускаются, подобно другимъ нетитулованнымъ родамъ. Захарьины являются въ высшемъ тогдашнемъ кругу настолько „своими“ и полноправными членами, что временами, какъ и въ данномъ случаѣ, они рѣшаются мѣстничать даже съ первыми изъ князей.

Потрудился Юрій Захарьевичъ и на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1501 г., въ январѣ, онъ ведетъ отъ лица вел. князя московскаго переговоры съ посломъ Владислава Казимировича, короля Венгерскаго—Матьяшемъ Чежелитскимъ—о примиреніи вел. князя Ивана III съ зятемъ его—вел. княземъ Александромъ Литовскимъ. Причемъ переговоры эти Юрій Захарьевичъ ведетъ почти единолично, лишь съ помощью „казначея“ Дмитрія Владимировича [1]). Къ сожалѣнію, переговоры Юрья Захарьевича были очень непродолжительны, и сказать много о немъ, какъ дипломатѣ, поэтому, нельзя

Со времени этого дипломатическаго выступленія мы болѣе не видимъ Юрья Захарьевича на государственной службѣ. Умеръ Юрій Захарьевичъ въ 1504 году, какъ это видно изъ послужного списка [2]).

Наши древніе историческіе памятники называютъ различно жену Юрья Захарьевича—въ одномъ мѣстѣ Варварой, въ другомъ—Ириной. Съ именемъ Варвары жена его упоминается, по свадебнымъ разряднымъ записямъ, въ 1526 году, на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича—„сидитъ за столомъ“ въ числѣ немногихъ боярынь, въ качествѣ свахи [3]). А въ 1533 г., на свадьбѣ кн. Андрея Ивановича, она появляется уже съ именемъ Ирины—и также „сидитъ за столомъ“ въ числѣ нѣсколькихъ боярынь [4]). Какъ звали ее на самомъ дѣлѣ—рѣшить сейчасъ трудно, тѣмъ болѣе что есть родословная (Кампенгаузена), которая называетъ жену Юрья Захарьевича еще третьимъ именемъ—Анастасіей [5]). Наиболѣе вѣроятнымъ намъ представляется второе имя—Ирина, принятое почти всѣми родословными книгами. Называя жену Юрья Захарьевича Ириной, эти родословныя книги указываютъ и отца ея—Ивана Борисовича Тучко [6]).

Изъ братьевъ Юрья Захарьевича особенно извѣстенъ старшій—бояринъ, воевода многихъ походовъ и войнъ и искусный дипломатъ—Яковъ Захарьевичъ. О всесторонней дѣятельности его осталось очень много сравнительно извѣстій. Но всѣ эти извѣстія относятся къ послѣднимъ двумъ десятилѣтіямъ XV вѣка, когда Яковъ Захарьевичъ былъ уже бояриномъ,—до полученія же имъ боярскаго званія въ

---

[1]) А. З. Р., I, 216—220.
[2]) Др. Р. В., XX, 11.
[3]) Ibid., XIII, 15.
[4]) Ibid., 24, 27, 29.
[5]) Сборн. Селиф., 261.
[6]) Ibid., 285; Русск. Род. Кн., II, 129; Кн. Долгорук.—Росс. Родосл. Кн., IV, 207.

1480 году [1]) мы ничего, къ сожалѣнію, не знаемъ о немъ. Что же касается дѣятельности его въ санѣ боярина, то по всему видно, что Яковъ Захарьевичъ былъ способнѣе и энергичнѣе своихъ братьевъ. Имя Якова Захарьевича встрѣчается и въ лѣтописяхъ, и въ другихъ письменныхъ памятникахъ того времени—почти постоянно.

Свою государственную дѣтельность Яковъ Захарьевичъ начинаетъ въ Новгородѣ, въ качествѣ великокняжескаго намѣстника. Въ 1485 году, въ іюлѣ, вел. кн. Иванъ Васильевичъ, какъ гласитъ новгородская лѣтопись, послалъ гонца своего „въ вотчину свою въ Великій Новгородъ, къ намѣстнику своему Якову Захарьичу“, съ повелѣніемъ „ити къ Твери со всѣми силами Ноугородскими“ [2]). И Яковъ Захарьевичъ, какъ показываетъ никоновская лѣтопись, согласно предписанію вел. князя, дѣйствительно, приходилъ съ новгородскими войсками къ Твери и принималъ участіе въ осадѣ и взятіи этого города въ сентябрѣ 1486 года [3]).

Когда Яковъ Захарьевичъ былъ назначенъ новгородскимъ намѣстникомъ—остается скрытымъ пока. Извѣстно, однако, что жизнь его тамъ была не вполнѣ безопасна въ виду той ненависти, какую питали новгородцы къ Москвѣ, представителемъ которой являлся у нихъ Яковъ Захарьевичъ. Въ 1488 г. среди новгородцевъ вспыхнулъ даже бунтъ противъ Москвы, и сдѣлано было покушеніе на ея представителя—Якова Захарьевича. Послѣдній, впрочемъ, спасся отъ смерти и потомъ жестоко отомстилъ своимъ врагамъ. По его, очевидно, настоянію великій князь вывелъ изъ Новгорода „болѣ семи тысячь житіихъ людіи“ и разселилъ ихъ въ московскихъ областяхъ, „занеже, добавляетъ лѣтопись, хотѣли убити Якова Захарьича, намѣстника Новгородскаго“ [4]). Да и самъ Яковъ Захарьевичъ, по той же лѣтописи, „иныхъ думцевъ много пересѣкъ и перевѣшалъ“ [5]). Новгородцы, покоренные Иваномъ III въ 1478 г., не могли сразу забыть свою вольность и независимость отъ Москвы, и время-отъ-времени выражаютъ свою ненависть къ покорителямъ народными бунтами. Однимъ изъ такихъ антимосковскихъ бунтовъ было и возмущеніе противъ Якова Захарьевича въ 1488 г. Наказаніе (разгромъ и переселеніе 7000 новгородцевъ), которому подвергъ за это Новгородъ московскій великій князь, было роковымъ для свободы новгородской,—по словамъ Карамзина—„симъ переселеніемъ былъ навѣки усмиренъ Новгородъ“ [6]).

Управляя Новгородомъ отъ имени вел. князя, Яковъ Захарьевичъ не порываетъ связей и съ московской жизнью. Въ томъ же 1488 г.

---

[1]) Др. Р. В., XX, 5.
[2]) П. С. Р. Л., IV, 155; VIII; 216.
[3]) Ibid., XII, 217.
[4]) Ibid., VIII, 218.
[5]) Ibid.
[6]) Карамз., VI, 162.

мы видимъ его при московскомъ дворѣ—присутствующимъ, въ числѣ трехъ наиболѣе довѣренныхъ бояръ, при рѣчи посла Цесаря къ великому князю,—рѣчи, которую цесарь велѣлъ было сказать вел. князю только наединѣ [1]). Очевидно, Яковъ Захарьевичъ уже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія отличался на дипломатическомъ поприщѣ, на которомъ онъ впослѣдствіи игралъ такую большую роль,—и пользовался особеннымъ довѣріемъ велик. князя.

Въ 1489 г. Яковъ Захарьевичъ съ братомъ Юріемъ, бывшимъ вмѣстѣ съ нимъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, по наставленію вел. князя, встрѣчаетъ и провожаетъ цесарскихъ пословъ [2]). Тоже самое дѣлаетъ онъ и въ 1490 году, только уже безъ брата [3]). Въ 1490 же году Яковъ Захарьевичъ съ братомъ Юріемъ принимаетъ участіе въ искорененіи упомянутой уже ереси жидовствующихъ [4]).

Спустя два года послѣ этого мы видимъ Якова Захарьевича и въ болѣе важной и отвѣтственной роли. Онъ является однимъ изъ главныхъ активныхъ дѣятелей по заключенію брака между вел. кн. Александромъ литовскимъ и дочерью вел. князя московскаго, Еленой Ивановной. Событіе—большого политическаго значенія. Началось оно слѣдующимъ образомъ. Панъ Янъ Юрьевичъ, воевода Троцкій и вліятельный вельможа вел. князя литовскаго, обращается въ 1492 г. къ новгородскому намѣстнику Якову Захарьевичу съ предложеніемъ сосватать за вел. князя Александра Казимировича дочь московскаго великаго князя—Елену. Яковъ Захарьевичъ немедленно сообщилъ объ этомъ предложеніи въ Москву и, получивши оттуда необходимыя инструкціи, отвѣчаетъ пану Яну Юрьевичу, что желательно напередъ заключить миръ между Москвой и Литвой, а потомъ уже поднимать вопросъ о сватовствѣ [5]). Изъ Литвы на это промолчали. Но въ слѣдующемъ 1493 году Яковъ Захарьевичъ снова получаетъ грамоту отъ пана Яна Юрьевича Троцкаго по поводу якобы покупки „дву кречятовъ“, а на самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, съ цѣлью возобновить прежніе переговоры о сватовствѣ. Въ Москвѣ именно такъ и поняли это обращеніе Яна Троцкаго, такъ какъ Якову Захарьевичу дается полномочіе отъ великаго князя къ возобновленію затихшихъ было переговоровъ о бракѣ московской княжны съ литовскимъ великимъ княземъ [6]). Очевидно, бракъ этотъ былъ желателенъ какъ для той, такъ и для другой стороны. „И изымаются за то дѣло,—пишетъ великій князь московскій Якову Захарьевичу въ своей грамотѣ по этому поводу,—ино дай Богъ такъ; а не изымаются, ино въ томъ намъ ни-

---

[1]) Пам. дипл. сн., I, 2.
[2]) Ibid., 24.
[3]) Ibid., 62.
[4]) А. А. Э., I, 479.
[5]) Сб. И. Р. И. О., XXXV, 68–72.
[6]) Ibid., 85—86.

зости никоторые нѣтъ“ [1]) Яковъ Захарьевичъ, согласно инструкціи, полученной изъ Москвы, пишетъ отвѣтную грамоту Яну Троцкому въ томъ смыслѣ, чтобы вызвать какъ-нибудь послѣдняго на продолженіе прерванныхъ разговоровъ о „мирѣ и покоѣ“ между государствами, „чтобы далъ Богъ межи государей доброе дѣло было, любовь и одиначство и всякая добрая згода“, [2]) т. е. по-просту „задираетъ“, по тогдашнему выраженію, на счетъ прежняго сватовства вел. кн. литовскаго къ московской княжнѣ. Янъ Троцкій въ отвѣтъ прислалъ Якову Захарьевичу уже третью грамоту, выражаетъ въ ней полную готовность содѣйствовать „доброму пожитью“ между государями и оправдывается отъ тѣхъ обвиненій, которыя возвелъ на Литву въ своей грамотѣ Яковъ Захарьевичъ. По мнѣнію послѣдняго, прежнія сношенія о мирѣ и сватовствѣ затормазились по винѣ литовцевъ, дѣлавшихъ „великіе зацѣпки“ по отношенію къ Москвѣ. А панъ Янъ Юрьевичъ говоритъ наоборотъ: „ино отъ нашего государя никоторыхъ зачѣпокъ не было... А тымъ ся то дѣло перемѣнило, ито ся состали зачѣпки отъ вашего государя“ [3]).

Въ результатѣ этихъ осторожныхъ, хитрообдуманныхъ переговоровъ было то, что великій князь литовскій рѣшается, наконецъ, послать своихъ пословъ въ Москву, [4]) слѣдствіемъ чего было, дѣйствительно, заключеніе брака между нимъ и дочерью вел. князя московскаго, Еленой Ивановной, въ 1495 году [5]).

Изъ сказаннаго сейчасъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, что боярин Яковъ Захарьевичъ былъ особой весьма близкой къ московскому государю, если ему довѣряется такое щекотливое дѣло, какъ веденіе переговоровъ о сватовствѣ и бракѣ. Отсюда же можно видѣть, что Яковъ Захарьевичъ очень рано сталъ извѣстенъ и за-границей, и извѣстенъ какъ одинъ изъ вліятельныхъ и дипломатичныхъ вельможъ московскихъ.

Въ 1496 году мы видимъ Якова Захарьевича еще новгородскимъ намѣстникомъ. Въ качествѣ воеводы въ большомъ полку „изъ Новгорода“ онъ участвуетъ въ этомъ году въ такъ называемомъ выборгскомъ походѣ [6]). Это былъ тотъ походъ, который предприняло московское правительство противъ „свѣйскихъ нѣмцевъ“ подъ вліяніемъ союза съ датскимъ королемъ, враждебно настроеннымъ къ Швеціи. Но походъ оказался не вполнѣ удачнымъ,—русскіе, несмотря на всѣ старанія, Выборга взять не могли, благодаря энергіи храбраго витязя выборгскаго, Кнута Поссе, взорвавшаго башню съ русскими солда-

---

[1]) Ibid., 86.
[2]) Ibid., 87
[3]) Ibid., 88.
[4]) Ibid., 89.
[5]) П. С. Р. Л., VIII, 227–229.
[6]) П. С. Р. Л., VIII, 230.

тами [1]). Пришлось ограничиться лишь грабежомъ и опустошеніемъ окрестныхъ селъ и деревень—„они же землю нѣмецкую повоеваша и пожгоша, а Выбора града не взяша“ [2]).

Между 1496 и 1499 г.г. кончилось намѣстничество Якова Захарьевича въ Новгородѣ Великомъ, гдѣ онъ прожилъ не менѣе 11—12 лѣтъ, судя по тѣмъ лѣтописнымъ даннымъ какими мы располагаемъ. Около 1499 г. Яковъ Захарьевичъ былъ уже намѣстникомъ въ Костромѣ, а потомъ, вскорѣ же—во Владимирѣ. Это видно изъ жалованной грамоты вел. кн. Ивана Васильевича Костромскому намѣстнику боярину Судимонту.—Яковъ Захарьевичъ былъ намѣстникомъ въ Костромѣ вмѣстѣ съ паномъ Иваномъ Судимонтомъ, но, найдя невыгоднымъ для себя это назначеніе, Яковъ Захарьевичъ билъ челомъ великому князю, что имъ „обѣма на Костромѣ сытымъ быти не съ чего“,—и вел. князь внялъ просьбѣ своего намѣстника—пожаловалъ его городомъ Владиміромъ, а Ивану Судимонту придалъ другую половину Костромы „съ правдою“ [3]).

Нужно замѣтить, что это откровенное заявленіе Якова Захарьевича о малыхъ доходахъ является весьма характернымъ для московской системы областного управленія. По словамъ Соловьева, это заявленіе показываетъ, „что намѣстники и волостели (въ вѣкъ Ивана III) продолжали смотрѣть на отправленіе своихъ должностей, на отправленіе правосудія, исключительно какъ на средство кормиться, быть сытымъ, и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю“ [4]). Яковъ Захарьевичъ, такимъ образомъ, является здѣсь выразителемъ общаго духа московскаго правительственнаго строя.

Въ указанной грамотѣ къ Судимонту видны слѣды и соперничества между Яковомъ Захарьевичемъ и его товарищемъ по намѣстничеству въ Костромѣ. Яковъ Захарьевичъ, жалуясь на необезпеченность свою въ Костромѣ, между прочимъ, бьетъ челомъ на Судимонта, что тотъ жену Якова Ирину, когда та „напередъ“ пришла въ церковь къ Пречистой, „принялъ за накашку и съ мѣста свелъ, и поставилъ свою жену Оксинью“ [5]). Великій князь принялъ сторону Якова и сдѣлалъ выговоръ Судимонту: „и то ты чинишь съ литовскаго обычая“ [6]). При этомъ великій князь запретилъ Судимонту являться въ Москву „безъ обсылки“; „счетъ“ же по челобитью Якова Захарьевича на Судимонта обѣщалъ имъ дать тогда, когда они оба будутъ въ

---

[1]) Карамз., VI, 337—338.
[2]) П. С. Р. Л., VIII, 230; IV, 165; XII, 240.
[3]) А. И., I, 164.
[4]) Солов., V, 256.
[5]) А. И., I, 164.
[6]) Ibid.

Москвѣ [1]). Нельзя не видѣть здѣсь и безъ формальнаго „счета“, что вел. князь сочувствуетъ именно Якову, а не Судимонту, и, такимъ образомъ, какъ бы заранѣе обвиняетъ послѣдняго.

Около того же времени (1499) бояринъ Яковъ Захарьевичъ присутствуетъ при дарованіи правой грамоты вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ (внукомъ Ивана III) Симонову монастырю по спорному дѣлу съ крестьянами Долгой Слободки о трехъ древняхъ на Бѣлоозерѣ— „на судѣ были у вел. кн. Дмитрія Ивановича бояре: Яковъ Захарьевичъ“... и др. [2]).

Въ 1500 году, вслѣдствіе нарушенія вел. княземъ литовскимъ, зятемъ московскаго вел. князя, брачнаго договора („учалъ нудити дщерь его Елену... отъ Греческаго закона къ Римскому закону, чрезъ крестное цѣлованіе и черезъ утвержденную грамоту“..., а также „и въ иныхъ дѣлехъ по докончанію не исправилъ“, [3]) великій князь Иванъ III посылаетъ боярина Якова Захарьевича съ большимъ войскомъ и нѣсколькими воеводами въ литовскую землю къ князьямъ—Семену Ивановичу Можайскому и Василію Ивановичу Шемякину, выразившимъ желаніе перейти въ Москву отъ вел. князя Александра литовскаго, по причинѣ „великой нужи о Греческомъ законѣ“. Походъ Якова Захарьевича былъ очень успѣшенъ. Онъ взялъ, по лѣтописи, городъ Брянскъ,—причемъ намѣстника и воеводу этого города вмѣстѣ съ владыкой поймалъ и отправилъ въ Москву. Затѣмъ, Яковъ Захарьевичъ пошелъ къ князьямъ, къ которымъ былъ посланъ, и привелъ ихъ къ крестному цѣлованію на томъ, „что имъ служити государю великому князю Ивану Васильевичу всяа Русіи съ своими отчинами“. И, наконецъ, съ помощью этихъ князей онъ беретъ еще городъ Путивль, гдѣ взялъ въ плѣнъ, между прочимъ, кн. Богдана Глинскаго съ женой [4]).

Покрывши себя славой побѣдителя въ русско-литовской войнѣ, Яковъ Захарьевичъ и въ послѣдовавшихъ за этой войной мирныхъ переговорахъ съ Литвой сыгралъ одну изъ главныхъ ролей. Переговоры эти открылись въ 1501 году пріѣздомъ въ Москву литовскихъ пословъ во главѣ съ Станиславомъ Нарбутовымъ. Посолъ короля литовскаго, послѣ визита московскому великому князю, передаетъ Якову Захарьевичу грамоту отъ его стараго корреспондента Яна Юрьевича, воеводы Троцкаго. Изъ этой грамоты видно, что Яковъ Захарьевичъ имѣлъ большое личное вліяніе въ московскихъ правительственныхъ кругахъ, и что это было хорошо извѣстно въ Литвѣ,

---

[1]) Ibid.
[2]) Сборн. Мухан., 579.
[3]) П. С. Р. Л., VIII, 238—239; VI, 45.
[4]) Ibid., VIII, 239; VI, 46; III, 147; XII, 252.

если представители послѣдней стараются заручиться его сочувствіемъ въ вопросѣ о перемиріи.

Янъ Юрьевичъ въ своей грамотѣ напоминаетъ Якову Захарьевичу о прежней ихъ „обсылкѣ“, когда послѣдній былъ еще намѣстникомъ новгородскимъ, и о благихъ результатахъ ея—о бракѣ Александра литовскаго съ московской княжной и мирномъ договорѣ,—и въ заключеніе проситъ Якова Захарьевича содѣйствовать и настоящимъ переговорамъ о перемиріи между великими князьями—тестемъ и зятемъ [1]). „Брате..., пишетъ Янъ Юрьевичъ Якову Захарьевичу, радь государю своему и веди на то, а мы также своего господаря, ажъ-бы промежду ихъ милости, при нашихъ головахъ и радѣ, такое нежитье не было, штобы панства ихъ милости на обѣ стороны во покои были, а болшого кровопролитья межъ христіянъ не было; абыхмо то видячи межи ихъ милости радовалися, а христіяне Бога просили, а противну поганьства заодинъ стояли, какъ въ докончаніи промежду себѣ записали и на чомъ хрестъ цѣловали“ [2]) Такова просьба, обращенная къ Якову Захарьевичу. Недовольствуясь одной грамотой, Станиславъ, очевидно—по порученію Яна Юрьевича, и устно повторялъ Якову Захарьевичу тоже самое,—для чего три раза былъ на дому у послѣдняго и даже угощался тамъ—(„ѣлъ“) [3]).

Въ отвѣтъ на обращенную къ нему просьбу Яковъ Захарьевичъ говоритъ, что и онъ (Яковъ), и его товарищи бояре какъ раньше никогда не желали смуты и раздора, такъ и теперь желаютъ покоя и мира между великими князьями. Въ этомъ духѣ Яковъ Захарьевичъ пишетъ и отвѣтную грамоту Яну Юрьевичу, которая начинается слѣдующимъ образомъ: „Отъ Якова Захарьича, воеводы Коломеньского, пріятелю и брату моему, пану Яну Юрьевичу, воеводѣ Тротскому, Маршалку Земскому“ [4]). Въ грамотѣ онъ оправдываетъ своего вел. князя, сваливая всю вину въ ссорѣ на короля Александра: „то, пане, дѣло нынче такъ състалося не нашего государя стороною, ни его радою: то дѣло такъ състалося вашего государя стороною и кто будетъ ему радилъ“ [5]) Что же касается московской стороны въ этомъ дѣлѣ, то: „и напередъ сего рада государя нашего, наша господа, и дяди, и братія наша, и мы того хотѣли: какъ бы състалася межи государей любовь и свойство, и то бы было межи ихъ и до вѣка... А и нынѣ рада государя нашего и мы того хотимъ, чтобы межи государя нашего и вашего государя миръ и любовъ была и на вѣки“ [6]). Въ заключеніе проситъ Яна съ своей

---

[1]) А. З. Р., I, 231.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 231—237.
[4]) Ibid., 240.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.

стороны тоже содѣйствовать въ литовской радѣ миру между государями, чтобы „дѣло межи ихъ дѣлалось не мѣшкая“ [1]).

Грамоту эту Яковъ Захарьевичъ посылаетъ съ своимъ человѣкомъ Михаиломъ Коростелевымъ, которому онъ поручаетъ при отправкѣ „пытати въ Литвѣ вѣжливо, кого будетъ пригоже“, кого убили изъ литовскаго войска „именныхъ людей“, сколько войска у Литвы, ожидаютъ-ли они помощи откуда, были-ли у нихъ какіе послы и т. д.[2]).

Порученія, какія даетъ Яковъ Захарьевичъ Михаилу Коростелеву, подтверждаютъ лишь то, что этотъ бояринъ былъ однимъ изъ самыхъ активнымъ государственныхъ дѣятелей временъ Ивана III.

Политическая переписка Якова Захарьевича съ знатнымъ членомъ литовской рады продолжалась и далѣе.- Въ отвѣтъ на свою грамоту Яковъ Захарьевичъ получилъ вскорѣ отъ Яна другую грамоту чрезъ нѣкоего „Ондрейка Лоску“—Янова человѣка: „Отъ Яна Юрьевича, воеводы Тротскаго, маршалка земскаго, пріятелю и брату нашому, пану Якову Захарьевичу, воеводѣ коломенскому“ [3]). Въ этой грамотѣ Янъ защищаетъ своего короля и раду отъ обвиненій Якова въ нарушеніи прежняго приговора, а всю вину въ ссорѣ приписываетъ сплетнямъ перебѣжчиковъ—бояръ, которые переѣзжаютъ отъ короля къ вел. князю—и обратно—и распространяютъ будто бы разныя небылицы: „то състалося съ початку лихихъ людей, которые зрадцы отца вашего государя, зрадивши, сюда втекли, и нынѣ ихъ дѣти нашего государя, зрадивши, тамъ втекли. Ино того посмотри: хто .се—здѣ невѣрно служилъ, тамъ ему пріѣхавши какъ добро говорити? вѣдь то ему и говорити, съ себе складывая, а межи государей нежитья хотя, штобы за государскою незгодою и нежитьемъ самъ прожилъ“[4]). Въ частности невѣрно обвиненіе литовскаго короля и въ томъ, что будто бы онъ принуждаетъ свою жену, великую княгиню Елену Ивановну, къ переходу въ Римско-католическую вѣру. Въ заключеніе Янъ Юрьевичъ обращается къ Якову Захарьевичу съ ходатайствомъ за плѣнныхъ литовцевъ, томящихся въ Москвѣ, и проситъ его взять ихъ на поруки, ручаясь за ихъ послушаніе великому князю: „ино прошу тебе, пане Якове, вложися въ тое за нашою братьею... пожалуй возми ихъ на свои руки, а язъ тобѣ за нихъ слюбою и подъ присягою записываюся, штожъ ни одинъ съ нихъ не уйдетъ безъ воли вашего государя“ [5]).

Получивши эту грамоту, Яковъ Захарьевичъ шлетъ Яну Юрьевичу въ отвѣтъ сначала одну грамоту, а потомъ, не дождавшись

---

[1]) Ibid.
[2]) A. З. P., I, 240—241.
[3]) Ibid., 241.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., 242.

возвращенія Мих. Коростелева— и другую. Въ этихъ двухъ грамо тахъ Яковъ Захарьевичъ настаиваетъ на своихъ прежнихъ обвинені яхъ противъ великаго князя литовскаго („не исправилъ по докончя нію"), говоритъ о согласіи московскаго государя принять послов Александра о мирѣ и отказывается брать на поруки литовскихъ плѣн никовъ по той причинѣ, что и литовцы въ свою очередь захватили держатъ въ плѣну многихъ людей московскаго государя—псковскаг посла, нѣкоторыхъ „гостей" и человѣка московскаго государя—Губ Моклокова, посланнаго къ Стефану, воеводѣ Волошскому. При этом Яковъ Захарьевичъ указываетъ, что поступки литовцевъ въ отношені московскихъ пословъ противорѣчатъ международнымъ обычаямъ: „в всѣхъ земляхъ рати ходятъ, а посломъ и гостемъ зацѣпки нѣт никоторые"[1]).

Но играя такую важную роль въ дипломатіи московскаго госу дарства, будучи извѣстенъ и за-границей, какъ вліятельнѣйшій боя ринъ Ивана III, Яковъ Захарьевичъ въ Боярской Думѣ, однако, зани маетъ всего третье мѣсто, какъ это видно изъ грамоты московских бояръ къ литовской радѣ по тому же вопросу о возобновленіи мира „Отъ кн. Василія Даниловича, воеводы московскаго, и отъ Данил Васильевича, воеводы Великаго Новгорода, и отъ Якова Захарьевича воеводы Коломенскаго..."[2]). Тоже мѣсто занимаетъ Яковъ Захарьевич и въ отвѣтной грамотѣ отъ литовской рады [3]). Это обстоятельств объясняется тѣмъ, что знатнѣйшіе изъ рюриковичей и гедиминовичей къ этому времени вполнѣ уже овладѣли первыми почетными мѣстам при московскомъ дворѣ,—и Яковъ Захарьевичъ, несмотря на сво родовитость и выдающіеся таланты, несмотря даже на свои заслуг предъ отечествомъ, долженъ былъ, тѣмъ не менѣе, первыя два мѣст уступить родовитѣйшимъ князьямъ—Холмскому и Щеняти.

Дипломатическія способности Якова Захарьевича были такъ из вѣстны, что, когда открылись переговоры Москвы съ послами—пап скимъ, венгерскимъ и польскимъ—о примиреніи вел. князя москов скаго съ зятемъ его—королемъ литовскимъ Александромъ, Яков Захарьевичу поручается велик. княземъ Иваномъ Васильевичем главная активная роль. Лишь съ помощью Григорія Ѳедоровича д казначея Дмитрія Володимерова онъ ведетъ всѣ эти переговоры, изы скивая всевозможныя средства для того, чтобы отстоять интерес Москвы и въ тоже время не уронить ея достоинства [4]). Переговор увѣнчались мирнымъ договоромъ 1503 г.

Участвуя въ дипломатическихъ переговорахъ съ Литвой, тянув шихся съ 1501 по 1503 годъ, Яковъ Захарьевичъ, когда было нужн

---

[1]) Ibid., 243—244.
[2]) Ibid., 247.
[3]) Ibid., 249.
[4]) A. З. Р., I, 257, 270, 273, 275, 279, 281—286, 330—332.

выступалъ въ это время противъ Литвы и съ оружіемъ въ рукахъ, въ качествѣ воеводы. Такъ въ 1502 г. мы видимъ его въ числѣ осаждающихъ Смоленскъ, хотя и безуспѣшно—вслѣдствіе мужества королевскихъ воеводъ—Станислава Кишки и намѣстника короля—Сологуба [1]).

Въ 1504 году Яковъ Захарьевичъ присутствовалъ при составленіи духовной грамоты вел. кн. Ивана Васильевича и подписался третьимъ бояриномъ, послѣ тѣхъ-же князей—Холмскаго и Щеняти[2]).

Въ послѣдній разъ находимъ указаніе на дѣятельность боярина Якова Захарьевича подъ 1508 годомъ. Въ этомъ году Яковъ Захарьевичъ три раза отправлялся вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ вмѣстѣ съ другими воеводами „литовскіе земли воевати“—сначала въ сентябрѣ мѣсяцѣ [3]), потомъ—въ апрѣлѣ [4]), и, наконецъ, въ маѣ [5]). О результатахъ первыхъ двухъ походовъ лѣтописи ничего не говорятъ—повидимому, они кончились ничѣмъ. О послѣднемъ походѣ лѣтопись говоритъ подробнѣе: вел. кн. Василій Ивановичъ посылаетъ нѣсколькихъ воеводъ, изъ разныхъ городовъ, воевать литовскія земли „за королево неисправленіе“, указываетъ даже мѣсто, гдѣ нужно воеводамъ сойтись—„къ Оршѣ“ и т. д. Но и этотъ походъ былъ не особенно удаченъ—русскіе воеводы такъ и не встрѣтились съ литовскимъ войскомъ: „а великаго князя воеводы, воевавши литовскую землю, поидоша въ свою землю, а король пошелъ къ Смоленску“ [6]). Годъ смерти Якова Захарьевича показывается различно. По послужному списку онъ умеръ въ 1511 году [7]), а по „Описанію царск. пресвѣтл. прарод.“—въ 1503 году („Лѣта 7011, марта въ 15 день представися рабъ Божій Іаковъ Захарьичъ“) [8]). Конечно, первое извѣстіе достовѣрнѣе, такъ какъ мы видѣли Якова Захарьевича живымъ еще въ 1508 г., когда онъ ходилъ воевать литовскія земли.

Жену Якова Захарьевича звали Ириной. Изъ какого рода она—неизвѣстно. Болѣе того, что есть въ вышеупомянутой грамотѣ вел. кн. Ивана III къ Судимонту, мы не знаемъ о женѣ Якова Захарьевича.

О третьемъ, младшемъ сынѣ Захарія Ивановича, Василіи Захарьевичѣ Ляцкомъ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Эту фамилію сдѣлалъ извѣстной лишь сынъ Василія Захарьевича, Иванъ Васильевичъ Ляцкой,—но о немъ скажемъ послѣ.

---

[1]) Сб. и. р. и. о., XXX, 336—339; Карамз., VI, 374.
[2]) Собр. г. гр. и д., I, 400.
[3]) П. С. Р. Л., VI, 52; VIII, 24; XIII, 6.
[4]) Ibid., VI, 53; VIII, 249; XIII, 9.
[5]) Ibid., VIII, 249.
[6]) Ibid.
[7]) Др. Р. В., XX, 15.
[8]) Снег., Н. М., 126 (д. ст.).

VI.

Въ лицѣ шестого поколѣнія (Захарьины) предки царя Михаил становятся значительно ближе къ носителю верховной власти. Ус лившись количественно, Захарьины одновременно поднимаютъ и сво служебное положеніе, являясь всюду—и на военномъ поприщѣ, и в дипломатическихъ дѣлахъ первой половины XVI вѣка—одними из главныхъ, отвѣтственныхъ и способныхъ дѣятелей. Довѣріе, кото рымъ пользуются Захарьины у московскихъ государей, отчасти зави ситъ отъ того, что они—нерюриковскаго корня, и, слѣдовательно должны были казаться гораздо преданнѣе и скромнѣе своихъ сопер никовъ по службѣ—удѣльныхъ князей, помнившихъ свое происхо жденіе и родовыя права на обладаніе русской землей. А къ половин XVI вѣка московскіе государи уже вполнѣ убѣдились, какъ нелегк титулованнымъ и нѣкогда могущественнымъ слугамъ ихъ порвать с своимъ славнымъ прошлымъ. Поэтому-то московскіе государи и на чинаютъ замѣтно приближать къ себѣ этихъ Захарьиныхъ, как такихъ бояръ, которые уже по самому происхожденію своему н могли раздѣлять тѣхъ политическихъ претензій и утопическихъ ме чтаній, какія невольно витали у бояръ—князей, происходившихъ от одного предка съ московскими государями. Постепенное возвышені Захарьиныхъ въ первой половинѣ XVI вѣка завершилось тѣмъ, чт они вступили въ ближайшее родство съ московской династіей, благо даря браку царя Ивана Грознаго съ дочерью Романа Юрьевича За харьина, Анастасіей. Но выгодами этого родства съ верховной власты воспользовалось уже слѣдующее поколѣніе, такъ какъ ко времен перваго брака Ивана Грознаго (1547) изъ представителей шестог поколѣнія былъ живъ одинъ лишь Григорій Юрьевичъ Захарьин

Къ шестому колѣну предковъ дома Романовыхъ относятс прежде всего дѣти Юрья Захарьевича, его шесть сыновей—Василій Миҳаилъ, Иванъ, Романъ, Григорій и Семенъ Юрьевичи Захарьин и дочь Ѳеодосія Юрьевна Захарьина. Придерживаясь прежняго по рядка, мы остановимъ свое вниманіе прежде всего на томъ изъ сы новей Юрья Захарьевича, который сдѣлался прямымъ предкомъ дом Романовыхъ. Такимъ былъ четвертый сынъ Юрья Захарьевича Роман Юрьевичъ Захарьинъ, родной прадѣдъ царя Михаила Ѳедоровича сообщившій и потомкамъ своимъ отъ своего имени фамилію Ро мановыхъ.

Къ сожалѣнію, объ этомъ предкѣ царя Михаила мы имѣем очень мало точныхъ свѣдѣній. Сохранились лишь общія указанія н знатное общественное положеніе Романа Юрьевича, на принадлеж

ность его къ высшему свѣту. Послѣднее обстоятельство подтверждается уже тѣмъ, что на дочери его женился самъ московскій государь, Иванъ Грозный. Иностранецъ Масса называетъ Анастасію Романовну, первую московскую царицу, даже „дочерью одного князя знатнаго происхожденія“, [1]) хотя Романъ Юрьевичъ и не былъ княземъ на самомъ дѣлѣ. О близости Романа Юрьевина къ великокняжескому двору Масса выражается еще опредѣленнѣе: „отецъ ея (царицы Анастасіи) Романъ Захарьевичъ (вмѣсто Юрьевичъ) былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ великому князю“ [2]).

В. О. Ключевскій также отводитъ Роману Юрьевичу почетное мѣсто среди московскихъ бояръ: „въ началѣ XVI вѣка, говоритъ онъ, видное мѣсто при дворѣ занималъ бояринъ Романъ Юрьевичъ Захарьинъ“ [3]).

Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ историческихъ памятникахъ мы не находимъ указаній на то, что Романъ Юрьевичъ имѣлъ боярскій санъ. Въ боярскихъ спискахъ (Послужной списокъ... Др. Р. В., XX) онъ совсѣмъ не значится почему-то, а по никоновской лѣтописи Анастасія Романовна, по случаю своего выхода замужъ за Грознаго, названа всего лишь дочерью „окольничего“ Романа Юрьевича Захарьина [4]). Принимая во вниманіе, что Романъ Юрьевичъ умеръ ранѣе свадьбы своей дочери Анастасіи, и что въ надгробной надписи онъ не помѣченъ бояриномъ, мы должны заключить, что боярскаго чина онъ вовсе не имѣлъ, и умеръ просто окольничимъ. Что же касается того, что Ключевскій назвалъ Романа Юрьевича всетаки боярином, то нужно замѣтить, что этотъ историкъ, какъ онъ самъ сознается въ другомъ мѣстѣ, употребляетъ слово „бояринъ“ „не въ томъ значеніи, какое оно имѣло на оффиціальномъ московскомъ языкѣ XVI вѣка“, а „въ условномъ смыслѣ верхняго слоя многочисленнаго военно-служилаго класса въ московскомъ государствѣ“ [5]). Ключевскій назвалъ Романа Юрьевича бояриномъ, значитъ, лишь въ смыслѣ принадлежности его вообще къ высшему правящему кругу. Смерть Романа Юрьевича послѣдовала въ 1543 г., за четыре года, слѣдовательно, до брака его дочери Анастасіи. „Лѣта 7051, февраля въ 16 день преставися рабъ Божій Романъ Юрьевичъ Захарьинъ“— читаемъ мы въ „Опис. царск. пресв. прарод.“ [6]).

Вотъ все, что можно сказать о Романѣ Юрьевичѣ Захарьинѣ. Свѣдѣній о конкретныхъ фактахъ его государственной дѣятельности мы почти не имѣемъ, если не считать отрывочныхъ и темныхъ ука-

---

[1]) Сказ. М. и Г., 12.
[2]) Ibid.
[3]) Ключевскій.—К. р. и., III, 79.
[4]) П. С. Р. Л., XIII, 453.
[5]) Ключевскій.—К. р. и., II, 180.
[6]) Снег.—Н. М., 127 (д. ст.).

заній на его участіе въ разныхъ военныхъ походахъ 1531 г. въ качествѣ воеводы [1]).

Жену Романа Юрьевича звали Ульяной Ѳедоровной. О ней извѣстно прежде всего то, что она въ качествѣ боярыни, вмѣстѣ съ женами Данилы Романовича и Никиты Романовича, была „у постели" на свадьбѣ кн. Юрья Васильевича, брата царя Ивана Грознаго, въ 1548 году [2]). Затѣмъ, существуетъ преданіе о посѣщеніи Ульяны Ѳедоровны св. Геннадіемъ Костромскимъ и о предсказаніи послѣднимъ ея дочери Анастасіи царственнаго супружества. Въ житіи указаннаго святого объ этомъ посѣщеніи говорится такъ: „Нѣкогда же случися святому пріити въ Москву, и пріятъ былъ честно отъ болярыни [3]) Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея, Даніила и Никиты, и дщери ея, Анастасіи Романовны". Послѣдней, далѣе, и предсказывается царственная будущность [4]).

Гостепріимное радушіе и глубокое почитаніе, съ какими Ульяна Ѳедоровна отнеслась, по преданію, къ костромскому святому, свидѣтельствуютъ о весьма набожномъ настроеніи бояръ Кошкиныхъ—Захарьиныхъ.

Предъ смертью Ульяна Ѳедоровна приняла монашество съ именемъ Анастасіи [5]). Время кончины ея неизвѣстно. Прахъ ея покоится въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ [6]).

Существуетъ предположеніе (Студенкина), что Романъ Юрьевичъ былъ женатъ два раза, и что Ульяна Ѳедоровна была второй его женой. Первую же жену его звали Варварой,—причемъ это и была будто-бы та Варвара „Юрьева жена Захарьина", которая упоминается въ 1526 году на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича въ роли свахи, такъ какъ, по мнѣнію Студенкина, эта Варвара не могла быть ни женой Юрья Захарьевича, ни другого кого изъ Захарьиныхъ, кромѣ Романа Юрьевича. Студенкинъ готовъ даже указать и мѣсто ея погребенія—рядомъ съ Романомъ Юрьевичемъ, въ той гробницѣ, которая „безъ надписи", по „Опис. Н. М." [7]).

Противъ этого предположенія можно указать, однако, на то, что вышеупомянутая Варвара оба раза называется именно „Юрьевой женой Захарьина", а не Романовой: „да съ ними жъ быти въ свахахъ князь Ивановѣ Шуйскаго княгинѣ Авдотьѣ, да Юрьевѣ женѣ Малова

---

[1]) Сборн. Селиф., 100, 285.

[2]) Др. Р. В., XIII, 37.

[3]) Слово „болярыня" въ приложеніи къ Ульянѣ Ѳедоровнѣ означаетъ здѣсь, очевидно, тоже, что у Ключевскаго „бояринъ" въ отношеніи Романа Юрьевича.

[4]) Солов., VI, 397, прим. 23.

[5]) Сборн. Селиф., 286.

[6]) Ibid.

[7]) Ibid., 300, прим. 9.

Варварѣ“... „А за столомъ сидѣти боярынямъ: князь Ѳедоровѣ Ивановича Бѣльскаго княгинѣ Аннѣ..., да Юрьевѣ женѣ Захарьина Варварѣ..., да Михайловѣ женѣ Юрьева Иринѣ“ [1]). Прочія боярыни, какъ видимъ, называются здѣсь прямо по имени своихъ мужей, а не ихъ отцовъ—почему же сдѣлано исключеніе для жены Романа Юрьевича, названной будто бы по имени свекра?! Для такого исключенія нѣтъ основаній, и подъ „Юрьевой женой Захарьина“ нужно разумѣть жену именно Юрья Захарьевича, а не Романа Юрьевича, тѣмъ болѣе что она упоминается ранѣе жены Михаила Юрьевича—Ирины, а вѣдь Михаилъ Юрьевичъ былъ не только старше Романа Юрьевича, но, какъ можно догадываться, пользовался, сравнительно съ послѣднимъ, и большей близостью къ великокняжескому семейству, и большей извѣстностью на государственномъ поприщѣ.

Предположеніе Студенкина, такимъ образомъ, остается необоснованнымъ,—и пока что—мы должны считать Романа Юрьевича женатымъ всего лишь одинъ разъ.

Изъ пяти братьевъ Романа Юрьевича самымъ старшимъ былъ, какъ предполагаютъ, [2]) Василій Юрьевичъ Захарьинъ. Ни старинныя родословныя (XVI и XVII вв.), ни лѣтописи наши не говорятъ о немъ. Повидимому, онъ умеръ въ дѣтскомъ возрастѣ. Смерть его послѣдовала 15 іюля, 1497 года [3]).

Слѣдующимъ по возрасту братомъ Романа Юрьевича былъ Михаилъ Юрьевичъ—ближайшій совѣтникъ вел. кн. Василія Ивановича, одинъ изъ правителей въ малолѣтство Ивана Грознаго и выдающійся дипломатъ своего времени. Это былъ самый вліятельный бояринъ изъ всѣхъ внуковъ Захарія Ивановича, затмившій своей близостью къ государю и родныхъ и двоюродныхъ братьевъ своихъ, не исключая и будущаго тестя царскаго—Романа Юрьевича. По своему привилегированному положенію въ правительственной средѣ, по своимъ дипломатическимъ способностямъ Михаилъ Юрьевичъ превзошелъ даже своего знаменитаго дядю Якова Захарьевича.

Свою общественнно-государственную дѣятельность Михаилъ Юрьевичъ началъ еще при жизни своего отца,—какъ полагаютъ—съ 1494 года, когда онъ фигурируетъ уже въ роли воеводы [4]).

Особенно часто мы видимъ Михаила Юрьевича на поприщѣ внѣшнихъ сношеній московскаго государства съ иностранными правительствами. Въ этой области онъ обнаруживаетъ себя достойнымъ преемникомъ своего дяди—Якова Захарьевича, являясь даровитѣйшимъ ученикомъ дипломатической школы Ивана III. Въ первую по-

---

[1]) Др. Р. В., XIII, 15.
[2]) Сборн. Селиф., 100—101, 285.
[3]) Снег. Н. М., 126 (д. ст.).
[4]) Сборн. Селиф., 100, 263, 285.

ловину своей жизни Михаилъ Юрьевичъ показывается иногда и въ военныхъ походахъ, но во вторую половину ея онъ почти не выходитъ изъ сферы дипломатіи.

Еще до полученія окольничества Михаилъ Юрьевичъ ѣздилъ „посолствомъ“ въ Литву отъ вел. кн. Василія Ивановича въ 1511 г., вмѣстѣ съ дьякомъ Васильемъ Долматовымъ, для разслѣдованія разныхъ недоразумѣній и обидъ отъ „королевскихъ людей государевымъ людямъ“ [1]; причемъ въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Михаилъ Юрьевичъ называется уже въ это время „тверскимъ дворецкимъ“ [2]. Въ 1514 году Михаилъ Юрьевичъ удостоивается званія окольничаго [3]. Затѣмъ, начинается рядъ его выступленій опять на дипломатическомъ поприщѣ,—сначала по большей части въ незначительныхъ роляхъ, а потомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ въ болѣе важныхъ и ответственныхъ, и, наконецъ, мы видимъ его главнымъ, первымъ лицомъ въ дипломатическихъ переговорахъ Москвы съ заграницей.

Въ 1517 году Михаилъ Юрьевичъ участвуетъ въ церемоніяхъ пріема посла отъ прусскаго магистра Альбрехта—Дитриха Шонберга: „являлъ его великому князю челомъ ударити“ [4]. Въ томъ же году онъ „являлъ“ вел. князю Максимиліанова посла Сигизмунда [5]. Въ слѣдующемъ и въ 1519 годахъ Михаилъ Юрьевичъ „являетъ“ вел. князю опять Дитриха Шонберга [6]. Но въ 1517 же году мы видимъ Михаила Юрьевича участникомъ и самыхъ переговоровъ—именно переговоровъ съ послами польскаго короля—панами Яномъ Щитомъ и Богушемъ Боговитиновичемъ, при посредствѣ императорскаго посла Сигизмунда Герберштейна, о заключеніи мира [7].

Въ 1519 году Михаилъ Юрьевичъ, сохраняя прежнее званіе тверского дворецкаго, получаетъ отъ великаго князя порученіе съѣздить въ Казань по случаю смерти казанскаго царя Магмедъ-Аминя, сказать тамошнимъ жителямъ „великаго князя государя жалованіе“ и сообщить имъ великокняжескую волю о дарованіи „на Казань царемъ“ царевича Шигъ-Алея [8]. Это было въ январѣ мѣсяцѣ, а въ мартѣ того же года Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ кн. Дм. Ѳед. Бѣльскимъ опять ѣздилъ, по повелѣнію вел. князя, въ Казань. Цѣлью второй поѣздки его было—„сажати на царство“ казанское царевича Шигъ-Алея. „И они же ѣхавъ въ Казань, по великаго князя приказу посадиша Шигалея царя на царство априля; а людей къ шерти приведо-

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 251; VIII, 252; XIII, 13; Сб. И. Р. И. О., XXXV, 492.
[2]) Сб. И. Р. И. О., XXXV, 492.
[3]) Др. Р. В., XX, 17.
[4]) Сб. И. Р. И. О., LIII, 6.
[5]) Пам. дипл. сн., I, 196—197.
[6]) Сб. И. Р. И. О., LIII, 196—197.
[7]) Ibid., XXXV, 500—547.
[8]) П. С. Р. Л., VIII, 266; XIII, 31.

ша на томъ, что имъ быти неотступнымъ отъ государя вел. князя и до своего живота [1]).

Въ 1520 г. Михаилъ Юрьевичъ принимаетъ участіе въ сношеніяхъ Москвы съ послами прусскаго магистра Альбрехта—Мельхеромъ Рабенштейномъ и Юріемъ Клингенбекомъ, которыхъ онъ же и представлялъ великому князю [2]). Эти переговоры вел. князя московскаго съ прусскимъ магистромъ имѣли цѣлью заключеніе союза противъ польско-литовскаго короля для возвращенія исконныхъ русскихъ областей съ одной стороны, и прусскихъ земель—съ другой. Михаилъ Юрьевичъ, впрочемъ, особенно отвѣтственной роли въ этихъ переговорахъ не игралъ—она принадлежала главнымъ образомъ Юрію Малому да Шигонѣ. Михаилъ же Юрьевичъ участвуетъ въ этихъ переговорахъ лишь съ 28 апрѣля по 6-е мая по поводу присылки грамоты отъ магистра со „Степанкой“ [3]).

Въ томъ же году Михаилъ Юрьевичъ ведетъ переговоры съ панами Яномъ Костевичемъ и Богушемъ Боговитиновымъ, послами польскаго короля Сигизмунда Казимировича, о перемиріи [4]).

Черезъ годъ послѣ этого Михаилъ Юрьевичъ получаетъ боярское достоинство (1521) [5]). А въ слѣдующемъ году (1522) заключаетъ, послѣ долгихъ переговоровъ, перемиріе съ панами Петромъ Кишкоії, Богушемъ Боговитиновымъ и Ивашкой Горностаевымъ, послами Сигизмунда Казимировича [6]).

Всѣ эти переговоры съ польско-литовскими послами, въ которыхъ принималъ участіе Михаилъ Юрьевичъ, носятъ традиціонный характеръ московской дипломатіи: московскіе дипломаты не только пользуются выработанными ихъ предшественниками внѣшними дипломатическими пріемами, но и твердо держатся тѣхъ основныхъ принциповъ и конечныхъ цѣлей, которые были намѣчены еще во времена Ивана Ш. Со всей рѣшительностью и страстностью защищаютъ товарищи Михаила Юрьевича и онъ самъ идею объединенія древней Руси въ единое національное московское государство. Откуда и безпрерывные споры ихъ съ поляками о Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и др. древнихъ русскихъ областяхъ, на которыя протягивала также руку и Польша-Литва [7]).

Освободившись на нѣкоторое время отъ дипломатическихъ обязанностей послѣ перемирія, заключеннаго въ 1522 году съ польско-литовскимъ королемъ, Михаилъ Юрьевичъ отправляется въ казанскій

---

[1]) Ibid., VIII, 267.
[2]) Сб. И Р. И. О., LIII, 183, 203—208, 226.
[3]) Ibid., 203—208.
[4]) Ibid., XXXV, 576—596.
[5]) Др. Р. В., XX, 20.
[6]) Сб. И. Р. И. О., XXXV, 621—642.
[7]) Ibid., 509, 583, 584, 630 и др.

походъ 1524 года. Это было, судя по имѣющимся даннымъ, послѣднимъ выступленіемъ Михаила Юрьевича на военномъ поприщѣ, послѣ чего онъ всецѣло посвятилъ свою жизнь административной и дипломатической дѣятельности. Казанскій походъ 1524 года былъ предпринятъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе „неисправленія“ казанцевъ. Этотъ походъ былъ грандіозенъ: войско московское было отправлено „въ судѣхъ и конми“, съ массою большихъ и малыхъ воеводъ, среди которыхъ было однихъ потомковъ Андрея Кобылы пять человѣкъ (Михаилъ Юрьевичъ, Ив. Вас. Ляцкой, Вас. Андр. Шереметевъ, Θед. Сем. Колычевъ и Ив. Вас. Лошаковъ) [1]). Михаилъ Юрьевичъ былъ въ судовой рати третьимъ воеводой въ большомъ полку, послѣ князей Бѣльскаго и Горбатаго [2]). Такое „крѣпкое и грозное воинство великое“—по словамъ лѣтописи—произвело панику въ Казани: „злочестивый“ царь казанскій, будучи освѣдомленъ о немъ, „съ великимъ срамомъ побѣже исъ Казани“ [3]). Результаты похода были самые благіе—казанцы „добиша челомъ великаго князя воеводамъ да и шерть дали на всей воли государя великаго князя“ [4]).

Черезъ два года послѣ этого похода, въ 1526 году, Михаилъ Юрьевичъ снова появляется на дипломатическомъ поприщѣ—онъ ведетъ переговоры уже съ знакомыми ему послами Сигизмунда Казимировича, Петромъ Кишкой и Богушемъ Боговитиновымъ, о заключеніи болѣе или менѣе продолжительнаго мира. Благодаря посредничеству пословъ императора, папы и эрцгерцога Фердинанда, миръ между Москвой и Польшей, дѣйствительно, былъ заключенъ—и на цѣлыхъ шесть лѣтъ [5]).

Параллельно съ дипломатической дѣятельностью Михаила Юрьевича увеличивается и значеніе его, какъ придворнаго сановника и совѣтника великаго князя Василія Ивановича. Еще задолго, очевидно, до кончины послѣдняго между великимъ княземъ и Михаиломъ Юрьевичемъ образовалась та нѣжная дружба, которая обнаружилась во всей полнотѣ во время предсмертной болѣзни великаго князя въ 1533 году. Близость между ними замѣтна уже въ 1526 году, на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича. По разрядной записи, Михаилъ Юрьевичъ участвовалъ на этой свадьбѣ въ качествѣ „другого дружки“. Онъ же долженъ былъ и „ходить передъ вел. княземъ“ во время церемоніи [6]).

Далѣе мы видимъ Михаила Юрьевича въ числѣ поручителей—„подручниковъ“ за опальныхъ бояръ, когда великому князю донесли

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 270; XIII, 44.
[2]) Ibid., VIII, 270.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Сб. И. Р. И. О., XXXV, 710—732.
[6]) Др. Р. В., XIII, 15—16.

о намѣреніи нѣкоторыхъ бояръ сбѣжать въ Польшу. Такъ, онъ упоминается въ 1527 г. въ „подручной грамотѣ“ по дѣлу кн. Мих. Львовича Глинскаго, въ качествѣ „подручника“ предъ вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ [1]). А въ слѣдующемъ, 1528, году ему было даже поручено принимать „подручную грамоту“ по дѣлу князей Ивана и Андрея Шуйскихъ,—причемъ Михаилъ Юрьевичъ скрѣпилъ эту грамоту своей собственной печатью [2]).

Послѣднее обстоятельство можно разсматривать, какъ новое доказательство все растущаго довѣрія вел. князя къ Михаилу Юрьевичу.

Въ 1533 году Михаилъ Юрьевичъ фигурируетъ на свадьбѣ кн. Андрея Ивановича—„сидѣлъ за столомъ“, „противъ боярынь“, въ числѣ знатнѣйшихъ бояръ [3]).

Въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка Михаилъ Юрьевичъ достигаетъ наибольшаго возвышенія своего при дворѣ вел. кн. Василія Ивановича. Вмѣстѣ съ кн. Дм. Ѳед. Бѣльскимъ онъ представляется намъ самымъ вліятельнымъ и любимымъ бояриномъ у государя. Это видно прежде всего изъ сношеній Москвы съ Литвой въ томъ-же 1533 году. Въ виду истекавшаго перемирія между вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ и литовскимъ королемъ Сигизмундомъ, заключеннаго въ 1526 г., и въ виду того, что вел. кн. Василій Ивановичъ, по словамъ литовцевъ, будто бы „николи пословъ своихъ къ... господарю (Сигизмунду) не слалъ, а ни миру, ни добрые змолвы учинити не хотѣлъ“, литовская рада обращается къ вышеупомянутымъ боярамъ—кн. Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу—съ грамотой, въ которой проситъ ихъ, какъ самыхъ высокихъ сановниковъ, склонить великаго князя московскаго къ возобновленію мира между государствами. Въ этой грамотѣ Михаилъ Юрьевичъ носитъ новый титулъ—„боярина введеннаго“: „братьи и пріятелемъ нашимъ, адресуетъ свою грамоту литовская рада, князю Дмитрею Ѳеодоровичу Бѣльскому, воеводѣ Володимерскому, а Михайлу Юрьевичу, воеводѣ и боярину уведеному“ [4]). О важномъ правительственномъ значеніи этихъ двухъ бояръ, о ихъ вліяніи на вел. кн. Василія Ивановича и на внѣшнюю политику московскаго государства мы читаемъ слѣдующее въ этой грамотѣ: „мы (паны) тежъ видячи на то, ихъ вжо и часъ близкій перемирья выходитъ..., и хотячи видѣти, абы... межь господарей кристьянскихъ миръ и впокой былъ...,—намовивши есмо межи себѣ зъ братьею нашою, съ паны радами господаря нашего, умыслили есмо послати до васъ, слышачи, ижъ вы у своего господаря рада его высокая, а таковыи справы важныи и

---

[1]) Собр. г. гр. и д., I, 428—429.
[2]) Ibid., 432.
[3]) Др. Р. В., XIII, 25, 27 29.
[4]) Сб. И. Р. И. О., LIX, 2.

пожиточныи господарю своему ку доброму его и земскому справуете, какъ же и тыи рѣчи можете господарю своему радити и ку доброму его приводити“ [1]).

Какъ видимъ, Михаилъ Юрьевичъ, подобно своему дядѣ Якову Захарьевичу, былъ также извѣстенъ заграницей. Своимъ же положеніемъ въ ближней думѣ вел. кн. Василія Ивановича (занимаетъ второе мѣсто) Михаилъ Юрьевичъ, несомнѣнно, превосходитъ своего дядю, сидѣвшаго, какъ мы видѣли, въ Думѣ на третьемъ мѣстѣ.

Близость Михаила Юрьевича ко двору особенно проявилась во время болѣзни и смерти вел. кн. Василія Ивановича въ 1533 году. Отправившись въ сентябрѣ 1533 г. со своимъ семействомъ сначала въ Троице—Сергіевскій монастырь на богомолье, а потомъ въ свою отчину Волоколамскъ „тѣшится“, великій князь вдругъ заболѣваетъ дорогой въ селѣ Озерецкомъ и съ трудомъ—„нужно“—добирается до Волока. Здѣсь онъ перемогается сначала и даже принимаетъ участіе въ охотѣ, но потомъ окончательно сваливается въ постель. Не получая облегченія и отъ пріѣхавшихъ изъ Москвы „дохтуровъ“, вел. князь въ отчаяніи уже начинаетъ помышлять о завѣщаніи и о послѣднемъ христіанскомъ долгѣ. Въ такую минуту онъ вспомнилъ прежде всего объ отсутствующемъ Михаилѣ Юрьевичѣ и немедленно послалъ за нимъ въ Москву, тогда какъ отъ другихъ бояръ и даже отъ братьевъ своихъ вел. князь старался всячески скрыть свое критическое положеніе [2]). По пріѣздѣ своемъ къ больному государю Мих. Юр. сразу же занимаетъ одно изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ около умирающаго вел. князя. Въ думѣ бояръ, собравшихся у постели больного для обсужденія вопроса о великокняжескомъ престолѣ и семьѣ умирающаго, Мих. Юр. занимаетъ второе мѣсто, послѣ кн. Вас. Шуйскаго [3]). Во время причащенія великаго князя Михаилъ Юрьевичъ, очевидно, былъ возлѣ самаго причащаемаго, такъ какъ, вслѣдствіе слабости послѣдняго, онъ „мало же его попринялъ“ [4]). Когда отъ раны вел. князя пошелъ „духъ тяжекъ“, вел. князь призываетъ къ себѣ вмѣстѣ съ „дохтурами“ и Михаила Юрьевича съ кн. Глинскимъ. Причемъ Михаилъ Юрьевичъ, „тѣшачи государя“, обратился къ нему съ совѣтомъ пустить водки въ рану: „чтобы было, государь, хотя мало болѣзни твоей облегченіе, ино бы тогда водки пустити“ [5]). 3-го декабря, въ среду, у постели больного снова собрались бояре, въ числѣ коихъ былъ и Михаилъ Юрьевичъ, и слушали приказанія вел. князя на случай его смерти. Когда это общее

[1]) Ibid., 3.
[2]) П. С. Р. Л., VI, 267—268; XIII, 411.
[3]) Ibid., VI, 270; XIII, 412.
[4]) Ibid., VI, 270; XIII, 413.
[5]) Ibid., VI, 271.

засѣданіе бояръ кончилось, Михаилъ Юрьевичъ съ кн. Глинскимъ да Шигоной остается у вел. князя вплоть „до самые нощи“ и ведетъ съ нимъ интимную бесѣду о великой княгинѣ Еленѣ, „како ей безъ него быти, и како къ ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказа, како безъ него царству строитися“ [1]). Послѣ этой бесѣды Михаилъ Юрьевичъ съ Шигоной да со стряпчимъ Ив. Челядниным присутствуетъ при благословеніи великимъ княземъ своихъ сыновей и при прощаніи его съ женой [2]). До самой кончины государя Михаилъ Юрьевичъ не отходитъ отъ его постели, и когда вел. князь уже лишился языка и силы дѣлать крестное знаменіе, Михаилъ Юрьевичъ помогаетъ ему поднимать руку и креститься [3]).

Какъ видимъ, Михаилъ Юрьевичъ пользуется здѣсь исключительнымъ довѣріемъ и любовью вел. кн. Василія Ивановича.

Здѣсь же, у смертнаго одра своего государя, Михаилъ Юрьевичъ обнаружилъ еше одну существенную черту своего характера—глубокую набожность. Вел. кн. Василій Ивановичъ предъ самой смертью своей захотѣлъ постричься въ монахи. „Желаніе мое давно бысть постричися; постригите мене“—обратился онъ къ окружавшимъ его братьямъ, боярамъ и митрополиту Даніилу [4]). И вотъ въ то время, какъ нѣкоторые бояре (кн. Андрей Ивановичъ, Воронцовъ и Шигона) стали возражать противъ просьбы вел. князя, указывая на вел. кн. Владимира Кіевскаго, не постригавшагося въ монахи, и тѣмъ не менѣе сподобившагося „праведнаго покоя“,—митрополитъ Даніилъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ, наоборотъ, „похвалиша ему то дѣло, что добра дѣла желаетъ“ [5]). И не только похвалили, но, очевидно, и энергично настаивали на исполненіи его просьбы, ибо лѣтопись замѣчаетъ—„и бысть промежу ими пря велика“ [6]). Побѣда осталась на сторонѣ митрополита и Михаила Юрьевича, такъ какъ вел. князь все-таки былъ постриженъ, хотя и при самомъ испусканіи имъ послѣдняго вздоха [7])...

Со смертью вел. кн. Василія Ивановича, такъ благоволившаго Михаилу Юрьевичу, послѣдній не теряетъ своего вліянія въ государственныхъ дѣлахъ и, въ числѣ немногихъ бояръ, является правителемъ государства вслѣдствіе малолѣтства вел. кн. Ивана Васильевича. Это видно изъ слѣдующаго. Прежде всего, по порученію новаго великаго князя, Михаилъ Юрьевичъ и кн. Бѣльскій отвѣчаютъ

---

[1]) Ibid., 272.
[2]) Ibid., 272—273.
[3]) Ibid., 274.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., VI, 274; XIII, 417.
[6]) Ibid., VI, 274.
[7]) „И князь велики отхожаше, но спѣшаху стричи его“—говорится въ лѣтописи.—Ibid.

на ту грамоту отъ литовской рады, о которой мы уже говорили (адресована на имя кн. Бѣльскаго и Махаила Юр-а), и которая не застала вел. кн. Василія Ивановича въ живыхъ. Въ своей отвѣтной грамотѣ литовской радѣ кн. Бѣльскій и Михаилъ Юрьевичъ сообщаютъ, что они со своими товарищами боярами ходатайствовали предъ вел. княземъ о томъ, что писала имъ рада, и что вел. князь согласился вступить въ переговоры съ Литвой о мирѣ, для чего литовскій король долженъ прислать въ Москву своихъ пословъ и т. д. [1]).

Затѣмъ, распросныя рѣчи литовскихъ лазутчиковъ и русскихъ выходцевъ, которыхъ допрашивали агенты короля Сигизмунда въ 1534 году, показываютъ, что въ періодъ малолѣтства Ивана Грознаго старшими правителями въ Москвѣ („которыи зъ Москвы не маютъ николи зъѣхати") были: кн. Василій Шуйскій, Михайло Тучковъ, Михайло Юрьевъ сынъ Захарьинъ, Иванъ Шигона и кн. Михайло Глинскій,—„тыи всею землею справують и мають справовати до лѣтъ князя великаго; нижли Глинскій ни въ чомъ ся тымъ воеводамъ не противитъ, але што они нарядятъ, то онъ къ тому приступаетъ, а все зъ волею княгини великой справують" [2])... Михаилъ Юрьевичъ указанъ, какъ видимъ, третьимъ по мѣсту бояриномъ—правителемъ.

Въ этихъ же распросныхъ рѣчахъ есть указаніе и на тѣ смуты, которыя безпрерывно слѣдовали среди правящаго боярства въ малолѣтство Ивана Грознаго, и на участіе въ нихъ Михаила Юрьевича. „Тыи бояре великіи у великой невзгодѣ межи собою мѣшкаютъ, и мало ся вжо колько—кроть ножи не порѣзали" [3])—и далѣе разсказывается, между прочимъ, объ арестѣ нѣкоторыхъ бояръ— кн. Ив. Бѣльскаго, кн. Воротынскаго и другихъ, и объ опалѣ, постигшей вмѣстѣ съ ними Михаила Юрьевича: „на поруки подавано кн. Дмитрея Бѣльскаго, и кони у него отняты, и статокъ переписанъ, такожъ Михайла Юрьева и дьяка вел. князя Меншого Путятина" [4]).—Здѣсь, очевидно, разумѣются тѣ аресты, которые послѣдовали за бѣгствомъ кн. Семена Бѣльскаго и Ивана Ляцкаго въ Литву, во время торжества любимца великой княгини—Телепнева—Оболенскаго [5]). Какъ видно изъ распросныхъ рѣчей, Михаилъ Юрьевичъ считался недоброжелателемъ временщика и былъ заподозрѣнъ, вмѣстѣ съ другими, въ намѣреніи тоже сбѣжать въ Литву—„а имали ихъ для того, ижъ ихъ обмовлено, ижбы были мѣли до Литвы ѣхати" [6]).

За исключеніемъ этого случая, мы не видимъ, чтобы Михаилъ Юрьевичъ особенно увлекался борьбой придворныхъ партій въ реген-

---

[1]) Сб. И. Р. И. О., LIX, 4—7.
[2]) А. З. Р., II, 331.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 333.
[5]) П. С. Р. Л., VIII, 287.
[6]) А. З. Р., II, 333.

ство Елены. По крайней мѣрѣ не видно рѣзкихъ конфликтовъ между нимъ и другими боярами, принимавшими участіе въ этой борьбѣ. Благодаря своему природному такту и сдержанности, Михаилъ Юрьевичъ не только не попалъ въ тюрьму или на плаху въ смутное время боярскаго правленія, но и до конца своей жизни сохранилъ авторитетъ боярина—правителя и репутацію знаменитаго дипломата.

Только за годъ всего до смерти мы видимъ Михаила Юрьевича на излюбленномъ его поприщѣ—дипломатіи. Въ 1537 году ему, какъ незамѣнимому дѣятелю въ этомъ отношеніи, поручено было тяжелое и отвѣтственное дѣло—выработку условій для вѣчнаго мира или, по крайней мѣрѣ, для перемирія Москвы съ Польшей—Литвой. Отношенія между этими давнишними соперниками въ XVI вѣкѣ сдѣлались особенно враждебными въ виду той политической программы объединенія всѣхъ древнихъ русскихъ областей подъ щитомъ Москвы, которую поставили себѣ Московскіе государи конца XV вѣка и начала XVI-го, и которую ихъ преемники считали священнымъ долгомъ выполнить, чего бы это ни стоило. Уже въ концѣ великаго княженія Ивана III, какъ мы сказали ранѣе, Москвой были объявлены притязанія на Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и др. исконные русскіе города и волости. Съ тѣхъ поръ московское правительство, устами своихъ дипломатовъ, постоянно напоминало Польшѣ объ этихъ претензіяхъ, начиная каждые дипломатическіе переговоры съ представителями послѣдней стереотипнымъ объявленіемъ Кіева, Полоцка, Смоленска и др. исконной вотчиной московскаго государя, наслѣдника св. Владимира Кіевскаго. Не имѣя возможности сразу добыть намѣченные города и области, находившіеся тогда въ рукахъ польско-литовскаго короля, московская дипломатія съ поразительной настойчивостью и послѣдовательностью добивается каждый разъ удовлетворенія того минимума своихъ притязаній, который соотвѣтствовалъ тому или другому политическому моменту, тому или другому реальному соотношенію силъ обоихъ государствъ, откладывая остальные пункты своей программы на будущее время, для болѣе благопріятной минуты.

Вотъ въ это-то горячее время Михаилу Юрьевичу и выпало счастье приложить свои дипломатическія способности и практическія свойства своего ума на пользу и благо русской національной идеи. И Михаилъ Юрьевичъ съ честью выполняетъ данное ему порученіе, ни на іоту не отступаетъ отъ принятыхъ въ Москвѣ программы и пріемовъ,—онъ лишь съ большей широтой и съ большей рельефностью развиваетъ тѣ традиціонныя свойства московской политики, благодаря которымъ великимъ князьямъ удалось собрать Русь въ одно цѣлое.

Самые переговоры о вѣчномъ мирѣ между Москвой и Польшей, которые велъ Михаилъ Юрьевичъ съ польско-литовскими послами, паномъ Яномъ Юрьевичемъ и др., продолжались цѣлый мѣсяцъ, съ

18 янв. по 18 февр. 1537 г. Михаилъ Юрьевичъ является въ нихъ первымъ, главнымъ лицомъ со стороны Москвы; въ товарищахъ у него были Иванъ Поджегинъ да нѣкоторые дьяки. Съ первыхъ же словъ съ той и другой стороны о Кіевѣ стало ясно, что о вѣчномъ мирѣ между Москвой и Польшей нечего и думать. Оставалось позаботиться лишь о перемиріи,—и послѣднее состоялось только послѣ долгихъ споровъ и взаимныхъ уступокъ [1]).

Глядя на то, съ какой энергіей и терпѣніемъ Михаилъ Юрьевичъ и его товарищи защищаютъ не Новгородъ или Псковъ, о которыхъ они даже отказываются и разсуждать, считая право Москвы на эти города не подлежащимъ сомнѣнію („нѣчего было того и думати, и говорити такъ много ненадобѣ“) [2])...,—а такія волости, какъ Себежъ, Заволочье или даже 10—верстовую полосу одной пограничной волости, [3]) боясь уступить хотя бы пядь добытой предками земли и стараясь, наоборотъ, выговорить въ свою пользу лишнюю версту, лишнюю деревню,—глядя на это, невольно вспоминаешь общій хозяйственный, бережливый характеръ московскихъ собирателей Руси,—этихъ „хорошихъ хозяевъ—скопидомовъ по мелочамъ, понемногу“, по выраженію Ключевскаго, [4])—для которыхъ „сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить“ [5])—составляло цѣль политическаго ихъ бытія. Московскіе дипломаты пользуются всѣми средствами воздѣйствія на своихъ противниковъ—сначала торгуются изо всѣхъ силъ, [6]) затѣмъ начинаютъ угрожать прекращеніемъ переговоровъ, потомъ, дѣйствительно, прекращаютъ ихъ—и даже прощаются, хотя и притворно [7]). Когда же все это не достигаетъ цѣли, и послы литовскіе готовы уже уѣхать восвояси, москвичи подсылаютъ къ нимъ пристава „позадрати“ на счетъ того, „какъ бы они еще похотѣли на дворъ ѣхати и дѣло дѣлати“ и т. д. [8]) Споры и препирательства подчасъ были таковы, что противники должны были прерывать свои засѣданія вслѣдствіе взаимной брани и ругательствъ, напр., о засѣданіи 5-го февраля читаемъ: „спорныхъ и бранныхъ много рѣчей говорили, да разсваряся прочь пошли“ [9]). Спорили даже о томъ, кому первому нужно объявлять условія перемирія—литовцамъ или русскимъ—„и послы говорили, чтобъ бояре

---

[1]) Сб. И. Р. И. О., LIX, 70—108.
[2]) Ibid., 74—75.
[3]) Ibid., 87—88, 97—98.
[4]) Ключевскій.—К. р. и., II, 61.
[5]) Ibid., 62.
[6]) Сб. И. Р. И. О., LIX, 92.
[7]) Ibid., 94, 100.
[8]) Ibid., 93.
[9]) Ibid., 92.

имъ о перемирьѣ напередъ говорили, а бояре говорили, чтобъ послы говорили напередъ, что имъ наказъ; да о томъ много спирались, которые бы напередъ говорили“ [1]).

Эти переговоры Михаила Юрьевича съ литовскими послами (1537 г.) были послѣднимъ выступленіемъ его на государственной службѣ. Въ слѣдующемъ, 1538, году онъ скончался, какъ это видно изъ послужного списка бояръ [2]).

Въ разрядныхъ записяхъ 1526 года упоминается и жена Михаила Юрьевича—Ирина, участвовавшая въ торжествахъ по случаю свадьбы вел. кн. Василія Ивановича—„сидѣла за столомъ“ въ качествѣ боярыни [3]). Упоминается жена Михаила Юрьевича и при погребеніи этого великаго князя въ 1534 году—находилась около великой княгини; причемъ, однако, она названа не Ириной, а Ѳеодосіей [4]). Ошибка-ли здѣсь лѣтописца, или Михаилъ Юрьевичъ былъ женатъ два раза—остается неизвѣстнымъ.

Третій братъ Романа Юрьевича Иванъ Юрьевичъ Захарьинъ умеръ еще въ молодости, 6 іюля, 1503 года; погребенъ онъ въ Новоспасскомъ монастырѣ [5]). Болѣе ничего о немъ неизвѣстно.

Слѣдующій братъ Романа Юрьевича—Григорій Юрьевичъ Захарьинъ. Впервые онъ появляется на аренѣ общественной жизни въ 1531 году, въ качествѣ воеводы въ крымскомъ походѣ [6]). Въ 1547 г. Григорій Юрьевичъ получилъ званіе боярина [7]). Въ томъ же году онъ участвуетъ въ заговорѣ противъ кн. Юрія Глинскаго, котораго чернь убила якобы за волшебство и поджигательство [8]). Это участіе Григорія Юрьевича въ возстаніи черни противъ Глинскихъ, подготовленномъ боярами, объясняется соперничествомъ между нимъ, какъ дядей царицы, и Глинскими, какъ временщиками. Ведя съ послѣдними борьбу за вліяніе на юнаго царя, Григорій Юрьевичъ, для большаго успѣха, входитъ въ соглашеніе съ враждебной Глинскимъ боярской партіей Шуйскихъ, и въ союзѣ съ ними обрушивается, какъ видимъ, на своихъ враговъ. Но, хотя Глинскіе и были разбиты, вліяніе на государя, однако, перешло послѣ этого совершенно къ другимъ людямъ—къ священнику Сильвестру и Алексѣю Адашеву. По этому-то личность Григорія Юрьевича послѣ этихъ событій и остается въ тѣни до самой его смерти. Впослѣдствіи онъ принялъ монашество, съ именемъ Гурія,—и умеръ 1 марта 1567 года [9]).

---

[1]) Ibid., 82.
[2]) Др. Р. В., XX, 29.
[3]) Ibid., XIII, 15.
[4]) П. С. Р. Л., XIII, 419.
[5]) Снег.—Н. М., 126 (д. ст.)
[6]) Сборн. Селиф., 100, 269, 286.
[7]) Др. Р. В., XX, 34.
[8]) П. С. Р. Л., XIII, 455–457.
[9]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).

Нужно признать, что Григорій Юрьевичъ во многомъ уступалъ своему брату Михаилу Юрьевичу. Несмотря на свое сравнительное долголѣтіе и родство съ царемъ, онъ не оставилъ, однако, послѣ себя сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи московскаго государства.

Извѣстна и жена Григорія Юрьевича. Звали ее Ульяной, въ схимѣ—Евпраксіей. Умерла она 20 марта 1563 года; погребена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ [1]).

Послѣдній, самый младшій сынъ Юрья Захарьевича, Семенъ Юрьевичъ Захарьинъ, не упоминается ни въ древнѣйшихъ родословныхъ, ни въ другихъ старинныхъ письменныхъ памятникахъ. Его имя безъ какихъ бы то ни было датъ или другихъ біографическихъ свѣдѣній встрѣчается лишь въ позднѣйшихъ родословныхъ, какъ, напр., въ родословныхъ Крекшина [2]) и Студенкина [3]).

Архіеп. Сергій (Владим.), авторъ „Истор. описанія Москов. Знаменск. монастыря“, указываетъ на существованіе еще дочери Юрья Захарьевича, Ѳеодосіи Юрьевны, которая будто бы основала монастырь при Георгіевской церкви на Дмитровкѣ, возлѣ родового своего дома [4]). Ни родословныя, ни лѣтописныя сказанія ничего не говорятъ объ этой дочери Юрья Захарьевича.

Теперь обратимся къ дѣтямъ Якова Захарьевича. У него было всего два сына—Петръ и Василій. Ранняя ли смерть ихъ, или какія иныя причины помѣшали выдвинуться по службѣ преемникамъ такого знаменитаго отца, какъ бояринъ Яковъ Захарьевичъ—неизвѣстно,—но только положеніе, какое занимали Петръ и Василій Яковлевичи въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ было значительно ниже положенія ихъ отца.

О старшемъ Петрѣ Яковлевичѣ Захарьинѣ мы имѣемъ слѣдующія немногія свѣдѣнія. Службу свою онъ началъ съ 1494 года, участвуя въ разныхъ военныхъ походахъ [5]). Въ 1510 году „сказанъ“ окольничимъ [6]), и участвуетъ въ походѣ въ Новгородъ и Псковъ, откуда посылался великимъ княземъ въ Москву съ привѣтствіемъ и извѣщеніемъ о взятіи Пскова [7]). Получилъ-ли боярство Петръ Яковлевичъ?—на этотъ вопросъ нужно сказать слѣдующее. Послужной боярскій списокъ (Др. Р. В., XX.) представляетъ его умершимъ лишь въ чинѣ окольничаго, притомъ—въ 1522 году [8]),—но это указаніе

---

[1]) Др. Р. В., XIX, 301.
[2]) Сборн. Селиф., 100.
[3]) Ibid., 286.
[4]) Архіеп. Сергій, 11.
[5]) Сборн. Селиф., 100.
[6]) Др. Р. В., XX, 15.
[7]) П. С. Р. Л., IV, 288.
[8]) Др. Р. В. XX, 20.

противорѣчитъ другимъ историческимъ памятникамъ, по которымъ Петръ Яковлевичъ является живымъ и дѣйствующимъ и въ 1527, и въ 1528 годахъ, а умираетъ лишь въ 1533 году. Разумѣемъ здѣсь прежде всего „подручную грамоту“ 1527 года по дѣлу кн. Михаила Львовича Глинскаго, которую принималъ отъ поручителей—бояръ именно Петръ Яковлевичъ, приложившій къ ней и печать свою [1]). Въ 1528 же году Петръ Яковлевичъ самъ ручается предъ вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ за князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ, при массѣ другихъ подручниковъ, обязавшихся внести 2000 руб. въ казну вел. князя, въ случаѣ побѣга Шуйскихъ въ Польшу [2]). Нужно замѣтить, что въ обѣихъ подручныхъ грамотахъ Петръ Яковлевичъ называется не окольничимъ, а бояриномъ,—изъ чего слѣдуетъ заключить, что боярскій чинъ онъ всетаки имѣлъ, только осталась неизвѣстной дата этого высшаго пожалованія Петру Яковлевичу. Поэтому, указаніе послужного списка на смерть его въ чинѣ окольничаго, да еще въ 1522 году—нужно признать совершенно ошибочнымъ.

„Описаніе царск. пресвѣтл. прарод.“ смерть Петра Яковлевича относитъ къ 1533 году (9 іюня) [3]),—что и нужно признать достовѣрнымъ, въ виду указанныхъ подручныхъ грамотъ отъ 1527 и 1528 годовъ. Погребенъ Петръ Яковлевичъ въ фамильной усыпальницѣ бояръ Захарьиныхъ—въ Новоспасскомъ монастырѣ [4]).

Супругу его звали Анной—въ мірѣ, и Анастасіей—въ монашествѣ. Она упоминается на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича въ 1526 году—„сидитъ за столомъ“ [5]),—на свадьбѣ Грознаго въ 1547 г.[6]),—и на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 г. [7]). Умерла—въ 1561 г. и погребена въ томъ же Новоспасскомъ монастырѣ [8]).

Еще менѣе замѣтенъ въ отношеніи государственной дѣятельности другой сынъ Якова Захарьевича, Василій Яковлевичъ. Свою службу онъ началъ, какъ и братъ, воеводой въ разныхъ походахъ, съ 1511 года [9]). Затѣмъ, Василій Яковлевичъ упоминается подъ 1514 г., когда онъ получилъ званіе окольничаго [10]). До боярскаго сана онъ не дослужился, и умеръ лишь окольничимъ. Никакой отвѣтственной и самостоятельной роли Василій Яковлевичъ не игралъ во всю свою жизнь, судя по тѣмъ даннымъ, какими мы располагаемъ. Мы видимъ

---

[1]) Собр. г. гр. и д., I, 429–430.
[2]) Ibid., 430—432.
[3]) Снег.–Н. М., 126 (д. ст.).
[4]) Ibid.
[5]) Др. Р. В., XIII, 15.
[6]) Ibid., 30.
[7]) Ibid., 43.
[8]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).
[9]) Сборн. Селиф., 100.
[10]) Др. Р. В., XX, 17.

его лишь въ служебныхъ, второстепенныхъ роляхъ на разныхъ придворныхъ празднествахъ и церемоніяхъ. Такъ, въ 1517 году онъ присутствуетъ при церемоніи встрѣчи Максимиліанова посла—встрѣчаетъ его, по порученію вел. князя, „у палаты, у угла“ [1]). Въ томъ же году „являетъ великому князю челомъ ударити“ посла отъ прусскаго магистра, Мельхіора Робенстена [2]), и литовскихъ пословъ—Щита и Богуша [3]). Затѣмъ, онъ упоминается за исполненіемъ аналогичныхъ порученій при торжественномъ пріемѣ литовскихъ пословъ: тѣхъ же Щита и Богуша—въ 1518 году [4]), посла Богухвала—въ 1525 году [5]), и гонца Николая Ивашенцова—въ 1526 г. [6]).—Упоминается Василій Яковлевичъ и въ разрядныхъ записяхъ свадьбы вел. кн. Василія Ивановича въ 1526 г. По порученію вел. князя, онъ „вѣдаетъ и збираетъ“ дѣтей боярскихъ [7]).

Относительно года смерти Василія Яковлевича существуютъ двѣ версіи: по одной—онъ умеръ въ 1528 г. [8]), а по другой—1 авг. 1526 г. [9]) Вторая версія, указывающая даже день смерти, намъ кажется правдоподобнѣе первой.

Жену Василія Яковлевича также звали Анной. Она упоминается на свадьбѣ—въ 1547 г. [10]) и на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 г. [11]) Умерла—въ 1571 г. [12]).

Что касается потомства второго, младшаго брата Юрья Захарьевича, Василія Захарьевича Ляцкаго, то въ самой древней родословной (отъ половины XVI вѣка) сказано: „А у Василья у Лятскаго одинъ сынъ Иванъ, а у Ивана сынъ Иванъ же, збѣжали оба въ Литву послѣ вел. кн. Василья Ивановича“ [13]).—Иванъ Васильевичъ Ляцкой, единственный сынъ Василія Ляцкаго, вошелъ въ нашу исторію, какъ отважный, храбрый воевода великаго князя Василія Ивановича. Главный военный подвигъ онъ совершилъ въ самомъ началѣ своей службы. Польскій король Сигизмундъ, „умысливъ своимъ помысломъ лукавымъ“—по лѣтописнымъ сказаніямъ, послалъ въ 1518 году въ Москву своихъ пословъ—Яна Щита и Богуша—якобы для мирныхъ переговоровъ, а самъ въ это время со множествомъ

---

[1]) Пам. дипл. сн., I, 216.
[2]) Сб. И. Р. И. О., LШ, 34.
[3]) Сб. И. Р. И. О., XXXV, 504.
[4]) Пам. дипл. сн., I, 259—260.
[5]) Сб. И. Р. И. О., XXXV, 699.
[6]) Ibid., 705.
[7]) Др., Р. В., XIII, 15.
[8]) Ibid., XX, 23.
[9]) Снег.—Н. М., 126 (д. ст.)
[10]) Др. Р. В., XIII, 30.
[11]) Ibid., 43.
[12]) Снег.—Н. М., 129 (д. ст.).
[13]) Временн., 1851, X, 88 (матер.).

воеводъ и войска напалъ на русскія пограничныя области,—и, между прочимъ, его войскомъ былъ осажденъ городъ Опочка [1]). Противъ польско-литовскаго войска выступило нѣсколько русскихъ воеводъ, въ числѣ которыхъ былъ и Иванъ Вас. Ляцкой. И вотъ здѣсь-то онъ и отличился. Вмѣстѣ съ воеводой кн. Ѳед. Вас. Оболенскимъ Ив. Вас. Ляцкой неожиданно напалъ „съ трехъ сторонъ“ на литовское войско, когда то осаждало Опочку, -и въ результатѣ русскіе воеводы оказались побѣдителями: „литовского войску многихъ людей побиша, а иныхъ многихъ живыхъ поимаша и къ болшимъ воеводамъ послаша“[2]). Получивши послѣ этого извѣстіе о новой литовской рати, идущей на помощь разбитой, Ив. Вас. Ляцкой немедленно отправился навстрѣчу ей и осадилъ ее въ Ключищахъ, гдѣ она засѣла и укрѣпилась („обострожилась“) подъ начальствомѣ пана Черкаса. Борьба между осажденными и осаждающими была упорная, кровопролитная, но въ концѣ концовъ литовцы были совершенно разбиты и перебиты русскими. „Пересѣкоша ихъ (литовцевъ) всѣхъ, говоритъ лѣтопись, а Черкаса ихъ воеводу и съ нимъ боевыхъ людей удалыхъ изымаша, и послаша ихъ къ Москвѣ“ [3]). Побѣда эта сразу же создала громкое имя и славу Ивану Васильевичу Ляцкому: „и бысть Ляцкому, заключаетъ свой разсказъ лѣтопись, отъ великаго князя честь велика“ [4]).

Послѣ этого событія Ив. Вас. Ляцкой упоминается еще два раза въ качествѣ воеводы—въ 1524 и въ 1533 г.г. Въ 1524 г. онъ принималъ участіе въ извѣстномъ уже намъ казанскомъ походѣ (командовалъ передовымъ полкомъ наряду съ кн. Семеномъ Курбскимъ) [5]), а въ 1533 г. ходилъ вмѣстѣ съ другими воеводами въ Коломну противъ крымскихъ татаръ, опустошавшихъ рязанскую область. Генеральнаго сраженія съ крымцами въ послѣдній походъ не произошло,—состоялись лишь отдѣльныя стычки между непріятелями, съ перемѣннымъ успѣхомъ,—и крымцы благополучно возвратились восвояси съ награбленнымъ добромъ, такъ какъ воеводы великаго князя „за ними ходили“—по лѣтописи, но—„до ихъ не дошли, и возвратишася“, [6]) очевидно, опасаясь несмѣтныхъ полчищъ татарскихъ.

Повидимому, военный успѣхъ не всегда сопровождалъ Ляцкаго—въ 1526 году, напр., онъ попалъ въ плѣнъ къ полякамъ, но, къ счастью, скоро освободился отъ него [7]).

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 261, 262.
[2]) Ibid., 262.
[3]) П. С. Р. Л., VI, 28; VI, 260; VIII, 262.
[4]) Ibid., VI, 28.
[5]) П. С. Р. Л., VIII, 270; XIII, 44.
[6]) Ibid., VI, 266—267.
[7]) Сборн. Селиф., 269.

Кромѣ военной службы Иванъ Васильевичъ Ляцкой исполнялъ иногда и посольскія обязанности, какъ это видно, напр., изъ посольства его къ польскому королю Сигизмунду въ 1527 году [1]).

Въ 1534 году, въ августѣ, Иванъ Васильевичъ Ляцкой, будучи недоволенъ временнымъ правительствомъ великой княгини Елены и ея любимца, кн. Оболенскаго, сбѣжалъ въ Литву, къ королю Сигизмунду, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и княземъ Сем. Бѣльскимъ [2]).— Этимъ и кончается служба Ляцкаго въ московскомъ государствѣ. Если бы не смерть вел. кн. Василія Ивановича, такъ благоволившаго Ляцкому вслѣдствіе его успѣха въ 1518 году, послѣдній безусловно занялъ бы въ концѣ концовъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ военной аристократіи московской. Но перемѣна правительства со смертью вел. кн. Василія Ивановича неожиданно прервала карьеру Ляцкаго, и онъ предпочелъ сбѣжать въ Польшу, чѣмъ прислуживаться къ властолюбивымъ и капризнымъ временщикамъ у себя на родинѣ.

Какъ видно изъ лѣтописи—Ляцкой не успѣлъ еще получить боярскаго сана, и бѣжалъ изъ московскаго государства въ санѣ окольничаго [3]). Когда пожалованъ въ окольничіе Ляцкой—въ точности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ранѣе 1527 дода, такъ какъ во время посольства своего къ польскому королю въ этомъ году онъ былъ уже въ санѣ окольничаго [4]).

Въ Польшѣ Ляцкаго приняли очень любезно—Король Сигизмундъ пожаловалъ его богатыми имѣніями,—и Иванъ Васильевичъ рѣшилъ остаться въ Польшѣ навсегда [5]).

Бѣгство такого важнаго человѣка, какъ Ляцкой, въ Польшу не могло, конечно, не возбудить въ московскихъ временщикахъ чувства озлобленія и мести по отношенію къ бѣглецу. И, дѣйствительно, изъ распросныхъ рѣчей литовскихъ лазутчиковъ и русскихъ выходцевъ, отъ которыхъ добывалъ свои свѣдѣнія о Москвѣ король Сигизмундъ, видно, что озлобленіе противъ Ляцкаго въ рядахъ правящей партіи было очень большое: его имѣнія (новгородскія) были отписаны „на великаго князя“, неповинные ни въ чемъ люди его были разграблены, а мать съ дочерью его были арестованы, отправлены въ Москву и тамъ заточены [6]). Московское правительство хотѣло этими репрессіями устрашить тѣхъ изъ бояръ, которые собирались послѣдовать примѣру Ляцкаго и кн. Бѣльскаго, и только ждали извѣстія о томъ, какъ будутъ приняты послѣдніе королемъ—любезно или нелюбезно.

---

[1]) II. С. Р. Л., XIII, 45.
[2]) Ibid., VIII, 287; XIII, 79.
[3]) Ibid., VIII, 287.
[4]) Ibid., XIII, 45.
[5]) Сборн. Селиф., 269, 271.
[6]) А. З. Р., II, 333.

Если „добрѣ пожалуетъ“ ихъ, читаемъ въ распросныхъ рѣчахъ, то „многіе князья и дѣти боярскіе великіе хотятъ ѣхати до короля“ [1]).

По словамъ никоновской лѣтописи—Иванъ Васильевичъ Ляцкой не остался въ долгу у московскихъ временщиковъ. Нападеніе польскаго короля на русскія области въ 1534—1535 г.г., по мнѣнію автора указанной лѣтописи, состоялось по совѣту и настоянію именно Ляцкаго [2]).

О дальнѣйшей жизни и дѣятельности Ивана Васильевича Ляцкаго и о его потомствѣ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Повидимому, его родъ остался жить въ Польшѣ.

VII.

Вмѣстѣ съ эпохой Ивана Грознаго на арену государственной дѣятельности выступаетъ седьмое поколѣніе предковъ династіи Романовыхъ, представляемое фамиліей Захарьиныхъ въ двухъ ея развѣтленіяхъ—Яковлями или Яковлевыми и Юрьевыми (отъ Якова Захарьевича и Юрія Захарьевича). Фамилія Ляцкихъ уже отсутствуетъ въ виду ея переселенія въ Польшу. Въ лицѣ седьмого поколѣнія, предки царя Михаила, подъ вліяніемъ счастливо сложившихся обстоятельствъ для нихъ, особенно близко подходятъ къ престолу, пріобрѣтаютъ исключительное вліяніе при дворѣ и популярность въ народѣ, и постепенно подготовляютъ,—можетъ быть и безсознательно сначала,—почву для дальнѣйшаго возвышенія своего, до воцаренія на всероссійскомъ престолѣ включительно.

Въ 1547 году Захарьины, въ лицѣ Анастасіи Романовны Юрьевой, вступаютъ въ кровное родство съ царствующей московской династіей. Это событіе имѣло огромнѣйшее вліяніе на всю послѣдующую судьбу указанной фамиліи,—и еще сомнительно, такъ-ли бы удачно для Романовыхъ сложились обстоятельства въ февралѣ 1613 г., если бы царь Иванъ Васильевичъ избралъ первую супругу не изъ рода Захарьиныхъ. Прежде всего, благодаря этому родству съ Грознымъ, Захарьины благополучно сравнительно миновали эпоху роковой для другихъ бояръ опричнины. Въ то время, какъ одинъ за другимъ гибли подъ ударами опричниковъ знатнѣйшіе княжескіе роды, единственные сильные конкуренты Захарьиныхъ,—эти послѣдніе не только оставались въ покоѣ, но, охраняемые свѣтлою памятью

---

[1]) Ibid.
[2]) П. С. Р. Л., XIII, 85.

первой русской царицы, любимой и самимъ Грознымъ, они еще продолжали возвышаться въ своихъ служебныхъ правахъ и преимуществахъ, пріобрѣтали еще большее довѣріе у напуганной власти и въ концѣ концовъ становились на мѣста погибшихъ въ опричнинѣ своихъ соперниковъ.

Къ концу царствованія Грознаго, какъ извѣстно, могущество титулованныхъ слугъ московскаго царя было сломлено усиліями опричниковъ, ихъ родовая честь, традиціи и притязанія въ корнѣ были подорваны, исконныя вотчины князей-бояръ были перемѣшаны или отобраны въ казну,—и въ результатѣ на сцену выступилъ новый слой высшихъ бояръ,—бояръ не по роду и крови только, а и по довѣрію къ нимъ государя, по ихъ личнымъ заслугамъ предъ нимъ. Конечно, и этотъ слой содержитъ въ себѣ извѣстный процентъ княжескихъ фамилій, [1]) но эти фамиліи уже не проявляютъ прежнихъ ревнивыхъ чувствъ къ своему славному прошлому, къ своимъ родовымъ преданіямъ. На первомъ планѣ теперь стоитъ личная дѣятельность каждаго боярина—полезная или вредная, угодная или неугодная московскому царю. И сообразно съ этими личными заслугами и услугами самодержцу каждый боринъ получаетъ и награду, и повышеніе. Разумѣется, знатность происхожденія все еще цѣнится отчасти по закону инерціи, и въ Думѣ въ годъ смерти Грознаго мы видимъ на первомъ мѣстѣ еще знатнѣйшаго кн. Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, [2]) но тутъ же въ почетнѣйшемъ званіи конюшаго боярина находится и Борисъ Годуновъ, [3]) уступавшій по своему происхожденію не только знатнѣйшимъ князьямъ, но и любому члену изъ бывшаго перваго слоя боярскаго,—и выдвинувшійся лишь въ силу своихъ личныхъ качествъ и протекціи сестры.

Въ новомъ боярскомъ слоѣ, образовавшемся послѣ опричнины, Захарьины, какъ родственники всѣми любимой первой супруги Ивана Грознаго, пріобрѣтаютъ самое почетное положеніе. Въ Думѣ Грознаго Никита Романовичъ Юрьевъ, шуринъ царскій, занимаетъ первое мѣсто послѣ кн. Мстиславскаго, [4]) а послѣ смерти этого царя Никита Романовичъ, по единодушному мнѣнію нашихъ историковъ, является самымъ главнымъ правителемъ государства и опекуномъ царя Ѳедора Ивановича.

Родство съ царствующимъ домомъ, предохранивши Захарьиныхъ—Юрьевыхъ отъ бурь и случайностей опричнины и поставивши ихъ на первыя мѣста правительственной лѣстницы, послужило въ тоже время одной изъ причинъ и того, что эти Юрьевы—Захарьины

---

[1]) Ключевскій.—Б. Д., 220—222.
[2]) Др. Р. В., XX, 59.
[3]) Ibid., 60.
[4]) Ibid., 59.

съ прекращеніемъ рюриковой династіи являются въ числѣ кандидатовъ на россійскій престолъ и со временемъ получаютъ его. Еще до смерти Ѳедора Ивановича, въ 1598 году, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ источниковъ, семья Никиты Романовича выдвигала кандидатуру старшаго Никитича на освободившійся престолъ. Но тогда эта кандидатура не имѣла успѣха вслѣдствіе всеобщаго преклоненія предъ Годуновымъ. Когда же Романовыхъ постигла жестокая опала отъ Годунова, число сторонниковъ ихъ быстро стало возрастать. Вмѣстѣ съ этимъ и родственная связь Романовыхъ съ прежней династіей московской начала пріобрѣтать все большее и большее значеніе въ глазахъ истерзаннаго смутой народа. Въ виду этого, Земскій Соборъ 1613 г. и остановилъ свое вниманіе на кандидатѣ изъ фамиліи Романовыхъ. Несомнѣнно, что однимъ изъ самыхъ сильныхъ и убѣдительныхъ средствъ избирательной агитаціи въ рукахъ романовской партіи въ пользу Михаила Ѳедоровича было именно родство его съ умершимъ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Русскій народъ свято чтилъ родственныя связи, особенно въ дѣлѣ преемства верховной власти,—и указаніе на Михаила Ѳедоровича, какъ на племянника царя Ѳедора, ставило его въ глазахъ русскаго общества въ наиболѣе выгодное, сравнительно съ другими кандидатами на престолъ, положеніе.

Въ виду сказаннаго, весь промежутокъ времени между 1547 г.—годомъ брака Анастасіи Романовны съ Грознымъ,—и 1613 въ исторіи Юрьевыхъ-Романовыхъ можно раздѣлить на два періода, соотвѣтственно двумъ поколѣніямъ этой фамиліи, дѣйствовавшимъ въ это время. Первый періодъ—періодъ подготовительный—простирается до смерти Никиты Романовича въ 1585 г. Это была эпоха Грознаго. Въ данную эпоху дѣйствуетъ седьмое поколѣніе Захарьиныхъ. Захарьичи вообще—и въ особенности Юрьевы, пользуясь родственными узами съ царемъ, прочно укрѣпляются подъ конецъ царствованія Грознаго на первыхъ мѣстахъ іерархической лѣстницы, а по смерти Ивана IV получаютъ въ свои руки и опеку надъ слабоумнымъ преемникомъ Грознаго. Со смертью Никиты Романовича, главнаго представителя седьмого колѣна, начинается второй періодъ—и на сцену выступаетъ уже восьмое поколѣніе. Получивши въ наслѣдство отъ предшествующаго поколѣнія привилегированное положеніе при дворѣ безнаслѣднаго и родственнаго царя Ѳедора, представители восьмого поколѣнія дѣлаютъ естественный выводъ изъ создавшейся исторической конъюнктуры: стать преемниками угасающей династіи. При жизни царя Ѳедора Ивановича эта мысль не была еще ими ясно сознана и формулирована, хотя безусловно являлась въ той или другой формѣ воображенію и уму двоюродныхъ братьевъ царя Ѳедора. По смерти же послѣдняго сыновья Никиты Романовича, называвшіеся по дѣду Романовыми, стали сознательно относиться къ своему историческому

праву быть наслѣдниками угаснувшей династіи. Седьмое поколѣніе, такимъ образомъ, только сѣяло, а восьмое—пожинало посѣянное.

Возвратимся, однако, къ седьмому поколѣнію. Какъ уже сказано, его представляли двѣ вѣтви Захарьиныхъ—Юрьевы и Яковлевы. Въ виду того, что Михаилъ Ѳедоровичъ происходилъ изъ первой вѣтви, мы и начнемъ свою рѣчь именно съ этой вѣтви—съ Юрьевыхъ.

Представителями Юрьевыхъ въ седьмомъ колѣнѣ были дѣти—Романа Юрьевича, Михаила Юрьевича и единственный сынъ младшаго ихъ брата Семена Юрьевича. Для насъ первенствующее значеніе имѣютъ, конечно, дѣти Романа Юрьевича (Данила, Далматъ, Никита и двѣ дочери) и прежде всего младшій его сынъ Никита Романовичъ, какъ родной дѣдъ царя Михаила. Поэтому мы скажемъ сначала о Никитѣ Романовичѣ, потомъ о его братьяхъ и сестрахъ, и, наконецъ, о другихъ Юрьевыхъ.

Никита Романовичъ Юрьевъ—Захарьинъ былъ самымъ виднымъ и вліятельнымъ представителемъ своего поколѣнія. На протяженіи сорока лѣтъ мы почти постоянно видимъ его на томъ или другомъ поприщѣ государственной дѣятельности—то онъ воевода въ безчисленныхъ походахъ, то—дипломатъ, то—правитель и ближайшій совѣтникъ государевъ. Особенно часто мы видимъ его на военной службѣ и вблизи самого государя въ качествѣ наиболѣе довѣреннаго лица.

Близость Никиты Романовича къ царю Ивану Васильевичу началась еще съ 1547 года, со свадьбы послѣдняго. Никита Романовичъ вмѣстѣ съ самымъ знатнымъ изъ князей, Ив. Ѳед. Мстиславскимъ, „спалъ у постели“ на этой свадьбѣ [1]), а потомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же княземъ, въ качествѣ „спальника и мовника“ онъ былъ въ мыльнѣ съ великимъ княземъ [2]).

Видимъ Никиту Романовича и на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 году. По разрядной записи, онъ долженъ былъ и на этой свадьбѣ „спати у постели, и ѣздити со княземъ, и въ мыльнѣ мытися“ [3]).

—Военная служба Никиты Романовича началась тоже съ 1547 г.—онъ сопутствуетъ царю Грозному въ его военныхъ походахъ въ званіи воеводы [4]). Въ 1552 году онъ является первымъ воеводой въ походѣ противъ Шведовъ [5]). Участвовалъ Никита Романовичъ, очевидно, и въ знаменитомъ казанскомъ походѣ 1552 г., такъ какъ, хотя въ лѣтописи онъ и не указывается въ числѣ воеводъ, однако, мы видимъ

---

[1]) Др. Р. В., XIII, 33.
[2]) Ibid., 34.
[3]) Ibid., 38.
[4]) Сборн. Селиф., 102.
[5]) Idib., 102—288.

его все-таки при царѣ Иванѣ Васильевичѣ на обратномъ пути его изъ Казани въ Москву. Когда Иванъ Грозный на дорогѣ—между Нижнимъ и Москвой—получилъ изъ Москвы радостную вѣсть о рожденіи ему царицей сына Димитрія, то онъ немедленно посылаетъ къ своей супругѣ съ привѣтствіемъ отъ себя именно Никиту Романовича [1]).

Никита Романовичъ не упоминается по имени въ извѣстной борьбѣ между сторонниками Сильвестра и Захарьиными въ первые годы царствованія Ивана Грознаго, но его участіе здѣсь, какъ родного брата царицы Анастасіи, главной противницы партіи Сильвестра и Адашева, не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, въ виду молодости Никиты Романовича Иванъ Грозный, во время болѣзни своей въ 1553 г., обращается съ упрекомъ въ недостаткѣ мужества лишь къ Данилѣ Романовичу да Василью Михайловичу, но за послѣдними, несомнѣнно, стоялъ и Никита Романовичъ [2]). Вмѣстѣ съ своими старшими братьями онъ поддерживалъ свою сестру въ ея столкновеніяхъ съ всесильнымъ Сильвестромъ и Адашевымъ и помогалъ ей овладѣть вліяніемъ на молодого царя. Не безъ его участія, конечно, пала и партія Сильвестра—къ торжеству царицы Анастасіи и ея близкихъ родственниковъ.

Сломивши своихъ главныхъ враговъ—Сильвестра и Адашева съ ихъ партіей, Захарьины, въ томъ числѣ и Никита Романовичъ, начинаютъ безпрепятственно приближаться къ царю и пріобрѣтаютъ сильнѣйшее вліяніе въ дѣлахъ управленія—чему не помѣшала въ общемъ даже опричнина.

Въ 1559 г. Никита Романовичъ получаетъ званіе окольничаго [3]) и, по разрядной книгѣ, участвуетъ „другимъ“ воеводой въ сторожевомъ полку въ „походѣ зимнемъ въ ливонскіе нѣмцы“. Походъ увѣнчался взятіемъ города Алыста [4]).—Въ томъ же 1559 году мы видимъ его служащимъ на украинской границѣ для защиты ее отъ крымскихъ татаръ [5]). Въ слѣдующемъ (1560) году Никита Романовичъ опять упоминается въ походѣ „на ливонскіе нѣмцы“, въ сторожевомъ полку „другимъ“ [6]). Въ 1562 г. Никита Романовичъ съ нѣкоторыми другими приближенными ко двору получаетъ очень лестное порученіе отъ царя Грознаго—быть при его дѣтяхъ, пока царь находился въ походѣ на „литовское дѣло“ [7]). Нужно замѣтить, что изъ семи оставленныхъ при царской семьѣ лицъ четверо было Захарьиныхъ—

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 314.
[2]) П. С. Р. Л., XIII, 525.
[3]) Др. Р. В. XX, 43.
[4]) Синб. сб., I; П. С. Р. Л., XIII, 313.
[5]) Др. Р. В., XIII, 293.
[6]) Синб. сб., 2; П. С. Р. Л., XIII, 323.
[7]) П. С. Р. Л., XIII, 341.

Данила и Никита Романовичи, Вас. Мих. Юрьевъ и Вас. Петр. Яковлевъ [1]). Нельзя не видѣть здѣсь проявленія особаго довѣрія со стороны царя къ родственникамъ своей первой супруги.

Въ слѣдующемъ году (1563) Никита Романовичъ удостоивается возведенія въ боярское званіе [2]), а черезъ годъ послѣ этого мы его видимъ опять на украинской границѣ воеводой въ правой рукѣ, охраняющимъ „поле и берегъ“ [3]). Неся военную службу въ разныхъ городахъ московскаго государства, Никита Романовичъ не перестаетъ быть приближеннымъ человѣкомъ къ государю и, въ случаѣ нужды въ немъ, царь экстренно вызываетъ его въ Москву. Такъ было въ 1564 году. Въ виду пріѣзда литовскаго гонца Никитѣ Романовичу велѣно „съ Коширы ѣхати къ Москвѣ“ [4]),—и Никита Романовичъ спѣшитъ ко двору.

По смерти своего брата Данилы Романовича, Никита Романовичъ получаетъ отъ царя званіе дворецкаго, которое раньше принадлежало его умершему брату. Послужной списокъ относитъ оба эти событія къ 1566 году [5]), но такъ какъ Данила Романовичъ, по наиболѣе достовѣрному извѣстію, умеръ въ 1565 г. [6]), а Никита Романовичъ сталъ дворецкимъ тотчасъ же по его смерти, то и пожалованіе Никитѣ Романовичу сана дворецкаго нужно отнести къ тому же 1565 году. Въ этомъ какъ бы наслѣдственномъ переходѣ отъ брата къ брату такого почетнаго сана нужно видѣть выраженіе особеннаго довѣрія со стороны царя къ своимъ шурьямъ. Иванъ Грозный, желая отличить родныхъ своей первой любимой супруги, поставилъ ихъ рядомъ съ самыми знатными князьями того времени—Мстиславскими, Глинскими и др. Въ своемъ завѣщаніи онъ пишетъ относительно Романовыхъ-Юрьевыхъ: „А что я пожаловалъ Романову жену Юрьевича и ея сына Никиту волостями и селами, и сынъ мой Иванъ въ ту вотчину у нихъ и у дѣтей ихъ не вступается“. Такая привилегія дана царемъ только двумъ еще фамиліямъ—князьямъ Мстиславскимъ и Глинскимъ [7]).

1565 годъ прошелъ для Никиты Романовича, повидимому, весь въ напряженныхъ трудахъ—онъ не одинъ разъ посылался на охрану Украйны, принималъ участіе въ дипломатическихъ дѣлахъ и управленіи страной и т. д. Сначала Никита Романовичъ остается въ числѣ другихъ бояръ, по приговору царя, въ Москвѣ при особѣ государя, въ то время какъ другая часть бояръ отправляется въ Коломну

---

[1]) Ibid.
[2]) Др. Р. В., XX, 45.
[3]) Ibid., XIII, 366, 368, 372.
[4]) Ibid., 374.
[5]) Др. Р. В., XX, 47.
[6]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).
[7]) Солов., VII, 11.

для охраны границы отъ нападенія крымскихъ татаръ [1]). Но потомъ и онъ назначается на сторожевую пограничную службу,—„на Коширѣ быть“ „другимъ“ воеводой въ правой рукѣ [2]),—причемъ онъ тогда же посылался изъ Коширы „по вѣстямъ“ противъ крымскихъ людей „на берегъ“ [3]). Здѣсь, на пограничной службѣ, произошло мѣстничество кн. Андрея Татева съ Никитой Романовичемъ. Князь Татевъ, оскорбленный назначеннымъ ему мѣстомъ, писалъ къ государю, что „ему въ лѣвой рукѣ быть невмѣстно для Микиты Романовича, что Микита въ правой рукѣ...“ [4]). Царь Иванъ Васильевичъ остался очень недоволенъ челобитьемъ кн. Татева и писалъ ему „съ опалою“, „чтобъ онъ въ лѣвой былъ и списки взялъ, а менши Микиты ему быть пригоже“ [5]).

По окончаніи этого похода Никитѣ Романовичу опять велѣно было ѣхать въ Москву „для литовскаго гонца“ [6]). Въ Москвѣ, очевидно, онъ былъ на этотъ разъ недолго, такъ какъ въ томъ же 1565 году мы его снова видимъ на пограничной военной службѣ—въ сторожевомъ полку первымъ воеводой. Онъ предназначался, между прочимъ, по „росписи тайной“ итти „зъ берегу въ стрѣчу“ къ царю и вел. князю [7]).

Подобно своимъ славнымъ предкамъ, Никита Романовичъ нерѣдко занимался и дипломатіей. Въ томъ же 1565 году онъ вмѣстѣ съ „навышшимъ“ бояриномъ кн. Ив. Дм. Бѣльскимъ и Ив. Вас. Шереметевымъ Большимъ принимаетъ участіе въ сношеніяхъ съ королевскою радою и присутствуетъ при пріемѣ гонца Ленарта отъ королевской рады. Никита Романовичъ носитъ при этомъ титулъ „боярина и дворецкаго московскаго, намѣстника тверского“ и занимаетъ третье мѣсто въ грамотахъ [8]).

Въ 1566 г. Никита Романовичъ былъ свободенъ отъ военныхъ трудовъ и находился въ Москвѣ, занимаясь мирными государственными дѣлами—внутренними и внѣшними. Это видно прежде всего изъ разрядной книги, гдѣ сказано, что Никита Романовичъ назначается въ этомъ году остаться въ Москвѣ, въ числѣ нѣсколькихъ бояръ, на случай войны съ Крымомъ [9]). Затѣмъ, въ числѣ другихъ бояръ онъ участвуетъ въ составленіи боярскаго приговора по поводу предложенія литовскихъ пословъ заключить миръ. Бояре постановили,

---

[1]) Др. Р. В., XIII, 380.
[2]) Синб. сб., 10.
[3]) Ibid., 11.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid., 12.
[7]) Ibid., 14.
[8]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 302—316.
[9]) Синб. сб., 16.

между прочимъ, съ литовскимъ королемъ „на докончаніе не дѣлати..., а говорити бы съ послы о перемирьѣ“ [1]). Далѣе, въ томъ же году Никита Романовичъ упоминается, въ качествѣ царскаго представителя, въ мѣновой грамотѣ между Иваномъ Грознымъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ объ уступкѣ послѣднимъ первому города Старицы и др., и о полученіи взамѣнъ этого отъ Грознаго г. Дмитрова „съ волостьми“ [2]). Участвуетъ Никита Романовичъ и при составленіи другой такой же грамоты между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ по поводу обмѣна послѣднимъ г. Вереи на Звенигородъ [3]). Наконецъ, въ 1566 же году Никита Романовичъ подписываетъ „грамоту приговорную духовныхъ особъ, бояръ, окольничихъ и т. д.“ объ отказѣ польскому королю въ перемирьѣ и о походѣ на него войною [4]).

Въ слѣдующемъ году Никита Романовичъ на время возвращется къ военной службѣ—назначается „по вѣстямъ“ итти въ Верею противъ крымскаго царя, вторымъ воеводой [5]). Помимо военной службы Никита Романовичъ продолжаетъ заниматься и внѣшней политикой—главнымъ образомъ сношеніями съ Литвой. Онъ приговариваетъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ другими боярами продолжать мирныя сношенія съ литовскимъ королемъ, въ интересахъ мира,—но съ условіемъ твердаго отстаиванія своихъ границъ [6]).

Въ 1568 году мы видимъ Никиту Романовича лишь при исполненіи имъ своихъ обязанностей по завѣдыванію царскимъ хозяйствомъ. По приказанію Ивана Грознаго онъ выдаетъ провіантъ на дорогу литовскому гонцу Букрябѣ—„зъ дворца рыбы и медовъ красныхъ и бѣлого [7]).

Съ нѣкоторыми перерывами Никита Романовичъ продолжаетъ нести военную и сторожевую службу и въ послѣдующее время. Такъ, въ 1569 г., по разряднымъ записямъ, онъ появляется воеводой въ правой рукѣ—то въ Серпуховѣ [8]), то въ Коломнѣ [9])—противъ крымцевъ, то воеводой Смоленскимъ, провожающимъ въ Литву, по царскому наказу, Ѳедора Мясоѣдова [10]). Въ 1570 г., вмѣстѣ съ воеводой Ѳедоромъ Васильевичемъ Шерметевымъ, онъ, по разряднымъ записямъ,

---

[1]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 380.
[2]) Собр. г. гр. и д., I, 526.
[3]) Ibid., 529.
[4]) Ibid., 545—556.
[5]) Синб. сб., 20.
[6]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 565.
[7]) Ibid., 580.
[8]) Др. Р. В., XIII, 395.
[9]) Синб. сб., 22.
[10]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 595.

„на Нещердѣ городъ ставилъ“ [1]). Въ 1572 г. Никита Романовичъ, воевода въ большемъ полку, ходилъ походомъ противъ шведовъ [2]), а въ слѣдующемъ году воеводой въ передовомъ полку участвовалъ въ царскомъ походѣ „подъ Пайду въ Ливонскіе нѣмцы“[3]). Во время послѣдняго похода Никита Романовичъ посылался, между прочимъ, воевать городъ Каркусъ,—и этотъ городъ былъ взятъ русскими [4]).

Какъ видимъ, военная служба составляла едва-ли не главное призваніе Никиты Романовича, и отправленію военныхъ обязанностей онъ посвятилъ самую большую и лучшую часть своей жизни. Рѣдкій военный походъ, рѣдкая война проходили безъ участія Никита Романовича. Какъ опытнѣйшему воеводѣ, закаленному въ военной службѣ, Никитѣ Романовичу поручается въ 1574 году начальство надъ всей сторожевой и станичной службой на южной границѣ[5]). Его военные таланты и труды, повидимому, обратили на себя серьезное вниманіе царя Ивана Васильевича и получили лестную и вполнѣ заслуженную оцѣнку отъ него.

Въ качествѣ начальника пограничной службы, Никита Романовичъ ввелъ въ послѣдней весьма многія улучшенія: увеличилъ жалованье подчиненнымъ, придалъ имъ помѣстій, усилилъ воинскую дисциплину, построилъ новыя укрѣпленія и расширилъ границы станичныхъ разъѣздовъ до Песьихъ костей по Днѣпру, до Святыхъ горъ по Сѣверному Донцу и до Волжской переволоки по Дону [6]).

Насколько энергично было участіе Никиты Романовича въ военной защитѣ московскаго государства, можно судить по одному 1574 году. Кромѣ довѣренной ему общей сторожевой пограничной службы, мы его видимъ въ слѣдующихъ трехъ походахъ въ одномъ этомъ году. Прежде всего онъ участвуетъ въ походѣ въ Муромъ „для государева дѣла съ казанскими людьми“, съ которыми и былъ заключенъ договоръ, „о всемъ по государеву наказу“ [7]). Второй походъ съ участіемъ Никиты Романовича былъ „подъ Колывань“— по разряднымъ записямъ, Никита Романовичъ былъ въ немъ воеводой въ большемъ полку [8]). Наконецъ, третій такой же походъ былъ „подъ Перновъ“ для войны съ нѣмцами; въ этомъ походѣ Никитѣ Романовичу было назначено служить „другимъ“ воеводой въ большемъ полку. Походъ увѣнчался взятіемъ города Пернова [9]).

---

[1]) Др. Р. В. XIII, 416.
[2]) Ibid., 423.
[3]) Ibid., 435—436.
[4]) Ibid., 439.
[5]) Солов., VII, 28.
[6]) Ibid., 28—29.
[7]) Др. Р. В., XIII, 443—445.
[8]) Ibid., 451.
[9]) Ibid., 457—458.

Во время послѣдняго похода случился еще мѣстническій споръ по поводу высокаго назначенія Никиты Романовича—„въ большемъ полку другимъ“. Кн. Андрей Васильевичъ Репнинъ, получившій мѣсто „въ правой рукѣ другимъ“, обидѣлся и отказался взять разрядные списки. Было доложено объ этомъ спорѣ царю, и послѣдній отвѣчалъ кн. Репнину, „чтобъ онъ списки взялъ, а какъ служба минется, и государь тогды дѣла ихъ послушаетъ“ [1]). И на этотъ разъ Никита Романовичъ остается, по крайней мѣрѣ до суда, выше своего конкурента. Эти мѣстничества князей съ Никитой Романовичемъ подтверждаютъ то положеніе, что шуринъ Ивана Васильевича Грознаго пользовался особымъ благоволеніемъ высшей власти и получалъ назначенія во вторую половину своей жизни высшія сравнительно съ тѣми, какія обыкновенно доставались его ближайшимъ предшественникамъ по роду—что и вызывало пререканія среди князей.

Военная служба Никиты Романовича продолжается и далѣе, до 1577 года. За это время онъ съ большимъ успѣхомъ участвуетъ, между прочимъ, въ ливонской войнѣ [2]); принимаетъ участіе Никита Романовичъ и въ другихъ военныхъ походахъ [3]).

Несмотря на свои безпрерывные военные труды, Никита Романовичъ не прекращаетъ въ указанный періодъ и своей дипломатической и административной дѣятельности при дворѣ московскаго царя. Напр., въ 1570—1571 г.г. онъ ведетъ вмѣстѣ съ Мих. Яковл. Морозовымъ переговоры съ литовскими послами, съ паномъ Яномъ Скротошинымъ съ товарищами, о разныхъ дѣлахъ—о рубежѣ, перемирьѣ и др. [4]) Переговоры эти носятъ всѣ признаки традиціонноіі московской политики скопидомства—здѣсь стереотипные споры бояръ о Смоленскѣ, Полоцкѣ и др. городахъ, [5]) споры о „Вифлянской“ землѣ, [6]) постепенныя, мелочныя уступки бояръ [7]) и т. д. Кончились переговоры заключеніемъ перемирья на три года,—вѣчный миръ, по обычаю, не состоялся. Въ 1576—7 г.г. Никита Романовичъ ведетъ переговоры съ цесарскими послами, встрѣтивши ихъ предварительно въ Дорогобужѣ, по повелѣнію Ивана Грознаго [8]).

Въ послѣдніе восемь—девять лѣтъ своей жизни Никита Романовичъ не встрѣчается въ спискахъ воеводъ. Вслѣдствіе преклоннаго возраста онъ, повидимому, совсѣмъ оставилъ военную службу

---

[1]) Ibid., 458–459.
[2]) Карамз., IX, 133, 149 (изд. 5-е).
[3]) Синб. сб., 59; Сборн. Мух., 157.
[4]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 643—774.
[5]) Ibid., 648–651.
[6]) Ibid., 650.
[7]) Ibid., 658.
[8]) Пам. дипл. сн., I, 482, 490–498, 501, 533, 536—540, 542—547, 556 и др.

и занялся исключительно административными и дипломатическими дѣлами московскаго государства.

Въ 1580 году мы видимъ Никиту Романовича намѣстникомъ новгородскимъ. Въ этомъ званіи онъ ведетъ мирные переговоры съ литовскими послами, Станиславомъ Крыйскимъ и воеводой Мазовецкимъ, и въ результатѣ заключаетъ съ ними перемирье на три года [1]). Черезъ два года послѣ этого онъ сносится съ папскимъ посломъ Антон. Поссевиномъ [2]). Новгородскимъ намѣстникомъ Никита Романовичъ продолжаетъ быть и въ 1584 г., когда онъ, отъ лица государя, ведетъ съ англійскимъ посломъ Еремеемъ Боусомъ переговоры по торговымъ дѣламъ [3]).

Къ торгово-промышленнымъ дѣламъ Никита Романовичъ проявлялъ въ послѣдніе годы своей жизни особенный интересъ. Пользуясь своею близостью къ царю и вліяніемъ на него, Никита Романовичъ съ своими друзьями сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все управленіе торговыми дѣлами. Это видно изъ жалобъ того же англійскаго посла Боуса, считавшаго Никиту Романовича и его товарищей—своими личными врагами и недоброжелателями англичанъ вообще [4]). По словамъ Боуса, развитію англійской торговли въ московскомъ государствѣ мѣшало именно недоброжелательство Никиты Романовича къ англійскимъ купцамъ. Никита Романовичъ будто бы симпатизировалъ голландскимъ купцамъ и всей силой своего авторитета содѣйствовалъ успѣхамъ голландской торговли въ ущербъ англійской. Такое поведеніе его Боусъ объясняетъ тѣмъ, что голландцы подносили Никитѣ Романовичу, какъ самому вліятельному совѣтнику государя, и его друзьямъ—Богдану Бѣльскому и Андрею Щелкалову, множество драгоцѣнныхъ подарковъ. Кромѣ этого, голландцы, по словамъ Боуса, сумѣли войти въ огромные долги этимъ вельможамъ и платили цѣлыхъ 25% своимъ высокопоставленнымъ кредиторамъ [5]). Какъ видимъ, Боусъ обвиняетъ Никиту Романовича въ корыстолюбіи и пристрастіи къ голландцамъ. Не нужно забывать, однако, что это обвиненіе исходитъ отъ заинтересованной стороны, и потому можетъ быть сильно преувеличено. Никита Романовичъ не изъ личныхъ выгодъ давалъ предпочтеніе голландскимъ купцамъ, а изъ чисто государственныхъ соображеній, такъ какъ англійскіе купцы возбудили тогда сильный ропотъ въ народѣ своими притѣсненіями.

Будучи всю свою жизнь въ самыхъ близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ къ царю Ивану Васильевичу, Никита Романовичъ, однако,

---

[1]) Пам. дипл. сн., I, 778, 808.
[2]) Карамз., IX, прим. 621 (изд. 5-е).
[3]) Сб. И. Р. И. О., XXXVIII, 89—126.
[4]) Горсей.—Отеч. Зап., 1859, IX, 125; Солов., VII, 61, 301.
[5]) Солов., VII, 61.

не былъ въ опричнинѣ,—въ боярскомъ приговорѣ 1570 года по поводу установленія рубежа между московскими и литовскими владѣніями имя Никиты Романовича находится среди земскихъ, а не опричныхъ бояръ [1]). Никита Романовичъ не только не былъ замѣшанъ въ опричнину, но, благодаря своимъ душевнымъ качествамъ—добродушію, простотѣ и благочестію—сумѣлъ стяжать еще всеобщую любовь и уваженіе. Ключевскій говоритъ про него, что это—„единственный московскій бояринъ XVI вѣка, оставившій по себѣ добрую память въ народѣ: его имя запомнила народная былина, изображая его въ своихъ пѣсняхъ о Грозномъ благодушнымъ посредникомъ между народомъ и сердитымъ царемъ“ [2]). Никита Романовичъ, подобно сестрѣ—царицѣ, умѣлъ смягчать сердце Грознаго—и это благодарный народъ увѣковѣчилъ въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Изъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ Никита Романовичъ является особенно приближеннымъ лицомъ къ Грозному, его мягкосердечнымъ совѣтникомъ, можно указать, напр., на пѣсни—объ Ермакѣ, покорителѣ Сибири,—о Мастрюкѣ Темрюковичѣ и др. [3]) Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ онъ избражается даже спасителемъ царевича Ивана, котораго онъ отнимаетъ будто бы у злодѣя Малюты Скуратова (?) [4]). Самое прозвище „Никитичи“, подъ которымъ извѣстны были дѣти Никиты Романовича въ народѣ, показываетъ уже особенное расположеніе послѣдняго къ брату царицы Анастасіи.

Популярность Никиты Романовича и любовь къ нему московскаго народа наиболѣе сильно проявились по случаю смерти царя Ивана Грознаго. По сказанію Массы, какъ только умеръ царь Иванъ Васильевичъ, чернь московская, вооруженная съ ногъ до головы луками, копьями, дубинами и мечами, произвела сильное волненіе въ Москвѣ, разбила всѣ лавки и арсеналъ, завладѣла огнестрѣльнымъ оружіемъ—и подступила къ кремлевскимъ воротамъ съ требованіемъ выдать ей Никиту Романовича. [5]) И далѣе Масса объясняетъ, почему народъ московскій требовалъ выдачи ему изъ Кремля Никиты Романовича: „Народъ былъ весьма расположенъ (къ Никитѣ), такъ какъ онъ отличался благочестіемъ и сестра его была очень любима. Опасаясь, чтобы его не извели во время междуцарствія, ибо онъ, будучи добродѣтеленъ, имѣлъ, по мнѣнію народа, много враговъ при дворѣ, (чернь) желала видѣть (Никиту)“ [6]).

Бояре, находившіеся тогда въ Кремлѣ, старались всячески успокоить возбужденную толпу, кричали ей съ кремлевскихъ стѣнъ, что

---

[1]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 666.
[2]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 79.
[3]) Солов., VII, 222.
[4]) Проф. П. Ковалев. - І. Грозн., 264.
[5]) Сказ. М. и Г., 32—33.
[6]) Ibid., 33.

все обстоитъ благополучно, царемъ объявленъ сынъ Грознаго, Ѳедоръ Ивановичъ, Никита Романовичъ живъ и здоровъ и т. д. Но вооруженная толпа не успокаивалась и продолжала настаивать на своемъ: „выдайте намъ Никиту, выдайте намъ Никиту Романовича“ [1],—слышалось изъ толпы. При этомъ возбужденный народъ обзывалъ бояръ самыми оскорбительными именами—ворами и измѣнниками. Опасаясь жестокой расправы отъ черни, бояре—правители распорядились сдѣлать нѣсколько залповъ по ней, и тѣмъ отогнали ее отъ Кремля. Никита Романовичъ, однако, и самъ захотѣлъ тогда покинуть Кремль и вернуться домой во избѣжаніе разныхъ случайностей, и, сколько бояре ни удерживали его во дворцѣ, онъ настоялъ на своемъ, и, въ сопровожденіи 20 слугъ, переѣхалъ на свой дворъ. При выѣздѣ Никиты Романовича изъ Кремля „народъ, говоритъ Масса, подобно внезапному граду, устремившійся на нихъ, кричалъ, шумѣлъ и ликовалъ, будучи необыкновенно обрадованъ тѣмъ, что увидѣлъ (Никиту Романовича)“ [2]. Народъ, любившій Никиту Романовича, какъ видимъ, боялся придворныхъ интригъ противъ него и взялъ на себя его защиту въ опасное, переходное время. Огромной толпой проводилъ народъ Никиту Романовича до его дома и охранялъ его тамъ до самаго вѣнчанія молодого царя, „ибо—добавляетъ Масса—были убѣждены (всѣ) въ томъ, что противъ (Никиты Романовича) строятъ козни, намѣреваются предательски погубить его“ [3].

Событіе, которое разумѣется здѣсь, было, очевидно, тѣмъ уличнымъ безпорядкомъ, который былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Богдана Бѣльскаго, какъ сторонника царевича Димитрія, и Никиты Романовича касался онъ лишь отчасти, какъ одного изъ сторонниковъ только царя Ѳедора. Наши русскіе историческіе памятники ничего не говорятъ о требованіи народомъ Никиты Романовича, и роль послѣдняго въ данномъ случаѣ ограничиваютъ тѣмъ, что онъ, вмѣстѣ съ кн. Мстиславскимъ, по порученію царя Ѳедора Ивановича, усмирялъ толпу, бушевавшую противъ Богдана Бѣльскаго [4]. Но весьма вѣроятно и то, что, въ виду тогдашнихъ разногласій въ боярской средѣ на счетъ престолонаслѣдника [5], преданная Никитѣ Романовичу толпа, изъ опасенія, какъ бы бояре, державшіе сторону Димитрія, не погубили царскаго дядю и опекуна, поспѣшила, согласно Массѣ, увести его изъ Кремля въ собственный домъ и тамъ оберегала его до окончанія придворной смуты. Наши лѣтописи и сказанія запечатлѣли лишь сущность народнаго движенія—протестъ противъ Бѣль-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid., 33—34.
[3]) Ibid., 34.
[4]) Лѣт. о мн. мят., 8; Никон. Лѣт., VIII, 6—7.
[5]) Солов., VII, 230—231; Платон.—Очерки, 150—151.

скаго, какъ главнаго противника царя Ѳедора, опустивши подробности этого протеста, касающіяся другихъ лицъ, въ томъ числѣ и Никиты Романовича. А иностранецъ Масса, не бывшій въ курсѣ дѣла, смѣшалъ причину со слѣдствіемъ, главное съ второстепеннымъ, и въ своихъ запискахъ удержалъ, какъ существенное, лишь то, что было въ дѣйствительности случайнымъ и второстепеннымъ. Ничего не говоря о придворныхъ партіяхъ за и противъ Ѳедора Ивановича въ этотъ моментъ, Масса обратилъ вниманіе изъ всей этой исторіи лишь на то, какъ народъ оберегалъ Никиту Романовича отъ козней его враговъ, и въ своемъ разсказѣ объ этомъ указанному отдѣльному эпизоду отвелъ главное мѣсто.

Такимъ образомъ, извѣстіе Массы можно признать вполнѣ правдоподобнымъ. Изъ нашихъ историковъ, принимающихъ это извѣстіе, можно указать, напр., на Костомарова [1]).

Какъ бы ни было, однако, случай, разсказанный Массой, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что извѣстные слои народа дѣйствительно, относились къ Никитѣ Романовичу съ особенной симпатіей и преданностью. Обстоятельство—очень важное въ виду дальнѣйшаго возвышенія Романовыхъ. Когда со смертью царя Ѳедора возникъ вопросъ о новомъ царѣ, и Ѳедоръ Никитичъ Романовъ выставилъ свою кандидатуру, то эта кандидатура, естественно, встрѣтила сочувствіе прежде всего въ тѣхъ кругахъ общества, которые такъ любили его отца Никиту Романовича,—и хотя самому Ѳедору Никитичу не удалось занять престолъ, преданные Романовымъ люди, несомнѣнно, помогли потомъ возвести на этотъ престолъ его сына Михаила.

Какъ ни близокъ къ царю былъ Никита Романовичъ, какъ ни тактиченъ онъ былъ среди бояръ, но и онъ не избѣжалъ опалы Грознаго и его опричнины, хотя опалы и мимолетной, случайной, наложенной, по всѣмъ признакамъ, подъ вліяніемъ особенно—недоброй минуты. Англичанинъ Горсей, жившій въ то время въ Москвѣ и бывшій въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Никитой Романовичемъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что однажды (около 1580 г.) царь Грозный, опалившись за что-то на Никиту Романовича, послалъ 200 стрѣльцовъ разграбить его домъ,—и стрѣльцы расхитили у Никиты Романовича множество оружія, лошадей, посуды и другихъ пожитковъ, на 40 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ). Никита Романовичъ послѣ стрѣлецкаго разгрома былъ лишенъ помѣстій и такъ бѣдствовалъ, что былъ принужденъ на другой день послѣ разгрома обратиться въ англійское подворье, помѣщавшееся по сосѣдству съ его домомъ, съ просьбой прислать ткани на одежду дѣтямъ своимъ и себѣ [2]).

---

[1]) Костомаровъ.—См. вр., I, 11.

[2]) Горсей—Отеч. Зап., 1859, XI, 103.

Но гнѣвъ царя Ивана Грознаго на Никиту Романовича былъ непродолжителенъ, настолько непродолжителенъ, что наши русскія лѣтописи и сказанія не успѣли даже зарегистровать его,—и мы узнаемъ о немъ уже отъ иностранца, который, къ счастью, былъ слишкомъ дружень съ Никитой Романовичемъ и его семьей, чтобы могъ умолчать объ этомъ инцидентѣ въ своихъ запискахъ о Москвѣ. Никита Романовичъ и послѣ этой вспышки на него царя остался главнымъ совѣтникомъ и довѣреннымъ Грознаго, и даже сталъ какъ будто еще ближе къ нему. Лѣтопись о многихъ мятежахъ говоритъ, что, умирая, Грозный „приказа брещи чада своя князю Іоанну Ѳеодоровичу Мстиславскому, да Никитѣ Юрьевичу (перепутано отчество съ фамиліей) Романову“, [1]) т. е. Никита Романовичъ былъ назначенъ съ княземъ Мстиславскимъ опекуномъ царскихъ дѣтей. Такое порученіе царя Ивана IV своему шурину могло имѣть мѣсто только при томъ, конечно, условіи, если между царемъ и Никитой Романовичемъ не было никакихъ недоразумѣній въ послѣднее время, и если царь вполнѣ довѣрялъ шурину, какъ самому близкому человѣку къ своей семьѣ.

Подъ этимъ предсмертнымъ завѣщаніемъ царя Никитѣ Романовичу и кн. Мстиславскому на счетъ своихъ дѣтей разумѣется, по мнѣнію Платонова, не формальная опека,—а простое, частное порученіе близкимъ и роднымъ молодого царя охранять престолъ послѣдняго. „Не было ни малѣйшей нужды—говоритъ этотъ историкъ—въ экстренномъ государственномъ учрежденіи, когда въ обычной „ближней думѣ“ могли сойтись ближайшіе родственники молодого царя: его родной дядя Никита Романовичъ Юрьевъ, его троюродный братъ И. Ѳ. Мстиславскій и его шуринъ Б. Ѳ. Годуновъ... Вокругъ царя Ѳеодора было столько „своихъ“ людей, притомъ думныхъ, что и безъ всякой „пентархіи“ было кому опекать неспособнаго монарха и „поддерживать подъ нимъ царство“ [2]).

Со смертью Грознаго Никита Романовичъ, по единодушному свидѣтельству современниковъ, сталъ во главѣ правителей—опекуновъ слабоумнаго царя. Англичанинъ Боусъ пишетъ, напр., что по смерти Грознаго вся власть перешла въ руки боярина Никиты Романовича, главнымъ совѣтникомъ котораго былъ дьякъ Андрей Щелкаловъ. Борисъ же Годуновъ до коронаціи царя не имѣлъ большой власти [3]). Лѣтопись о многихъ мятежахъ отводитъ Никитѣ Романовичу также первое мѣсто въ ближней думѣ царя Ѳедора Ивановича, которой фактически принадлежала вся верховная власть. Послѣ же смерти Никиты Романовича все его вліяніе и власть, по

---

[1]) Лѣт. о мн. мят., 5.
[2]) Платон.—Очерки, 149.
[3]) Солов., VII, 396, прим. 67.

этой лѣтописи, перешли къ брату царицы, боярину Борису Годунову; „По малѣжъ времени умре Никита Юрьевичъ Романовыхъ, и бысть преемникъ и правитель въ его мѣсто Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ“ [1])...

Первенство Никиты Романовича въ ближней думѣ молодого царя подтверждается и нѣкоторыми фактами. Напр., тотъ же Боусъ говоритъ, что по смерти Ивана Грознаго Никита Романовичъ да Щелкаловъ „девять недѣль держали его въ заключеніи въ его домѣ, содержали строго, обходились дурно, и каждый день ждалъ онъ еще худшаго“ [2]). Никита Романовичъ, какъ видно изъ этого случая, самостоятельно распоряжается государственными дѣлами, проводя въ отношеніи торговли прежнюю свою антианглійскую политику.

И новѣйшіе наши историки согласно утверждаютъ, что Никита Романовичъ былъ главнымъ и самымъ вліятельнымъ правителемъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ. Укажемъ для примѣра на Соловьева, [3]) Ключевскаго [4]) и Платонова [5]).

Послѣ смерти Никиты Романовича, въ качествѣ правителей, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, остались кн. Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, родной братъ царской жены. Пока былъ живъ Никита Романовичъ, Годуновъ хотя и пользовался вліяніемъ при дворѣ чрезъ свою сестру—царицу, однако, еще не имѣлъ той власти и почета, какими былъ окруженъ послѣ. Отношенія между Никитой Романовичемъ и Годуновымъ въ то время представляются очень хорошими, даже дружественными, по крайней мѣрѣ—по внѣшности. Дружба между Романовыми и Годуновыми, по мнѣнію Платонова, образовалась еще очень давно и обратилась со временемъ въ „семейную традицію“, которая держалась чрезъ все царствованіе Ѳедора Ивановича, до того момента, когда Романовы выступили конкурентами Борису Годунову въ дѣлѣ избранія новаго царя въ 1598 году [6]). Передъ смертью своей Никита Романовичъ поручилъ Борису Годунову даже дѣтей своихъ, какъ это видно изъ словъ Авр. Палицына: „клятву же Борисъ къ великому болярину Никитѣ Романовичу Юрьеву преступи, еже о чадѣхъ ввѣренное тому соблюденіе“ [7]) Въ другомъ историческомъ памятникѣ говорится, что Годуновъ поклялся умирающему другу своему, Никитѣ Романовичу, не измѣнять его семьѣ и обѣщалъ относиться къ дѣтямъ его, какъ къ братьямъ и помощникамъ своимъ въ управленіи: Годуновъ къ Никитичамъ

---

[1]) Лѣт. о мн. мят., 7.
[2]) Солов., VII, 301.
[3]) Ibid., 229.
[4]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 22.
[5]) Платоновъ.—Очерки, 152.
[6]) Платон.—Очерки, 153.
[7]) Авр. Палиц., 8.

„исперва любовію пріединяся и клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помогателя имѣти, помалѣ же яко сковрада воскипѣ, напрасным ъ заточеніемъ ихъ осуди“ [1]). Наконецъ, взаимную связь и тѣсную традиціонную дружбу между Годуновымъ и семьей Романовыхъ подтверждаетъ въ своей повѣсти и ближайшій родственникъ послѣднихъ—кн. Катыревъ—Ростовскій „не усрами же ся и славна роду, но и паче въ завѣщательномъ союзѣ дружбы имѣху ихъ, и сихъ не помилова“ [2])...

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что Никита Романовичъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Годуновымъ. Ихъ связывало между собой то, что оба они были очень близкими родственниками царя Ѳедора Ивановича—одинъ былъ роднымъ дядей послѣдняго, а другой—шуриномъ его. Пока происходили колебанія въ обществѣ на счетъ престолонаслѣдника (Ѳедору или царевичу Димитрію наслѣдовать царскій престолъ?), Никита Романовичъ и Годуновъ, естественно, вошли въ тѣсный союзъ между собой какъ для защиты верховныхъ правъ Ѳедора Ивановича, такъ, слѣдовательно, и для защиты своего высокаго положенія при дворѣ, какъ царскихъ родственниковъ и опекуновъ. Отсюда и „завѣщательный союзъ дружбы“ между Годуновымъ и Романовымъ, и взаимныя обѣщанія и клятвы, о которыхъ мы только что говорили. Дружба между этими двумя домами перестала быть искренной съ тѣхъ поръ, какъ бездѣтность царя Ѳедора Ивановича открыла широкій просторъ для честолюбивыхъ стремленій какъ для Годунова, такъ и для другихъ бояръ, стоявшихъ близко къ престолу. До 1598 года мы еще не видимъ открытаго разлада между Годуновымъ и Романовыми; по внѣшности они—еще друзья,—но въ глубинѣ души и Годуновъ, и Романовы, несомнѣнно, чувствуютъ себя соперниками, врагами другъ для друга. Можетъ быть уже со времени вѣнчанія на царство Ѳедора Ивановича (30-е іюня 1584 г.) [3]), когда упроченіе за нимъ престола можно было считать окончательнымъ, началась неискренность въ дружбѣ Годунова съ Романовыми, зародилось скрытое соперничество между ними у кормила власти, въ виду угасанія старо—московской династіи. Англичанинъ Горсей, тотъ самый, который до конца жизни своей сохранилъ наилучшія чувства и отношенія къ Никитѣ Романовичу [4]), какъ будто и подтверждаетъ это предположеніе. Онъ говоритъ объ одномъ заговорѣ, бывшемъ въ Москвѣ противъ Бориса Годунова въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Никакихъ подробностей объ этомъ заговорѣ Горсей не сообщаетъ. По его словамъ, Годуновъ

---

[1]) Доп. къ акт. ист., II, 194—195.
[2]) Р. И. Б., XIII, 567.
[3]) Собр. г. гр. и д., II, 72.
[4]) Горсей.—Отеч. Зап., 1859, IX, 103.

не предавалъ гласности эту интригу противъ себя и постарался скрыть ее отъ публики. Однако этотъ же Горсей дѣлаетъ тонкій намекъ на то, что иниціатива заговора противъ Годунова приписывалась послѣднимъ именно Никитѣ Романовичу, такъ какъ непосредственно послѣ словъ объ этомъ заговорѣ Горсей говоритъ о Никитѣ Романовичѣ, что этотъ „крѣпкій и мужественный, всѣми любимый и уважаемый бояринъ былъ околдованъ и внезапно лишился языка и разсудка. Хотя онъ оставался нѣсколько времени живъ,—но правитель сказалъ мнѣ, что онъ долго не проживетъ“[1]). Связь, въ которую ставитъ Горсей колдовство и болѣзнь Никиты Романовича съ попыткой противъ Годунова—съ одной стороны, и вздохъ облегченія, который слышится въ словахъ Годунова: „онъ долго не проживетъ“—съ другой дѣлаютъ весьма правдоподобной мысль, что рознь и глухая вражда между домомъ Романовыхъ и Годуновымъ начались еще при жизни самого Никиты Романовича, именно въ послѣдній годъ его жизни. Но эта вражда скрывалась пока въ тайникахъ души, подъ покровомъ внѣшней дружбы и пріятельства—и только спустя слишкомъ десять лѣтъ проявилась со всей силой въ томъ гоненіи, которое претерпѣли Романовы отъ Годунова, бывшаго тогда уже царемъ.

Что Борисъ Годуновъ сталъ враждебно относиться къ Романовымъ еще при жизни Никиты Романовича, объ этомъ свидѣтельствуютъ и народныя пѣсни того времени, сохранившіяся до насъ. Въ этихъ пѣсняхъ уже встрѣчается мысль о ненависти Годунова къ Никитѣ Романовичу. Для примѣра можно указать на пѣсню подъ названіемъ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское“ [2]).

Никита Романовичъ, какъ близкій родственникъ царя Грознаго и потомокъ знатныхъ московскихъ бояръ, естественно имѣлъ и обширныя земельныя владѣнія. Проф. Д. В. Цвѣтаевъ, говоря о земельныхъ богатствахъ бояръ Романовыхъ, называетъ Никиту Романовича „однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ своего времени“. Его вотчины, по изслѣдованію того же профессора, были разбросаны по всѣмъ областямъ московскаго государства, начиная съ московскаго уѣзда и кончая новгородскимъ краемъ и южной границей. Особенно обширны и богаты были вотчины Никиты Романовича въ нынѣшней тверской губерніи, гдѣ ему принадлежали, между прочимъ, Тургиново и Хабоцкое. Много было селъ у Никиты Романовича въ московскомъ и коломенскомъ уѣздахъ (Измайлово, Рубцово, Чашниково, Степаново и др.), а также въ сѣверовосточной части Замосковья (Анофріево, Зосима-Савватій, Никола Мокрый, Степурино, Шулева и др. [3]).

---

[1]) Ibid., 136—137.

[2]) Солов.,—VII, 222—223.

[3]) Проф. Д. В. Цвѣтаевъ.—Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство. Москва—1913, 54—59.

Никита Романовичъ скончался по одному извѣстію—въ 1585 г. [1]), а по другому—въ 1586 году, 23 апрѣля [2]). Какъ наиболѣе достовѣрную—беремъ первую дату, которая принята проф. Платоновымъ въ его „Очеркахъ по исторіи смуты“ [3]).

Государственную службу Никита Романовичъ оставилъ еще въ августѣ 1584 года вслѣдствіе тяжкой болѣзни, которой онъ заболѣлъ [4]). Костомаровъ называетъ болѣзнь Никиты Романовича параличемъ [5]), и это, кажется, болѣе всего соотвѣтствуетъ дѣйствительности, въ виду свидѣтельства Горсея о томъ, что Никита Романовичъ „внезапно лишился языка и разсудка“.

Предъ смертью Никита Романовичъ принялъ схиму съ именемъ Нифонта: „преставися рабъ Божій Боляринъ Никита Романовичъ... во иноцѣхъ Нифонтъ схимникъ“—читаемъ въ „Опис. царск. пресв. прарод.“ [6]).

Вышеприведенныя слова Авр. Палицына даютъ основаніе полагать, что при смерти Никиты Романовича присутствовалъ и Борисъ Годуновъ [7]).

По смерти Никиты Романовича ходили слухи, что онъ будто бы былъ отравленъ своими врагами (подразумѣвался Годуновъ). Но эти слухи были настолько неосновательны, что лѣтописцы наши, несмотря на свое нерасположеніе къ Годунову, умолчали о нихъ и не рискнули приписать послѣднему такое до очевидности мнимое преступленіе [8]).

Никита Романовичъ былъ женатъ два раза. Первую жену его звали Варварой. Умерла она 18 іюня 1552 г.; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [9]). По происхожденію своему она была дочерью Ивана Дмитріевича Ховрина и внукой казначея Ивана III—Дмитрія Ховрина—Овцы [10]). Первую жену Никиты Романовича мы видимъ лишь на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 г., гдѣ она упоминается „у постели“ [11]).

Второй женой Никиты Романовича была княжна Евдокія Горбатая, дочь кн. Александра Борисовича Горбатаго. Умерла она 4 апрѣля 1581 года; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [12]).

---

[1]) Др. Р. В., XX, 61.
[2]) Снег.—Н. М., 130 (д. ст.).
[3]) Платон.—Очерки, 152.
[4]) Солов., VII, 229.
[5]) Костомар.—См. вр., I, 12.
[6]) Снег.—Н. М., 130 (д. ст.).
[7]) Авр. Палиц., 8.
[8]) Солов., VII, 397, прим. 77.
[9]) Снег.—Н. М., 127 (д. ст.).
[10]) Сборн. Селиф., 289.
[11]) Др. Р. В., XIII, 38.
[12]) Снег.—Н. М., 129 (д. ст.).

Старшій братъ Никиты Романовича, Данила Романовичъ, началъ свою государственную службу много раньше своего младшаго брата, такъ какъ въ 1547 году, на свадьбѣ Грознаго, онъ появляется уже въ чинѣ окольничаго [1]), а въ 1549 году получаетъ и званіе боярина и вмѣстѣ дворецкаго [2]), между тѣмъ какъ Никита Романовичъ, какъ мы видѣли, сталъ окольничимъ лишь въ 1559 г., а бояриномъ—только въ 1563 г. По послужному списку, Данила Романовичъ „сказанъ“ въ окольничіе въ 1548, а не въ 1547 г. [3]),—но послужной списокъ иногда ошибается,—и въ данномъ случаѣ вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, дата свадебныхъ разрядныхъ записей 1547 года.

Данила Романовичъ, какъ старшій шуринъ царя Ивана Васильевича, игралъ также весьма важную роль при дворѣ послѣдняго,—но только въ первую, а не во вторую половину царствованія Грознаго. Какъ и Никита Романовичъ, Данила Романовичъ отличается главнымъ образомъ на военной и дипломатической службѣ, не переставая въ тоже время быть участникомъ и всѣхъ придворныхъ событій въ Москвѣ. Если Данила Романовичъ не достигъ той власти, какую имѣлъ при концѣ своей жизни его братъ Никита, то это только потому, что онъ рано умеръ и не дожилъ до того благопріятнаго для Романовыхъ времени, когда кончалъ свою жизнь Никита Романовичъ.

Военную службу Данила Романовичъ началъ, конечно, раньше Никиты Р-ча, только о ней не сохранилось извѣстій. Въ первый разъ онъ упоминается воеводой въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1551 годомъ, въ походѣ противъ татаръ [4]). Своими военными успѣхами Данила Романовичъ прославился главнымъ образомъ въ знаменитомъ казанскомъ походѣ 1552 г. [5]) Вмѣстѣ съ воеводами, кн. Александромъ Горбатымъ и кн. Семеномъ Микулинскимъ, Данила Романовичъ, между прочимъ, взялъ приступомъ Арское Городище, отличавшееся своей неприступностью, и захватилъ массу плѣнныхъ. „Они же (упомянутые воеводы) говоритъ лѣтопись—казанскую землю воеваша 10 дней, и пожгоша Арскія села и деревни, и много плѣниша на всѣ страны, и людей казанскихъ многихъ побиша, инѣхъ живыхъ многихъ приведоша“ [6]).

Послѣ взятія Казани Данила Романовичъ посылался царемъ въ Москву съ вѣстью о побѣдѣ—„Божія велія чюдесныя дѣла възвѣстити“ [7])

---

[1]) Др. Р. В., XIII, 31.
[2]) Ibid., XX, 36.
[3]) Др., Р. В., XX, 35.
[4]) П. С. Р. Л., XIII, 163.
[5]) Ibid., VI, 305, 307, 313—314; XIII, 170, 198, 200, 211, 507.
[6]) Ibid., VI, 307; XIII, 211, 507.
[7]) Ibid., XIII, 221, 515; VI, 314.

Послѣ казанскаго похода Данила Романовичъ принимаетъ участіе въ слѣдующихъ военныхъ походахъ. Въ 1555 г. онъ, въ качествѣ воеводы въ большомъ полку, усмиряетъ казанцевъ [1]). Въ слѣдующемъ году участвуетъ въ походѣ противъ нѣмцевъ, также воеводой въ большомъ полку [2]), Тогда же Данила Романовичъ появляется воеводой въ передовомъ полку на сторожевой службѣ въ Коширѣ, на случай „осенняго прихода отъ крымскихъ“ [3]). Въ 1557 году онъ посылался вмѣстѣ съ царемъ Шигъ-Алеемъ „на ливонскія мѣста“, и былъ въ большемъ полку вторымъ воеводой [4]). Черезъ два года послѣ этого Данила Романовичъ вмѣстѣ съ царемъ охраняетъ украинскую границу отъ крымскихъ татаръ [5]). Въ 1564 и 1565 г.г. Данила Романовичъ стоитъ на стражѣ литовской украйны, вторымъ воеводой въ большомъ полку [6]). Въ 1564 г. Данила Романовичъ стоялъ со своимъ полкомъ въ Вязьмѣ, и, наконецъ, а въ 1565 г. ходилъ съ другими воеводами навстрѣчу литовцамъ,—причемъ русскіе воеводы сожгли г. Озерище, перебивши и полонивши при этомъ многихъ жителей [7]).

Въ качествѣ дипломата Данила Романовичъ выступалъ въ переговорахъ съ Литвой—то о перемиріи, то о вѣчномъ мирѣ. Его вліяніе здѣсь было настолько сильно, что грамоты, которыя получались изъ Литвы, почти всегда адресовались и Данилѣ Романовичу,—и послѣдній, такимъ образомъ, ставился наряду съ самыми первыми вельможами Ивана Грознаго (кн. Бѣльскимъ, кн. Иваномъ Шуйскимъ). На дипломатическомъ поприщѣ мы видимъ Данилу Романовича прежде всего въ 1552—1553 г.г., когда онъ, въ санѣ дворецкаго московскаго и казанскаго, вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Михайловичемъ Шуйскимъ, переписывается съ панами—радами, Павломъ виленскимъ бискупомъ, Николаемъ Яновичемъ Радзивилломъ и др., о продолженіи перемирія въ виду истекающаго срока его [8]). Изъ грамоты пановъ радныхъ видно, что Данила Романовичъ былъ очень приближеннымъ и вліятельнымъ человѣкомъ у царя, такъ какъ его имя въ адресѣ стоитъ первымъ послѣ митрополита, ранѣе имени даже Шуйскаго [9]). Данила Романовичъ въ этой перепискѣ съ литовскими панами является достойнымъ продолжателемъ исконной московской политики съ ея хитрымъ „себѣ на умѣ“, съ ея дальнозоркостью и упор-

---

1) Ibid., XIII, 247.
2) Ibid., 287.
3) Др. Р. В., XIII, 251.
4) Сборн. Мух., 157.
5) Др. Р. В. XIII, 293.
6) Синб. сб., 5, 6, 7, 13; Др. Р. В., XIII, 351, 354.
7) Синб. сб., 6—7.
8) Сб. И. Р. И. О., LIX, 364—380.
9) Ibid., 366.

ствомъ въ слѣдованіи традиціи. Возьмемъ хотя бы отказъ Данилы Романовича и его товарища кн. Шуйскаго на просьбу литовской рады о томъ, чтобы московскій царь первый прислалъ пословъ въ Литву на счетъ заключенія мира. Они и слышать не хотятъ, чтобы измѣнить заведенный ихъ предками обычай: „чаемъ—пишутъ они въ Литву—въ великомъ княжествѣ литовскомъ старые рады паны ещо есть, и того не иззабыли, что николи того не бывало, чтобъ государемъ нашимъ напередъ пословъ посылати“ [1]).

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ этой переписки, въ 1562—1563 г.г., мы снова видимъ Данилу Романовича въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ литовскимъ правительствомъ на счетъ заключенія мира [2]) Данила Романовичъ является здѣсь въ званіи тверского намѣстника и дѣйствуетъ наряду съ такими знатными боярами, какъ кн. Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, кн. Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, кн. Шуйскій, Василій Михайловичъ Юрьевъ и Иванъ Петровичъ Яковлевъ [3]). При этомъ Данила Романовичъ имѣетъ такой авторитетъ въ глазахъ литовской рады, что на имя послѣдняго и кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго шлются изъ Литвы отдѣльныя грамоты [4]).

Какъ ближайшій родственникъ царя, Данила Романовичъ играетъ весьма видную роль и въ придворной жизни, являясь главнымъ вожакомъ партіи царицы Анастасіи въ первые годы царствованія Грознаго и участвуя почти во всѣхъ придворныхъ событіяхъ. Въ 1547 г. мы его видимъ вторымъ поручителемъ предъ царемъ Грознымъ за кн. Ивана Ивановича Пронскаго. Поручители обязываются внести 10,000 руб. въ царскую казну въ случаѣ побѣга куда-либо Пронскаго [5]). Въ 1548 году Данила Романовичъ присутствовалъ на на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича—„несъ вино“ [6]).

Во время господства Сильвестра и Адашева Данила Романовичъ держалъ сторону своей сестры, царицы Анастасіи, и вмѣстѣ съ другими Захарьиными, родственниками Анастасіи, велъ борьбу съ всесильными совѣтниками Грознаго. Это особенно обнаружилось въ 1553 году, во время опасной болѣзни царя, когда бояре, принадлежавшіе къ партіи Сильвестра, отказались цѣловать крестъ малолѣтнему сыну Грознаго изъ боязни господства Захарьиныхъ, какъ ближайшихъ родственниковъ и опекуновъ малолѣтняго царя. Ѳедоръ Адашевъ, по лѣтописи, прямо говорилъ Грозному по поводу боярскаго отказа присягать его сыну: „вѣдаетъ Богъ да ты, государь:

---

[1]) Ibid., 371.
[2]) П. С. Р. Л., XIII, 345, 367; Р. И. Б., III, 179; Сб. И. Р. И. О., LXXI, 58—151.
[3]) Сб. И Р. И. О., LXXI, 122, 124 и др.
[4]) Ibid., 94.
[5]) Собр. г. гр. и д., I, 458—459.
[6]) Др. Р. В., XIII, 41.

тебѣ, государю, и сыну твоему царевичу князю Дмитрею крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Данилу з братіею не служивати; сынъ твой, государь нашъ, ещо въ пеленицахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Данилу з братіею; а мы уже отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видѣли многія" [1]). Тоже самое почти говорили въ свое оправданіе и другіе бояре, противники Захарьиныхъ: „вѣдь де нами владѣти Захарьинымъ,—заявляли князья Петръ Щенятевъ, Иванъ Пронскій и Семенъ Ростовскій,—и чѣмъ нами владѣти Захарьинымъ, а намъ служити государю малому, и мы учнемъ служити старому—князю Володимеру Ондрѣевичу" [2]). Дѣла принимали, какъ видно, очень дурной оборотъ для Захарьиныхъ—волненіе противъ нихъ все расло и расло среди бояръ. Главные вожаки Захарьиныхъ—Данила Романовичъ и Василій Михайловичъ—повидимому, ужасно растерялись и не знали, какъ помочь своему дѣлу, что предпринять. И если бы не самообладаніе больного царя, не потерявшаго присутствія духа въ такую критическую минуту, наслѣдникомъ престола, можетъ быть, былъ бы объявленъ князь Владимиръ Андреевичъ. Но Иванъ Грозный, собравши послѣднія силы, обратился къ своимъ вѣрнымъ боярамъ съ горячей мольбой постоять за его жену и сына: „и будетъ сстанетца надо мною воля Божія, меня не станетъ, и вы пожалуйте, попамятуйте, на чемъ есте мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали; не дайте бояромъ сына моего извести никоторыми обычаи, побѣжите съ нимъ въ чюжую землю, гдѣ Богъ наставитъ" [3]). Потомъ Грозный пристыдилъ и самихъ Захарьиныхъ, опустившихъ было руки, и своими словами хотѣлъ возбудить въ нихъ рѣшимость постоять за себя и за сестру—царицу съ ея сыномъ. „А Данилу Романовичю и Василію Михайловичу (сыну Михаила Юрьевича),- говоритъ лѣтописецъ,—государь молылъ: „а вы, Захарьины, чего испужалися? Али чаяте, бояре васъ пощадятъ? вы отъ бояръ первыя мертвецы будете! и вы бы за сына за моего да и за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе бояромъ не дали" [4]). Слова Грознаго возымѣли самое благопріятное для его семьи и Захарьиныхъ дѣйствіе,—благодаря имъ, создавшійся было кризисъ около его сына—наслѣдника разрѣшился благополучно. „И бояре, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, всѣ отъ того государскаго жестокого слова поустрашилися и пошли въ переднюю избу цѣловати" [5])... Хотя и послѣ этого нѣкоторые бояре упрямились присягать сыну Грознаго, а самъ претендентъ на престолъ, кн. Владимиръ Андреевичъ, „цѣловалъ крестъ (только) поневолѣ", мать же его трижды отказывалась скрѣпить своей печатью

---

[1]) П. С. Р. Л., XIII, 524.
[2]) Ibid., 525.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

цѣловальную запись, всячески бранясь при этомъ,—однако, наэлектризованные словами Грознаго сторонники сына послѣдняго (кн. Владимиръ Воротынскій, дьякъ Иванъ Михайловичъ и др.) и Захарьины въ концѣ концовъ вышли побѣдителями,—наслѣдникомъ былъ признанъ сынъ Грознаго и Анастасіи [1]).

Послѣ того какъ палъ Сильвестръ со своей партіей, Захарьинымъ вообще, а въ частности и Данилѣ Романовичу, какъ старшему въ своемъ родѣ, стало больше простора для развитія своего вліянія при дворѣ зятя—царя. Какъ мы видѣли изъ дипломатической переписки Данилы Романовича съ литовской радой, онъ въ послѣдніе 12—13 лѣтъ своей жизни былъ, дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ царю и вліятельнѣйшихъ вельможъ московскихъ. Особенно близокъ Данила Романовичъ былъ къ семейетву Грознаго, къ его дѣтямъ. Это видно изъ того, что, отправляясь въ 1562 г. въ походъ на „литовское дѣло“, царь Иванъ Васильевичъ поручаетъ свою семью именно Данилѣ Романовичу съ братомъ его [2]). Затѣмъ, въ 1563 году мы видимъ Данилу Романовича отправляющимся изъ Москвы, отъ царскихъ дѣтей, къ царю въ станъ на „Туронтовой“ съ привѣтствіемъ по случаю побѣды [3]).

Со времени кончины царицы Анастасіи Романовны и послѣдовавшей за ней вторичной женитьбы своей—царь Иванъ Грозный сталъ особенно подозрителенъ и мнителенъ. Онъ всѣхъ подозрѣвалъ въ тайной измѣнѣ и, для облегченія своей мятущейся души, бралъ крестоцѣловальныя записи съ тѣхъ бояръ, которые ему казались неблагонадежными. Въ числѣ послѣднихъ однажды оказался и Данила Романовичъ. Около 1561 года онъ, въ числѣ другихъ семи бояръ, подписалъ цѣловальную запись на вѣрную и неизмѣнную службу царевичу Ивану, царицѣ Маріи и царевичу Ѳедору, въ случаѣ кончины самого Грознаго [4]).

Что побудило Грознаго къ такому поступку въ отношеніи Данилы Романовича, столь близкаго человѣка къ царскому дому и безусловно вѣрнаго царю—въ точности неизвѣстно. Вѣроятно, ничего особеннаго не было,—и Грозный такъ поступилъ въ припадкѣ мнительности и больного воображенія. Что это такъ и было, видно изъ того, что въ слѣдующемъ же, 1562, году, какъ мы сказали выше, попеченію Данилы Романовича царемъ ввѣряется вся семья его.

Умеръ Данила Романовичъ въ 1565 г.: „лѣта 7073 ноября въ 27 день преставися рабъ Божій болярин Данiилъ Романовичъ Юрь-

---

[1]) Ibid., 526.
[2]) П. С. Р. Л., XIII, 341.
[3]) Р. И. Б., III, 171 (Отр. изъ лѣт. о врем. царств. царя Ив. Вас. Грознаго).
[4]) Собр. г. гр. и д., I, 474—475.

евъ". Погребенъ онъ вмѣстѣ съ своими сородичами въ Новоспасскомъ монастырѣ [1]).

Данила Романовичъ, какъ и братъ его Никита, былъ дважды женатъ,—и обѣ супруги Данилы Романовича носили одно и тоже имя—Анна. Изъ какихъ фамилій онѣ происходили—совершенно неизвѣстно.—О первой женѣ его мы знаемъ лишь то, что она была на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 году—находилась „у постели" [2]). Умерла она въ 1557 году 8 мая; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [3]).

О второй супругѣ Данилы Романовича мы знаемъ еще менѣе—только то, что она умерла 24 мая, 1571 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [4]). Родословная Студенкина добавляетъ, впрочемъ, что смерть ея послѣдовала при нашествіи и сожженіи Москвы крымскимъ ханомъ Девлетъ—Гиреемъ [5]).

Второй братъ Никиты Романовича, Долматъ Романовичъ не успѣлъ проявить никакой дѣятельности въ московскомъ государствѣ, такъ какъ умеръ очень молодымъ. Смерть его послѣдовала 5 сентября, 1546 г. Погребенъ Долматъ Романовичъ вмѣстѣ съ своими родными въ Новоспасскомъ монастырѣ [6])

У Романа Юрьевича, кромѣ указанныхъ сыновей, было еще двѣ дочери—Анна Романовна и Анастасія Романовна.—Анна Романовна была замужемъ за кн. Василіемъ Андреевичемъ Сицкимъ [7]). Въ 1573 г. она была свахой на свадьбѣ короля Арцымагнуса,—ѣздила, между прочимъ, за постелей [8]). Умерла она 22 октября 1578 г. подъ стѣнами Вендена [9]).

Другая дочь Романа Юрьевича, Анастасія Романовна, удостоилась высшей чести, какая была возможна для молодой московской боярышни—на ней женился самъ царь Иванъ Васильевичъ въ 1547 году [10]). Существуетъ преданіе, о достовѣрности котораго мы не рѣшаемся судить, что этотъ бракъ Анастасіи Романовны съ царемъ былъ предсказанъ матери ея Ульянѣ Ѳедоровнѣ еще ранѣе св. Геннадіемъ, костромскимъ чудотворцемъ [11]). Выборъ царя палъ на Анастасію Романовну, очевидно, не случайно. Нечего и говорить, что

---

[1]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).
[2]) Др. Р. В., XIII, 38.
[3]) Снег. Н. М., 127 (д. ст.).
[4]) Снег., Н. М., 129 (д. ст.).
[5]) Сборн. Селиф., 288.
[6]) Снег.—Н. М., 127 (д. ст.)
[7]) Сборн. Селиф., 289.
[8]) Др. В. Р., XIII, 98, 102.
[9]) Сборн. Селиф., 289.
[10]) П. С. Р. Л., III, 251; IV, 307; XIII, 151, 453.
[11]) Солов., VI, 397, прим. 23.

Анастасія Романовна, какъ невѣста Грознаго, была весьма красивой наружности. Но не за одну физическую красоту, конечно, объявляли дѣвушку невѣстой царя,—обращалось большое вниманіе и на душевныя и умственныя качества ея. Царскихъ невѣстъ тогда имѣли обыкновеніе выбирать изъ тысячи или болѣе дѣвицъ,—и, если счастье быть царицей досталось на долю именно Анастасіи Романовны, то, значитъ, она и по своимъ душевнымъ качествамъ выдѣлялась изъ ряда своихъ соперницъ. Современники такъ именно и отзываются о ней—они приписываютъ ей всѣ добродѣтели, какими можетъ только обладать женщина. Царица Анастасія, по отзывамъ лѣтописцевъ,—и благочестива, и добра, и беззлобива, и милостива.

Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, напр., такъ расписываетъ ее по случаю ея брака съ Грознымъ: „отъ синклитска рода избравъ дщерь, душевными добродѣтелми тѣлеснаго благородія преболшу же, яко ряснами нѣкако украшену всю, Анастасію, Россійска жребія мірови царицу, съ нею си царствомъ вѣнчавъ бывъ“ [1]).

Когда царица Анастасія умерла, то, по словамъ лѣтописи, собралось огромное множество нищихъ и убогихъ для ея погребенія,—и всѣ они пришли „не для милостыни“—добавляетъ лѣтописецъ,—а движимые чувствомъ любви и благодарности къ покойной благотворительницѣ: „съ плачемъ и рыданіемъ веліимъ провожаше... Бѣ бо милостива и беззлобива ко всѣмъ“ [2]) Не только нищіе и убогіе пришли отдать послѣдній долгъ своей покровительницѣ,—много было и другихъ людей, такъ много—говоритъ лѣтопись,—что „отъ множества народу въ улицахъ едва могли тѣло ея отнести въ монастырь“ [3]). Скорбь же царя по поводу утраты царицы Анастасіи была такова, что его „отъ великаго стенанія и отъ жалости сердца едва подъ руцѣ ведяху“—[4]) что, впрочемъ не помѣшало ему вскорѣ же отдаться разгулу и мечтамъ о новой супругѣ.

Добродѣтельная жизнь Анастасіи Романовны особенно оттѣнялась невоздержнымъ образомъ жизни ея супруга, котораго она старалась смягчить своей сердечной добротой. И нельзя не замѣтить нѣкоторой связи между панегириками Анастасіи—съ одной стороны, и глубокими сѣтованіями современниковъ по поводу грѣховности Ивана Грознаго—съ другой. Во всѣхъ этихъ восхваленіяхъ доброты, беззлобія, неопальчивости царицы Анастасіи чувствуется горечь автора по поводу отсутствія такихъ качествъ у царя, чувствуется желаніе его найти душевное удовлетвореніе хоть въ нравственномъ обликѣ царской супруги. Въ народномъ представленіи образъ Анастасіи Романовны

---

[1]) Р. И. Б., XIII, 279—280.
[2]) Ibid., XIII, 328.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

сталъ полнымъ отрицаніемъ нравственной физіономіи Грознаго. Насколько послѣдній былъ страшенъ для народа, настолько его первая жена стала кроткимъ, любвеобильнымъ существомъ въ воображеніи его. Въ противоположность Грозному, Анастасію Романовну молва стала идеализировать. Всѣ лучшія чувства москвичей, какія свойственны людямъ, преданнымъ монархической идеѣ, сосредоточились на одной царицѣ Анастасіи въ виду отталкивающаго характера ея мужа,—и слова лѣтописцевъ о томъ, что послѣдняя пользовалась всеобщей любовью и симпатіями у народа, поэтому, нисколько не страдаютъ преувеличеніемъ. Объ этой любви народа къ Анастасіи Романовнѣ свидѣтельствуютъ даже иностранцы. Масса, напр., утверждаетъ, что она была „очень любима“ своимъ народомъ [1]).

Что особенно привлекало сердца московскихъ людей къ царицѣ Анастасіи, такъ это набожность ея и любовь къ монастырямъ. Почти ежегодно она отправлялась на богомолье въ какой-либо монастырь, и притомъ почти всегда пѣшкомъ. Въ лѣтописи сохранились указанія на слѣдующія путешествія ея съ этой цѣлью. Въ 1547 году она съ царемъ и деверемъ ходила пѣшкомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь[2]). Въ слѣдующемъ году—дѣлала тоже самое [3]). Въ 1549 году царица опять—на богомольѣ въ Тр.-Серг. монастырѣ, причемъ сама она шла пѣшкомъ, а царь ѣхалъ [4]). Далѣе, до 1557 года мы не имѣемъ свѣдѣній о паломничествѣ Анастасіи Романовны, но это, конечно, не значитъ, что она никуда не ѣздила. Пробѣлъ этотъ нужно отнести, повидимому, на счетъ лѣтописца, а не царицы. Въ 1557 году Анастасія Романовна вмѣстѣ съ царемъ посѣтила Троице-Сергіевскій монастырь, потомъ ѣздила въ Переяславль къ чудотворцу Никитѣ, и, наконецъ, опять возвратилась въ первый монастырь [5]). При этомъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, царицей оказывалась масса милостыни нуждающимся, а монастырямъ и братіи дарились подарки—„и братію доволно учредивъ“... „и въ монастырь многіе земли подадѣ“...—читаемъ, между прочимъ, про царицу въ лѣтописи [6]).

Какъ любящая и любимая жена царя, Анастасія Романовна естественно оказывала большое вліяніе на своего мужа, а чрезъ него вліяла и на всю государственную машину. На первыхъ порахъ вліяніе Анастасіи, правда, парализовалось отчасти Сильвестромъ и его сподвижниками, и Анастасіи Романовнѣ пришлось выдержать долгую и упорную борьбу съ своими противниками. По лѣтописи, какъ мы видѣли, въ инцидентѣ 1553 года упоминаются главнымъ образомъ Да-

---

[1]) Сказ. М. и Г., 33.
[2]) П. С. Р. Л., XIII, 152.
[3]) Ibid., 156.
[4]) Ibid., 157.
[5]) Никон. лѣт., VII, 270—271.
[6]) Ibid.

нила Романовичъ да Василій Михайловичъ съ братіей ихъ [1]), но само собой подразумѣвается, что въ центрѣ этихъ Захарьиныхъ находилась царица Анастасія. Это видно изъ того уже, что Грозный проситъ Данилу Романовича и Василія Михайловича постоять за его жену, а ихъ сестру: „и вы бы за сына за моего да и за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе бояромъ не дали“ [2]). Царицѣ Анастасіи, какъ видимъ, грозила серьезная опасность со стороны ея враговъ—бояръ, въ случаѣ торжества послѣднихъ. Можно заключить, поэтому, что она принимала особенно энергичное участіе въ борьбѣ съ своими противниками.

Какъ можно догадываться, Анастасія Романовна перенесла массу тяжелыхъ столкновеній съ Сильвестромъ и его присными. Объ одномъ изъ такихъ столкновеній (это столкновеніе стало послѣднимъ и роковымъ для партіи Сильвестра) разсказываетъ самъ царь (въ письмахъ къ Курбскому). Оно было въ ноябрѣ 1559 года, когда царь ѣхалъ изъ Можайска въ Москву съ больной женой своей. Враги Анастасіи, очевидно, настолько не стѣснялись въ своихъ нападкахъ на нее, что не устыдились даже во время тяжелой болѣзни ея поссориться съ ней [3]). Но послѣ этого случая Сильвестръ съ своей партіей сразу же попадаетъ въ опалу,—и Захарьины съ царицей Анастасіей выходятъ, такимъ образомъ, побѣдителями изъ придворной борьбы. Ихъ враги удаляются теперь со сцены и уступаютъ свое мѣсто Захарьинымъ. Эта побѣда доставила Анастасіи Романовнѣ полную свободу дѣйствовать на волю царя въ желательномъ для нея смыслѣ,—а по смерти царицы вліяніе на царя переходитъ къ ея роднымъ братьямъ—Данилѣ и Никитѣ, которые, мы видѣли, особенно были близки къ царскому престолу.

Умерла Анастасія Романовна въ 1560 году [4]). Ходили слухи, что ее отравили враги ея. Эти слухи особенно поддерживалъ самъ Грозный. Прося въ 1572 году у Освященнаго собора разрѣшенія на четвертый бракъ, онъ, между прочимъ, открыто заявилъ собору, что первая супруга его умерла насильственной смертью: „вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію изведоша“ [5]).

Какъ уже было отмѣчено, Анастасія Романовна своимъ супружествомъ съ Грознымъ оказала большую услугу своему роду, приблизивши его къ царскому трону и давши ему право и силу выставить впослѣдствіи свою кандидатуру на занятіе царскаго престола.

---

[1]) П. С. Р. Л., XIII, 524—526.
[2]) Ibid., 525.
[3]) Сказ. Курбск., 191.
[4]) П. С. Р. Л., XIII, 328.
[5]) Др. Р. В., XIII, 104.

VIII.

Теперь перейдемъ къ дѣтямъ Михаила Юрьевича Захарьина, двоюроднымъ братьямъ Романовичей.

У Михаила Юрьевича было три сына: Иванъ Михайловичъ (Большой), Василій Михайловичъ и Иванъ Михайловичъ (Меньшой). Всѣ они занимали очень почетныя мѣста въ московскомъ государствѣ. Особенно высокаго положенія достигъ Василій Михайловичъ, стоявшій, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ Данилой Романовичемъ во главѣ партіи Анастасіи въ ея борьбѣ съ Сильвестромъ. Будучи двоюродными братьями царицы Анастасіи, дѣти Михаила Юрьевича, естественно, тоже повысились въ служебномъ отношеніи при дворѣ, сдѣлавшись, въ лицѣ Василія Михайловича, близкими совѣтниками царя, рядомъ съ Данилой и Никитой Романовичами.

Старшій сынъ Михаила Юрьевича, Иванъ Михайловичъ Большой, началъ свою службу еще при вел. кн. Василіи Ивановичѣ. Въ 1526 г. онъ появляется на торжествахъ по случаю свадьбы вел. кн. Василія Ивановича—„несетъ другое зголовье“ [1]). Хотя другихъ указаній на дѣятельность Ивана Михайловича Большого въ великое княженіе Василія Ивановича мы и не имѣемъ, тѣмъ не менѣе можно полагать, что онъ игралъ въ это время не послѣднюю роль въ московскомъ государствѣ, такъ какъ въ малолѣтство Грознаго онъ уже получаетъ званіе дворецкаго (1540) [2]). Въ малолѣтство же Грознаго Иванъ Михайловичъ появляется въ разныхъ придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, напр., при пріемѣ литовскихъ пословъ пана Яна Юрьевича Глѣбовича съ товарищами въ 1542 г. [3]) Въ 1547 г. Иванъ Михайловичъ получаетъ боярство [4]) и участвуетъ въ качествѣ „дружки“ со стороны жениха на свадьбѣ царя Ивана Васильевича Грознаго [5]). Упоминается онъ и на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 г.—„у мѣста“ (гдѣ сидѣли новобрачные) въ „середней палатѣ“ [6]).

Смерть Ивана Михайловича послужной списокъ относитъ къ 1547 году [7])—но въ виду того, что въ 1548 г., на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича, мы его видимъ еще живымъ, нужно отнести его смерть

---

[1]) Др. Р. В., XIII, 19.
[2]) Сборн. Селиф., 286.
[3]) Сб. И. Р. И. О., LIX, 146—148.
[4]) Др. Р. В., XX, 34.
[5]) Ibid., XIII, 30.
[6]) Ibid., 39.
[7]) Ibid., XX, 34.

къ болѣе позднему времени. Вѣроятно, въ 1548 г. онъ и умеръ, такъ какъ позднѣе онъ не упоминается въ нашихъ историческихъ памятникахъ, да и дата послужного списка не позволяетъ относить его смерть слишкомъ далеко отъ 1547 года.

Иванъ Михайловичъ былъ женатъ,—но имя его жены осталось неизвѣстнымъ. Она упоминается (безъ имени) на свадьбѣ 1547 года [1]).

Жизнь и дѣятельность второго сына Михаила Юрьевича, Василія Михайловича Юрьева, совпадаетъ по времени съ жизнью и дѣятельностью Данилы Романовича Юрьева. Въ одно и тоже время появляются они на поприщѣ государственной службы и почти въ одно же время сходятъ и со сцены ея. Одинъ изъ нихъ умираетъ въ 1567 году (Василій Михайловичъ), а другой—въ 1565 г. (Данила Романовичъ). Кромѣ этого хронологическаго совпаденія, дѣятельность Василія Михайловича имѣетъ и иныя точки соприкосновенія съ дѣятельностью Данилы Романовича. Какъ двоюродные братья—они вмѣстѣ принимаютъ участіе въ извѣстной борьбѣ царицы Анастасіи съ партіей Сильвестра, являясь въ ней главными дѣятелями и защитниками интересовъ Анастасіи Романовны и Захарьиныхъ—Юрьевыхъ вообще. Далѣе, Данила Романовичъ былъ ближайшимъ довѣреннымъ человѣкомъ у Грознаго,—такимъ же довѣріемъ и близостью къ царю и семьѣ царской пользовался и Василій Михайловичъ. Наравнѣ съ Данилой Романовичемъ Василій Михайловичъ играетъ, наконецъ, весьма вліятельную роль и во внѣшней политикѣ, почти постоянно участвуя въ дипломатическихъ сношеніяхъ Москвы съ польско-литовскими послами.

Какъ человѣкъ, родственный царю, Василій Михайловичъ проявляетъ свое участіе прежде всего въ событіяхъ придворной жизни. Первое упоминаніе о немъ относится къ 1548 году, когда онъ, въ званіи тверского дворецкаго, фигурируетъ на свадьбѣ князя Юрія Васильевича („былъ у постели“, „слалъ постелю“) [2]). Въ 1549 г. Василій Михайловичъ „сказанъ“ въ бояре [3]), а въ слѣдующемъ году мы видимъ его на другой свадьбѣ—на свадьбѣ кн. Владимира Андреевича, въ „дружкахъ“ [4]). Въ 1553 г., какъ не разъ уже говорилось, Василій Михайловичъ упоминается какъ одинъ изъ вожаковъ Захарьиныхъ и противникъ Сильвестра и его партіи. Къ нему и Данилѣ Романовичу Иванъ Грозный обращался съ знакомымъ намъ увѣщаніемъ не падать духомъ и постоять за себя и за царскую семью. Въ 1555 году Василій Михайловичъ, по разряднымъ записямъ, участвуетъ на свадьбѣ кн. Ив. Дм. Бѣльскаго, „дружкой“ [5]). Причемъ онъ упо-

---

[1]) Ibid., XIII, 30.
[2]) Др. Р. В., XIII, 37, 39.
[3]) Ibid., XX, 36.
[4]) Ibid., XIII, 47.
[5]) Др. Р. В., XIII, 74.

минается здѣсь безъ званія тверского дворецкаго, которое носитъ уже другой—Никита Аѳонасьевъ Курцовъ [1]). Въ 1562 году Василію Михайловичу, вмѣстѣ съ Данилой и Никитой Романовичами и нѣк. др., царь Грозный поручаетъ свое семейство на время своего похода въ Литву—чѣмъ, между прочимъ, особенно подтверждается близость Василія Михайловича къ царю [2]). Наконецъ, въ томъ же году Василій Михайловичъ принималъ „подручную запись“ отъ тѣхъ бояръ, которые поручились за кн. Ив. Дм. Бѣльскаго, и скрѣпилъ ее своею печатью [3]).

Выступалъ Василій Михайловичъ и на военномъ поприщѣ, но—чрезвычайно рѣдко, только какъ бы мимоходомъ. Изъ военныхъ походовъ его мы можемъ указать лишь слѣдующіе. Въ 1550 г. Василій Михайловичъ отправлялся съ нарядомъ въ Н.-Новгородъ[4]),—въ 1556 г. онъ годовалъ въ Казани, по разряднымъ записямъ [5]),—и, наконецъ, былъ воеводой въ походѣ противъ крымцевъ въ 1559 г. [6]).—Какъ видно, военная служба не была любимымъ дѣломъ Василія Михайловича.

Подобно своему отцу Михаилу Юрьевичу и двоюродному дѣду, Якову Захарьевичу, Василій Михайловичъ стяжалъ себѣ извѣстность дипломатическими трудами. На это поприще Василій Михайловичъ выступилъ очень рано: еще въ 1549 году ему поручено было, вмѣстѣ съ Петр. Вас. Морозовымъ и дьяками, вести дипломатическія сношенія о вѣчномъ мирѣ съ польскими послами, съ паномъ Станиславомъ Петровичемъ Кишкой, Яномъ Юрьевичемъ Комаевскимъ и писаремъ Глѣбомъ Ясмановымъ. Вѣчный миръ по обыкновенію не состоялся,—и уполномоченные той и другой стороны ограничились заключеніемъ перемирія на пять лѣтъ [7]). Дипломатическіе переговоры, которые велъ въ данномъ случаѣ Василій Михайловичъ, носятъ все тотъ же характеръ традиціонной московской дипломатіи, лишній разъ подтверждая преданность московскихъ дипломатовъ завѣтамъ своихъ предковъ, завѣтамъ родной старины. Василій Михайловичъ является въ этихъ переговорахъ вѣрнымъ и непреклоннымъ послѣдователемъ тѣхъ идеаловъ и внѣшнихъ пріемовъ въ дипломатіи, какіе мы видѣли у его знаменитыхъ предковъ. Въ основѣ дипломатической дѣятельности Василія Михайловича и его товарищей лежитъ таже идея о единомъ національномъ русскомъ государствѣ,—откуда энергичная защита ими исконныхъ правъ московскаго царя на всѣ древніе рус-

---

[1]) Ibid., 75.
[2]) П. С. Р. Л., XIII, 341.
[3]) Собр. г. гр. и д., I, 482—483.
[4]) П. С. Р. Л., XIII, 159.
[5]) Др. Р. В., XIII, 273.
[6]) Ibid., 295.
[7]) Сб. И. Р. И. О., LIX, 264—307.

скіе области и города—Новгородъ, Псковъ, Торопецъ [1]), Смоленскъ, Гомель [2]) и др. Особенно твердо отстаивается Смоленскъ. Московскіе дипломаты отказываются даже и разговаривать объ уступкѣ Смоленска: „слышели есте отъ насъ о томъ рѣчей много, что тому быти непригоже, не молвя Смоленска, ино одное драницы государь нашъ Смоленска не поступитца; и вы говорите, что будетъ иной наказъ, и мы до государя донесемъ“ [3]). Когда же зашла опять рѣчь о Смоленскѣ, то бояре раздраженно отвѣтили панамъ: „безлѣпъ было то и говорити, ужъ тому отвѣтъ былъ. Говорите, что будетъ съ вами иной наказъ государя вашего, а того нечего и слушати, что прежъ сего говорено“ [4]).

Съ не меньшей энергіей и достоинствомъ отстаивали бояре и царскій титулъ Грознаго, котораго не признавалъ король Сигизмундъ [5]).

Въ переговорахъ мы видимъ прежніе споры и препирательства. Препирались относительно даже такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о порядкѣ изложенія уполномоченными своихъ условій для мира. Объ этомъ „говорили спорныхъ рѣчей много“, —и „послы отходили трижды думати, и приходя говорили, чтобъ бояре сказали (первыми)“ [6]).

Часто совѣщанія прекращались безъ всякаго результата, въ виду сплошныхъ споровъ и крайней неуступчивости бояръ: „да споровався много, и пошли бояре прочь“,—[7]) „и послы поѣхали съ двора кручиноваты, потомучто имъ бояре въ рѣчахъ не спустили“ [8]).

Послѣ этихъ переговоровъ до 1553 г. замѣчается нѣкоторый перерывъ въ дипломатической дѣятельности Василія Михайловича, хотя онъ продолжаетъ служить при дворѣ и въ это время, участвуя въ разныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, какъ, напр., въ торжествахъ по случаю встрѣчи Дервиша—царя въ 1551 г. [9]).

Въ 1553 г. Василій Михайловичъ съ окольничимъ Иваномъ Воронцовымъ и дьяками ведетъ снова переговоры о мирѣ съ польскими послами (съ панами Станиславомъ Довойна, Остафіемъ Воловичемъ и писаремъ Петромъ Семещка). Переговоры идутъ о царскомъ титулѣ и Себежскихъ земляхъ. Миръ не состоялся и на этотъ разъ,—установлено лишь временное перемиріе на 2 года [10]).— И здѣсь мы видимъ

---

[1]) Ibid., 274—275.
[2]) Ibid., 277, 280.
[3]) Ibid., 277.
[4]) Ibid., 280.
[5]) Ibid., 289—290.
[6]) Ibid., 271–273.
[7]) Ibid., 281.
[8]) Ibid.
[9]) Собр. г. гр. и д., II, 50.
[10]) Сб. И. Р. И. О., LIX, 381—420.

тѣ же характерныя черты московской политики того времени—энергичное отстаиваніе Новгорода, Пскова, Смоленска, даже Кіева, Волыни и др. городовъ и областей, [1]) крайнюю волокиту, тайный сыскъ, „задирки ненарокомъ“ [2]) и т. д.

Послѣ заключенія упомянутаго перемирія Василій Михайловичъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Сукинымъ и дьякомъ Иваномъ Ивановичемъ Бухаринымъ отправляется посломъ отъ царя Ивана Васильевича къ королю Сигизмунду—Августу. Путешествіе его въ Польшу продолжалось очень долго: съ 12 января по 9 мая 1554 г. Цѣлью его было—присутствовать при крестномъ цѣлованіи короля на перемирныхъ грамотахъ, и отчасти—продолжать защиту царскаго титула и иныхъ московскихъ интересовъ предъ королемъ [3]). Предъ отправкой своей Василій Михайловичъ получаетъ отъ царя подробный наказъ, какъ править посольство, что и какъ говорить и защищать. Наказъ этотъ отличается твердостью и непреклонностью. Объ уступкѣ Смоленска въ немъ сказано: „то слово неплодное, къ покою христьянскому не пристоитъ: Смоленескъ вотчина государя нашего старинная“, [4]) А относительно договорной грамоты наказъ предусмотрительно замѣчаетъ: „а прибавити и убавити въ грамоту одноконечно не дати ничего“ [5]) и т. д.

Василій Михайловичъ съ достоинствомъ выполнилъ возложенное на него порученіе [6]).—До 1561 г. мы опять не видимъ Василія Михайловича на дипломатическомъ поприщѣ. Начиная же съ этого года, онъ до самой своей смерти остается на посту дипломата.—Прежде всего онъ упоминается въ переговорахъ съ Шимковичемъ и Гайкой, литовскими послами — посылается „съ отвѣтомъ“, въ „набережную палату“. [7]). Затѣмъ, присутствуетъ при пріемѣ литовскихъ гонцовъ кн. Ив. Дм. Бѣльскимъ въ 1562 г. [8]) и ведетъ переписку вмѣстѣ съ другими боярами съ королевской радой съ 1562 г. по 1566 г. [9]). Наконецъ, съ 1562 по 1567 г. онъ ведетъ переговоры съ литовскими послами [10]).

Василій Михайловичъ умеръ въ 1567 г., 3 апрѣля; погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ [11]).

---

[1]) Ibid., 396—397.
[2]) Ibid., 383, 401.
[3]) Ibid., 420—444.
[4]) Ibid., 427.
[5]) Ibid., 430.
[6]) Ibid., 442, 444.
[7]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 33—45.
[8]) Idib., 91, 93, 139.
[9]) Ibid., 88—131, 139—151, 434—441; П. С. Р. Л., XIII, 367.
[10]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 199, 202, 234, 267, 287, 353—423 и т. д.
[11]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).

Существуютъ указанія на вотчины, принадлежавшія нѣкогда Василію Михайловичу. Такими вотчинами были села Яганово и Хабоцкое (нынѣ въ предѣлахъ Тверской губ.) и мельница Куминка съ массою прилегавшихъ къ нимъ деревень. По смерти Василія Михайловича все это перешло по наслѣдству къ двоюродному брату его, Никитѣ Романовичу, отъ этого—къ Ѳедору Никитичу Романову, отъ Ѳедора Никитича—къ Михаилу Ѳедоровичу, а послѣдній пожаловалъ въ Знаменскій монастырь [1]).

Василій Михайловичъ былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Дмитріевнѣ Бѣльской [2]). Анастасія Дмитріевна упоминается въ нашихъ историческихъ памятникахъ два раза: была свахой на свадьбѣ кн. Владимира Андреевича въ 1550 г. [3]), и свахой же (большой) была она на свадьбѣ кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго въ 1555 г. („чесала и осыпала“ голову князю и княгинѣ) [4]). Умерла она въ 1571 году, 24 мая; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [5]).

О младшемъ братѣ Василія Михайловича, Иванѣ Михайловичѣ Меньшомъ, извѣстно очень немного—и, очевидно, потому, что онъ сравнительно рано умеръ (на пятнадцать лѣтъ ранѣе своего старшаго брата Василія). Иванъ Михайловичъ показывается въ первый разъ на свадьбѣ Ивана Грознаго въ 1547 г.—„несъ свѣчу къ мѣсту изъ церкви“ [6]). Во второй и послѣдній разъ видимъ его воеводой и посломъ въ казанскомъ походѣ 1548 г. [7]).

Умеръ Иванъ Михайловичъ 1 іюня 1552 г., принявши предъ смертью иноческій постригъ съ именемъ Іоасафа. Погребенъ онъ въ Новоспасскомъ монастырѣ [8]).

Изъ другихъ Юрьевыхъ седьмого поколѣнія мы знаемъ лишь одного—Михаила Семеновича, сына младшаго брата Романа Юрьевича—Семена Юрьевича. Иванъ Юрьевичъ былъ бездѣтенъ, а были ли дѣти у Григорія Юрьевича—осталось неизвѣстнымъ; повидимому, онъ также былъ бездѣтнымъ.

Михаилъ Семеновичъ Юрьевъ былъ „головою“ въ крымскомъ походѣ 1565 г. [9]) Что было съ нимъ потомъ,—повысился ли онъ въ, службѣ или нѣтъ, когда и гдѣ умеръ,—ничего неизвѣстно. Вѣроятно ранняя смерть была причиной того, что мы болѣе ничего не знаемъ о немъ.

---

[1]) Архіеп. Сергій, 103—105.
[2]) Снег.—Н. М., 129 (д. ст.); Сб. Селиф., 287.
[3]) Др. Р. В., XIII, 47.
[4]) Ibid., 79.
[5]) Снег.—Н. М., 129 (д. ст.).
[6]) Др. Р. В., XIII, 34.
[7]) П. С. Р. Л., XIII, 156.
[8]) Снег., Н. М., 127 (д. ст.).
[9]) Сборн. Селиф., 289.

Что касается другой вѣтви рода Захарьиныхъ, Яковлей или Яковлевыхъ, то и она въ описываемое время держится очень высоко на московской службѣ. Нѣкоторые ея представители находятся на одномъ уровнѣ съ Юрьевыми и иногда даже превосходятъ ихъ. Бракъ Анастасіи Романовны съ Грознымъ, несомнѣнно, отразился отчасти и на Яковлевыхъ, приблизивши ихъ къ престолу, какъ близкихъ родственниковъ царицы. Отличительной чертой Яковлевыхъ въ данное время является ихъ склонность и способность къ военной службѣ, хотя отдѣльные члены этой фамиліи занимаются и другими дѣлами—дипломатическими и административными.

Вѣтвь Яковлевыхъ въ седьмомъ колѣнѣ представляютъ четыре сына и дочь (?) Петра Яковлевича Захарьина и дѣти Василія Яковлевича Захарьина.

О старшемъ сынѣ Петра Яковлевича, Григоріи Петровичѣ Яковлевѣ, не сохранилось почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что въ 1549 году ему „сказано“ боярство, [1]) а въ 1551 г. онъ скончался [2]).

Гораздо болѣе извѣстно намъ о второмъ сынѣ Петра Яковлевича—Захаріи Петровичѣ. Это былъ воевода по-преимуществу, прославившійся въ разныхъ походахъ. Военную службу свою Захарій Петровичъ началъ еще при вел. кн. Василіи Ивановичѣ, съ 1519 г., и продолжалъ ее вплоть почти до своей смерти [3]). Особенную извѣстность онъ пріобрѣлъ однако во вторую половину своей жизни. Въ 1548 г. онъ назначается намѣстникомъ въ Кострому, и въ томъ же году одерживаетъ блестящую побѣду надъ казанскими татарами, напавшими было на русскія области [4]). Въ 1551 г. Захарій Петровичъ получаетъ боярское званіе, [5]) а въ слѣдующемъ году участвуетъ въ знаменитомъ походѣ на Казань, въ большомъ полку.—Во время казанскаго похода Захарій Петровичъ отличился, между прочимъ, съ нѣкоторыми другими воеводами взятіемъ неприступнаго „Арскаго городища“ [6]). Арское городище и острогъ были весьма укрѣплены и природой, и военнымъ искусствомъ ихъ обитателей: „а острогъ бѣ ихъ срубленъ городнями и землею насыпанъ, а и въ ыномъ мѣстѣ многими засѣками засѣчено, а здѣланъ промежь непроходимыхъ болотъ“, [7])—тѣмъ не менѣе, послѣ кровопролитной битвы, русскіе одержали верхъ надъ татарами и совершенно разгромили Арскую об-

---

[1]) Др. Р. В., XX, 36.
[2]) Ibid., 37.
[3]) Сборн. Селиф., 101, 253.
[4]) П. С. Р. Л., XIII, 157, 459.
[5]) Др. Р. В., XX, 37.
[6]) П. С. Р. Л., XIII, 210—211, 507.
[7]) Ibid., 507.

ласть [1]). Послѣдній походъ свой Захарій Петровичъ совершилъ въ 1555 году противъ тѣхъ же казанскихъ татаръ,—причемъ онъ начальствовалъ надъ передовымъ полкомъ [2]).

Время смерти Захарія Петровича показывается различно: по однимъ извѣстіямъ онъ умеръ въ 1555 году (1-го іюля), [3]) а по другимъ—въ 1557 году [4]). Погребенъ Захарій Петровичъ въ Новоспасскомъ монастырѣ [5]).

Наиболѣе знаменитъ третій сынъ Петра Яковлевича, Иванъ Петровичъ, по прозванію—Хиронъ, извѣстный и какъ воевода, и какъ администраторъ, и какъ близкій совѣтникъ государя. Особенно много потрудился онъ на военной службѣ. Начиная съ 1552 г., мы видимъ Ивана Петровича почти ежегодно или на полѣ брани, или на сторожевомъ посту гдѣ-либо на границѣ. Изъ крупныхъ походовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, можно указать слѣдующіе: походъ 1552 г., когда Иванъ Петровичъ посланъ былъ, между прочимъ, возвѣстить царицѣ и митрополиту о побѣдѣ, [6])—походъ противъ крымцевъ въ 1559 году, [7])—литовскій походъ 1560 г., когда былъ взятъ городъ Вильно, [8]) и походъ на „ливонскіе нѣмцы“ въ томъ же году, [9])—походъ противъ литовскаго короля въ 1562 г., когда Иванъ Петровичъ былъ назначенъ въ „дворовыхъ воеводахъ“ первымъ, [10])—походъ противъ крымцевъ 1565 г. (къ Рязани), въ которомъ Иванъ Петровичъ былъ первымъ воеводой, [11])—нѣмецкій походъ 1567 г. (участіе Ивана Петровича въ военномъ совѣтѣ на Ршанскомъ Яму 24-го октября) [12])—и, наконецъ, походъ противъ крымскихъ татаръ въ 1570 г. [13]).

Кромѣ этихъ крупныхъ походовъ, Иванъ Петровичъ то-и-дѣло появляется на сторожевой пограничной службѣ. Въ 1556 г. онъ упоминается въ спискахъ воеводъ, стоящихъ „на полѣ“—сначала при Усть—Ливенъ, потомъ—у Тулы, и, наконецъ, у „Николы Зарайскаго“ [14]). А съ 1564 г. мы его ежегодно видимъ пограничнымъ воеводой то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ. Въ 1564 г. Иванъ Петровичъ стоитъ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid., 247.
[3]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).
[4]) Др. Р. В., XX, 41.
[5]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).
[6]) П. С. Р. Л., XIII, 190.
[7]) Др. Р. В., XIII, 286.
[8]) Синб. сб., 2.
[9]) Ibid., 2; П. С. Р. Л., XIII, 323, 327.
[10]) Синб. сб., 4; П. С. Р. Л., XIII, 349, 354—355, 357.
[11]) Синб. сб., 7; П. С. Р. Л., XIII, 388.
[12]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 563.
[13]) Др. Р. В., XIII, 401.
[14]) Ibid., 252—253; 262.

воеводой въ большомъ полку въ Коломнѣ; [1]) въ слѣдующемъ году—въ Коломнѣ и Коширѣ [2]). Въ 1566 г. переводится изъ Коломны въ Тулу, и—обратно [3]). Въ 1567 г. Иванъ Петровичъ продолжаетъ стоять въ Коломнѣ, [4]) но въ слѣдующемъ году на время удаляется въ Вязьму „для литовскихъ вѣстей“ [5]). Въ 1569—1570 г.г. онъ появляется то въ Коломнѣ, то въ Серпуховѣ, [6]) то назначается „для береженья“ строившагося города Толщбора по Колыванской дорогѣ [7]).

Изъ сказаннаго легко видѣть, какъ неутомима была военная дѣятельность Ивана Петровича.

Что касается дипломатіи, то Иванъ Петровичъ особенно активнымъ дѣятелемъ въ этой области себя не проявилъ. Его имя упоминается лишь въ боярскихъ совѣщаніяхъ и приговорахъ по поводу русско-литовскихъ отношеній—въ 1563 [8]), 1566 [9]) и 1568 г.г. [10]). Участіе Ивана Петровича въ дипломатическихъ дѣлахъ своего времени носитъ болѣе или менѣе пассивный характеръ, хотя въ одной сохранившейся грамотѣ имя его стоитъ на третьемъ мѣстѣ, выше имени даже Никиты Романовича [11]).

Извѣстно объ участіи Ивана Петровича и въ придворныхъ торжествахъ и разныхъ церемоніяхъ. Такъ, въ 1562 г. онъ присутствуетъ при пріемѣ литовскаго посланника, Сем. Алексѣева [12]), а въ 1563 г.—при пріемѣ у кн. Бѣльскаго посланника Бережитскаго [13]).

Какъ одинъ изъ большихъ бояръ, Иванъ Петровичъ былъ особенно близокъ къ царю и двору. На свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 г. Иванъ Петровичъ долженъ былъ „спати у постели и ѣздити со княземъ, и въ мыльнѣ мытися“. Онъ же и „колпакъ“ держалъ у кн. Юрія [14]).

Быстро получалъ Иванъ Петровичъ и повышенія. Въ 1557 г. онъ „сказанъ“ въ окольничіе, [15]), а въ слѣдующемъ году—и въ бояре [16]).

---

[1]) Ibid., 368.
[2]) Ibid., 381; Синб. сб., 10—11.
[3]) Синб. сб., 16—17.
[4]) Ibid., 18.
[5]) Ibid., 22.
[6]) Ibid., 23, 25; Др. Р. В., XIII, 395.
[7]) Др. Р. В., XIII, 407.
[8]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 122—131.
[9]) Ibid., 380.
[10]) Ibid., 565.
[11]) Собр. г. гр. и д., I, 545—556.
[12]) Сб. И Р. И. О., LXXI, 90, 92, 98.
[13]) Ibid., 121.
[14]) Др. Р. В. XIII, 38.
[15]) Ibid., XX, 41.
[16]) Ibid., 42.

Пользуясь сначала большимъ довѣріемъ Грознаго, Иванъ Петровичъ, по порученію царя, отбиралъ „подручныя грамоты“ по дѣлу тѣхъ бояръ, которые возбуждали въ царѣ подозрѣнія на счетъ своей вѣрности. Такъ, въ 1563 г. Иванъ Петровичъ принялъ такую грамоту отъ поручителей за кн. Александра Ивановича Воротынскаго и скрѣпилъ ее своей печатью [1]), а въ 1564 г. имъ была принята „подручная грамота“ по дѣлу Ив. Вас. Шереметева Большого [2]).

Но въ слѣдующемъ (1565) году и самъ Иванъ Петровичъ сдѣлался предметомъ подозрѣній Грознаго. Неизвѣстно—почему, но только царь потребовалъ отъ Ивана Петровича запись поручителей о его вѣрности Грозному, каковая и была представлена послѣднему „за посредствомъ и поручительствомъ“ митрополита и другихъ іерарховъ [3]). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ Петровичъ былъ прощенъ Грознымъ, какъ это видно изъ отписки новгородскаго архіеп. Пимена царю Ивану Васильевичу [4]),—но вскорѣ же опять попалъ въ опалу отъ царя. За вѣрность Ивана Петровича царю была взята въ концѣ концовъ „поручная запись“ отъ нѣсколькихъ сотенъ бояръ и дѣтей боярскихъ, съ залогомъ въ нѣсколько тысячъ рублей [5]).

Изъ указаннаго случая ясно видно, что Иванъ Петровичъ принадлежалъ къ первому классу бояръ, такъ какъ иначе не потребовалась бы такая масса поручителей и съ такимъ громаднымъ залогомъ по тому времени.

До конца своей жизни Иванъ Петровичъ находился въ опалѣ у Грознаго и умеръ въ 1570 г. [6]) насильственной смертью [7]).

Жену Ивана Петровича звали Стефанидой Ѳедоровной. Она была дочерью Ѳед. Ив. Сукина [8]). Умерла Стефанида Ѳедоровна 3 іюля 1563 г.; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [9]).

Младшій сынъ Петра Яковлевича, Василій Петровичъ Яковлевъ, также подвизался главнымъ образомъ на военномъ поприщѣ. О его военныхъ трудахъ мы знаемъ слѣдующее. Въ 1554 г. Василій Петровичъ былъ воеводой въ Тулѣ [10]). Въ 1559 г., получивши званіе окольничаго [11]), онъ участвуетъ воеводой въ походѣ противъ крымскихъ татаръ [12]). Въ 1567 г. Василій Петровичъ посылался въ походъ про-

---

[1]) Собр. г. гр. и д., I, 494.
[2]) Ibid., 500, 502.
[3]) Ibid., 503—506.
[4]) Ibid., 507.
[5]) Ibid., 508—513.
[6]) Др. Р. В., XX, 50.
[7]) Собр. г. гр. и д., I, 503 (прим).
[8]) Сборн. Селиф., 101, 255.
[9]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).
[10]) Сборн. Селиф., 101, 255.
[11]) Др. Р. В., XX, 43.
[12]) Ibid., XIII, 295.

тивъ литовскаго короля [1]). Черезъ годъ послѣ этого получаетъ званіе боярина [2]) и идетъ вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ IV въ Новгородъ [3]). Наконецъ, въ 1570 г. мы въ послѣдній разъ видимъ его въ военныхъ доспѣхахъ во вторичномъ походѣ противъ крымцевъ [4]),

Подобно другимъ Яковлевымъ, Василій Петровичъ участвуетъ и въ придворныхъ событіяхъ, считаясь, какъ родственникъ царицы Анастасіи, въ числѣ приближенныхъ бояръ. Напр., на свадьбѣ Грознаго въ 1547 г. Василій Петровичъ „слалъ камки“ предъ великимъ княземъ и вел. княгиней [5]), а въ 1562 г. онъ оставался вмѣстѣ съ Юрьевыми у царскихъ дѣтей, пока царь Иванъ Васильевичъ находился въ литовскомъ походѣ [6]).

По родословной Кампенгаузена, Петръ Яковлевичъ имѣлъ и дочь—Анну Петровну, которая вышла замужъ за кн. Ив. Ив. Бѣлевскаго, бывшаго воеводой въ 1534 г. [7]). По Крекшину же—это была не дочь Петра Яковлевича, а внучка его (отъ сына Василія Петровича) [8]).

Василій Яковлевичъ Захарьинъ имѣлъ двухъ сыновей—Михаила и Семена Васильевичей, и одну дочь—Анну Васильевну.

Старшій сынъ его—Михаилъ Васильевичъ жилъ очень недолго, поэтому и не успѣлъ особенно выдвинуться по службѣ; онъ умеръ, не получивши даже боярства. Свою службу Михаилъ Васильевичъ началъ воеводой въ Костромѣ [9]). Въ 1555 г. ему пожаловано окольничество [10]). Въ 1558 г. Михаилъ Васильевичъ упоминается въ качествѣ „дружки“ со стороны княгини на свадьбѣ кн. Владимира Андреевича [11]),—и въ томъ же году умираетъ [12]).

„Опис. царск. пресв. прарод.“ смерть Михаила Васильевича полагаетъ 16 октября 1554 года [13]),—но годъ поставленъ здѣсь, очевидно, ошибочно, такъ какъ Михаилъ Васильевичъ упоминается еще на свадебныхъ торжествахъ 1558 г.

Младшій братъ Михаила Васильевича, Семенъ Васильевичъ, извѣстенъ въ исторіи главнымъ образомъ какъ воевода. Служитъ въ

---

[1]) Ibid., 390.
[2]) Ibid., XX, 49.
[3]) Синб. сб., 20.
[4]) Др. Р. В., XIII, 408.
[5]) Ibid., 35.
[6]) П. С. Р. Л., XIII, 341.
[7]) Сборн. Селиф., 255, 257.
[8]) Ibid., 101.
[9]) Ibid.
[10]) Др. Р. В., XX, 40.
[11]) Ibid., XIII, 80.
[12]) Ibid., XX, 42.
[13]) Снег. Н. М., 128 (д. ст.).

войскѣ онъ началъ еще съ 1546 года [1]). Видное участіе Семенъ Васильевичъ принималъ въ казанскомъ походѣ 1552 г., гдѣ онъ работалъ, между прочимъ, надъ „порушеніемъ тайника“ [2]), участвовалъ въ осадѣ Арскаго городища [3]) и исполнялъ не разъ обязанности посла [4]). Въ 1556 г. Семенъ Васильевичъ назначается воеводой большого полка въ Калугу, на случай прихода крымскихъ татаръ [5]). Въ слѣдующемъ году онъ жалуется въ окольничіе [6]), и до 1559 г. о немъ нигдѣ не упоминается. Въ 1559 г. Семенъ Васильевичъ возводится въ боярское званіе [7]) и принимаетъ участіе въ двухъ военныхъ походахъ—на Астрахань [8]) и противъ крымскихъ татаръ [9]). Въ послѣднемъ походѣ онъ занимаетъ, между прочимъ, мѣсто перваго воеводы въ большомъ полку [10]). Съ 1565 по 1567 г. Семенъ Васильевичъ несетъ по-преимуществу сторожевую службу то на западной границѣ, то—на южной. Въ 1565 г. онъ появляется сначала въ Полоцкѣ воеводой, охраняющимъ „литовскую украйну“ [11]), а потомъ переводится въ Коширу [12]). Въ Коширѣ же Семенъ Васильевичъ проводитъ и 1565 г. [13]). Въ 1567 году онъ отправляется въ Коломну, третьимъ воеводой въ большомъ полку, для отраженія крымцевъ [14]).

Съ 1567 г. до конца своей жизни Семенъ Васильевичъ живетъ въ Смоленскѣ въ качествѣ намѣстника—что видно изъ разныхъ царскихъ грамотъ къ нему въ Смоленскъ, равно и изъ отвѣтныхъ отписокъ Семена Васильевича къ царю по разнымъ случаямъ [15]). Какъ смоленскій намѣстникъ, онъ упоминается еще по поводу переписки своей съ Оршанскимъ старостой на счетъ пріѣзда пословъ и гонцовъ [16]).

Помимо военной и административной дѣятельности Семенъ Васильевичъ служилъ и при дворѣ, на что указываетъ присутствіе его на свадьбѣ кн. Юрія Васильевича въ 1548 г.—въ „середней палатѣ“ „у мѣста“ [17]).

---

[1]) Сборн. Селиф., 259.
[2]) П. С. Р. Л., XIII, 209.
[3]) Ibid., 211.
[4]) Ibid., 191, 211.
[5]) Др. Р. В., XIII, 264.
[6]) Ibid., XX, 41.
[7]) Ibid., 43.
[8]) Сборн. Селиф., 101, 259.
[9]) Др. Р. В., XIII, 286.
[10]) Ibid.
[11]) Синб. сб., 7.
[12]) Ibid., 12.
[13]) Ibid., 17.
[14]) Ibid., 18.
[15]) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 569—791.
[16]) Ibid., 571—586, 762—791.
[17]) Др. Р. В., XIII, 39.

Послужной списокъ бояръ смерть Семена Васильевича относитъ къ 1569 г., [1]) но эта дата недостовѣрна, такъ какъ въ сентябрѣ 1571 г. Семенъ Васильевичъ былъ еще живъ и писалъ даже отвѣтныя грамоты къ царю въ Москву [2]). Надо полагать, поэтому, что Семенъ Васильевичъ умеръ во всякомъ случаѣ не ранѣе 1571 г.,—и притомъ скончался онъ и погребенъ, вѣроятно, въ Смоленскѣ, такъ какъ иначе фамильная усыпальница Захарьиныхъ (Московскій Новоспасскій монастырь) сохранила бы гробницу и его, какъ она сохранила гробницы его сородичей, погребенныхъ въ ней.

Жену Семена Васильевича звали Варварой. Какого рода она—неизвѣстно. Умерла она 31 іюля 1568 года; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [3]).

О дочери Василія Яковлевича, Аннѣ Васильевнѣ, извѣстно лишь то, что она погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Годъ смерти ея неизвѣстенъ въ виду отсутствія этой даты на ея надгробной надписи [4]).

---

1) Ibid., XX, 50.
2) Сб. И. Р. И. О., LXXI, 762.
3) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.).
4) Сборн. Селиф., 259.

ГЛАВА III.

I.

Въ настоящей главѣ намъ предстоитъ изложить послѣдній, заключительный актъ трехвѣковой исторіи рода Романовыхъ. До сихъ поръ члены этого рода были только на службѣ у московскихъ государей, то приближаясь, то удаляясь отъ престола. Правда, въ половинѣXVI вѣка Романовы, въ лицѣ Анастасіи Юрьевой—Захарьиной, породнились съ царствующей рюриковой династіей,—и, благодаря этому родству, прочно утвердились на первыхъ мѣстахъ около московскаго царя. Но и тутъ, до самой смерти Грознаго, они не перестаютъ быть въ сущности слугами московскаго царя, хотя и болѣе другихъ приближенными и довѣренными. Съ вступленіемъ на престолъ болѣзненнаго и бездѣтнаго сына Грознаго, царя Ѳедора Ивановича, бояре Романовы становятся на время во главѣ всего правленія и достигаютъ наибольшей славы и почета. Послѣ же смерти Ѳедора Ивановича, они, пользуясь своимъ кровнымъ родствомъ съ угасшей династіей, а также и своимъ прочнымъ положеніемъ у кормила власти, рѣшаются выступить, вмѣстѣ съ другими соискателями, претендентами и на царскій престолъ. Общая политическая коньюнктура въ московскомъ государствѣ на первый разъ оказалась особенно благопріятной не для Романовыхъ,—и престолъ достается ихъ врагу и сопернику—Борису Годунову.—Это пораженіе, однако, не лишило побѣжденныхъ ихъ высокаго положенія при дворѣ и въ государствѣ и не убило въ нихъ окончательно надежды на лучшее будущее. Романовы и послѣ 1598 года съ честью держатъ знамя своего рода, а извѣстные слои московскаго общества по-прежнему видятъ въ нихъ самыхъ близкихъ и законныхъ наслѣдниковъ умершаго царя. За свои историческія права на русскій престолъ Романовы терпятъ жестокія гоненія отъ восторжествовавшаго соперника своего, теряютъ трехъ цвѣтущихъ братьевъ въ постигшей ихъ бѣдѣ,—но на зарѣ новой эпохи русской исторіи выходятъ всетаки торжествующими.

Прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное приближеніе Романовыхъ къ верховной русской власти, начиная съ царствованія Ѳедора Ивановича,—изложить тѣ бѣдствія, которыя имъ пришлось испытать на этомъ пути,—выяснить причины самаго торжества Романовыхъ—

и составляетъ главнымъ образомъ задачу этой главы, которую мы постараемся выполнить составленіемъ біографій и характеристикъ отдѣльныхъ представителей этого рода въ настоящій періодъ.

Единственными дѣятелями и представителями рода Захарьиныхъ—Юрьевыхъ—Романовыхъ въ этотъ послѣдній періодъ являются дѣти Никиты Романовича Юрьева, извѣстные болѣе подъ фамиліей просто Романовыхъ. Представители другихъ отраслей этого рода уже не играютъ никакой роли въ русской исторіи этого періода. Дѣти Никиты Романовича представляютъ восьмое и послѣднее колѣно предковъ царя Михаила, если начинать ихъ счетъ отъ Андрея Кобылы. Въ центрѣ этого поколѣнія (Романовскаго—въ собственномъ смыслѣ) стоитъ личность знаменитаго отца царя Михаила, Ѳедора—Филарета Никитича Романова, въ жизни и дѣятельности котораго наиболѣе ярко отразились всѣ перипетіи тѣхъ событій, кои закончились воцареніемъ его сына Михаила.

Но прежде чѣмъ приступить къ исторіи настоящаго періода, скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ другихъ отраслей рода Захарьиныхъ, Яковлевыхъ и Юрьевыхъ, которые до послѣдняго періода шли на государственной службѣ рука объ руку съ Юрьевыми—Романовыми, а теперь неожиданно вдругъ сходятъ со сцены.—Обѣ эти вѣтви—и Яковлевы и Юрьевы—вырождаются въ восьмомъ колѣнѣ кобылинскаго рода, и даже не доживаютъ до эпохи воцаренія Романовыхъ. Одни представители ихъ умираютъ въ младенчествѣ, другіе не имѣютъ дѣтей. Въ частности—Яковлевы въ восьмомъ колѣнѣ имѣютъ двухъ лишь членовъ своихъ—Тимоѳея Ивановича и Агрипину Семеновну, правнука и правнучку Якова Захарьевича. Первый былъ сыномъ Ивана Петровича и умеръ въ полной безвѣстности, не оставивъ потомства, [1]) а вторая была дочерью Семена Васильевича. Агрипина Семеновна умерла 15 сентября 1570 г., повидимому оставшись до смерти дѣвицей [2]). Со смертью Тимоѳея Ивановича и Агрипины Семеновны прекратился родъ Яковлевыхъ –Захарьиныхъ [3]).

Что касается Юрьевыхъ—Захарьиныхъ, ближайшей вѣтви къ Романовымъ—Юрьевымъ (Никитичамъ), то, хотя эти Юрьевы являются въ восьмомъ колѣнѣ и болѣе многочисленными, чѣмъ Яковлевы, однако въ отношеніи продолженія потомства своего оказываются одинаково несчастными. Представителями Юрьевыхъ въ этомъ колѣнѣ были слѣдующія лица: Михаилъ Ивановичъ, сынъ Ивана Михайловича Большого, умершій безъ потомства въ 1565 году [4]). (Нѣкоторыя

---

[1]) Сб. Селиф., 98, 103.

[2]) Ibid., 103, 259.

[3]) Ibid., 98.—Кампенг., впрочемъ, полагаетъ, что родъ Яковлевыхъ существуетъ до сихъ поръ,—но, повидимому, онъ смѣшиваетъ какую-нибудь другую фамилію Яковлевыхъ съ вымершей вѣтвью Захарьинскаго рода.—Сб. Селиф., 261.

[4]) Сб. Селиф., 287.

позднѣйшія родословныя считаютъ его сыномъ не Ивана Михайловича, а Ивана Юрьевича Захарьина, [1]) и относятъ его, поэтому, къ седьмому колѣну,—но эти родословныя впадаютъ, очевидно, въ заблужденіе, такъ какъ древнѣйшія родословныя называютъ Ивана Юрьевича бездѣтнымъ) [2]);—Протасій Васильевичъ, сынъ Василія Михайловича, служившій рындою у царевича Ивана Ивановича въ 1567—1571 г.г. и головой въ походѣ 1573 года; умеръ онъ 24 октября 1576 г., [3])—бездѣтнымъ [4]);—Иванъ Васильевичъ, братъ предыдущаго, умершій при нашествіи Девлетъ—Гирея въ 1571 г., [5]) и тоже не оставившій потомства [6]); Ѳедоръ Васильевичъ, младшій сынъ Василія Михайловича, умершій, подобно братьямъ, бездѣтнымъ, [7]) 24 мая 1571 г. [8]);—Михаилъ Даниловичъ, сынъ Данилы Романовича Юрьева, умершій еще въ младенчествѣ, въ 1555 г. [9]);—Иванъ Даниловичъ, сынъ того же Данилы Романовича, умеръ, не оставивъ потомства, 24 мая, 1571 года [10]);—Ѳедоръ Даниловичъ, младшій братъ предыдущихъ двухъ, умершій въ одинъ день съ Иваномъ Даниловичемъ, и также не оставившій потомства [11]); Анна Даниловна, старшая сестра Даниловичей; умерла въ 1571 г. [12]);—Ѳеотинья Даниловна, младшая сестра предыдущей, бывшая замужемъ за кн. Ѳед. Дм. Шестуновымъ; умерла 15 іюня 1596 г.[13])—Всѣ представители этой отрасли Юрьевыхъ, перечисленные здѣсь, погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ, за исключеніемъ одного Михаила Ивановича [14]).

Фамилія Юрьевыхъ, такимъ образомъ, тоже вымерла къ началу послѣдняго періода исторической судьбы рода бояръ Романовыхъ. На поверхности государственной жизни изъ рода Захарьиныхъ остается одна, самая младшая вѣтвь его—братья Никитичи Романовы.

Вернемся теперь къ прерванному разсказу.—Фамилія Романовыхъ, которая живетъ и дѣйствуетъ въ заключительный періодъ исторіи своего рода, состоитъ изъ тринадцати членовъ—дѣтей Никиты Романовича. Въ ней семь братьевъ: Ѳедоръ, Александръ, Михаилъ, Никита, Василій, Иванъ и другой Иванъ—Левъ—Никитичи, и

---

[1]) Ibid., 269, 287.
[2]) Временникъ, 1851, X, 88 (матер.).
[3]) Снег.—Н. М., 129 (д. ст.).
[4]) Сб. Селиф., 267.
[5]) Ibid., 290.
[6]) Ibid., 267.
[7]) Ibid., 267.
[8]) Ibid., 290.
[9]) Ibid.; Снег. Н. М., 128 (д. ст.).
[10]) Снег. Н. М., 129 (д. ст.); Сб. Селиф., 290.
[11]) Ibid.
[12]) Сб. Селиф., 290.
[13]) Снег.,—Н. М., 127 (д. ст.).
[14]) Ibid.; Опис. Нов. мон-я.

шесть сестеръ: Ульяна, Анна, Евѳимія, Марѳа, Ирина и Анастасія Никитичны.

Первымъ—и по возрасту, и по историческому значенію своему—изъ братьевъ Никитичей былъ Ѳедоръ, въ монашествѣ Филаретъ, Никитичъ. На немъ мы главнымъ образомъ и остановимъ теперь свое вниманіе.

Жизнь Филарета (Ѳедора) Никитича, вообще весьма мятежная и полная всевозможныхъ переворотовъ, можетъ быть раздѣлена на два періода: Ѳедоръ—Филаретъ Никитичъ—какъ бояринъ и митрополитъ, до 1619 г.,—и Филаретъ Никитичъ—какъ патріархъ, съ 1619 г. до конца его жизни.

Обращаемся къ изложенію перваго періода жизни и дѣятельности Филарета Никитича, сначала какъ боярина Ѳедора Никитича, а потомъ—какъ митрополита Филарета Ростовскаго.

Время рожденія боярина Ѳедора Никитича, подобно прочимъ предкамъ царя Михаила, осталось неизвѣстнымъ,—въ тѣ далекія времена не имѣли обыкновенія отмѣчать эту дату. Безпристрастному же изслѣдованію вопроса о рожденіи Ѳедора Никитича мѣшала многимъ авторамъ тѣсная связь этого вопроса съ вопросомъ о матери Ѳедора Никитича. Изъ „Опис. царск. пресв. прар.“ извѣстно, что Никита Романовичъ былъ женатъ два раза—на Ховриной, Варварѣ Ивановнѣ, умершей 18 іюня 1552 г., [1]) и кн. Евдокіи Александровнѣ Горбатой—Шуйской, умершей 4 апрѣля 1581 г. [2]) Прямыхъ историческихъ указаній на то, кто была матерью Ѳедора Никитича—Ховрина или кн. Горбатая—не сохранилось. Поэтому, въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ по данному вопросу одни авторы относятъ рожденіе его къ 1554—1560 г.г., а другіе—къ послѣднимъ годамъ жизни первой супруги, т. е. полагаютъ это рожденіе во всякомъ случаѣ не позднѣе 1552 г. Къ числу первыхъ авторовъ нужно отнести архіеп. Сергія (Истор. опис. Московскаго Знаменскаго монастыря), [3]) Хавскаго (Предки и потомство дома Романовыхъ), [4]) Фридебурга (Россійскій царствующій домъ Романовыхъ) [5]) Смирнова, біографа патріарха Филарета Никитича, [6]) и, наконецъ, Иловайскаго, поскольку онъ называетъ Филарета Никитича на одрѣ смерти его въ 1633 году „почти 80-лѣтнимъ старцемъ“, т. е. всетаки не дожившимъ до 80 лѣтъ, а такимъ патріархъ Филаретъ Никитичъ могъ быть въ это время, только

---

[1]) Снег.—Н. М., 127 (д. ст.).
[2]) Ibid., 129 (д. ст.).
[3]) Архіеп. Сергій, 7.
[4]) Хавскій, 4.
[5]) Фридеб., отд. о Ф-тѣ Н-чѣ, 4.
[6]) А. Смирновъ.—Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Москва, 1874. стр. 6,

родившись отъ второй супруги Никиты Романовича, княгини Горбатой [1]).

Никакихъ положительныхъ основаній въ пользу своего мнѣнія о кн. Горбатой, какъ матери Ѳедора Никитича, перечисленные авторы не приводятъ, ограничиваясь одними догадками. Хавскій при этомъ обнаруживаетъ и мотивы, по которымъ имъ нужно производить, хотя бы и безъ достаточныхъ основаній, Ѳедора Никитича именно отъ второй жены его отца. Хавскій въ своемъ трудѣ задался цѣлью представить наглядное изображеніе происхожденія Романовской династіи отъ Рюрика по женской линіи,—а этого можно достигнуть лишь чрезъ утвержденіе, что матерью Ѳедора Никитича была именно кн. Горбатая. Хавскій такъ и сдѣлалъ, составивши цѣлую родословную роспись Романово—Рюриковскаго дома [2]).

Такимъ образомъ, вышеупомянутые авторы, защищая происхожденіе Ѳедора Никитича отъ второй жены Никиты Романовича, имѣютъ въ виду связать новую династію съ прежней, рюриковой. Но насколько мало объективныхъ данныхъ въ русской исторической наукѣ для утвержденія подобной связи, показываетъ то, что нѣкоторые находятъ возможнымъ сомнѣваться даже въ двоебрачіи Никиты Романовича. Барсуковъ, напр., приводитъ такой отвѣтъ П. М. Строева, который онъ далъ въ 1858 г. на запросъ Кёне о связи Романовыхъ съ Рюриковой династіей: „на чемъ основано двоебрачіе Никиты Романовича, какіе для сего имѣются у васъ данныя (источники, документы) и, если это не тайна, для чего необходима натяжка, чтобы Филаретъ Никитичъ, личность сама по себѣ великая и до сихъ поръ необрисованная, какъ должно, непремѣнно происходилъ отъ Рюрика, хотя бы по женской линіи?“ [3]) Сомнѣніе Строева въ двоебрачіи Никиты Романовича, конечно, уже крайность въ виду рѣшительнаго свидѣтельства объ этомъ двоебрачіи „Опис. царск. пресв. прар.,“ но его указаніе на натяжку“ и тенденцію нѣкоторыхъ авторовъ произвести Ѳедора Никитича непремѣнно отъ княжескаго рода, хотя бы только по матери, имѣетъ извѣстное значеніе для разбираемаго вопроса. Нужно сначала доказать, что Ѳедоръ Никитичъ родился именно отъ второго брака Никиты Романовича, а не отъ перваго,—а потомъ уже утверждать это, какъ фактъ.

Не въ лучшихъ условіяхъ находятся и тѣ авторы, которые считаютъ матерью Ѳедора Никитича Варвару Ивановну Ховрину, первую супругу Никиты Романовича. Они также принуждены въ данномъ случаѣ ограничиться одними предположеніями безъ доказа-

---

[1]) Иловайскій.—Ист. Росс., т. IV, в. II, 87.
[2]) Хавскій.—Предки и пот. дома Р-ыхъ, 1865.
[3]) Барсуковъ.—Обз. ист. и лит. русск. род., 43.

тельствъ. Къ числу авторовъ этой категоріи можно отнести Студенкина [1]) и Петрова [2]).

Итакъ, вопросъ о матери Ѳедора Никитича, а слѣдовательно—и о годѣ рожденія его, вопросъ темный, до сихъ поръ неразрѣшенный, а, можетъ быть, и неразрѣшимый, въ виду отсутствія какихъ-либо положительныхъ данныхъ на этотъ счетъ,—и безпристрастіе историка требуетъ или пройти его молчаніемъ, какъ дѣлаютъ осторожный Соловьевъ, Костомаровъ и др., или оставить его пока открытымъ. Къ послѣднему рѣшенію, повидимому, склоняется А. П. Барсуковъ [3]). Къ этому же рѣшенію—оставить вопросъ открытымъ—присоединяемся и мы.

Но если нельзя указать съ точностью года рожденія Ѳедора Никитича, даже нельзя точно указать имени матери его,—то во всякомъ случаѣ можно указать то десятилѣтіе, въ которомъ онъ родился. Этимъ десятилѣтіемъ могло быть только время съ 1550 по 1560 годъ, такъ какъ, въ случаѣ рожденія его ранѣе 1550 года, полученіе имъ боярскаго сана въ 1587 году [4]) представлялось бы очень позднимъ (около 40 лѣтъ) для, „брата“ царя, какъ обыкновенно называлъ Ѳедора Никитича царь Ѳедоръ Ивановичъ; равно какъ страннымъ было бы тогда молчаніе нашихъ историческихъ памятниковъ о Ѳедорѣ Никитичѣ до его почти сорокалѣтняго возраста, несмотря на родство и близость его къ царю. Если же отнести рожденіе Ѳедора Никитича къ позднѣйшему времени, за 1560 годъ, то въ такомъ случаѣ полученіе имъ боярства станетъ слишкомъ раннимъ (двадцать лѣтъ съ небольшимъ).

Не имѣя данныхъ для точнаго опредѣленія года рожденія Ѳедора Никитича, нѣкоторые писатели пытаются точно указать хотя мѣсяцъ, въ которомъ онъ родился, безотносительно къ году. Такъ архіеп. Сергій мѣсяцемъ рожденія Ѳедора Никитича считаетъ апрѣль — на томъ основаніи, что въ древности былъ обычай давать новорожденнымъ имена тѣхъ святыхъ, которые ближе всего были ко дню рожденія,—а днемъ ангела Ѳедора Никитича было 21 апрѣля, память преп. Ѳедора, иже въ Пергіи [5]). Фридебургъ же указываетъ и число, въ которое родился Ѳедоръ Никитичъ—именно 13-е апрѣля. Соображенія, которыми руководится въ данномъ случаѣ этотъ авторъ, слѣдующія: днемъ ангела Ѳедора Никитича было 21 апрѣля, а „по обычаямъ де тогдашняго времени, строго соблюдавшимся особенно въ домахъ людей сановныхъ“—рожденіе его, навѣрное, про-

---

[1]) Сб. Селиф., 290.
[2]) Петровъ.—Ист. р. р. дв., 9.
[3]) Барсуковъ.—Обз. ист. и лит. русск. род., 44.
[4]) Др. Р. В., XX, 62.
[5]) Архіеп.—Сергій, 7.

изошло ранѣе дня ангела на 8 дней,—т. е. произошло какъ разъ 13 числа [1]).

О ранней молодости Ѳедора Никитича, его воспитаніи и образованіи, кромѣ единичнаго указанія, до насъ не дошло почти никакихъ письменныхъ извѣстій—и можетъ быть потому, догадывается Фридебургъ, что отчасти преждевременная смерть большинства членовъ семьи Романовыхъ помѣшала этому, а отчасти помѣшало и смутное время съ его пожарами и разгромами, уничтожавшими письменные памятники [2]).

Вышеупомянутое единичное указаніе на юношескій возрастъ Ѳедора Никитича принадлежитъ уже знакомому намъ Горсею.

Будучи домашнимъ человѣкомъ Никиты Романовича, Горсей, по его собственнымъ признаніямъ, написалъ для сына послѣдняго, Ѳедора Никитича, „славянскими буквами сборникъ латинскихъ рѣченій и словъ, въ родѣ грамматики“ [3]). Горсей, какъ увѣряютъ свѣдущіе люди, очень неважно зналъ славянскій языкъ,—и грамматика, написанная имъ, слѣдовательно, тоже была не изъ блестящихъ,—но, по словамъ самого же Горсея, и такая грамматика „доставила большое удовольствіе“ юному Ѳедору Никитичу [4]).

Это извѣстіе Горсея имѣетъ очень важное значеніе для насъ,—оно показываетъ, во 1-хъ, что изученіе латыни тогда было одной изъ существенныхъ потребностей для государственнаго человѣка въ Москвѣ, особенно въ сношеніяхъ его съ латинскимъ западомъ, и во 2-хъ, что Ѳедоръ Никитичъ, какъ сынъ правителя и двоюродный братъ царя, былъ весьма не чуждъ современному западному образованію, и что чрезъ изученіе латыни онъ готовился, повидимому, къ высшей дипломатической карьерѣ. Впослѣдствіи, въ бытность свою въ Польшѣ посломъ и плѣнникомъ, Ѳедоръ Никитичъ, тогда уже митрополитъ, на дѣлѣ показалъ свою причастность къ наукѣ и словесному искусству,—а въ патріаршей библіотекѣ его мы потомъ увидимъ массу по тому времени книгъ.

Можно почти съ достовѣрностью полагать, что Ѳедоръ Никитичъ, какъ сынъ перваго человѣка послѣ царя, не только получилъ блестящее, по тогдашнему времени, образованіе,—но что и воспитывался и учился онъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, царевичемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Если мы припомнимъ, въ какой родственной близости и довѣріи у Грознаго находился Никита Романовичъ, если примемъ во вниманіе ту братскую любовь и дружбу, которую питалъ потомъ царь Ѳедоръ къ Ѳедору Никитичу, а также и то, что всѣ ца-

---

[1]) Фридеб.,—отд. о Ф. Н., 1.
[2]) Ibid.
[3]) Горсей—Отеч. зап., 103.
[4]) Ibid.

ревичи обыкновенно воспитываются вмѣстѣ съ сверстниками своими изъ знатнѣйшихъ домовъ,—то мы должны будемъ безусловно согласиться съ тѣмъ, что болѣе подходящаго, болѣе естественнаго совоспитанника, чѣмъ двоюродный братъ—Ѳедоръ Никитичъ, для царевича Ѳедора Ивановича не могло быть. Можетъ возникнуть вопросъ, былъ-ли Ѳедоръ Никитичъ сверстникомъ по годамъ для царевича Ѳедора. На этотъ вопросъ нужно отвѣтить утвердительно, такъ какъ царевичъ Ѳедоръ родился 31 мая 1557 года [1]), а рожденіе Ѳедора Никитича, какъ мы видѣли, падаетъ какъ разъ на пятидесятые годы XVI вѣка (1550—1560).

Если, такимъ образомъ, Ѳедоръ Никитичъ росъ и воспитывался вмѣстѣ съ царскимъ сыномъ, то становится понятнымъ, какъ много полезныхъ свѣдѣній онъ могъ вынести изъ ранняго и частаго посѣщенія дворца, гдѣ собирались и члены Думы, и дипломаты, и иностранные послы и т. п. Все это, конечно, не могло не отразиться наивыгоднѣйшимъ образомъ на общемъ развитіи юноши, который вслѣдствіе этого могъ подготовиться къ государственной дѣятельности гораздо лучше, чѣмъ дѣти другихъ бояръ.

До смерти Никиты Романовича наши русскіе источники ничего не говорятъ о Ѳедорѣ Никитичѣ. Изъ иностранныхъ же писателей только Горсей дѣлаетъ о немъ одно замѣчаніе, относящееся къ первымъ годамъ царствованія Ѳедора Ивановича (но неизвѣстно, до или послѣ смерти Никиты Романовича). Это замѣчаніе касается женитьбы Ѳедора Никитича. По словамъ Горсея, Ѳедора Никитича будто бы принудили жениться „на прислужницѣ его сестры, княгини (Марѳы Никитичны) Черкасской“ [2]),—причемъ Горсей говоритъ объ этомъ вслѣдъ за разсказомъ о покушеніи на Бориса Годунова, которое онъ намеками, какъ мы видѣли уже, приписываетъ Никитѣ Романовичу. По Горсею выходитъ, такимъ образомъ, что Ѳедоръ Никитичъ женился или вскорѣ послѣ смерти отца или еще при жизни его,—женился притомъ по какому то принужденію—и на бѣдной, незнатной дѣвушкѣ—„прислужницѣ“ своей сестры.

Ксенія (въ монашествѣ Марѳа) Ивановна Шестова, на которой былъ женатъ Ѳедоръ Никитичъ, была, дѣйствительно, дочерью простого костромского помѣщика Ивана Васильевича Шестова,—и вполнѣ возможно, что она по бѣдности своей жила въ домѣ кн. Черкасской, въ качествѣ ея компаньонки. Что же касается принужденія, которому будто-бы подвергся Ѳедоръ Никитичъ при женитьбѣ, то Горсей, очевидно, разумѣетъ здѣсь давленіе со стороны Бориса Годунова, желавшаго этимъ неравнымъ бракомъ нѣсколько ослабить силу и значеніе Ѳедора Никитича, какъ своего соперника. Объ этой женитьбѣ, повторяемъ, Горсей говоритъ послѣ разсказа о покушеніи на Бо-

---

[1]) Никон. лѣт., VII, 286.

[2]) Горсей.—Отеч. Зап., 137.

риса Годунова,—и со стороны послѣдняго вполнѣ естественно теперь противодѣйствовать усиленію своихъ противниковъ, умышлявшихъ будто бы, по намекамъ Горсея, на жизнь Годунова.

Расчеты тѣхъ, кто желалъ брака Ѳедора Никитича съ Шестовой, не оправдались—незнатность этой дѣвицы вполнѣ искупилась ея привязанностью къ мужу и той твердостью и силой воли, какія она проявила въ годину гоненій отъ Бориса Годунова. По словамъ Костомарова—„въ этой незнатной дѣвицѣ“ Ѳедоръ Никитичъ нашелъ „добрую жену“ [1]).

Передъ смертью своей (1585) Никита Романовичъ, по словамъ Авр. Палицина, поручилъ своихъ дѣтей, въ томъ числѣ и Ѳедора Никитича, попеченію своего товарища по управленію—Бориса Годунова, который поклялся ему имѣть „еже о чадѣхъ ввѣренное тому соблюденіе“ [2]). Это „соблюденіе“ дѣтей Никиты Романовича состояло, по другому источнику, въ томъ, что Годуновъ „страшной клятвой“ обязался предъ Никитой Романовичемъ относиться къ его дѣтямъ, какъ къ братьямъ и помощникамъ своимъ въ дѣлѣ правленія: „яко братію и царствію помогателя имѣти“ [3]).

Между Годуновыми и Романовыми издавна существовала традиціонная семейная дружба, „завѣщательный союзъ“—по выраженію князя Катырева [4]),—но въ концѣ жизни Никиты Романовича, какъ мы видѣли, эта дружба между ними омрачилась взаимнымъ недовѣріемъ и соперничествомъ въ виду открывавшихся перспективъ для тѣхъ и другихъ съ угасаніемъ рюриковой династіи. Тѣ и другіе имѣли виды на престолъ, какъ родственники послѣдняго царя. Это взаимное недовѣріе и тайное опасеніе другъ друга между Годуновыми и Романовыми сказались и у смертнаго одра Никиты Романовича: Годуновъ не просто успокаиваетъ умирающаго отца на счетъ судьбы его дѣтей, а клянется, да еще клянется особенно горячо—„клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помогателя имѣти“ [5])... Если-бы между Романовыми и Годуновыми до конца жизни Никиты Романовича были искреннія и довѣрчивыя отношенія, то не потребовалось бы такой исключительной, экстраординарной клятвы, какую даетъ Годуновъ Никитѣ Романовичу. Въ этой клятвѣ слышится желаніе Годунова отвести глаза Романовымъ, отвлечь ихъ подозрѣнія, усыпить ихъ бдительность, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе итти къ цѣли самому [6]).

---

[1]) Костомар.—См. вр., I, 48.

[2]) Авр. Палиц., 8.

[3]) Доп. къ акт. ист., II, 194—195.

[4]) Р. И. Б., XIII, 567.

[5]) Доп. къ акт. ист., II, 194—195.

[6]) Иной взглядъ на этотъ вопросъ у П. Г. Васенка. Начало династіи Романовыхъ. СПБ. 1912, 44—45.

Лишившись отца, Ѳедоръ Никитичъ, какъ старшій сынъ, становится во главѣ осиротѣвшей семьи,—и съ помощью царя Ѳедора Ивановича занимаетъ одно изъ ближайшихъ къ престолу мѣстъ. Въ 1587 г. онъ получаетъ боярство [1]). Еще ранѣе, въ 1586 г., онъ былъ назначенъ намѣстникомъ нижегородскимъ [2]),—что, впрочемъ, не было связано съ обязательнымъ переселеніемъ Ѳедора Никитича въ Нижній Новгородъ на жительство, такъ какъ, по увѣренію Карамзина, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всѣ бояре числились провинціальными намѣстниками, хотя жили они по преимуществу въ Москвѣ, управляя ввѣренными имъ областями чрезъ помощниковъ своихъ, тіуновъ и дьяковъ [3]). Пребываніе Ѳедора Никитича именно въ Москвѣ, несмотря на его намѣстничество въ Н.-Новгородѣ, косвенно подтверждается тѣмъ, что въ томъ же 1586 г. онъ упоминается при пріемѣ крымскаго царевича Мурзы—Кирея царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ—при чемъ Ѳедоръ Никитичъ оставался „ѣсть“ у царя, и сидѣлъ за столомъ на третьемъ мѣстѣ [4]). Есть и другія указанія подобнаго же рода [5]).

Начиная съ 1586 г. мы видимъ Ѳедора Никитича въ постоянной и непосредственной близости къ царю Ѳедору—онъ вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ то и дѣло упоминается „у стола“ царя. Иногда онъ сидитъ за этимъ столомъ третьимъ, какъ, напр., въ 1589 г. [6]), иногда вторымъ—послѣ Бориса Годунова, который занимаетъ первое мѣсто,—напр., въ 1587 г. [7]), а иногда—и довольно часто—Ѳедоръ Никитичъ сидитъ даже на первомъ мѣстѣ, какъ, напр., въ 1588 [8]), 1591 [9]) и 1592 [10]) годахъ.

Близость Ѳедора Никитича къ царю особенно обнаруживалась во время военныхъ походовъ, въ которыхъ принималъ участіе и Ѳедоръ Никитичъ. Въ 1590 г., напр., состоялся извѣстный походъ московскаго войска, съ участіемъ самого царя, къ шведскимъ границамъ, закончившійся для русскихъ пріобрѣтеніемъ Ямы, Иванъ-города и Копорья. Ѳедоръ Никитичъ, участвовавшій въ этомъ предпріятіи, занималъ самое привилегированное мѣсто: онъ вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ былъ назначенъ „дворовымъ“ или ближнимъ воеводой при царѣ [11]). Затѣмъ, въ 1596 г. Ѳедоръ Никитичъ былъ по-

---

[1]) Др. Р. В., XX, 62.
[2]) Карамз., X, прим. 139, 416.
[3]) Ibid., 272, 273.
[4]) Синб. сб., 91.
[5]) Др. Р. В., XIV, 493.
[6]) Синб. сб., 103.
[7]) Ibid., 93.
[8]) Ibid., 100.
[9]) Ibid., 121.
[10]) Ibid., 123—124.
[11]) Ibid., 109.

сланъ „на берегъ“ служить вторымъ воеводой въ правой рукѣ. Это назначеніе Ѳедора Никитича показалось обиднымъ боярину Петру Шереметеву, назначенному быть третьимъ воеводой большого полка. Шереметевъ билъ челомъ, поэтому, на Ѳедора Никитича, и такъ разгнѣвался, что „для того у руки (царской) не былъ, и на службу не поѣхалъ“ [1]). Царь безъ суда принялъ сторону Ѳедора Никитича и распорядился жестоко наказать Шереметева—его скованнаго вывезли въ телѣгѣ за посадъ и всетаки отправили на службу. Шереметевъ и на мѣстѣ службы продолжалъ упорствовать, хотя въ концѣ концовъ и примирился съ своимъ положеніемъ [2]).

Но не только одинъ Шереметевъ былъ оскорбленъ въ этотъ разъ назначеніемъ Ѳедора Никитича,—по разряднымъ записямъ, еще три князя протестовали противъ него—Вас. Кардануковъ (Черкасскій), Вас. Тюменскіи и Ѳедоръ Ноготковъ. Князь Ноготковъ отсутствовалъ при распредѣленіи воеводскихъ мѣстъ—„былъ въ тѣ поры на службѣ“, но лишь только заявился въ Москву, онъ немедленно же билъ челомъ государю „въ отечествѣ о счетѣ, на Ѳедора-жъ Никитича Романова“ [3]). Царь оказался опять всецѣло на сторонѣ своего двоюроднаго брата и безъ разсужденій велѣлъ посадить кн. Ѳедора Ноготкова въ тюрьму,—и—„князь Ѳедоръ, добавляетъ разрядная запись, сидѣлъ въ тюрьмѣ“ [4]). Чѣмъ кончилось это мѣстничество для князей Кардануковa и Тюменскаго—изъ разрядныхъ записей не видно, но, судя по послѣдствіямъ даннаго спора для кн. Ноготкова, надо полагать, что и эти соперники Ѳедора Никитича были осуждены царемъ и такъ или иначе наказаны.

Изъ этого массоваго недовольства бояръ назначеніемъ Ѳедора Никитича легко видѣть, что онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ и любовью царя Ѳедора, который ради своего друга и брата не останавливался предъ жестокими наказаніями его соперниковъ—бояръ.

Подобно своимъ предкамъ, Ѳедоръ Никитичъ появлялся иногда и на дипломатическомъ поприщѣ. Изученіе латыни, значитъ, не прошло для него даромъ. Въ 1590 г., подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ о безпорядкахъ въ Польшѣ, въ Москвѣ рѣшили попытать счастья на счетъ присоединенія польскаго королевства къ московской коронѣ,—для чего были отправлены грамоты отъ знатнѣйшихъ бояръ къ знатнѣйшимъ панамъ—раднымъ. Въ числѣ бояръ, посылавшихъ эти грамоты, былъ и Ѳедоръ Никитичъ, который адресовалъ свою грамоту воеводѣ Троцкому, Яну Глѣбовичу [5]). Грамоты эти, какъ извѣстно, успѣха не имѣли,—но для насъ онѣ важны, какъ показатели того, что

---

[1]) Синб. сб., 130.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 131.
[4]) Ibid.
[5]) Соловьевъ.—VII, 280.

Ѳедоръ Никитичъ былъ участникомъ какъ въ высшемъ управленіи страной—вообще, такъ и въ рѣшеніи важнѣйшихъ дипломатическихъ вопросовъ—въ частности.

Въ 1594 г. Ѳедоръ Никитичъ, въ званіи намѣстника псковскаго, принимаетъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ съ цесарскимъ посломъ Николаемъ Воркачемъ—„о докончаньѣ и о соединеньѣ“,—произноситъ рѣчи и даетъ отвѣты отъ имени царя [1]). Въ 1595 г. Ѳедоръ Никитичъ продолжаетъ сноситься съ тѣмъ же императорскимъ посломъ, по порученію царя Ѳедора Ивановича [2]).

Наконецъ, въ 1597 г. онъ присутствовалъ на парадномъ обѣдѣ, по случаю пріѣзда императорскаго посла Аврама Бургграфа, и, несомнѣнно, принималъ участіе въ тѣхъ разговорахъ о внѣшнихъ дѣлахъ, какіе велись съ иностраннымъ посломъ [3]).

II.

Отношенія между Ѳедоромъ Никитичемъ, какъ главою Романовыхъ, и Борисомъ Годуновымъ во все время царствованія Ѳедора Ивановича, до самой его смерти, остаются наружно вполнѣ мирными и любезными. По крайней мѣрѣ, изъ оставшихся историческихъ памятниковъ мы не видимъ между ними лично какихъ-либо столкновеній за это время. У царскаго стола они часто появляются вмѣстѣ, рядомъ,—также рядомъ мы видѣли ихъ и въ походѣ 1590 г., когда царь Ѳедоръ назначилъ ихъ своими „дворовыми“ воеводами. Какъ самые близкіе родственники царя, Годуновъ и Романовъ, естественно, сходятся вмѣстѣ у носителя верховной власти, раздѣляя между собой его милости и любовь.

Но Годуновъ въ глубинѣ души не могъ не опасаться Ѳедора Никитича, не смотря на свое исключительное возвышеніе къ концу жизни царя, не смотря на то, что онъ потомъ сталъ и „слугой“, и „правителемъ“ царскимъ. На пути его къ престолу, къ которому онъ началъ стремиться, Ѳедоръ Никитичъ могъ стать скорѣе всѣхъ, такъ какъ Романовы, по степени родства своего съ царемъ, какъ двоюродные братья, имѣли больше наслѣдственныхъ правъ на занятіе престола, чѣмъ Годуновъ, который былъ только шуриномъ царскимъ.

---

[1]) Пам. дипл. сн., I, 1294—1466; Смирновъ.—Святѣйш. патр. Филаретъ Никитичъ, 8.

[2]) Ibid., II, 144, 148, 150—151.

[3]) Ibid., 578—579.

Объ этой разницѣ въ наслѣдственныхъ правахъ Годуновыхъ и Романовыхъ на престолъ говорили тогда даже иностранцы [1]). Въ довершеніе всего Романовы и знатностью своего рода превосходили Годунова. Могъ-ли Годуновъ послѣ всего этого относиться къ Ѳедору Никитичу вполнѣ искренно и доброжелательно? Конечно, нѣтъ. И если мы не находимъ въ русскихъ источникахъ указаній на существовавшее между Годуновымъ и Романовымъ соперничество и скрытую борьбу въ царствованіе Ѳедора Ивановича, то насъ увѣряютъ въ этомъ иностранцы, бывшіе около того времени въ Москвѣ. Напр., Маржеретъ, говоря о ссылкѣ Борисомъ царевича Димитрія въ Угличъ и объ убійствѣ его тамъ, дѣлаетъ предположеніе, что Романовы вмѣстѣ съ Нагими, угадывая заранѣе убійство царевича Борисомъ, заблаговременно приняли всѣ мѣры для спасенія младенца. Поэтому, Маржеретъ увѣренъ, что въ Угличѣ убитъ не царевичъ Димитрій, а какой-либо другой мальчикъ, подставленный Романовыми и Нагими [2]). Если даже и не согласиться съ Маржеретомъ въ этомъ случаѣ, то все же его слова очень характерны—въ основѣ ихъ лежитъ, очевидно, несомнѣннѣйшій фактъ взаимной борьбы и недоброжелательства между Романовыми и Годуновыми.

Другой иностранецъ, Масса, натянутыя отношенія между Годуновымъ и Романовыми при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ иллюстрируетъ слѣдующимъ столкновеніемъ Бориса съ Александромъ Никитичемъ, братомъ Ѳедора Никитича. Въ 1594 г. царь по обычаю ѣздилъ на богомолье въ Троице-Сергіевскій монастырь. Бояре, сопровождавшіе его, за день до отъѣзда отправили туда своихъ холоповъ для приготовленія мѣста стоянокъ своимъ господамъ. И вотъ въ одной деревнѣ холопы Бориса поспорили съ холопами Александра Никитича изъ-за крестьянской избы, которую хотѣлось занять и тѣмъ и другимъ. Такъ какъ холоповъ Бориса всѣ боялись, и они были сильнѣе другихъ,—то холопы Александра Никитича оказались изгнанными. Когда объ этомъ инцидентѣ было сообщено Александру Никитичу, то послѣдній приказалъ своимъ слугамъ всегда уступать Борисовымъ холопамъ, а самъ между тѣмъ пожаловался на Бориса царю. Царь будто-бы такъ былъ возмущенъ этимъ случаемъ, что не стерпѣлъ и сдѣлалъ горячій выговоръ Годунову: „Борисъ, Борисъ! ты уже слишкомъ много позволяешь себѣ въ (моемъ) царствѣ; всевидящій Богъ взыщетъ на тебѣ“ [3]). „Это слово,—добавляетъ Масса,—по истинѣ чистосердечно сказанное царемъ, такъ уязвило Бориса, что онъ поклялся отомстить (Романовымъ)“ [4])...

---

[1]) Сказ. М. и Г., 36—37, 50—51.
[2]) Сказ. совр. о Д. С., III, 104.
[3]) Сказ. М. и Г., 51—52.
[4]) Ibid., 52.

Въ виду сказаннаго нужно признать, что хотя у Ѳедора Никитича и не было, повидимому, личныхъ столкновеній съ Борисомъ при жизни царя Ѳедора Ивановича и что хотя ихъ отношенія въ это время носятъ по внѣшности и дружественный характеръ—однако, въ дѣйствительности, они, какъ представители взаимно исключающихъ другъ друга интересовъ, не питали и не могли питать другъ къ другу искреннихъ чувствъ любви и дружбы. Сохраняя внѣшнюю любезность и деликатность во взаимныхъ отношеніяхъ, оба противника до конца жизни царя Ѳедора скрываютъ свои истинныя чувства и намѣренія и, подобно искреннимъ друзьямъ и пріятелямъ, ежедневно сходятся вмѣстѣ въ палатахъ общаго родственника—царя. Въ глубинѣ же души каждый изъ нихъ мечтаетъ о наслѣдованіи болѣзненному и бездѣтному царю. Обстоятельства, послѣдовавшія за смертью Ѳедора Ивановича, вполнѣ подтверждаютъ такое именно настроеніе Романова и Годунова въ отношеніи другъ друга.

Что касается современнаго общества, то, судя по оставшимся сказаніямъ, Ѳедоръ Никитичъ, подобно своему отцу, пользовался большимъ расположеніемъ у него, какъ и вообще всѣ Романовы. Масса говоритъ, что Борисъ былъ безсиленъ подвергнуть гоненію Романовыхъ до своего воцаренія именно потому, что боялся дворянъ и царя, любившихъ Романовыхъ [1]). „При томъ, продолжаетъ Масса, они (Романовы) не дѣлали ничего дурного, жили всегда очень скромно и были всѣми любимыми. Каждый изъ нихъ держалъ себя съ царскимъ достоинствомъ“ [2]).

Въ частности о Ѳедорѣ Никитичѣ Масса говоритъ, что онъ особенно выдѣлялся изъ своей семьи и внѣшней красотой, и внутренними достоинствами, снискавшими ему большую популярность въ Москвѣ. Вотъ буквально слова этого иностранца: „Старшимъ изъ братьевъ Романовыхъ былъ Ѳедоръ Никитичъ, красивый мужчина, очень ласковый ко всѣмъ и такъ хорошо сложенный, что московскіе портные обыкновенно говорили, когда платье сидѣло на комъ-нибудь хорошо: „вы второй Ѳедоръ Никитичъ“. Онъ такъ хорошо сидѣлъ на конѣ, что всѣ, видѣвшіе его, приходили въ удивленіе“ [3]). Масса добавляетъ, что и другіе братья Романовы болѣе или менѣе походили на него.

Наши историки вполнѣ раздѣляютъ то лестное мнѣніе о Ѳедорѣ Никитичѣ, которое мы приводили выше. Вотъ, напр., какъ характеризуетъ его В. О. Ключевскій: „изъ шести сыновей Никиты особено выдавался старшій Ѳедоръ. Это былъ очень добрый и ласковый боя-

---

[1]) Сказ. М. и Г., 51.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

ринъ, щеголь и очень любознательный человѣкъ“ [1]). Также почти отзывается о немъ и Соловьевъ, оттѣняющій особенную любовь къ нему народа, [2]) Костомаровъ [3]) и др.

Изъ донесеній пристава Воейкова царю Борису изъ Сійскаго монастыря, куда былъ заточенъ впослѣдствіи Ѳедоръ Никитичъ, видно, что этотъ красавецъ—боярinъ очень любилъ охоту—птичью и псовую. Богданъ Воейковъ донесъ однажды Годунову, что старецъ Филаретъ (Ѳедоръ Никитичъ) сталъ жить не по монастырскому чину, „говоритъ про мірское житье, про птицы ловчіе и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ“ [4]).

Изъ отдѣльныхъ слоевъ московскаго населенія Ѳедоръ Никитичъ пользовался наибольшими симпатіями, судя по голосамъ, раздававшимся въ 1598 г. при избраніи царя въ его пользу, у высшаго боярскаго класса, придворныхъ чиновъ и части простого народа, въ противоположность Борису Годунову, за котораго стояли главнымъ образомъ мелкіе дворяне, стрѣльцы, высшее духовенство и весь торговый классъ [5]).

Помимо общихъ симпатій со стороны общества Ѳедоръ Никитичъ располагалъ еще тѣсной дружбой многихъ знатныхъ боярскихъ родовъ, съ которыми онъ былъ связанъ къ тому же и родственными узами. Изъ такихъ родственныхъ и дружественныхъ Романовымъ родовъ можно указать, напр., кн. Черкасскихъ, кн. Сицкихъ, кн. Репниныхъ, кн. Катыревыхъ и др. Всѣ эти бояре, группируясь около двоюроднаго брата царскаго Ѳедора Никитича, составляли тѣсный союзъ при дворѣ. Насколько была сильна дружественная связь указанныхъ бояръ между собой, и и насколько высокъ былъ въ ихъ глазахъ авторитетъ Ѳедора Никитича,—показываетъ слѣдующій мѣстническій случай 1598 года. Находясь на службѣ „на берегу“, кн. Ноготковъ вступилъ въ мѣстническій споръ съ кн. Иваномъ Сицкимъ. Причемъ оказывается, что Ноготковъ хлопочетъ не за себя лично, а за честь всего своего рода кн. Оболенскихъ,—такъ какъ одинъ изъ его сородичей, кн. Александръ Репнинъ, по дружбѣ съ княземъ Иваномъ Сицкимъ и „угождая Федору Никитичу Романову“, не билъ челомъ въ отечествѣ на кн. Сицкаго и тѣмъ „поруху и укоръ“ учинилъ всему ихъ роду [6]). Принимая во вниманіе ту ревность, съ какой оберегали тогда московскіе бояре свою родовую честь, случай добровольнаго отказа кн. Репнина мѣстничать съ кн. Сицкимъ, по дружбѣ съ нимъ и изъ угожденія

---

[1]) А. И., II, 64—65.

[2]) Сказ. М. и Г., 59—60; А. Сапѣга.—Платон.—Очерки, 179; Костомар.—См. вр., I, 27.

[3]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 79.

[4]) Солов., VIII, 66.

[5]) Костомаровъ.—См. вр., I, 48.

[6]) Синб. сб., 137.

Ѳедору Никитичу, получаетъ, поэтому, весьма большое значеніе. Недаромъ наши древніе историческіе памятники говорятъ по адресу этихъ бояръ (Ѳедора Никитича, кн. Репниа и кн. Сицкаго), что они „между собою братья и великіе друзья“ [1]).

Окруженный многочисленной и знатной родней, будучи притомъ двоюроднымъ братомъ царскимъ и „царскаго совѣта начальнѣйшимъ боляриномъ и въ синглитѣ зѣло нарочитымъ“, [2]) Ѳедоръ Никитичъ естественно намѣревался по смерти царя Ѳедора выставить и свою кандидатуру на московскій престолъ. Съ точки зрѣнія наслѣдственныхъ правъ своихъ на престолъ онъ, казалось, не имѣлъ себѣ равныхъ. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ выскажется большинство русскаго общества о кандидатурѣ Ѳедора Никитича. Поэтому, Ѳедоръ Никитичъ со своими приверженцами тотчасъ же послѣ смерти царя Ѳедора началъ дѣятельно готовиться къ моменту избранія новаго царя. Въ письменныхъ памятникахъ нашихъ, относящихся къ тому времени, мы мало находимъ слѣдовъ участія Ѳедора Никитича въ избирательной кампаніи 1598 года въ качествѣ кандидата на престолъ. Но это участіе тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, какъ объ этомъ можно догадываться на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній русскихъ памятниковъ и особенно на основаніи иностранныхъ источниковъ.

Начать съ того, что, очевидно, благодаря сторонникамъ кандидатуры Ѳедора Никитича, появилось въ народѣ вымышленное извѣстіе, будто бы царь Ѳедоръ Ивановичъ предъ смертью назначилъ Ѳедора Никитича своимъ преемникомъ на престолѣ и передалъ ему всѣ знаки царской власти. Это извѣстіе быстро распространилось не только среди русскихъ, какъ это видно изъ великоустюжской лѣтописи („при смерти же (царь Ѳедоръ) отказалъ царство брату своему двоюродному Ѳедору Никитичу Романову,“ [3]) но и среди иностранцевъ, каковы Масса, [4]) Мартинъ Беръ [5]) и др. Въ дѣйствительности же царь Ѳедоръ Ивановичъ, какъ это видно изъ наиболѣе достовѣрныхъ памятниковъ, вопросъ о наслѣдникѣ своемъ оставилъ совершенно открытымъ. По лѣтописи о мн. мятежахъ, напр., онъ такъ отвѣтилъ на вопросъ патріарха о преемникѣ: „во всемъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ; како ему угодно, тако и будетъ“ [6]). Тѣ же слова повторяетъ и Новый Лѣтописецъ, добавляя при этомъ, что умирающій царь запретилъ и своей супругѣ оставаться

---

[1]) Ibid.
[2]) Доп. къ акт. ист., II, 204.
[3]) Лѣт. великоуст., 50.
[4]) Сказ. М. и Г., 56.
[5]) Сказ. совр. о Д. С., I, 5.
[6]) Лѣт. о мн. м., 46.

на престолѣ [1]). Избирательныя грамоты (Бориса Годунова и Михаила Ѳедоровича, которыя заслуживаютъ наибольшаго вѣроятія, также ничего не говорятъ о передачѣ царемъ Ѳедоромъ своей власти кому бы то ни было. Въ нихъ говорится лишь то, что онъ „ на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скифетро—держанія Россійскаго Царствія оставль свою благовѣрную великую государыню... Ирину Федоровну“ [2]). Въ этихъ словахъ, по мнѣнію Соловьева, нельзя видѣть вручения престола со стороны царя даже женѣ своей, такъ какъ слово „оставилъ“ не имѣетъ такого смысла [3]). Имя же Ѳедора Никитича упоминается при описаніи смерти царя Ѳедора лишь въ одной избирательной грамотѣ 1613 года. Сказавши объ оставленіи Ѳедоромъ Ивановичемъ своей жены на „всѣхъ своихъ великихъ государствахъ“, эта грамота добавляетъ объ умирающемъ царѣ: „а душу свою праведную приказалъ отцу своему и богомольцу... патріарху Іову, да брату своему царскому Федору Никитичу Романову—Юрьеву, да шурину своему... Борису Годунову“ [4]).

Ничего иного оффиціальные документы намъ не говорятъ,—а между тѣмъ развѣ можно допустить, чтобы въ грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳедоровича умолчано было о такомъ важномъ фактѣ для Романовыхъ, какъ передача скипетра царемъ Ѳедоромъ Ѳедору Никитичу, если бы послѣдняя дѣйствительно имѣла мѣсто у смертнаго одра царя Ѳедора Ивановича!?

Какъ ни далекъ отъ дѣйствительности подобный слухъ, онъ не могъ, однако, появиться безъ опредѣленной почвы, а этой почвой было несомнѣнное желаніе части русскаго общества видѣть на престолѣ именно Ѳедора Никитича, какъ самаго близкаго родственника царя и наиболѣе симпатичнаго изъ претендентовъ.

Умѣстно здѣсь напомнить и о портретѣ Филарета Никитича, найденномъ въ Коломенскомъ дворцѣ. На этомъ портретѣ Филаретъ Никитичъ былъ изображенъ первоначально въ царскомъ одѣяніи, въ бармахъ, со скипетромъ въ рукахъ и съ надписью внизу: „Царь Ѳедоръ Микитичь“. Но потомъ царская одежда на этомъ портретѣ была замѣнена патріаршимъ облаченіемъ, а надпись была закрашена [5]). Время появленія этого портрета точно неизвѣстно; однако, возможно, что онъ относится къ избирательной кампаніи именно 1598 года.

Далѣе, изъ донесеній Андрея Сапѣги изъ Орши гетману Радивилу въ январѣ 1598 года, по словамъ Платонова, видно, что по смерти царя Ѳедора въ Москвѣ явилось четыре претендента на престолъ—

---

[1]) Никон. лѣт., VIII, 34.
[2]) Собр. г. гр. и д., I, 602; А. А. Э., II, 19.
[3]) Солов., VIII, 19.
[4]) Собр. г. гр. и д., I, 602.
[5]) Русскій Архивъ, 1863 г., 348—349.

Годуновъ, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, Ѳ. Н. Романовъ и кн. Б. Бѣльскій. Причемъ Ѳедора Никитича Сапѣга считалъ въ то время наиболѣе серьезнымъ кандидатомъ [1]). Когда со смертью царя Ѳедора Ивановича началась избирательная агитація, давнишняя тайная вражда между Годуновымъ и Романовыми тогда вышла наружу и проявилась даже въ прямыхъ столкновеніяхъ по поводу избранія новаго царя. Ѳедоръ Никитичъ явился однимъ изъ самыхъ опасныхъ конкурентовъ для честолюбія Бориса,—и понятно, съ какою ненавистью сталъ относиться къ нему Годуновъ. Наши историческіе памятники умалчиваютъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ избранія Бориса, не говорятъ о распряхъ между кандидатами,—но эти распри безусловно были, какъ онѣ бываютъ почти вездѣ при подобнаго рода выборахъ. Иностранцы, знавшіе о ходѣ московскихъ событій, вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Тотъ же Андрей Сапѣга еще въ январѣ 1598 г. имѣлъ данныя относительно крайне обостреннаго отношенія между отдѣльными претендентами на престолъ и ихъ сторонниками. Ходили слухи о возможности даже кровопролитья при избраніи царя [2]). По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Ѳедоръ Никитичъ принималъ тоже очень энергичное участіе въ избирательной борьбѣ въ виду личной заинтересованности въ исходѣ ея. Въ началѣ февраля Андрею Сапѣгѣ сообщили, между прочимъ, что въ Москвѣ идутъ безпрерывныя ссоры и стычки, что Годуновъ разсорился съ боярами и что Ѳедоръ Романовъ бросался на него даже съ ножемъ [3]). Конечно, эти слухи сильно преувеличены, однако, основная мысль ихъ о серьезной борьбѣ за престолъ между Ѳедоромъ Никитичемъ и Годуновымъ не подлежитъ сомнѣнію. Только одинъ Ѳедоръ Никитичъ былъ особенно опаснымъ противникомъ для Годунова, какъ двоюродный братъ царя,—поэтому и всѣ слухи о ссорахъ и распряхъ между боярами въ это время нужно отнести, главнымъ образомъ, къ борьбѣ этихъ двухъ соперниковъ. Другіе кандидаты на престолъ—кн. Мстиславскій и Б. Бѣльскій—не были опасны для Годунова въ виду отсутствія у нихъ и такихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ, какъ у Романовыхъ, и той популярности въ народѣ, какою пользовались послѣдніе.

Пока не выяснено было настроеніе большинства населенія, Ѳедоръ Никитичъ считался самымъ вѣроятнымъ кандидатомъ на престолъ. Такъ думали не только бояре и придворные вельможи, которые, по словамъ Сапѣги, хотѣли избрать на царство Ѳедора и Александра Романовыхъ [4]), но—и самъ умиравшій царь. Одинъ шпіонъ сообщилъ Сапѣгѣ такой слухъ, ходившій тогда въ Москвѣ, будто бы Годуновъ

---

[1]) Платоновъ.—Очерки, 176.
[2]) Ibid., 179.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

спросилъ царя предъ его смертію, кто будетъ его преемникомъ, и царь сказалъ ему въ отвѣтъ, что вѣроятнѣе всего изберутъ Ѳедора Никитича. А относительно Годунова царь будто-бы выразилъ глубокое сомнѣніе, чтобы онъ былъ единодушно избранъ въ цари, такъ какъ де онъ „низкаго происхожденія“ [1]).

Прямыхъ доказательствъ агитаціи въ пользу Ѳедора Никитича въ избирательную кампанію 1598 года мы сейчасъ почти не имѣемъ. Но эта агитація несомнѣнно была,—только Борисъ Годуновъ, очевидно, стеръ ея слѣды, когда сдѣлался царемъ. Косвенныя же указанія на эту агитацію Платоновъ видитъ, напр., въ тѣхъ письмахъ, которыя приходили въ Псковъ по поводу избранія новаго царя, и которыя носятъ враждебный характеръ по отношенію къ Годунову,—въ отказѣ печерскихъ монаховъ присягать Борису и т. п. [2]).

Долго въ Москвѣ спорили и ссорились на счетъ преемника умершему царю. Придворная знать стояла за Романова, а второстепенное дворянство—за Годунова. Вопросъ о новомъ царѣ въ пользу именно Годунова былъ рѣшенъ въ концѣ концовъ средними слоями русскаго общества—купцами, стрѣльцами, приказными людьми и т. п., которые болѣе симпатизировали Борису, сумѣвшему заранѣе расположить ихъ въ свою пользу [3]).

Съ фактомъ законнаго избранія Годунова царемъ долженъ былъ примириться, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, и Ѳедоръ Никитичъ. Въ „утвержденной грамотѣ“ объ избраніи Бориса Годунова есть подпись и его, равно какъ и братьевъ его [4]). „Утвержденная грамота“, какъ оффиціальный документъ, по обыкновенію, представляетъ избраніе Бориса дѣломъ весьма единодушнымъ, умалчивая совершенно о соперникахъ Бориса [5]). Но само собой понятно, съ какими тяжелыми чувствами, съ какой досадой на новаго царя, должны были подписаться къ грамотѣ главные соперники Бориса—Романовы. Эти чувства были потомъ запечатлѣны и лѣтописцемъ, который такъ говоритъ о воцареніи Бориса: „князи же Шуйскіе единые его не хотяху на царство, узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію“ [6]). По авторитетному мнѣнію Платонова, здѣсь подъ Шуйскими нужно разумѣть, главнымъ образомъ, Романовыхъ да Бѣльскаго, которые, дѣйствительно, претерпѣли гоненія отъ Бориса. Что же касается Шуйскихъ, то они никакого участія въ борьбѣ противъ Бориса не принимали. Фамилія Романовыхъ, по Платонову, за-

---

[1]) Ibid., 178.
[2]) Ibid., 180—181.
[3]) Ibid., 180; Костом.—См. вр. I, 27; Сказ. М. и Г., 59—62.
[4]) А. А. Э., II, 48—49.
[5]) Ibid., 24—25.
[6]) Никон. лѣт., VIII, 36; Лѣт. о мн. м., 48.

мѣнена здѣсь Шуйскими для отвода глазъ, такъ какъ авторомъ этихъ строкъ является лицо изъ партіи Романовыхъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго ясно, насколько неправы тѣ, кто отрицаетъ участіе Ѳедора Никитича въ борьбѣ за престолъ въ 1598 г., какъ, напр., Масса, который утверждаетъ, что будто бы Ѳедоръ Никитичъ не только добровольно отказался отъ престола, называя себя недостойнымъ его, но даже выражалъ глубокую радость по поводу избранія Бориса Годунова, [2])—или Беръ, по которому будтобы всѣ братья Никитичи, одинъ за другимъ, добровольно отказались взять въ свои руки скипетръ, когда его предлагалъ имъ царь Ѳедоръ, хотя въ душѣ каждому изъ нихъ хотѣлось быть царемъ [3]).

Потерпѣвши фіаско при выборахъ новаго царя и съ большой неохотой подписавши грамоту объ избраніи Годунова, Ѳедоръ Никитичъ не могъ не таить непріязненныхъ чувствъ къ своему сопернику—побѣдителю и тогда, когда Годуновъ былъ уже законнымъ царемъ. Обида, которую получилъ Ѳедоръ Никитичъ съ устраненіемъ его отъ престола, не могла скоро пройти. Сознаніе своихъ неиспользованныхъ правъ возбуждало въ Романовыхъ и крайнее недовольство новымъ царемъ, уступавшимъ имъ и въ степени родовитости, и въ степени родства съ прежней династіей,—и желаніе скорѣе отдѣлаться отъ него. Такъ какъ Романовы имѣли за собой тѣсный и довольно большой кругъ боярскихъ семей, то естественно было ожидать боярскаго движенія противъ новаго царя, особенно на первыхъ порахъ. Дѣйствительно, такое движеніе противъ царя Бориса и произошло въ апрѣлѣ или маѣ 1598 г., предъ самымъ походомъ въ Серпуховъ. То, что случилось тогда, мы узнаемъ отъ того же А. Сапѣги. 6 іюня этого же года онъ сообщалъ Радивилу, что вскорѣ послѣ избранія Годунова царемъ, предъ походомъ на татаръ, часть московскихъ бояръ, съ Бѣльскимъ и Ѳедоромъ Никитичемъ съ братомъ Александромъ во главѣ, заключила союзъ между собой противъ царя Бориса и постановила замѣнить послѣдняго касимовскимъ царевичемъ (въ подлинникѣ по ошибкѣ названъ казанскимъ) Симеономъ Шигалеевичемъ. Заговоръ этотъ былъ во-время разрушенъ Борисомъ Годуновымъ,—и романовская партія еще разъ была побѣждена [4]).

Какъ видимъ, и съ избраніемъ Бориса его противники не успокаиваются. Не имѣя возможности вести теперь легальную, открытую борьбу съ нимъ, они начинаютъ дѣйствовать противъ него путемъ конспиративнымъ, чрезъ заговоры и тайные союзы. Въ частности и Ѳедоръ Никитичъ, послѣ безрезультатной попытки вступить на пре-

---

[1]) Платоновъ.—Очерки, 175.
[2]) Сказ. М. и Г., 59—60, 62.
[3]) Сказ. совр. о Д. С., I, 5.
[4]) Платоновъ.—Очерки, 183.

столъ, долженъ былъ затаить на время всю горечь своего разочарованія, скрыть свои чувства къ счастливому сопернику, отводя свою душу въ откровенной бесѣдѣ лишь въ самомъ интимномъ кругу своихъ ближайшихъ друзей. Въ силу оффиціальнаго положенія своего, Ѳедоръ Никитичъ продолжаетъ появляться при дворѣ и новаго царя, занимая по прежнему высокое мѣсто. Такъ, въ 1599 г. онъ сидитъ за царскимъ столомъ на второмъ мѣстѣ [1]). Чрезъ нѣсколько времени, по разряднымъ книгамъ, Ѳедоръ Никитичъ назначается на „третью встрѣчу въ сеняхъ“ при пріемѣ шведскаго королевича Густава [2]).

Послѣднее упоминаніе о службѣ боярина Ѳедора Никитича находится подъ 1600 годомъ, когда русскимъ воеводамъ приказано было итти въ Тулу для защиты русской границы отъ крымскихъ татаръ [3]).

Отношенія Ѳедора Никитича къ царю Борису, повидимому, носятъ внѣшне—корректный тонъ. Но въ душѣ Ѳедоръ Никитичъ вмѣстѣ со своимъ кругомъ не теряетъ, какъ увидимъ, надежды на поворотъ счастья въ свою пользу. Непріязненныя чувства Романовыхъ къ новой династіи безусловно извѣстны были и царю Годунову.

III.

Въ виду тѣхъ фамильныхъ преимуществъ, которыми обладали Романовы, Годунову грозила серьезная опасность отъ послѣднихъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Понятно, поэтому, какъ долженъ былъ бояться новый царь этихъ бояръ, сплоченныхъ къ тому же съ своими многочисленными родными въ тѣсный, дружественный союзъ. Натянутость между новой династіей и романовской партіей при такихъ условіяхъ должна была постоянно прогрессировать и рано или поздно привести къ какой либо катастрофѣ. Такъ и случилось.

Пока Романовы были на свободѣ, Годуновъ не могъ быть спокойнымъ за свой престолъ. И онъ это чувствовалъ. Насколько безпокоился новый царь—показываетъ обращеніе его къ разнымъ волхвамъ и гадателямъ на счетъ будущаго своей династіи. Можно представить себѣ ужасъ суевѣрнаго царя, когда эти гадатели и волхвы

---

[1]) Синб. сб., 138.
[2]) Ibid., 140.
[3]) Голиковъ, I, 71.

еще болѣе разстраивали его воображеніе предсказаніемъ скораго воцаренія Романовыхъ на русскомъ престолѣ [1]). Несчастный царь долженъ былъ для спасенія и упроченія своей династіи на престолѣ прилагать всѣ старанія, не брезгая никакими средствами. Отсюда и возникли гоненія на враждебныхъ ему бояръ романовской партіи и прежде всего на самихъ Романовыхъ, съ Ѳедоромъ Никитичемъ во главѣ.

Сохранившіеся источники весьма неопредѣленно называютъ причину, вызвавшую преслѣдованіе Романовыхъ—они говорятъ о какихъ то кореньяхъ, найденныхъ въ казнѣ Александра Никитича и приготовленныхъ будто бы съ коварной цѣлью и т. п. Какъ бы мы ни смотрѣли на это оффиціальное обвиненіе, мы должны признать, однако, что въ основѣ гоненія, которому подверглись Романовы, лежала безусловно ихъ непримиримая, упорная и давнишняя вражда съ Годуновыми. По тому или иному поводу, тогда или немного позже—все равно Романовы должны были претерпѣть это гоненіе. Борису Годунову нужно было во что бы то ни стало удалить ихъ изъ Москвы не только для ослабленія той закулисной борьбы, которую тѣ вели противъ его династіи, но и для отмщенія имъ за прежнее ихъ поведеніе въ 1598 г. Мысль о расправѣ съ своими врагами появилась у Годунова, повидимому, давно, и это намѣреніе царя не укрылось отъ наблюдательныхъ современниковъ. Со стороны казалось нѣкоторымъ, что Борисъ задумалъ истребить не только Романовыхъ [2]), но и всѣ знатные княжескіе и боярскіе роды. „Вси зацные большіе роды звести и выгубити умышлялъ, чтобъ и корень ихъ не остался, хотѣчи тымъ снаднѣйшее и безпечнѣйшее пановань сыну своему по смерти своей утвердити“—говорили, напр., польскіе королевскіе послы московскимъ боярамъ на посольскомъ съѣздѣ въ 1608 г. въ Москвѣ [3]).

Разскажемъ, однако, какъ изображаетъ лѣтопись обстоятельства преслѣдованія Романовыхъ. Это преслѣдованіе началось въ 1601 г. [4]) съ якобы ложнаго доноса Второго Бартенева, слуги Александра Никитича, на бояръ Романовыхъ, повлекшаго за собой обыскъ въ домѣ Романовыхъ, затѣмъ—судъ и ссылку ихъ всѣхъ и даже съ родственниками [5]). Царь Борисъ, по лѣтописи, „хотя и достальной корень царской известь“ (подразумѣвается родъ Романовыхъ, которыхъ онъ „не мога видѣти“), всячески старался отыскать поводъ для того, чтобы погубить Романовыхъ. Съ этой цѣлью онъ хваталъ разныхъ

---

[1]) Авр. Палиц., 304. („Глаголютъ бо, яко зѣло любяше Борисъ во время свое волхвы и звѣздочетцы, и тіи смотривше сказаша ему, яко отъ рода Никитичевъ Романовыхъ востати имать скипетродержецъ Россійскому государству“).

[2]) Ibid., 305.

[3]) A. З. P., IV, 273.

[4]) Др. Р. В., XX, 71; Платон.—Очерки, 186.

[5]) Никон. лѣт., VIII, 42—45; Лѣт. о мн. м., 56—61.

слугъ у послѣднихъ и научалъ ихъ доносить, хотя бы и ложно, на своихъ господъ. Но долгое время такихъ продажныхъ слугъ у Романовыхъ не находилось. Наконецъ, нашелся одинъ измѣнникъ казначей Александра Никитича, Второй Бартеневъ, который выразилъ тайно одному изъ Годуновыхъ (Семену) свое согласіе донести на Романовыхъ. Годуновы очень обрадовались, а царь Борисъ послалъ сказать ему даже „многое свое жалованіе“ [1]). „Семенъ же, говоритъ далѣе лѣтописецъ, умысля со Вторымъ и наклаша всяково коренія въ мѣшки, и повелѣ ему положити въ казну Александра Никитича, той же Второй сотвори такъ, и пріиде доводить на государя своего и про то кореніе извести. Царь же Борисъ посла окольничево Михаила Салтыкова съ товарищи и повелѣ обыскати; той же окольничей Михайло ѣха съ тѣмъ со Вторымъ и тѣ мешки съ кореніемъ взяша, иново ничево не искаху, вѣдаху бо что у нихъ въ дому ничего неправеднаго нѣтъ, и привезоша тѣ мешки на дворъ къ патріарху Іеву, и повелѣ собрати всѣхъ людей, и то кореніе изъ мешковъ повелѣ выкласти на столъ, что будто то кореніе вынято у Олександра Никитича, и тово доводчика Второва поставиша ту въ свидѣтели. Ѳедора же Никитича зъ братьею приведоша ту... Бояре же многіе на нихъ аки звѣріе пытаху и кричаху, они же имъ не можаху что отвѣщевати отъ такого многонароднаго шуму. Ѳедора-жъ Никитича зъ братьею и съ племянникомъ со князь Ив. Бор. Черкаскимъ приводиша ихъ не одиново къ пыткѣ; людей же рабъ и рабынь пытаху разными пытками, и научахуся, чтобъ они что на государей своихъ молвили. Они же отнюдь не помышляюще зла ничево, и помираху многія на пыткахъ, государей своихъ не оклеветаху. Царь же Борисъ, видя ихъ неповинную крове, держаше ихъ въ Москвѣ за приставы многое время, и умысля на конечное ихъ житіе, съ Москвы посылаше по городомъ и монастыремъ“ [2]),

Далѣе лѣтопись перечисляетъ всѣхъ обвиняемыхъ, которыхъ постигла эта ссылка.—Ѳедора Никитича— „посла съ ратманомъ Дуровымъ въ Сійской монастырь, и повелѣ его тамъ постричь; онъ же государь неволею бысть постриженъ“ [3])...—Александръ Никитичъ былъ сосланъ на Бѣлое море, „къ Усолью рекомая Луда“. По лѣтописи—„тамъ его затвориша въ темницу, и по повелѣнію его (Бориса) Левонтей (приставъ) тамъ ево удушилъ, и похребенъ бысть на Лудѣ“ [4]).—Михаила Никитича сослали въ Пермь великую, гдѣ помѣстили его въ нарочно вырытой для него ямѣ и,—„тамъ—по лѣтописи—удавиша, и погребенъ бысть тамъ въ пустѣ мѣстѣ“ [5])...—А

---

[1]) Никон. лѣт., VIII, 42—43.
[2]) Ibid., 43—44.
[3]) Ibid., 44.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

Василія Никитича съ Иваномъ Никитичемъ послали въ сибирскій городъ Пелымъ. „Тамъ же,—добавляетъ лѣтопись—Василья Никитича удавиша, а Ивана Никитича моряху гладомъ“ [1])...—

Ссылка коснулась и женъ братьевъ Романовыхъ съ малолѣтними дѣтьми и даже родственниковъ Романовыхъ. „Зятя же ихъ,—читаемъ въ лѣтописи,—князь Бориса Канбулатовича со княгинею и съ дѣтьми Ѳедора Никитича дѣтей—съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ съ сестрою и тетку ихъ Настасью Никитичну и Олександрову семью Никитича посла съ приставы на Бѣло-озеро, и посадиша ихъ въ тюрьму“ [2])... „Ѳедорову-жъ семью Никитича Оксинью Ивановну посла въ Заонежскіе погосты, и посадиша въ тюрьму“ [3])... Изъ родственниковъ Никитичей подверглись опалѣ, кромѣ кн. Бор. Черкасскаго, слѣдующія лица: кн. Ив. Бор. Черкасскій съ женой, кн. Репнины и Сицкіе, и Карповы [4]). Всѣхъ ихъ разослали по городамъ и темницамъ,—говоритъ лѣтопись,—а „вотчины ихъ и помѣстья всѣ велѣлъ (Борисъ) роздати въ роздачу, а животы ихъ и дворы повелѣ распродати на себя“ [5]). Спустя нѣкоторое время гнѣвъ Годунова на Романовыхъ сталъ понемногу смягчаться, и онъ сталъ постепенно облегчать участь оставшихся въ живыхъ членовъ этого рода. „Послѣди же ихъ разоренья, немалое время пройде, повелѣ Ивана Никитича и кн. Ивана Борисовича и сестру Ѳедора Никитича и дѣтей и сноху повелѣ привести въ ихъ вотчины въ Юрьевской уѣздъ въ село Клины, и велѣлъ у нихъ быти приставомъ Давыду Жеребцову да Василью Хлопову, и туто они быша и до смерти царя Бориса“ [6]). Такъ же было поступлено и съ родственниками Романовыхъ, попавшими вмѣстѣ съ ними въ ссылку [7]).

Вотъ, по лѣтописи, картина того разгрома, которому подверглись Романовы съ своими друзьями отъ царя Бориса Годунова. Разгромъ былъ полный, ужасный. Современники были такъ поражены этимъ событіемъ, что Авр. Палицынъ, напр., увѣренъ, что бѣдствія смутнаго времени, послѣдовавшаго вскорѣ послѣ этого, посланы отъ Бога Россіи, между прочимъ, и „сихъ ради Никитичевъ“ [8]). Легко понять, насколько сильна, значитъ, была вражда у Бориса Годунова къ Романовымъ, если онъ учинилъ такую расправу надъ ними. И, конечно, ужъ не колдовство, въ которомъ, по лѣтописи, обвинили Годуновы Романовыхъ, послужило причиной такой расправы. Говоря о причинахъ опалы

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Idib., 45.
[4]) Ibid., 44—45.
[5]) Ibid., 45.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid.
[8]) Авр. Палиц., 10.

Романовыхъ, мы должны прежде всего отмѣтить, что приведенный лѣтописный разсказъ тенденціозно освѣщаетъ это событіе. Въ немъ замѣтно стремленіе автора всѣми мѣрами оправдать и обѣлить пострадавшихъ бояръ, а Бориса Годунова представить въ самыхъ отталкивающихъ краскахъ. Въ виду такой тенденціи автора, сущность обвиненія, предъявленнаго Романовымъ, осталась совершенно невыясненной имъ. Да и въ другихъ своихъ частяхъ лѣтописное сказаніе страдаетъ существенными недочетами—сбивчивостью, недомолвками, непослѣдовательностью.

Лѣтопись говоритъ, что Борисъ Годуновъ по ненависти своей къ Романовымъ намѣренно подкупалъ ихъ холоповъ доносить на своихъ господъ и что Романовы были сосланы безъ вины, по ложному доносу, вслѣдствіе одной подозрительности царя. Но обстоятельства суда и ссылки Романовыхъ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Сохранившіяся грамоты по этому дѣлу рисуютъ царя Бориса искренно и серьезно встревоженнымъ доносомъ на Романовыхъ. Царскіе наказы приставамъ, съ которыми были высланы изъ Москвы опальные бояре, обнаруживаютъ въ Борисѣ Годуновѣ чувство непритворнаго страха предъ Романовыми. Приставамъ строго на-строго приказано было слѣдить за сосланными, охранять ихъ отъ побѣга, не допускать къ нимъ постороннихъ лицъ и т. п. [1]). Ясно, что Борисъ Годуновъ смотрѣлъ на Романовыхъ, какъ на дѣйствительныхъ государственныхъ измѣнниковъ. Если-бы, далѣе, опала Романовыхъ имѣла своимъ источникомъ одну ненависть и подозрительность Годунова, то въ сохранившихся въ грамотахъ рѣчахъ опальныхъ мы, навѣрное, нашли бы указанія на это обстоятельство. Но Романовы не упоминаютъ о немъ; наоборотъ, всю вину обрушившихся на нихъ страданій они кладутъ на бояръ. Филаретъ Никитичъ, напр., такъ говоритъ о боярахъ въ ссылкѣ своей: „Бояре де мнѣ великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорити людей нашихъ“ [2]). Также отзывается о боярахъ и Василій Никитичъ: „погибли де мы напрасно, безъ вины, ко государю въ наносѣ отъ своей же братьи“ [3]). Наконецъ, тотъ горячій и повышенный тонъ, въ какомъ велось судебное разбирательство по дѣлу Романовыхъ (бояре же... „аки звѣріе пыхаху и кричаху“), показываетъ, что опальнымъ были предъявлены какія то серьезныя обвиненія.

Лѣтопись сводитъ всѣ обвиненія, предъявленныя Никитичамъ, къ какому то „коренью“, найденному въ казнѣ Александра Никитича. Но что это за коренье и почему оно произвело такой переполохъ среди правительства Годунова—изъ лѣтописи не видно. Да и другіе

---

[1]) А. И., II, 35.
[2]) Ibid., 51.
[3]) Ibid., 39.

письменные памятники того времени ничего опредѣленнаго о винѣ Романовыхъ не говорятъ. Несомнѣнно, однако, что тутъ дѣло не въ корешкахъ. Лѣтопись умышленно или неумышленно не договариваетъ. Почему, на самомъ дѣлѣ, пострадали всѣ члены Романовской семьи и даже ихъ родственники, когда преступное „коренье“ найдено было у одного Александра Никитича? Почему не въ равной мѣрѣ были наказаны братья Никитичи, а постриженнымъ изъ нихъ оказался одинъ лишь Ѳедоръ Никитичъ? За корешками, очевидно, скрывалось нѣчто большее, чѣмъ простая мнительность царя. Нѣкоторыя русскія грамоты и иностранныя извѣстія и подтверждаютъ это своими намеками. Приставъ Некрасовъ, напр., бросилъ однажды такой упрекъ Василію Никитичу и его роднѣ во время его ссылки: „вы деи злодѣи измѣнники хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ“ [1]). А иностранецъ Масса передаетъ, между прочимъ, такой слухъ, которому самъ однако не вѣритъ, будто жена Ѳедора Никитича совѣтовалась съ братьями своего мужа о томъ, какъ бы извести царя Бориса—и всю семью его [2]). Подобное обвиненіе по адресу Романовыхъ встрѣчается и въ другихъ сказаніяхъ, Берова лѣтопись говоритъ, что Романовыхъ уличили будто бы въ тайномъ умыслѣ отравить царя Бориса—„наученные неудачею Бѣльскаго, замышляли инымъ средствомъ избавиться отъ Бориса—отравою“ [3]). Нѣсколько иначе представляетъ дѣло „Краткая Московская лѣтопись“. По ея словамъ, Борисъ Годуновъ опалился на Романовыхъ потому, что Романовыхъ, въ виду ихъ родства съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, хотѣли было возвести на престолъ [4]).

Прямыхъ и точныхъ указаній на то, что̀ собственно замышляли Романовы противъ Годунова, мы не имѣемъ. Но одно кажется несомнѣннымъ, что опала Годунова на Романовыхъ разразилась не безъ основаній. Одной клеветой или подозрительностью Бориса нельзя объяснить гоненія цѣлой партіи боярской. Въ средѣ Романовскаго кружка, очевидно, зрѣла дѣйствительная опасность для династіи Годунова. Не лишено извѣстнаго значенія въ этомъ смыслѣ то обстоятельство, что опальные Никитичи встрѣтили горячую вражду и злобу къ себѣ со стороны другихъ бояръ. Московская знать еще со времени Грознаго непріязненно относилась къ возвышенію Романовыхъ. Эта непріязнь, въ виду обвиненія послѣднихъ въ честолюбивыхъ замыслахъ противъ Бориса, усилилась и со всей силой обнаружилась именно во время суда надъ Романовыми— „бояре же многіе на нихъ аки звѣріе пыхаху и кричаху“—читаемъ въ лѣтописи. Не было нужды боярамъ такъ искренно и горячо волноваться, если бы причина

---

[1]) А. И., II, 41.
[2]) Сказ. М. и Г., 62.
[3]) Сказ. совр. о Дм. Сам., I, 30.
[4]) Кратк. Москов. лѣт., 16.

опалы лежала въ одной подозрительности и ненависти Годунова. Въ нападкахъ бояръ на арестованныхъ своихъ товарищей чувствуется боязнь дальнѣйшаго усиленія Романовыхъ и желаніе свести съ ними давнишніе счеты. Да и самая передача царемъ этого дѣла въ руки Боярской думы говоритъ о наличности какихъ-то несомнѣнныхъ уликъ противъ Романовыхъ. Къ сожалѣнію современники не оставили намъ сколько-нибудь прочныхъ данныхъ для полнаго и всесторонняго освѣщенія этой темной страницы нашей исторіи.

Существуетъ предположеніе (на основаніи косвенныхъ указаній), что Романовы подверглись аресту и ссылкѣ именно за то, что принимали участіе въ подготовкѣ перваго самозванца, а, можетъ быть, явились и иниціаторами въ этомъ дѣлѣ. Эта мысль о причастности романовской партіи къ появленію самозванца раздѣляется почти всѣми нашими историками. Вотъ, напр., что говоритъ Ключевскій поданному вопросу: "Въ гнѣздѣ наиболѣе гонимаго Борисомъ боярства съ Романовыми во главѣ, по всей вѣроятности, и была высижена мысль о самозванцѣ. Винили поляковъ, что они его подстроили; но онъ былъ только испеченъ въ польской печкѣ, а заквашенъ въ Москвѣ" [1]). И далѣе Ключевскій указываетъ три обстоятельства, имѣющія важное значеніе для разбираемой теоріи. Это, во-первыхъ, то, что Григорій Отрепьевъ, котораго считаютъ первымъ самозванцемъ, былъ раньше холопомъ у Романовыхъ и кн. Черкасскаго; во вторыхъ: самозванецъ бѣжалъ въ Литву въ то самое время, когда романовская партія подверглась гоненію, отъ Годунова,—и, въ третьихъ, то, что, по преданію, „какіе то сильные люди прикрыли его (самозванца)" [2]). Проф. Платоновъ признаетъ связь романовскаго круга съ подготовкой самозванца „болѣе чѣмъ вѣроятною", хотя и дѣлаетъ нѣкоторую оговорку при этомъ [3]). Признаютъ нѣкоторую солидарность между Романовыми и самозванцемъ и другіе историки—напр., Иловайскій, Соловьевъ. Отрицая „сознательную и самостоятельную" подготовку боярами самозванца, Иловайскій признаетъ, однако, что нѣкоторые бояре все-же знали кое-что о немъ: „существуютъ впрочемъ намеки на то,—говоритъ онъ,—что нѣкоторыя фамиліи какъ будто или знали, или догадывались о самозванствѣ, готовившемся въ Польшѣ—Литвѣ. Это фамилія Романовыхъ и родственныя съ нею семьи Черкасскихъ, Репниныхъ и Сицкихъ" [4]). Въ числѣ этихъ намековъ онъ указываетъ, между прочимъ, на перемѣну въ настроеніи Филарета Никитича въ Сійскомъ монастырѣ съ началомъ успѣховъ самозванца и особенное вниманіе послѣдняго по воцареніи своемъ къ членамъ ро-

---

[1]) Ключевскій.—К. Р. И., Ш, 36.
[2]) Ibid., 36—37.
[3]) Платоновъ.—Очерки, 189—190.
[4]) Иловайскій.—См. вр., 329.

мановской семьи [1]). Соловьевъ, хотя и не приписываетъ прямо Романовымъ „подстановку самозванца",—однако, мнѣніе объ этой подстановкѣ, какъ дѣлѣ именно враждебныхъ Борису бояръ, считаетъ самымъ правдоподобнымъ [2]). А извѣстно, что Романовы съ своими родными и были главными врагами Годунова.

Мысль о подготовкѣ самозванца въ гнѣздѣ враждебныхъ Борису бояръ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ того времени. Поляки, напр.. по сохранившимся извѣстіямъ, прямо говорили, что московскіе бояре сами подыскали самозванца и отправили его въ Польшу, а потомъ находились съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, увѣряя всѣхъ въ подлинности открывшагося за-границей царевича [3]).

За недостаткомъ положительныхъ данныхъ трудно, разумѣется, рѣшить съ достовѣрностью вопросъ о связи романовскаго кружка съ самозванцемъ. Но, вслѣдъ за Ключевскимъ и Платоновымъ, вышеупомянутому предположенію все-же нельзя отказать въ извѣстной долѣ вѣроятія. Можетъ быть, со временемъ историческая наука откроетъ недостающія данныя и разрѣшитъ, наконецъ, въ ту или другую сторону этотъ темный и запутанный вопросъ.

Изъ авторовъ, не допускающихъ связи Романовыхъ съ самозванчествомъ, наибольшаго вниманія заслуживаетъ авторъ біографіи Филарета Никитича—А. Смирновъ [4]).

Послѣдуемъ, однако, за Ѳедоромъ Никитичемъ въ его ссылку.—Какъ уже было сказано, Ѳедоръ Никитичъ былъ отправленъ съ приставомъ Дуровымъ въ Сійскій монастырь, гдѣ долженъ былъ, по царскому приказу, насильно быть постриженнымъ въ монахи [5]). Монастырь, гдѣ предстояло жить опальному боярину, былъ основанъ преп. Антоніемъ въ царствованіе Ивана Грознаго и находится въ 165 вер. отъ г. Архангельска, вверхъ по р. Двинѣ [6]). Обстановка, въ которой онъ находится, весьма пустынная и невеселая. „Вся окрестность,—читаемъ объ этомъ монастырѣ у Фридебурга—покрыта лѣсами, озерами и болотами. Онъ выстроенъ на небольшомъ островѣ озера Большое Михайлово, обнесенъ оградою и только съ одной стороны имѣетъ сообщеніе съ материкомъ, такъ что издали представляется плавающимъ; названіе Сійскаго монастырь получилъ по рѣкѣ Сіи, близъ него протекающей [7]).

---

[1]) Ibid.
[2]) Солов., VIII, 80.
[3]) А. Смирновъ.—Святѣйшій патр. Филар. Никит., 18.
[4]) Ibid., 17—21.
[5]) Никон. лѣт., 44.
[6]) Фридеб., отд. о Ф. Н., 3.
[7]) Ibid.

Распоряженіе Бориса Годунова постричь Ѳедора Никитича было продиктовано, очевидно, желаніемъ царя отрѣзать Ѳедору Никитичу совершенно путь къ престолу, такъ какъ монахъ не можетъ занимать царскаго престола. Постриженіе же одного Ѳедора Никитича изъ всѣхъ Романовыхъ показываетъ, что онъ былъ особенно страшенъ для царя. При близкомъ родствѣ своемъ съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, Ѳедоръ Никитичъ обладалъ превосходными личными качествами и громадной популярностью въ Москвѣ. Естественно, что Борисъ Годуновъ усмотрѣлъ въ немъ самаго сильнаго и опаснаго соперника своего. Ссылка Ѳедора Никитича, ставшаго въ монашествѣ старцемъ Филаретомъ, продолжалась во все царствованіе Бориса Годунова, т. е. до 1605 г. О томъ, какъ жилъ старецъ Филаретъ Никитичъ въ Сійскомъ монастырѣ, какъ къ нему относились окружающіе и самъ царь Борисъ,—можно судить по сохранившимся грамотамъ (ихъ всего три), которыя касаются ссыльной жизни старца Филарета. Двѣ грамоты относятся къ 1603 г., а третья—къ 1605 г. Грамотъ, которыя шли о старцѣ Филаретѣ изъ Москвы въ Сійскій монастырь и обратно, очевидно было больше,—но онѣ не всѣ сохранились.

Въ первой грамотѣ отъ 25 ноября 1603 г. приставъ Филарета Никитича Богданъ Воейковъ, смѣнившій перваго пристава Дурова, даетъ отчетъ царю Борису въ своихъ дѣлахъ по охраненію опальнаго узника и проситъ у царя спеціальныхъ указаній на разные случаи. Судя по грамотѣ, за Филаретомъ Никитичемъ былъ учрежденъ строжайшій надзоръ—и явный, и тайный. Прежде всего, неотлучно при монастырѣ находился приставъ царскій—Воейковъ, который долженъ былъ слѣдить за каждымъ шагомъ и словомъ Филарета. Приставъ всячески старался выпытать сокровенныя мысли у Филарета,—для чего вступалъ въ разговоры и съ самимъ Филаретомъ, и съ его келейникомъ. „И я, холопъ твой государевъ, пишетъ онъ въ своей грамотѣ, малого роспрашивалъ: что съ тобой старецъ о какихъ дѣлѣхъ разговаривалъ-ли, или про кого розсужаетъ-ли, и друговъ своихъ котораго имянно поминаетъ-ли?“ [1]) Но келейникъ былъ очень преданъ старцу Филарету,—и всѣ разспросы Воейкова были безуспѣшны—келейникъ отмалчивался: „отнюдь де со мной старецъ ничего не говоритъ“ [2]). И далѣе приставъ жалуется на податливость „малого“ и непригодность для цѣлей сыска, и даетъ совѣтъ царю, поэтому, отставить его отъ прислуживанія Филарету.

Не желая разстаться со своимъ малымъ, съ которымъ только и можно было отвести душу невольному постриженнику, Филаретъ Никитичъ прибѣгнулъ къ слѣдующей уловкѣ. Онъ самъ сталъ просить, чтобы государь „его, своего богомольца, пожаловалъ,—велѣлъ бы

---

[1]) А. И., II, 51.
[2]) Ibid.

ему въ кельѣ старцу жить, а не бѣльцу, ибо бѣльцу съ чернцемъ въ одной кельѣ жить не пригоже“ [1]). Филаретъ Никитичъ надѣялся этой просьбой разсѣять всякія сомнѣнія у своей стражи на счетъ бѣльца и такимъ образомъ удержать малаго возлѣ себя. Но приставъ понялъ хитрость Филарета—и эта притворная просьба, къ великому неудовольствію опальнаго, была потомъ въ точности исполнена: бѣльца удалили отъ Филарета, а приставили къ нему старца монаха [2]).

Не довѣряя словамъ „малого“ о томъ, что Филаретъ „ничего не говоритъ“, Воейковъ подсылалъ къ этому „малому“ для тѣхъ же разспросовъ третье лицо, нѣкоего Петра Болтина, боярскаго сына. Съ этимъ „малый“ оказался уже откровеннѣе, хотя все-же не безъ осторожности. Вотъ чего добился приставъ чрезъ Болтина: „И малой де ему сказывалъ: со мною де ничего не разговариваетъ, лише де коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ де говоритъ: „милые де мои дѣтки, маленки де бѣдные остались; кому де ихъ кормить и поить? Таково ли де имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? а жена де моя бѣдная, наудачу уже жива ли? Чаетъ де она гдѣ близко таково-жъ де замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужъ что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что рогатиной въ сердце толкнетъ; много де иное они мнѣ мѣшаютъ; дай Господи слышать, чтобы де ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы де ужъ не мѣшали, я бы де сталъ промышляти одною своею душею; а братья де уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ“ [3]).

Приставъ хотѣлъ хитростью поймать Филарета на какомъ-либо неосторожномъ словѣ и этимъ выслужиться предъ Годуновымъ,—но Филаретъ оказался далеко не такимъ простодушнымъ и несообразительнымъ человѣкомъ, какимъ представлялъ его себѣ по простотѣ сердечной Богданъ Воейковъ. Филаретъ зналъ, чего отъ него добиваются и царь, и приставъ,—зналъ, что ожидаетъ его въ случаѣ несчастной откровенности съ его стороны,—поэтому, или старается молчать, или говоритъ то, что совершенно не способно возбудить какихъ-либо подозрѣній у его враговъ. Несчастія научили его быть скрытнымъ и осторожнымъ и никому не довѣрять своихъ завѣтныхъ думъ. Стараясь казаться покорнымъ и примирившимся съ своей судьбой, чтобы усыпить бдительность Бориса,—невольный инокъ, однако, не забываетъ прежней счастливой жизни своей и въ глуши заброшеннаго монастыря время отъ времени мечтаетъ о Москвѣ, о власти, о почетѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ выжидаетъ дальнѣйшихъ событій, надѣясь со

---

[1]) Ibid., 50—51.
[2]) Ibid., 52.
[3]) Ibid.

временемъ вернуть себѣ все потерянное. Находясь пока всецѣло въ рукахъ своихъ враговъ, Филаретъ всячески притворяется. Даже тѣ слова его о женѣ и дѣтяхъ, которыя мы привели здѣсь, оказываются притворными, сказанными лишь для отвода глазъ. На самомъ дѣлѣ ссыльный Филаретъ многое зналъ о судьбѣ своей семьи, зналъ, гдѣ и въ какомъ положеніи она находится, а, можетъ быть, даже и переписывался тайно съ ней,—какъ можно догадываться объ этомъ по обѣльнымъ грамотамъ, дарованнымъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича Толвуйскому попу Ермолаю Герасимову съ сыномъ Исакомъ и крестьянамъ Толвуйской волости Гавріилу и Климу Глездуновымъ за услуги ихъ Марѳѣ Ивановнѣ по передачѣ ея порученій ссыльному Филарету [1]).

Не безъ задней мысли Филаретъ однажды высказался предъ приставомъ и о боярахъ—врагахъ своихъ. „Бояре де мнѣ великіе недруги,—говорилъ онъ,—искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорити людей нашихъ, а я де самъ видѣлъ то не одиножды“ [2]). Здѣсь видно желаніе опальнаго лишній разъ подчеркнуть предъ царемъ свою невинность и побудить послѣдняго съ большимъ довѣріемъ относиться къ несчастному узнику. Далѣе, въ разговорѣ Филаретъ зло критикуетъ московскихъ бояръ и ихъ государственную дѣятельность: „не станетъ де ихъ съ дѣло ни съ которое, нѣтъ де у нихъ разумного; одинъ де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльской, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ“ [3]). Этотъ хорошій отзывъ Филарета о Бѣльскомъ даромъ не прошелъ, однако, для послѣдняго. Не желая имѣть возлѣ себя выдающихся по уму людей, Борисъ Годуновъ, по словамъ Бѣляева, послѣ этихъ словъ Филарета тотчасъ же удалилъ Бѣльскаго отъ дѣлъ правленія [4]). Это обстоятельство показываетъ, съ какимъ вниманіемъ прислушивался царь къ каждому слову ссыльнаго Филарета.

Чтобы не допустить сношеній Филарета съ его друзьями и приверженцами, его почти совершенно изолировали отъ окружающаго міра. Никого не пропускали къ иноку Филарету, и его никуда не выпускали изъ монастыря. Приставъ Воейковъ до полученія спеціальнаго указа отъ царя не разрѣшалъ впускать въ монастырь даже богомольцевъ, пріѣзжавшихъ изъ другихъ городовъ поклониться чудотворцу [5]). А мѣстныхъ крестьянъ и монастырскихъ вкладчиковъ Воейковъ пропускалъ къ мощамъ чудотворца не иначе, какъ съ приставомъ или со сторожами, стоявшими „для всякаго береженья“ у

---

[1]) А. И.. III, 9—10, 147, 245.
[2]) Ibid., II, 51.
[3]) А. И., II, 51.
[4]) Врем. И. М. И. О., III, отд. I, 57—58.
[5]) А. И., II, 51.

воротъ [1]). Къ охранѣ Филарета была привлечена и монастырская администрація во главѣ съ игуменомъ, которому было приказано подчиняться въ этомъ отношеніи царскимъ указамъ и распоряженіямъ Богдана Воейкова [2]). Но подвергнувши Филарета Никитича такому строгому и мелочному надзору—гласному и негласному, Борисъ Годуновъ, однако, вовсе не притѣснялъ его въ другихъ отношеніяхъ, какъ это видно и изъ грамоты Воейкова, и особенно изъ грамоты Бориса отъ 3 декабря 1603 года. Приставъ доноситъ царю, что, согласно его наказу, онъ, Воейковъ, „старцу Филарету Романову скуфью и ряску и шубу новую далъ изъ монастырской казны, потому что старое платье изодралось“ [3]). А царь Борисъ въ своей отвѣтной грамотѣ Воейкову подтверждаетъ свой прежній наказъ ему о предупредительномъ отношеніи къ Филарету: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ старцу Филарету платье давалъ изъ монастырскіе казны и покой всякой къ нему держалъ, по нашему указу, чтобъ ему ни въ чемъ нужи не было“ [4]).

Насколько корректенъ былъ Борисъ Годуновъ къ ссыльному врагу, можно видѣть изъ того, что Филаретъ Никитичъ позволялъ себѣ высказывать разныя пожеланія чрезъ пристава, и эти пожеланія всякій разъ исполнялись царемъ. Такъ Воейковъ сообщаетъ однажды царю о желаніи Филарета Никитича „стоять на крылосѣ,“ [5])—и царь разрѣшаетъ ему это,—только съ условіемъ, чтобъ „съ нимъ никто тутошнихъ и прихожихъ людей ни о чемъ не разговаривали“ [6]). Въ концѣ своей грамоты къ Воейкову, Борисъ Годуновъ даетъ наставленіе и относительно паломниковъ монастырскихъ, приходившихъ къ чудотворцу. Онъ разрѣшаетъ приставу пускать въ монастырь всѣхъ богомольцевъ, но съ соблюденіемъ всяческихъ предосторожностей для охраны Филарета отъ сообщенія съ приходящими людьми—„чтобъ къ измѣннику, къ старцу Филарету, къ кельѣ никто не подходилъ, и съ нимъ ничего не говорилъ, и письма ни отъ кого никакого не подносилъ, и съ нимъ не сослался“ [7]).

Какъ видимъ, отношеніе царя къ ссыльному сопернику своему весьма корректно и не носитъ слѣдовъ какой либо жестокости. Несмотря на свою вражду къ Романовымъ вообще, и особенно къ Филарету Никитичу, Борисъ Годуновъ не уронилъ своего царскаго достоинства униженіемъ и безчестіемъ личности своего врага. Вопреки ожиданіямъ, царь проявилъ себя по отношенію къ ссыльному вполнѣ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 50.
[4]) Ibid., 52.
[5]) Ibid., 50.
[6]) Ibid., 52.
[7]) Ibid.

порядочнымъ человѣкомъ. Отсюда понятно, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ витіеватымъ и подобострастнымъ изліяніямъ нашихъ хронографовъ, которые говорятъ о „великомъ оскорбленіи и озлобленіи и оскудѣніи и гладѣ и алчбѣ и безчестіи отъ всѣхъ“, якобы претерпѣнныхъ Филаретомъ въ Сійскомъ монастырѣ [1]). Ничего подобнаго, какъ видимъ, не было на самомъ дѣлѣ,—Борисъ Годуновъ, по словамъ Костомарова, не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые наслаждаются страданіями своихъ враговъ [2]). Даже тотъ надзоръ, который былъ учрежденъ приставомъ за Филаретомъ, повидимому, не всегда выполнялся со всей строгостью: какъ уже мы отмѣчали, Филаретъ получалъ всетаки кое-какія свѣдѣнія отъ своей жены, и, вѣроятно, не отъ нея одной.—Находились преданные Романовымъ люди, которые съ рискомъ для собственной жизни брались передавать отъ нихъ разнаго рода вѣсточки другъ къ другу. Вѣсточки эти, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Правда, въ исторической литературѣ существуетъ копія одного письма Филарета Никитича къ Ивану Никитичу (отъ 8 августа 1602 года), въ которомъ Филаретъ Никитичъ жалуется на свою судьбу, вспоминаетъ прежнюю свою жизнь и проситъ брата сообщить ему что-либо о его женѣ и дѣтяхъ. Но подлинникъ этого письма до сихъ поръ не найденъ, а въ содержаніи своемъ оно мѣстами сообщаетъ такія неправдоподобныя извѣстія, что принадлежность его Филарету Никитичу становится весьма проблематичной [3]).

До 1605 года Филаретъ Никитичъ жилъ спокойно и скромно въ своемъ заточеніи, не обнаруживалъ никакого непослушанія власти, не высказывалъ никакихъ поползновеній къ возврату къ прежней жизни. Въ февралѣ-же 1605 года поведеніе Филарета вдругъ рѣзко измѣняется. Въ царской грамотѣ отъ 22 марта 1605 г. эта перемѣна въ Филаретѣ рисуется въ слѣдующемъ видѣ, со словъ Богдана Воейкова: „февраля де въ 3 день, въ ночи, старецъ Филаретъ старца Илинарха лаялъ, и съ посохомъ къ нему прискакивалъ, и изъ кельи его выслалъ вонъ, и въ келью ему старцу Илинарху къ себѣ и за собою ходити никуда не велѣлъ; и живетъ де старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегды смѣется невѣдомо чему, и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчіе, и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцомъ жестокъ; и старцы приходятъ къ нему Богдану на того старца Филарета всегды съ жалобою, лаетъ ихъ и бить хочетъ, а говоритъ де старцомъ Филаретъ старецъ: „увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ“; а нынѣ де въ Великій постъ у отца духовнаго тотъ старецъ Филаретъ не былъ, и къ церкви, и къ тебѣ на

---

[1]) Изборн., 438.
[2]) Костомар.—См. вр., I, 47.
[3]) А. Смирновъ.—Свят. патр. Филаретъ Никитичъ, 29—30.

прощанье не ириходилъ, и на крылосѣ не стоитъ“ [1]). Что за причина, окрылившая такъ надежды бывшаго боярина? Почему онъ изъ смиреннаго, покорнаго до сихъ поръ инока-старца становится вспыльчивымъ, непослушнымъ и даже грозящимъ своимъ врагамъ? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только одинъ: до глухой кельи Филарета, очевидно, дошло извѣстіе о блестящихъ военныхъ успѣхахъ самозванца,— и для ссыльнаго вельможи блеснула заря свободы и возвращенія въ столицу, къ прежней жизни и почестямъ. Отсюда и вызывающее поведеніе его [2]). О побѣдахъ самозванца могли тайно сообщить Филарету его многочисленные друзья и доброжелатели. Надзоръ за нимъ, какъ мы видѣли, не мѣшалъ ему время отъ времени получать вѣсточки отъ своей семьи,—слѣдовательно, могла проникнуть къ нему вѣсточка и отъ другихъ лицъ. Но вполнѣ возможно также, что Филаретъ узналъ объ успѣхахъ самозванца и отъ самого игумена Іоны,— и послѣднее болѣе всего вѣроятно. Появленіе самозванца, какъ извѣстно, привело въ броженіе всю Русь, всюду вызывая народныя волненія въ ту или другую сторону. Естественно, что слухъ о Лжедимитріи достигъ и игумена Іоны,—а Іона, по сочувствію къ Филарету, сказалъ и послѣднему. Характерно, что царь Борисъ обвиняетъ въ своей грамотѣ игумена Іону въ преднамѣренномъ ослабленіи имъ въ это время надзора за Филаретомъ и даже въ покровительствѣ ему. Ограда, которая раньше была вокругъ монастыря, теперь свезена „на гумно“—пишетъ царь,—и „крѣпости де никоторые около монастыря нѣтъ“ [3]). Когда же Богданъ Воейковъ потребовалъ отъ монастырской администраціи снова поставить ограду, а также задѣлать лишніе выходы изъ монастыря, то будто бы получилъ отказъ отъ игумена [4]). Затѣмъ, игуменъ самовольно отмѣнилъ прежніе доклады приставу о посѣтителяхъ монастыря, и когда приставъ протестовалъ, то онъ не обращалъ никакого вниманія на его протесты [5]). И вообще игуменъ пересталъ подчиняться царскому наказу на счетъ „береженья“ опальнаго старца. „И вы де—пишетъ царь игумену—нашего наказу не слушаете и ставите ни во что, а сказываешь де у себя наказъ свой“ [6]). Нѣтъ сомнѣнія, что игуменъ сталъ покровительствовать Филарету именно подъ вліяніемъ слуховъ о предстоящей гибели Годунова.

Борисъ Годуновъ былъ очень встревоженъ перемѣной въ Филаретѣ и снисходительнымъ отношеніемъ къ нему игумена. Въ своей грамотѣ царь дѣлаетъ выговоръ Іонѣ и предписываетъ ему немедленно усилить надзоръ за Филаретомъ. Филарета велѣно помѣстить

---

[1]) А. И., II, 64—65.
[2]) Солов., VIII, 69—70; Илов.—См. вр., 329; Платон.—Очерки, 211.
[3]) А. И., II, 65.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.

въ кельѣ самого игумена и, для вящшаго надзора, велѣно помѣстить вмѣстѣ съ нимъ старца Леонида [1]). Игумену вмѣняется въ безусловную обязанность слѣдить за Филаретомъ, держать его въ послушаніи, „отъ дурна унимать“, успокаивать и усовѣщевать его, въ случаѣ несоблюденія имъ „иноческаго чина“ и т. д. [2]). Причемъ и на сей разъ царь напоминаетъ о необходимости корректнаго отношенія къ опальному узнику: „а безчестья бы ему никотораго не дѣлалъ“ [3]). Борисъ приказываетъ даже слѣдить за тѣмъ, чтобы Филаретъ „какого лиха надъ собой“ не учинилъ [4]).

Царь повелѣваетъ, далѣе, игумену ограду монастырскую поставить снова, лишнія двери задѣлать, незнакомыхъ людей не принимать, а знакомыхъ принимать въ отсутствіе Филарета, чтобы онъ „съ прихожими людьми ни съ кѣмъ не сходился“ [5]). Вообще игумену Іонѣ внушается прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы Филаретъ „въ смуту не пришелъ, и изъ монастыря бъ не убѣжалъ, и жилъ бы во всемъ смирно, по монастырскому чину“ [6]). Въ заключеніе царь пишетъ Іонѣ, чтобы онъ прислушивался къ тому, что говоритъ Филаретъ, и, въ случаѣ „неприличныхъ разговоровъ“ съ его стороны, доносилъ бы ему, въ Москву [7]).

Изъ разговоровъ Филарета о птицахъ ловчихъ, о собакахъ и вообще о мірской, свѣтской жизни можно заключить, какъ тосковалъ онъ по прежней жизни и съ какой неохотой онъ долженъ былъ, повинуясь обстоятельствамъ, промѣнять эту жизнь на иноческій клобукъ. Хронографы и лѣтописи, по обычаю, представляютъ дѣло такъ, что Филаретъ будто бы съ радостью принялъ постриженіе („иноческаго образа одѣяніе паче царскія багряницы возлюби“—говорится, напр. въ Изборникѣ)[8]),—но эти извѣстія едва-ли заслуживаютъ большого довѣрія, если спустя и четыре года послѣ постриженія Филаретъ не теряетъ надежды на возвращеніе къ прежней, мірской жизни, съ ея удовольствіями (охота и т. п.) и почетомъ: „увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ!“ Желаніе вырваться изъ монастырской кельи на свободу было такъ велико въ груди невольнаго инока, что онъ, подъ вліяніемъ слуховъ о самозванцѣ, совершенно забросилъ „монастырскій чинъ“, сталъ смѣяться постоянно, пересталъ ходить въ церковь и даже не былъ на исповѣди у своего духовнаго отца во весь Великій постъ [9]). Все это

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., 65—66.
[8]) Изборн., 438; О томъ же—Никон. лѣт., VIII, 44.
[9]) А. И., II, 64—65.

ясно указываетъ на ту глубокую душевную драму, которую пришлось пережить Филарету въ Сійскомъ монастырѣ. Постриженный насильно—Филаретъ, какъ видимъ, долго не можетъ примириться съ своимъ невольнымъ иночествомъ. И это понятно. Вспомнимъ, какимъ щеголемъ, какимъ жизнерадостнымъ, веселымъ и общительнымъ человѣкомъ онъ былъ въ санѣ боярина. Только съ посвященіемъ въ іеромонахи, а потомъ въ архимандриты и епископы, Филаретъ успокаивается и примиряется, наконецъ, съ своимъ невольнымъ постриженіемъ.

Когда и гдѣ Филаретъ получилъ санъ іеромонаха—въ точности неизвѣстно. Одни авторы относятъ это событіе къ 1605 г., къ послѣднимъ днямъ заточенія Филарета, другіе—къ 1603 году, нѣкоторые же полагаютъ посвященіе Филарета позднѣе смерти царя Бориса, значитъ—послѣ уже освобожденія его изъ ссылки [1]). Наиболѣе вѣроятной намъ представляется та версія, по которой Филаретъ былъ возведенъ въ санъ іеромонаха, а затѣмъ—и архимандрита въ 1605 г., по указу Бориса Годунова. Указъ царя о посвященіи Филарета былъ посланъ въ Сійскій монастырь, повидимому, подъ вліяніемъ полученнаго отъ Воейкова донесенія о вызывающемъ поведеніи и угрозахъ опальнаго инока. Борисъ Годуновъ испугался, какъ бы Филаретъ не снялъ съ себя невольное постриженіе и не явился бы въ Москву въ качествѣ претендента на престолъ. Чтобы лишить окончательно Филарета возможности вернуться когда-либо къ свѣтской жизни, царь Борисъ и распорядился въ концѣ концовъ возвести его въ санъ іеромонаха, а потомъ—и архимандрита. При тогдашнемъ отношеніи русскаго народа къ священному сану Филаретъ Никитичъ подвергъ бы громадному риску свою репутацію въ глазахъ набожной Москвы, если бы вздумалъ послѣ этого сложить съ себя невольное иночество и іерейскій санъ.

IV.

Внезапная смерть Бориса Годунова должна была радостно отозваться въ сердцахъ ссыльныхъ Романовыхъ и возбудить въ нихъ надежду на скорое освобожденіе отъ неволи. По словамъ Массы, народъ тотчасъ же по смерти царя потребовалъ возвращенія сосланныхъ имъ бояръ,—и царица Марія Григорьевна (жена Бориса) вернула нѣкоторыхъ бояръ, напр., кн. Ив. Воротынскаго. Романовыхъ пока оставили

---

[1]) Сказ. совр. о Дм. Сам., I, 237; А. Смирновъ.—Свят. патр. Филаретъ Никитичъ, 35; Фридеб., отд. о Ф. Н., 4.

въ ссылкѣ [1]),—но, судя по настроенію тогдашней Москвы, вопросъ объ амнистіи для Романовыхъ долженъ былъ стать на очередь. Ни царица Марія, ни ея сынъ царь Ѳедоръ не успѣли, однако, освободить Романовыхъ. Династія Годуновыхъ скоро была свергнута, и на московскій престолъ вступилъ Лжедимитрій. Съ воцареніемъ Лжедимитрія положеніе Романовыхъ радикально измѣняется. Считая себя сыномъ Грознаго, Лжедимитрій проявилъ къ Романовымъ, какъ къ мнимымъ родственникамъ своимъ, особенное вниманіе и расположеніе. Всѣ члены Романовской семьи, находившіеся еще въ ссылкѣ, были возвращены имъ въ Москву. Былъ перевезенъ въ Москву даже прахъ тѣхъ Романовыхъ, которые скончались въ своемъ заточеніи. Въ числѣ другихъ ссыльныхъ выпущенъ былъ на свободу и возвращенъ въ Москву и старецъ—архимандритъ Филаретъ.

Благоволеніе Лжедимитрія къ Филарету не ограничилось только дарованіемъ ему свободы. По повелѣнію Лжедимитрія старецъ Филаретъ назначается ростовскимъ митрополитомъ [2]). Послѣднее произошло, по мнѣнію Платонова, весной уже 1606 г. [3]).

Съ этого момента жизнь Филарета Никитича больше чѣмъ когда-либо дѣлается достояніемъ русской исторіи. Судьба толкаетъ его изъ одного края въ другой: изъ Ростова въ Тушино, изъ Тушина въ Москву, изъ Москвы въ Смоленскъ и Польшу и т. д., пока, наконецъ, онъ не утверждается на патріаршемъ московскомъ престолѣ. Филаретъ Никитичъ, получивши санъ ростовскаго митрополита, играетъ огромную роль въ событіяхъ смутнаго времени, являясь главой возродившейся и окрѣпшей въ гоненіяхъ романовской партіи. Тонкими, невидимыми на первый взглядъ, путями проводитъ онъ свою партію чрезъ всѣ перипетіи великой разрухи и своей многотрудной дѣятельностью готовитъ ей окончательное торжество въ 1613 году. А сдѣлавшись патріархомъ, Филаретъ Никитичъ наравнѣ съ сыномъ своимъ, царемъ Михаиломъ, становится государемъ всей Русской земли, рѣшая какъ церковныя, такъ и высшія государственныя дѣла. Патріаршество Филарета—время особенное въ русской исторіи, время небывалаго еще у насъ двоевластія.

Получивши санъ митрополита ростовскаго и ярославскаго, Филаретъ Никитичъ, очевидно, вслѣдствіе убійства Лжедимитрія, медлитъ своей отправкой къ мѣсту служенія и остается пока въ Москвѣ, гдѣ принимаетъ даже участіе въ разразившихся событіяхъ. Участвовалъ-ли Филаретъ Никитичъ въ переворотѣ 17 мая—трудно сказать что-либо опредѣленное. Есть данныя и за, и противъ:

---

[1]) Сказ. М. и Г., 139—140.
[2]) Изборн., 241; Р. И. Б., XIII, 813.
[3]) Платон.—Очерки, 222.

съ одной стороны мы видимъ его брата въ числѣ заговорщиковъ[1]), съ другой—изъ письма Нунція Симонетты и донесенія пана Хвалибога видно, что Филаретъ считался тогда сторонникомъ убитаго Лжедимитрія [2]). Относительно кандидатуры Василія Ивановича Шуйскаго можно съ достовѣрностью полагать, что Филаретъ Никитичъ не былъ въ числѣ сторонниковъ ея, такъ какъ принадлежалъ къ враждебному Шуйскому кругу нетитулованныхъ бояръ. Тѣмъ не менѣе, будучи человѣкомъ осторожнымъ и тактичнымъ, Филаретъ Никитичъ ничѣмъ не скомпрометтировалъ себя въ моментъ избранія Шуйскаго, и даже, какъ видно изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ указаній, былъ объявленъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ нареченнымъ московскимъ патріархомъ. Нареченіе Филарета Никитича патріархомъ произошло вскорѣ же послѣ воцаренія Шуйскаго,—значитъ, въ двадцатыхъ числахъ мая 1606 г. Объ этомъ событіи мы узнаемъ прежде всего изъ словъ польскихъ пословъ, сказанныхъ ими московскимъ боярамъ въ 1608 г. на основаніи прежнихъ рѣчей этихъ бояръ: „за Бориса Іовъ былъ и того скинуто, а посажено на патріярховство Игнатія Грека; потомъ за нынѣшнего господаря, Грека того скинуто, а посажено на патріярховство Ѳеодора Микитича, яко о томъ бояре думные по оной смутѣ, въ отвѣтной полатѣ намъ, посломъ, сами сказывали, менуючи, што по мощи Дмитровы до Углеча послано патріярха Ѳеодора Микитича; а говорилъ тые слова Михайло Татищевъ при всихъ боярахъ. Потомъ въ колько недѣль и того скинули, учинили есте Гермогена патріярхомъ. И такъ теперь живыхъ патріярховъ на Москвѣ чотырехъ маете“ [3]). Затѣмъ, по словамъ Платонова, Нунцій Симонетта, говоря въ своихъ письмахъ къ кардиналу Боргезе (апр. 1610 г.) о предполагаемомъ прибытіи Филарета Никитича изъ Тушина къ королю, называетъ его тоже патріархомъ: „этотъ патріархъ—тотъ самый, который помогалъ дѣлу покойнаго Димитрія и за то подвергся преслѣдованію со стороны Шуйскаго, новаго царя, поставившаго на его мѣсто другого патріарха, каковой и находится въ Москвѣ; упомянутый старый патріархъ (Филаретъ) держалъ также сторону новаго Лжедимитрія“ [4]). Далѣе, въ подтвержденіе факта нареченія Филарета Никитича патріархомъ указываются слова пана Хвалибога о томъ, что будто бы спустя нѣкоторое время послѣ переворота 17 мая къ воротамъ боярскихъ домовъ прибивались листы съ извѣщеніемъ о спасеніи Лжедимитрія, и что будто бы эти листы приписывались патріарху,—а такимъ патріархомъ въ Москвѣ въ это время могъ быть только Филаретъ, такъ какъ Гермогенъ былъ тогда еще въ Казани,

---

[1]) Платон.—Очерки, 233.
[2]) Ibid., 234–235.
[3]) A. З. P., IV, 287.
[4]) Платон.—Очерки, 234.

а Игнатій былъ низложенъ уже [1]). Наконецъ, Самуилъ Маскѣвичъ, говоря въ своихъ запискахъ о московскихъ послахъ къ Сигизмунду, называетъ Филарета Никитича тоже „бывшимъ патріархомъ“ [2]).

Что побудило царя Василія при избраніи патріарха остановить свой выборъ на Филаретѣ Никитичѣ—изъ сохранившихся источниковъ не видно. Но можно съ вѣроятностью предполагать, что царемъ руководило въ данномъ случаѣ желаніе найти поддержку въ романовской партіи въ виду непрочности своего положенія на престолѣ. А извѣстно, что Романовы со своей знатной и многочисленной родней составляли весьма значительную силу въ правительственной средѣ московскаго государства. Умный царь быстро учелъ это обстоятельство, и первый сдѣлалъ шагъ къ сближенію съ главой романовскаго кружка.

Предназначенный въ патріархи, Филаретъ Никитичъ тотчасъ же отправляется царемъ, во главѣ посольства, въ Угличъ за мощами царевича Димитрія [3]) Въ то время, пока онъ былъ въ Угличѣ, въ Москвѣ произошло, между тѣмъ, какое то темное событіе, повлекшее за собой охлажденіе Шуйскаго къ Филарету и даже отставку его отъ патріаршества. Этимъ событіемъ, по Платонову, было народное возмущеніе противъ Шуйскаго, произведенное 25 мая П. Н. Шереметевымъ и кн. Мстиславскимъ--и не безъ участія, можетъ быть, Филарета Никитича, такъ какъ послѣдній находился во главѣ той партіи къ которой принадлежали и Шереметевъ съ кн. Мстиславскимъ [4]). Царь Шуйскій, узнавши о заговорѣ противъ него со стороны партіи бояръ нетитулованныхъ, поспѣшилъ отставить Филарета Никитича отъ патріаршаго престола, какъ родственника открытымъ заговорщикамъ и руководителя всего ихъ боярскаго круга [5]). Имѣть въ санѣ патріарха такого умнаго и опытнаго противника, какимъ былъ Филаретъ Никитичъ, для царя Шуйскаго было чрезвычайно опасно,—тѣмъ болѣе, что послѣдній, можетъ быть, имѣлъ данныя считать и Филарета Никитича участникомъ этого заговора. Что же касается симпатій Филарета Никитича къ самозванцу, о которыхъ говорятъ Симонетта и Хвалибогъ, то подъ симпатіями здѣсь нужно разумѣть простую терпимость и сдержанность его къ своему освободителю, а, можетъ быть, и страхъ предъ муками новой ссылки и заточенія.

Теперь намъ станутъ понятны и слова польскихъ пословъ о томъ, что Филаретъ Никитичъ былъ „скинутъ“ съ патріаршаго пре-

---

[1]) Ibid., 235.
[2]) Сказ. совр. о Д. С., V, 53.
[3]) Собр. г. гр. и д., I, 605; Собр. г. гр. и д., II, 311, 316; Рук. Ф-та, 5.
[4]) Платоновъ.—Очерки, 236—237.
[5]) Ibid., 237.

стола вскорѣ же по назначеніи,—и слова Симонетты и Хвалибога о сверженіи Филарета Никитича и замѣнѣ его Гермогеномъ.

Получивши отъ царя отказъ въ патріаршемъ санѣ, Филаретъ Никитичъ поневолѣ долженъ былъ теперь поѣхать въ свою митрополію, въ Ростовъ. Причемъ оскорбленіе, которое нанесъ ему царь Василій Шуйскій, не могло не поселить нѣкотораго разлада между новымъ царемъ и ростовскимъ митрополитомъ. И, дѣйствительно, въ дальнѣйшей своей дѣятельности Филаретъ Никитичъ является почти постояннымъ противникомъ и недоброжелателемъ Шуйскаго, втягивая постепенно въ оппозицію царю и всю романовскую партію. Непріязненныя отношенія между Шуйскимъ и Романовыми гибельно отразились потомъ на судьбѣ царя Василія Ивановича. Онъ лишился въ нихъ единственной прочной опоры для своего колеблющагося положенія на престолѣ, и въ самую трудную минуту своего царствованія остался совершенно безъ поддержки. Между тѣмъ Романовы, вернувшись изъ ссылки, понемногу начинаютъ снова организовываться и крѣпнуть и подъ конецъ смуты располагаютъ уже самой сильной и многочисленной партіей своихъ приверженцевъ. Чувствуя свою силу, Романовы постепенно возвращаютъ себѣ прежнее высокое положеніе въ московскомъ государствѣ. Одновременно съ этимъ въ обществѣ воскресаетъ мысль и о кандидатурѣ Никитичей на московскій престолъ. Эта мысль изъ тѣснаго кружка романовской партіи проникаетъ мало-по-малу въ широкіе слои московскаго общества, крѣпнетъ тамъ съ каждымъ годомъ и, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, реализируется, наконецъ, на соборѣ 1613 года. Еще во время убійства самозванца ходили по городу слухи о томъ, что теперь верховная власть должа перейти къ кому-либо изъ Романовыхъ [1]). Но тогда Романовы были не организованы,—они недостаточно оперились еще послѣ ссылки и гоненій. Съ теченіемъ же времени они все усиливаются и усиливаются,—и соотвѣтственнымъ образомъ становятся все ближе и ближе къ престолу. Росту популярности Романовыхъ много содѣйствовалъ тотъ мученическій ореолъ, которымъ наградилъ ихъ покойный Годуновъ. Съ точки зрѣнія постепеннаго приближенія Романовыхъ къ престолу нужно разсматривать и всю политическую дѣятельность Филарета Никитича, игравшаго временами весьма двусмысленную роль въ событіяхъ смутнаго времени.

Въ Ростовѣ Филаретъ Никитичъ пробылъ около двухъ лѣтъ (съ ноября приблизительно 1606 г. по 11 окт. 1608 г.) Въ качествѣ противника царя Василія онъ ничѣмъ себя не проявлялъ активно въ эти два года. Не видимъ также и его сочувствія тѣмъ ворамъ, которые потомъ провозгласили его (во второй уже разъ) патріархомъ мо-

---

[1]) Платоновъ.—Очерки, 237.

сковскимъ. Наоборотъ, сохранилось нѣсколько грамотъ отъ митрополита Филарета въ разные города, въ которыхъ (грамотахъ) онъ повелѣваетъ служить молебны по случаю побѣдъ царя надъ ворами и увѣщеваетъ свою паству не склоняться къ послѣднимъ. Таковы грамоты: двѣ—отъ 30 ноября 1606 г., въ Устюгъ, [1])—грамота въ тотъ же городъ, отъ 8 декабря 1606 г., [2]) и двѣ грамоты въ Соль Вычегодскую—отъ 7 іюня [3]) и отъ 12 іюня 1607 года [4]). Помимо этого, Филаретъ, будучи въ Ростовѣ, переписывался съ разными воеводами царскими относительно набора солдатъ для царскихъ войскъ и т. п. Сохранилась, напр., грамота къ митрополиту Филарету отъ владимирскаго воеводы о присылкѣ даточныхъ людей съ своихъ монастырей и дѣтей боярскихъ противъ воровъ [5]). Но если Филаретъ Никитичъ не обнаруживалъ въ это время прямой враждебности по отношенію къ Шуйскому, то во всякомъ случаѣ онъ не былъ и искреннимъ сторонникомъ этого царя. Недоразумѣніе съ нареченіемъ Филарета въ патріархи не могло имъ скоро забыться. Послѣднее положеніе не можетъ быть ослаблено указаніемъ на вышеупомянутыя грамоты митрополита Филарета по случаю побѣдъ московскаго царя. Эти грамоты носятъ строго оффиціальный характеръ; Филаретъ пишетъ ихъ въ силу своего служебнаго положенія, по указу патріарха. Посему судить по нимъ о дѣйствительныхъ чувствахъ и настроеніи Филарета нельзя. Непріязненныя чувства Филарета къ царю Василію Шуйскому, однако, стали обнаруживаться, когда ростовскій митрополитъ былъ захваченъ тушинцами и перевезенъ на жительство въ Тушино.

Плѣненіе Филарета Никитича, по Беровой лѣтописи, произошло 11 октября 1608 г. [6]). Тушинцы, зная недовольство Филарета Никитича царемъ Шуйскимъ, рѣшили захватить его въ свои руки, чтобы пребываніемъ его въ Тушинѣ усилить народное довѣріе къ новому самозванцу. По мнѣнію Костомарова, тушинцы сперва обращались къ Филарету Никитичу съ письменнымъ увѣщаніемъ добровольно стать на сторону Тушина и переѣхать въ ихъ лагерь, но Филаретъ Никитичъ будто бы не согласился [7]). Тогда въ Тушинѣ рѣшили привести Филарета къ себѣ насильно, для чего посланъ былъ отрядъ войска въ Ростовъ и окрестные города. Сначала былъ взятъ этимъ отрядомъ Переяславль, а затѣмъ, съ помощью переяславцевъ, былъ взятъ и разоренъ и городъ Ростовъ. Лѣтопись, описывая этотъ разгромъ Ростова, восхваляетъ Филарета Никитича за то мужество и твердость,

---

[1]) А. А. Э., II, 126, 129.
[2]) Ibid., 135—136.
[3]) Ibid., 164.
[4]) Ibid., 166.
[5]) А. И., II, 131.
[6]) Сказ. совр. о Дим. Сам., I, 144.
[7]) Костомаровъ.—См. вр., II, 167.

съ какими онъ встрѣтилъ свирѣпыхъ враговъ [1]). Онъ всѣми мѣрами успокаивалъ свою паству, уговаривалъ ее не падать духомъ и твердо стоять за свою вѣру и родной городъ. Большая часть ростовцевъ всетаки испугалась непріятеля и скрылась изъ Ростова. Только самые мужественные люди остались защищать городъ и его святыни. Въ числѣ этихъ немногихъ самоотверженныхъ людей находился и митрополитъ Филаретъ. Забывая о собственной опасности, онъ всячески ободряетъ оставшихся патріотовъ и приготовляетъ ихъ къ мученической смерти. Когда же непріятели ворвались въ городъ и подступили къ собору, Филаретъ мужественно вышелъ къ нимъ навстрѣчу и произнесъ предъ ними строго—обличительную рѣчь. Но разнузданные тушинцы остались глухи къ словамъ митрополита—и соборъ былъ всетаки разграбленъ ими. Разгромивши Ростовъ, тушинскія войска захватили въ плѣнъ и Филарета Никитича и отвезли его въ Тушино къ самозванцу. Причемъ тушинскіе солдаты, по русскимъ памятникамъ, обращались съ Филаретомъ весьма грубо, наносили ему оскорбленія и т. п. „Митрополита же взяша съ мѣста и святительскіе ризы на немъ ободравше и одѣша его въ худые ризы и даше его за пристава... И отослаша къ вору въ Тушино“—сокрушенно говоритъ никоновская лѣтопись [2]). По отпискѣ устюжанъ къ вычегодцамъ (27 ноября 1608 г.), Филаретъ Никитичъ будто бы былъ посаженъ тушинцами въ одну повозку съ какой-то „жонкой“, чтобы, очевидно, надругаться надъ его монашескимъ званіемъ [3]).

Такими же мрачными красками рисуетъ ростовское дѣло и Авр. Палицынъ. По его словамъ—митрополита Филарета вели пѣшкомъ и босымъ—„токмо во единой свитѣ“,—надѣли на него будто бы языческія ризы, голову покрыли татарской шапкой и т. д. [4]).

Въ Тушинѣ Филарету Никитичу оказали очень ласковый пріемъ. Самозванецъ возвелъ его даже въ достоинство патріарха московскаго.—Филаретъ Никитичъ не ожидалъ такого вниманія къ себѣ со стороны самозванца и, повидимому, принялъ отъ него предложенный титулъ. По словамъ Бера, Филаретъ при этомъ подарилъ будто бы самозванцу „восточный яхонтъ“, вынутый изъ своего жезла, цѣною „въ полбочки золота“ [5]). Другіе источники не упоминаютъ объ этомъ подаркѣ. Но если извѣстіе Бера говоритъ и о дѣйствительномъ событіи, все-же нельзя видѣть здѣсь выраженія искренняго расположенія Филарета къ самозванцу. Филаретъ Никитичъ могъ сдѣлать подарокъ самозванцу въ силу того общепринятаго обычая, по кото-

---

[1]) Никон. лѣт., VIII, 103—104.
[2]) Никон. лѣт., VIII, 104—105.
[3]) А. А. Э., II, 180.
[4]) Авр. Палицынъ, 50.
[5]) Сказ. совр. о Д. С., I, 144.

рому и теперь знатные люди при встрѣчѣ дарятъ другъ другу подарки. Желая расположить Филарета въ свою пользу, самозванецъ окружаетъ его большимъ почетомъ и милостями, даритъ ему роскошныя ризы, подноситъ золотой поясъ, приставляетъ къ нему цѣлый штатъ рабовъ и прислуги [1]). Заручиться поддержкой такого знатнаго митрополита для тушинскаго Вора было чрезвычайно важно въ глазахъ какъ простого народа, такъ и дворянства. Но—„сей Филаретъ разуменъ сый,—говоритъ Авр. Палицынъ,—не преклонися ни на десно, ни на шуее“ [2]). Это значитъ, что онъ не хотѣлъ ни отдаваться всецѣло Вору, ни возвращаться къ Шуйскому, которому онъ былъ давно враждебенъ. Связать навсегда свою судьбу съ какимъ то самозванцемъ (Филаретъ, зная хорошо Григ. Отрепьева, не могъ ошибиться въ ложности второго самозванца) для Филарета Никитича было и очень рискованно, и невыгодно. А бѣжать изъ Тушина въ Москву, подобно тверскому архіепископу Ѳеоктисту, настигнутому на дорогѣ тушинскими солдатами и безжалостно убитому ими, [3]) Филарету Никитичу не было никакого смысла, такъ какъ, повторяемъ, онъ не былъ изъ числа приверженцевъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Филаретъ Никитичъ, какъ умный и опытный дипломатъ, занялъ при такихъ обстоятельствахъ выжидательное положеніе, принимая всѣ знаки почтенія отъ Вора и въ то же время подыскивая для себя наивыгоднѣйшій выходъ изъ создавшейся коньюнктуры.

Такое двусмысленное поведеніе Филарета Никитича очень смущало Вора, и за Филаретомъ Никитичемъ былъ установленъ надзоръ, несмотря на всѣ почести, оказываемыя ему. „Они же блюдуще того крѣпкими стражми, и никакоже и ни словесе, ни помановенія тому дерзнути дающе“ [4]).

Получивши изъ рукъ самозванца титулъ нареченнаго патріарха московскаго, Филаретъ Никитичъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ памятниковъ, и фактически былъ высшей духовной властью въ Тушинѣ. Онъ рѣшаетъ всѣ церковныя дѣла, касающіяся тѣхъ городовъ и селъ, которые присягнули тушинскому Вору, даетъ аудіенціи, разсылаетъ грамоты за своей патріаршей печатью и т. д. Напр., Филаретъ сносится съ Яномъ Сапѣгой по поводу освященія храма въ Киржацкомъ монастырѣ, разоренномъ ратными людьми [5]). На имя Филарета,—„нареченнаго патріарха московскаго“—присылаетъ грамоты въ въ Тушино и король Сигизмундъ, [6]) равно какъ и отвѣтъ пишется королю отъ имени патріарха Филарета [4]). Наконецъ, и приговоръ,

---

[1]) Авр. Палицынъ, 50—51.
[2]) Ibid., 51.
[3]) Ibid.
[4]) Авр. Палиц., 51.
[5]) А. И., II, 136.
[6]) Времен. И. М. О. И., I, отд. III, 35—37.
[7]) Ibid., 38—39.

вынесенный тушинцами послѣ бѣгства самозванца въ Калугу, составленъ съ участіемъ нареченнаго патріарха Филарета на первомъ мѣстѣ [1]).

Къ Филарету Никитичу, какъ къ высшему духовному сановнику, являются съ оффиціальными визитами разные тушинскіе вельможи. Напр., 29 декабря 1608 г. Филарета Никитича посѣтилъ воевода Сапѣга, какъ это видно изъ дневника послѣдняго [2]).

Неискренность Филарета Никитича въ его отношеніяхъ къ самозванцу не подлежитъ сомнѣнію. Не только надзоръ за нимъ со стороны тушинцевъ доказываетъ это,—это видно и изъ того, что Филаретъ Никитичъ при первой же возможности покинулъ Вора. Тушинскій Воръ нуженъ былъ для Филарета лишь въ цѣляхъ свержения враждебнаго ему царя Шуйскаго, какъ представителя интересовъ княжья, и, лишь только выяснилось, что Воръ не въ силахъ свергнуть Шуйскаго, Филаретъ Никитичъ тотчасъ же отстаетъ отъ него и заинтересовывается новой политической комбинаціей. Такимъ образомъ, на самозванца тушинскаго Филаретъ Никитичъ смотрѣлъ только какъ на временное орудіе для своихъ тайныхъ цѣлей и интересовъ. Не рѣшаясь дѣйствовать противъ Шуйскаго открыто, Филаретъ Никитичъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли чрезъ воцареніе Вора. Само собой разумѣется, что воцареніе самозванца мыслилось при этомъ только какъ временный компромиссъ.—Такой взглядъ на этотъ вопросъ проводится, между прочимъ, авторитетнѣйшимъ изслѣдователемъ смуты—проф. Платоновымъ [3]). Въ виду отмѣченной политики Филарета Никитича такъ и расходятся обычныя мнѣнія о его пребываніи въ Тушинѣ: одни считаютъ его невольнымъ плѣнникомъ, [4]) другіе склоняются признать его добровольнымъ сторонникомъ Лжедимитрія [5]). Правильнѣе смотрѣть на дѣло такъ, что, пока Филаретъ Никитичъ не оріентировался въ новой обстановкѣ, онъ былъ дѣйствительнымъ плѣнникомъ, но коль скоро у него явился планъ совмѣстныхъ съ Воромъ дѣйствій противъ Шуйскаго, онъ становится уже добровольнымъ сотрудникомъ самозванца.

Убѣдившись въ непригодности тушинскаго Вора для торжества надъ Шуйскимъ, Филаретъ Никитичъ вступаетъ вмѣстѣ съ другими знатными тушинцами въ переговоры съ Сигизмундомъ чрезъ комиссаровъ послѣдняго. Однако, на предложеніе королемъ своей кандидатуры на московскій престолъ Филаретъ Никитичъ съ бывшими при немъ боярами отвѣчаетъ уклончиво, не рѣшаясь дать категорическій отвѣтъ

---

[1]) Ibid., 40.
[2]) Сын. Отеч. и Сѣв. Арх., 1838, I, отд. III, 37.
[3]) Платон. Очерки, 322.
[4]) А. А. Э., II, 288; Солов., VIII, 214; Цвѣтаевъ.—Царь Вас. Шуйск., 11.
[5]) Костомар.—См. вр., II, 168.

безъ всеобщаго согласія. Окончательное рѣшеніе вопроса о кандидатурѣ короля Сигизмунда Филаретъ Никитичъ съ боярами откладываетъ до „переговора“ со всѣми людьми и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, такъ какъ,—говоритъ онъ,—„намъ такое великое дѣло поставить и утвердить безъ всеобщаго приговора трудно“ [1]).

Пока происходили эти переговоры, самозванецъ между тѣмъ оставилъ лагерь и бѣжалъ въ Калугу, опасаясь перехода войска на сторону короля. Это случилось ночью 29 декабря 1610 г. [2]) Недовольство Воромъ, назрѣвшее еще раньше среди тушинцевъ, вылилось теперь, по случаю его бѣгства, въ форму особеннаго приговора—Филарета Никитича, бояръ, дворянъ, казаковъ и др. Въ этомъ приговорѣ постановлено, между прочимъ, не передаваться ни Шуйскому, ни Вору,—не отъѣзжать ни въ Москву, ни въ другіе измѣнническіе города, и, наконецъ, рѣшено не возводить на престолъ никого изъ московскихъ бояръ [3]). Берова лѣтопись добавляетъ при этомъ, что было рѣшено также не отдаваться и королю Сигизмунду [4]).

Упомянутый приговоръ даетъ возможность намъ нѣсколько разобраться въ двойственной политикѣ Филарета. Воромъ онъ не дорожилъ особенно, и если держался около него вначалѣ, то только съ цѣлью использовать его побѣду надъ Шуйскимъ въ своихъ интересахъ. Но эта побѣда не удалась,—и Филаретъ Никитичъ, поэтому, порвалъ всякую связь съ самозванцемъ. Не хотѣлъ Филаретъ Никитичъ служить и Шуйскому, такъ какъ рѣшилъ, между прочимъ, не отъѣзжать и въ Москву. Оставался одинъ исходъ для него и др. знатныхъ тушинцевъ—избрать новаго царя. Но избирать царя изъ среды равныхъ себѣ бояръ никто изъ нихъ не хотѣлъ, такъ какъ двухкратный опытъ (Годуновъ и Шуйскій) показалъ, какъ тяжело бываетъ подчиняться своему прежнему товарищу. А Филаретъ Никитичъ къ тому же, какъ давнишній кандидатъ на престолъ, едва-ли бы согласился поступиться своими кровными правами на престолъ и признать царемъ кого-бы ни было изъ московскихъ бояръ, кромѣ своего брата или сына. Но сынъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ, былъ настолько еще юнъ тогда, что и самому Филарету должна была казаться опасной мысль о его избраніи въ такое безпокойное время. Создалось очень трудное положеніе для Филарета. Связанный монашескимъ званіемъ и разобщенный съ своей семьей и братомъ, онъ не могъ добиться сейчасъ осуществленія своихъ наслѣдственныхъ правъ и долженъ былъ ограничиться пока отрицательной мѣрой—недопущеніемъ къ верховной власти и другихъ кандидатовъ изъ московскихъ бояръ.

---

[1]) Врем. И. М. О. И, I, отд. Ш, 38—39.
[2]) Сказ. Совр. о Д. С., I, 159.
[3]) Врем. И. М. О. И., I, отд. Ш, 40.
[4]) Сказ. Совр. о Д. С., I, 161.

Отставши отъ Вора и не приставши къ Шуйскому, Филаретъ Никитичъ съ своими тушинскими единомышленниками рѣшается на такой компромиссъ—пригласить на московскій престолъ сына Сигизмунда, королевича Владислава. Эта мысль уже высказывалась и раньше московской знатью—еще во времена перваго самозванца, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Жолкѣвскій [1]) и нѣкоторыя грамоты,—[2]) а потомъ и по воцареніи Шуйскаго нѣкоторые бояре (даже родной братъ царя—Димитрій) имѣли постоянно въ виду ее [3]). Рѣшаясь на унію съ Польщей подъ властью короля Владислава, тушинцы во главѣ съ Филаретомъ правильно разсчитывали на сочувствіе своему шагу со стороны бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ. А такъ какъ въ это время, по словамъ Авр. Палицына—„не дважды кто, но и пять кратъ и десять въ Тушино и къ Москвѣ переѣзжаху“, [4]) то понятно, что рѣшеніе тушинцевъ пригласить Владислава состоялось и не безъ вѣдома московскаго боярства. Въ пользу Владислава, вѣроятно, склоняло Филарета Никитича и то соображеніе, что съ приглашеніемъ иноземнаго природнаго короля Романовы не терпятъ того униженія, которое неизбѣжно для нихъ, въ случаѣ избранія царя изъ московскихъ бояръ,—къ тому же для Романовыхъ не теряется окончательно надежда и на лучшее будущее, надежда на измѣненіе историческихъ обстоятельствъ въ свою пользу. Что такого рода мысли могли появляться у Филарета Никитича и въ смутную эпоху—объ этомъ неоднократно повторяетъ Жолкѣвскій, хорошо знавшій московскія дѣла; [5]) говорятъ объ этомъ и нѣкоторыя грамоты [6]). Правда, поляки могли и клеветать на неугодныхъ имъ русскихъ людей,—но не нужно забывать, что права Романовыхъ на престолъ были признаны московскимъ обществомъ еще со времени смерти царя Ѳедора Ивановича.

Рѣшившись пригласить Владислава, тушинцы отправляютъ съ этой цѣлью посольство къ Сигизмунду, которое прибыло въ Смоленскъ въ январѣ 1610 г., а 4 февраля уже заключило договоръ съ королемъ [7]). Король согласился исполнить просьбу тушинцевъ,—о чемъ на имя Филарета патріарха посылается отъ него грамота въ Тушино [8]). Въ этой грамотѣ онъ обѣщаетъ русскимъ свободу и неприкосновенность православной вѣры и гарантируетъ всѣ права и привилегіи для русскаго боярства. Причемъ, судя по условіямъ договора 4 февраля, эти права и привилегіи относились главнымъ образомъ къ нетитулованной части

---

[1]) Рук. Жолкѣв., 14—17.
[2]) Собр. г. гр. и д., III, 58.
[3]) Рукоп. Жолкѣв., 25.
[4]) Авр. Палиц., 42.
[5]) Рукоп. Жолкѣв., 126, 127, 146—148.
[6]) А. З. Р., IV, 475, 483.
[7]) Р. И. Б., I, 531—534.
[8]) Врем. И. М. О. И., I, отд. III, 35—37; Р. И. Б., I, 544—545.

бояръ, во главѣ которой стоялъ Филаретъ Никитичъ[1]). Для другой же партіи бояръ—княженецкой, равно какъ и для низшихъ слоевъ—этотъ договоръ былъ совершенно невыгоденъ [2]).

По полученіи благопріятнаго отвѣта отъ короля, знатные тушинцы, бывшіе въ одной партіи съ Филаретомъ, сначала пришли въ колебаніе, не зная, на что рѣшиться—итти-ли за Воромъ, или признать Владислава. Но потомъ рѣшено было иризнать Владислава. Тогда изъ Тушина всѣ отправляются къ Волоколамску, чтобы тамъ окончательно выработать программу дѣйствій [3]). Изъ словъ Симонетты видно, что Филаретъ Никитичъ не только рѣшился стать на сторону Владислава, но собрался было и самъ переѣхать въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидали поляки [4]). Но послѣдніе не дождались пріѣзда нареченнаго патріарха Филарета: 21 мая 1610 года онъ былъ отбитъ у тушинцевъ московскими войсками подъ начальствомъ Гр. Валуева и отвезенъ въ Москву [5]). Причемъ онъ, по однимъ извѣстіямъ, былъ даже раненъ при сраженіи тушинцевъ съ войсками Шуйскаго [6]).

Никоновская лѣтопись называетъ возвращеніе Филарета Никитича въ Москву освобожденіемъ изъ плѣна—„и Θиларета Никитича отполонилъ“ [7]),—также смотритъ на дѣло и Рукопись Филарета [8]),—но мы, помня его рѣшеніе не отъѣзжать въ Москву къ Шуйскому, а также намѣреніе его пробраться къ Сигизмунду, должны смотрѣть на взятіе Валуевымъ Филарета, какъ на плѣненіе послѣдняго.

При массѣ перебѣжчиковъ, поведеніе Филарета въ Тушинѣ, конечно, не составляло тайны для Шуйскаго,—тѣмъ не менѣе онъ отнесся къ Филарету Никитичу очень сдержанно. Ниоткуда не видно, чтобы Филаретъ Никитичъ подвергся со стороны царя какимъ-либо взысканіямъ. Наоборотъ, есть извѣстіе, что „онъ былъ тогда въ Москвѣ самою большою властью подъ патріархомъ, а братья его и племянники (были) бояре большіе же“ [9]). Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Филаретъ Никитичъ стоялъ во главѣ большой партіи боярскихъ фамилій (нетитулованныхъ), составлявшихъ оппозицію царю Шуйскому и вообще княжатамъ [10]). Со смертью же князя М. В. Скопина партія Филарета Никитича еще болѣе усилилась въ виду на-

---

1) А. З. Р., IV, 314–317.
2) Платон.—Очерки, 324—327.
3) Р. И. Б., I, 184.
4) Платон.—Очерки, 234.
5) Р. И. Б., I, 191, 592.
6) Ibid., 592.
7) Никон. лѣтоп., VIII, 131.
8) Рукоп. Ф-та, 27.
9) Платон.—Очерки, 336.
10) Ibid.

родной молвы, обвинившей царя въ отравленіи счастливаго племянника. Окруженный многочисленной родней и массой политическихъ друзей и сторонниковъ—Филаретъ Никитичъ былъ не только не доступенъ для какого-либо воздѣйствія со стороны царя, но и могъ угрожать въ свою очередь безопасности послѣдняго. И Филаретъ Никитичъ со своими друзьями, дѣйствительно, прилагалъ всѣ усилія для свержения Шуйскаго,—для чего онъ воспользовался и своей связью съ королемъ Сигизмундомъ. Филаретъ вмѣстѣ съ другими тушинцами, прибывшими въ Москву, началъ агитацію среди бояръ за кандидатуру Владислава,—и такъ какъ почва для этой кандидатуры подготовлялась въ Москвѣ еще со времени перваго самозванца, то агитація тушинцевъ въ концѣ концовъ оказала свое дѣйствіе [1]). Подъ вліяніемъ этой агитаціи, а также и въ силу взаимнаго соглашенія съ приверженцами самозванца—отстать одновременно отъ Шуйскаго и отъ Вора—московскіе бояре 17 іюля 1610 г. почти единодушно (вопреки лишь волѣ патріарха Гермогена) сводятъ съ престола царя Василія Шуйскаго [2]). Филаретъ Никитичъ, какъ человѣкъ, занимающій высокое оффиціальное положеніе, не участвовалъ непосредственно въ народномъ сборищѣ, свергнувшемъ царя Василія,—но несомнѣнно, что онъ былъ однимъ изъ вдохновителей свержения Шуйскаго. Платоновъ такъ характеризуетъ роль Филарета въ данномъ событіи: „Филаретъ умѣлъ вести закрытую игру и, держась въ сторонѣ отъ площадной суеты, сохранялъ видъ спокойнаго наблюдателя имъ самимъ вызванныхъ событій“ [3]).

Единодушіе, проявленное московскимъ населеніемъ въ день свержения Шуйскаго, тотчасъ же заколебалось, какъ только московскій престолъ оказался свободнымъ. Въ то время, какъ тушинская партія съ Филаретомъ во главѣ настаивала на уніи съ Польшей чрезъ призваніе на престолъ Владислава,—часть бояръ, приверженцевъ кн. В. В. Голицына, агитировала за избраніе послѣдняго. Была и третья партія, съ Гермогеномъ во главѣ, которая совѣтовала избрать Михаила Ѳедоровича Романова [4]). Кандидатура Голицына не встрѣтила общаго сочувствія, а Романовы, по словамъ Платонова, не были еще готовы къ дѣйствію въ этотъ моментъ [5]),—и потому восторжествовала партія тушинцевъ—сторонниковъ Владислава. Къ нимъ примкнули, наконецъ, и тѣ, которые сами считались кандидатами на престолъ. Послѣдніе успокаивали себя тѣмъ соображеніемъ, что при иноземномъ царѣ меньше будетъ зависти и крамолъ среди притязательныхъ бо-

---

[1]) Ibid., 335—341.
[2]) Никон. лѣт., VIII, 138—139; Авр. Палиц., 234—235; Собр. г. гр. и д., III, 24—25.
[3]) Платон.—Очерки, 342.
[4]) Рукоп. Жолкѣв., 126—127.
[5]) Платон.—Очерки, 342.

яръ, чѣмъ при выбранномъ изъ своей товарищеской среды [1]). Боярская Дума, которая временно правила тогда государствомъ, выработала условія, на которыхъ приглашался Владиславъ, получила потомъ санкцію земскаго собора и приступила къ практическому осуществленію принятой уніи [2]). Однако, по словамъ Жолкѣвскаго, бояре дѣйствовали сначала очень осторожно и нерѣшительно, нисколько не заискивая у поляковъ, такъ что Жолкѣвскому приходилось постоянно торопить ихъ снаряженіемъ посольства къ королю [3]). Но подъ вліяніемъ „калужской силы“ и опасности попасть въ руки самозванца московское временное правительство скоро откинуло свою первоначальную нерѣшительность, и весьма быстро порѣшило дѣло съ Владиславомъ въ положительномъ смыслѣ [4]).

Въ снаряженіи посольства къ королю очень дѣятельное участіе принималъ гетманъ Жолкѣвскій. Въ виду все усиливавшихся въ Москвѣ слуховъ о кандидатахъ на престолъ изъ русскихъ бояръ Жолкѣвскій очень предусмотрительно предложилъ отправить послами какъ разъ тѣхъ лицъ, которыхъ народная молва прочила въ цари. Удаленіемъ опасныхъ кандидатовъ изъ Москвы въ лагерь короля Жолкѣвскій хотѣлъ отнять почву у ихъ сторонниковъ для агитаціи противъ Владислава. А такъ какъ главными кандидатами на престолъ изъ русскихъ бояръ тогда считались кн. Голицынъ и Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, то, по настоянію Жолкѣвскаго, во главѣ посольства были поставлены Голицынъ и митрополитъ Филаретъ. Послѣдній былъ указанъ Жолкѣвскимъ въ виду несовершеннолѣтія его сына. Объ участіи гетмана въ снаряженіи посольства говоритъ самъ Жолкѣвскій [5]),—и потому извѣстіе русскихъ сказаній о томъ, что Филарета съ Голицынымъ выбрали для посольства московскіе чины по собственной иниціативѣ и совершенно свободно отъ посторонняго вліянія, страдаетъ неточностью, происходящей, вѣроятно, отъ неосвѣдомленности авторовъ этихъ сказаній [6]).

Теперь возникаетъ вопросъ, искренно-ли хлопоталъ въ это время Филаретъ о кандидатурѣ Владислава? Когда онъ былъ въ Тушинѣ, и когда на престолѣ сидѣлъ Шуйскій—его врагъ, тогда сочувствіе Филарета кандидатурѣ Владислава было еще естественно. Но какъ понять его агитацію въ пользу Владислава въ данный моментъ, когда престолъ былъ свободенъ—и Филарету, повидимому, представлялась возможность повторить попытку 1598 г.? Намъ кажется, что Филаретъ

---

[1]) Сказ. совр. о Д. С., I, 183—184. Кратк. моск. лѣт., 20.

[2]) Платон.—Очерки, 346—353.

[3]) Рукоп. Жолкѣв., 120—125, 146—148.

[4]) Рук. Ф-та, 34—35; Рукоп. Жолкѣв., 121—122; Авр. Палиц., 235—236; Сказ. М. и Г., 317—318.

[5]) Рукоп. Жолкѣв., 146—148.

[6]) Рукоп. Ф-та, 35—36; Авр. Палиц., 237—238.

уже по свеленіи Шуйскаго съ престола началъ разочаровываться въ идеѣ русско-польской уніи, и если онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе поддерживать тушинскую программу на счетъ Владислава, то только потому, что находилъ недостаточно еще сильной партію приверженцевъ романовской кандидатуры. На это намекаютъ какъ русскія, такъ и иностранныя извѣстія, которыя, хотя и не являются вполнѣ достовѣрными, однако должны быть признаны очень характерными для настроенія Филарета. Укажемъ, напр., на слова избирательной грамоты 1613 г. о томъ, что будто Филаретъ по низложеніи Шуйскаго выѣзжалъ на Лобное мѣсто и уговаривалъ народъ не довѣряться польскому королю, который де разоритъ русскую землю и православную вѣру [1]). Вспомнимъ, далѣе, боязнь Жолкѣвскаго воцаренія Михаила Ѳедоровича Романова, ускореніе имъ въ силу этого отправки пословъ къ Сигизмунду и назначеніе во главѣ посольства митрополита Филарета [2]). Наконецъ, все дальнѣйшее поведеніе Филарета Никитича, какъ посла, (его тайныя письма съ дороги и изъ Смоленска, возбуждавшія народъ противъ поляковъ [3]) и т. п.) свидѣтельствуетъ объ его охлажденіи къ кандидатурѣ Владислава. Поляки же и самую неудачу съ кандидатурой Владислава приписывали впослѣдствіи Филарету съ Голицынымъ, которые, не желая Владислава, добивались сами будто бы престола,—одинъ—для сына своего, а другой—лично для себя. Причемъ у Филарета съ Гермогеномъ еще ранѣе будто бы сдѣлано было тайное соглашеніе на счетъ кандидатуры Михаила Ѳедоровича. Потерпѣвши неудачу въ прежнемъ своемъ умыслѣ (1601) противъ Бориса, Филаретъ Никитичъ, по словамъ поляковъ,—„нынѣ на сына своего Михаила о господарствѣ замыслилъ и съ Гермогеномъ патріархомъ тайно совѣтовалъ, и, будучи въ посольствѣ, тайно и лукаво тымъ промышлялъ, какъ бы королевичу е. м. Владиславу не быти на московскомъ господарствѣ“ [4]). Въ другомъ мѣстѣ польско-литовскіе послы такъ говорятъ объ этомъ соглашеніи Филарета съ Гермогеномъ: „онъ (Филаретъ) на словѣ съ патріархомъ, ѣдучи съ Москвы, положилъ, штобы господарю королевичу на московскомъ господарствѣ не быть, а патріярхъ ему имался всѣхъ людей къ тому приводить, штобы сына его Михаила на царство посадити“ [5]). Въ подтвержденіе своихъ словъ поляки ссылаются, между прочимъ, на какого-то измѣнника Ѳед. Погожаго, который на разспросѣ въ Москвѣ собственной рукой „весь злой заводъ и совѣтъ Филарета митрополита выписалъ“ [6]).—Насколько соотвѣтствуютъ дѣйствительности эти обвиненія—судить, конечно, трудно. Но одно кажется несомнѣннымъ, что

[1]) Собр. г. гр. и д., I, 607.
[2]) Рукоп. Жолкѣв., 146—148.
[3]) А. З. Р., IV, 427, 439; Солов., VIII, 309—310.
[4]) А. З. Р., IV, 475.
[5]) Ibid., 483.
[6]) Ibid.,

Филаретъ Никитичъ ко времени посольства къ Сигизмунду успѣлъ перемѣнить свой взглядъ на кандидатуру Владислава,—причемъ на эту перемѣну въ Филаретѣ безусловно повліяли и раздавшіеся въ народѣ голоса въ пользу кандидатуры Михаила Ѳедоровича—голоса, пробудившіе въ Филаретѣ прежнія честолюбивыя стремленія. Филаретъ Никитичъ тѣмъ не менѣе подчинился большинству временнаго правительства, состоявшаго въ значительной своей части изъ тушинцевъ, и отправился въ Смоленскъ къ королю,—но въ душѣ онъ не былъ теперь расположенъ къ польскому королевичу. Безчинства поляковъ и коварство короля Сигизмунда, хотѣвшаго престола для себя, а не для сына [1]), усилили не расположеніе Филарета къ полякамъ и Владиславу, и онъ мало-помалу изъ простого недоброжелателя превращается въ горячаго и непримиримаго врага ихъ, агитирующаго при всякомъ удобномъ случаѣ противъ поляковъ—вообще, и противъ Владислава въ частности.

Отъѣздъ Филарета съ товарищами къ Сигизмунду состоялся 11-го сентября 1611 г. Посламъ по обычаю былъ данъ наказъ, какъ править посольство, что говорить королю и т. д. [2]). 7 октября послы были уже подъ Смоленскомъ, и, по словамъ Жолкѣвскаго, были приняты поляками очень любезно—ихъ встрѣчало будто бы все польское войско, и провіантомъ снабдили ихъ вдоволь [3]). Послѣднія слова Жолкѣвскаго, однако, расходятся съ дѣйствительностью: московскіе послы съ самаго же пріѣзда къ королю начали нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ и др. необходимыхъ предметахъ.

V.

Подробное изложеніе тѣхъ совѣщаній, которыя имѣли Филаретъ и др. русскіе послы съ польско-литовскими вельможами на счетъ Владислава и связанныхъ съ нимъ вопросовъ, дано Голиковымъ въ его трудѣ „Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, т. II.“ Этотъ авторъ въ своемъ изложеніи основывался на потерянномъ уже документѣ „Статейный списокъ посольства Филарета Никитича въ Польшу“,—поэтому книга Голикова, заключающая въ себѣ выдержки изъ этого документа, получила значеніе первоисточника. Ранѣе историки еще надѣялись отыскать подлинникъ „Статейнаго списка“,—но теперь эта надежда

---

[1]) Рукоп. Жолкѣв., 133, 161—163, 178.
[2]) Собр. г. гр. и д., 406—438.
[3]) Рукоп. Жолкѣв., 149.

почти потеряна совсѣмъ, такъ какъ тамъ, гдѣ болѣе всего надѣялись его найти, на самомъ дѣлѣ его не оказалось. Профессоръ Цвѣтаевъ, которому принадлежитъ послѣдняя неудачная попытка отыскать этотъ исчезнувшій манускриптъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе о немъ въ своей книгѣ „Царь В. Шуйскій“: „Статейный списокъ посольства Филарета Никитича въ Польшу, извлеченіе изъ котораго дано Голиковымъ, имѣлся въ библіотекѣ гр. Шереметевыхъ, и въ исторической литературѣ было высказано предположеніе о возможности найти его тамъ. Мы обратились письмомъ къ гр. С. Д. Шереметеву. „Въ библіотекѣ моей—отвѣтилъ гр. С. Д. намъ—Статейнаго списка посольства патріарха Филарета не находится. Важнѣйшій этотъ документъ, на который ссылается Голиковъ и который былъ ему извѣстенъ, до сихъ поръ нигдѣ не найденъ. Въ нашемъ домѣ послѣ 1812 г. много важнѣйшихъ документовъ исчезло, въ томъ числѣ переписка Филарета Никитича съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, слѣдъ о существованіи которой сохранился въ моемъ архивѣ“. (Письмо отъ 27-го ноября 1904 г.) [1]).

Изъ выдержекъ Голикова видно, что Филаретъ Никитичъ во время своего пребыванія въ лагерѣ Сигизмунда обнаружилъ замѣчательную твердость духа и вѣрность наказу, данному ему въ Москвѣ. Ни увѣщанія, ни угрозы, ни оскорбленія, ни даже притѣсненія со стороны поляковъ не могли поколебать мужества и патріотическаго чувства Филарета. Онъ не хочетъ уступать полякамъ ни въ вопросѣ о сдачѣ Смоленска, [2]) ни въ вопросѣ о крещеніи Владислава въ православную вѣру, [3]) ни въ вопросѣ о подчиненіи боярскимъ грамотамъ, присылавшимся изъ Москвы безъ подписи патріарха, [4]) ни, наконецъ, въ вопросѣ о содѣйствіи королю въ дезорганизаціи общеземскаго ополченія, шедшаго спасать Москву отъ поляковъ [5]).

Особенно горячи были споры у пословъ съ поляками о Смоленскѣ. Отлично сознавая всю важность стратегическаго положенія г. Смоленска для русскаго государства, московскіе послы прилагаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы удержать этотъ городъ за Москвой. Они съ замѣчательнымъ искусствомъ отражаютъ всѣ попытки Сигизмунда склонить ихъ къ сдачѣ Смоленска.

Горячо также возражали послы и на требованіе поляковъ присягать на имя самого короля Сигизмунда. Филаретъ Никитичъ и кн. Голицынъ прекрасно понимали, какой опасностью для православной вѣры и отечества грозитъ исполненіе русскими этого требованія,—и

---

[1]) Проф. Цвѣтаевъ.—Царь Вас. Шуйскій, 35 (прим.).
[2]) Голиковъ, 122—123, 176—179, 194—195, 233—235.
[3]) Ibid., 78—83.
[4]) Ibid., 152—156, 162, 165, 168—170, 172—173, 186—188, 191.
[5]) Ibid., 234—235.

потому ни за что не хотѣли уступить въ этомъ вопросѣ. Сколько ни старались радные паны уговорить великихъ пословъ, послѣдніе на всѣ уловки поляковъ давали мужественный и рѣшительный отпоръ. Требованіе это—говорили послы—новое, въ наказѣ о немъ ничего не сказано, а потому безъ разрѣшенія совѣта всей русской земли они не имѣютъ права и разсуждать на эту тему.

Не имѣя надежды сломить упорство главныхъ пословъ, митрополита Филарета и кн. Голицына, польскій король сталъ привлекать на свою сторону другихъ—менѣе знатныхъ, но болѣе податливыхъ—членовъ московскаго посольства,—для чего прибѣгалъ къ разнаго рода подаркамъ и самымъ щедрымъ обѣщаніямъ. И многіе русскіе люди соблазнились послѣдними, и присягнули самому Сигизмунду.

Послѣ того, какъ второстепенные члены великаго посольства стали поступать на службу къ польскому королю, положеніе Филарета съ Голицынымъ стало еще тяжелѣе. Они стали терпѣть еще большія притѣсненія и униженія. За свою твердость имъ приходилось выслушивать теперь оскорбленія не только отъ поляковъ, но и отъ своихъ же русскихъ, отдавшихся королю, какъ напр., отъ Ивана Салтыкова [1]) или Зах. Ляпунова [2]). Но великіе послы продолжали мужественно защищать русскіе интересы. На всякое поруганіе поляками правъ русскаго народа Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ рѣзкой обличительной рѣчью. Онъ протестуетъ, напр., противъ отвоза гетманомъ Жолкѣвскимъ сверженнаго царя Василія въ Польшу и противъ разстриженія его, ссылаясь на соотвѣтствующую статью договора, заключеннаго между Москвой и Польшей [3]). Узнавши о сожженіи Москвы и побитіи поляками московскихъ людей, Филаретъ разражается горячей рѣчью противъ короля и поляковъ, даже „съ пролитіемъ горестныхъ слезъ“ [4]) и т. д. Получивши хорошее по тому времени образованіе, Филаретъ Никитичъ не уступалъ полякамъ и въ знаніи истинъ христіанскаго вѣроученія. Благодаря своимъ дипломатическимъ способностямъ, онъ умѣлъ съ достоинствомъ отвѣтить на каждый хитро-поставленный вопросъ польскихъ пановъ. Трудно перечислить всѣ заслуги Филарета, какъ посла къ Сигизмунду. Въ то время, какъ другіе участники посольства не выдерживали тѣхъ лишеній, какія приходилось имъ испытывать, и отдавались на волю короля, [5]) Филаретъ Никитичъ съ немногими товарищами остался непреклоннымъ до конца, несмотря на отсутствіе средствъ, обнищаніе, голоданіе [6]) и т. д. Онъ остался вѣренъ тѣмъ обѣщаніямъ, ко-

---

[1]) Ibid., 190—191.
[2]) Ibid., 146.
[3]) Ibid., 117—118.
[4]) Ibid., 229—230.
[5]) Ibid., 135, 142—143, 331.
[6]) Ibid., 193.

торыя далъ предъ отъѣздомъ своимъ патріарху Гермогену—твердо стоять за интересы родины.

Самоотверженная и высокопатріотическая дѣятельность Филарета во время посольства его къ Сигизмунду подтверждается и другими документами,—каковы, напр., грамота самихъ пословъ въ Москву отъ ноября 1610 г., [1]) грамота подмосковнаго ополченія въ Казань отъ апрѣля 1611 г., [2]) рукопись Жолкѣвскаго, [3]) грамоты бояръ московскихъ, сторонниковъ Сигизмунда, къ Филарету и посламъ, [4]) „Дневникъ событій, относящ. къ смут. врем.," [5]) Рукопись Филарета [6]) и т. п. Никоновская же лѣтопись, говоря о заслугахъ Филарета подъ Смоленскомъ, о его твердости и непріязни къ нему короля, отмѣчаетъ особенное притѣсненіе, которому будто бы подвергали Филарета за его „крѣпкостоятельство": „митрополиту-же стало наипаче утѣсненіе, онъ же отнюдь имъ не потакаше и глаголаше имъ во всемъ встрѣшно" [7]).

Сигизмундъ былъ весьма недоволенъ неуступчивостью Филарета и его товарищей; особенно его раздражало сопротивленіе пословъ въ вопросѣ о сдачѣ Смоленска, ради котораго король убилъ столько средствъ и труда. Но возмущеніе Сигизмунда достигло крайнихъ размѣровъ, когда онъ убѣдился, что Филаретъ и Голицынъ являются и виновниками возстанія русскихъ противъ поляковъ, благодаря массѣ тайныхъ писемъ, которыя разсылались послами въ разные русскіе города изъ подъ Смоленска [8]). Нужно сказать, что Филаретъ и кн. Голицынъ, дѣйствительно, вели горячую агитацію среди русскихъ противъ поляковъ и Владислава. Мы уже говорили, что Филаретъ Никитичъ еще до посольства разочаровался въ уніи Москвы съ Польшей. Познакомившись же ближе съ замыслами поляковъ и ихъ короля, Филаретъ окончательно отшатнулся отъ кандидатуры Владислава. Видя безцеремонное отношеніе короля къ правамъ русскихъ людей, видя постоянное нарушеніе имъ своихъ обѣщаній, Филаретъ Никитичъ рѣшилъ, что для спасенія Россіи ничего другого не остается, какъ отказаться отъ Владислава и изгнать поляковъ общими силами изъ предѣловъ московскаго государства. Въ этомъ отношеніи митрополитъ Филаретъ былъ вполнѣ солидаренъ съ патріархомъ Гермогеномъ,—и какъ этотъ послѣдній разсылалъ всюду письменныя увѣщанія стать на защиту родины и очистить ее отъ

---

[1]) Собр. г. гр. и д., II, 468—478.
[2]) Ibid., 535.
[3]) Рукоп. Жолкѣвск., 203.
[4]) А. И., II, 379—383; Никон. лѣт., VIII, 152—154.
[5]) Р. И. Б., I, 211.
[6]) Рукоп. Филарета, 38.
[7]) Никон. лѣт., VIII, 146, 148—149.
[8]) Рукоп. Жолкѣвск., 203—204.

поляковъ, такъ и Филаретъ въ сообществѣ съ кн. Голицынымъ писалъ тайныя письма въ Смоленскъ, Ярославль и др. русскіе города, призывая въ нихъ русскихъ людей отречься отъ Владислава, въ виду нечестности короля, и итти войной противъ поляковъ. Жолкѣвскій говоритъ, что московскіе послы (Голицынъ), еще ѣдучи въ Смоленскъ, имѣли намѣреніе снестись съ самозванцемъ [1]). Что же касается тайныхъ писемъ Филарета и кн. Голицына изъ подъ Смоленска, то о нихъ мы находимъ массу указаній въ разныхъ грамотахъ того времени. Вотъ что говорили, напр., объ этомъ польско-литовскіе послы русскимъ въ 1615 г: „Филаретъ съ подъ Смоленска смутные грамоты въ Ярославль и въ иные городы писалъ, будто король королевича на московское господарство дати не хочетъ, и они-жъ бы отъ Москвы на время отложилися и стали за одно противъ насъ людей королевскихъ... И въ тѣ поры и подъ Смоленскомъ изымано съ грамотами и съ рѣчью воровскою лазутчиковъ по колько разъ, какъ Филаретъ и Голичынъ зсылалися съ Шеинымъ и на все зло къ большому кровопролитію приводили, и за многимъ напоминаньемъ короля е. м. и пановъ радъ отъ такого злого заводу не отстали“ [2]). Тоже самое указывали русскимъ поляки и ранѣе—въ 1611 г., [3]) и въ другое время [4]). Въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“ есть также нѣсколько грамотъ съ упоминаніемъ о „ссылкахъ“ Филарета и Голицына „съ Смольняны“ „съ Прокоѳьемъ Ляпуновымъ и съ-ными со многими воры“, якобы вопреки наказу [5]). Да и сами послы—Филаретъ и Голицынъ—по Жолкѣвскому, наполовину признались въ этой перепискѣ съ врагами польскаго короля, когда Голицынъ, уличенный въ этомъ поляками, сказалъ будто бы, что Гермогену они, дѣйствительно, писали, но писали лишь о томъ, что Сигизмундъ не даетъ Владислава, а хочетъ быть самъ царемъ московскимъ [6]).

Агитацію Филарета противъ поляковъ и въ частности противъ кандидатуры Владислава поляки объясняли впослѣдствіи исключительно тѣмъ, что онъ стремился посадить на престолъ своего собственнаго сына. Напр., въ окружной грамотѣ Владислава (15 декабря 1616 г.) о Филаретѣ Никитичѣ сказано, что онъ нарушалъ наказъ, будучи посломъ, по той причинѣ, что „прочилъ и замышлялъ на московское государство сына своего Михаила“ [7]). Но мы уже отмѣчали, что, и помимо партійныхъ интересовъ, у Филарета, какъ патріота, было много причинъ для недовольства поляками и королемъ.

---

[1]) Ibid., 186.
[2]) А. З. Р., IV, 483.
[3]) Ibid., 427.
[4]) Ibid., 439.
[5]) Собр. г. гр. и д., II, 550—551, 571, 573—576; Собр. г. гр. и д., III, 61—62.
[6]) Рукоп. Жолкѣв., 196—197.
[7]) А. И., III, 67.

Не добившись никакихъ уступокъ себѣ отъ пословъ московскихъ и опасаясь въ тоже время ихъ агитаціи среди русскихъ противъ себя, король Сигизмундъ распорядился, наконецъ, арестовать Филарета, Голицына и ихъ сотоварищей и отправить по разнымъ городамъ Польши въ заточеніе. Это рѣшеніе состоялось 12 апрѣля, а 13-го послы уже выѣхали „подъ крѣпчайшей стражей“ изъ подъ Смоленска—сначала въ Минскъ, потомъ въ Вильну, и, наконецъ, въ Каменку подъ Львовъ. Ихъ сопровождали два пристава—Скуминъ, староста Брацлавскій, и Мясковскій. Послѣдній, между прочимъ, остался и жить на нѣкоторое время при послахъ въ Каменкѣ [1]). Дорогой послы, не исключая и Филарета, терпѣли всевозможныя неудобства и притѣсненія. Пристава весьма жестоко относились къ арестованнымъ—перебили даже всю прислугу, какая была у пословъ,—а имущество пословъ или разграбили, или выбросили вонъ изъ судна, на которомъ плыли послы [2]). Арестъ Филарета съ послами и заточеніе ихъ были произведены королемъ вопреки всякимъ международнымъ обычаямъ. Впослѣдствіи московскіе дипломаты постоянно упрекали поляковъ въ этомъ нарушеніи международнаго права: „николи ни въ которыхъ государствахъ такъ надъ послы не ведется“—говорили они полякамъ, [3])—„не токмо во крестьянскихъ, ни въ мусульманскихъ“ [4])...

Въ Каменкѣ Филаретъ Никитичъ съ своими товарищами—послами пробылъ болѣе полугода, а затѣмъ въ январѣ 1612 г., по повелѣнію короля, былъ привезенъ на нѣкоторое время въ Варшаву. Изъ Варшавы послы были разосланы по разнымъ городамъ [5]). Филаретъ Никитичъ былъ посланъ жить въ Мальборскую крѣпость,—какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Иванъ Ѳоминъ въ своемъ отчетѣ о путешествіи къ цезарю (1617 г.) со словъ нѣкоего „нѣмчина“ Симона Пегементьева, [6])—и что подтверждаетъ проф. Цвѣтаевъ [7]).

Нѣкоторые польскіе историки, по словамъ проф. Цвѣтаева, полагаютъ, что Филаретъ Никитичъ и кн. Голицынъ поставлялись на октябрьскомъ сеймѣ 1611 г. вмѣстѣ съ Шуйскими и Шеинымъ. Но это сообщеніе, несмотря на свою распространенность въ послѣднее время, по мнѣнію упомянутаго профессора, не можетъ быть признано достовѣрнымъ. Прежде всего, этому препятствуетъ самое положеніе и званіе Филарета и Голицына, какъ пословъ великаго московскаго

---

[1]) Рукоп. Жолкѣв., 203—204.

[2]) Голик., 235—236.

[3]) Собр. г. гр. и д., III, 26.

[4]) Ibid., 30, 108, 116.

[5]) Рукоп. Жолкѣв., 204.

[6]) Пам. дипл. сн., II, 1209.—Иванъ Ѳоминъ нѣсколько искажаетъ названіе крѣпости, именуя её: Марборхъ.

[7]) Проф. Цвѣтаевъ—Царь В. Шуйск., 103—104.

посольства. Нѣкоторые польскіе юристы оспаривали тогда даже законность самаго плѣна ихъ. Трудно, поэтому, предположить, чтобы члены сейма настолько унизились и позволили себѣ присутствовать при сценѣ испрашиванія послами себѣ прощенія и милости на колѣняхъ. Далѣе проф. Цвѣтаевъ говоритъ, что и въ документахъ сейма нѣтъ о московскихъ послахъ ни одного намека, наоборотъ—Крыскій въ своей рѣчи Жолкѣвскому называетъ только Шуйскихъ и смоленскихъ воеводъ, бывшихъ, дѣйствительно, на сеймѣ. Наконецъ, и хронологическія соображенія говорятъ противъ достовѣрности сообщенія о присутствованіи московскихъ пословъ на сеймѣ. По Жолкѣвскому—(какъ мы уже видѣли)—Филаретъ и др. послы были отправлены въ Каменку, гдѣ они пробыли болѣе полугода, пока, наконецъ, „зимою послѣ новаго года“ не были привезены въ Варшаву. Изъ этихъ словъ Жолкѣвскаго выясняется, что въ октябрѣ 1611 г. Филаретъ и кн. Голицынъ были еще въ Каменкѣ, и, слѣдовательно, на сеймѣ присутствовать никакъ не могли. Въ Варшавѣ же они были лишь въ январѣ 1612 г.,—что подтверждаютъ и приходорасходныя книги, по которымъ содержаніе посламъ во время пребыванія ихъ въ Варшавѣ выдавалось съ 15 по 25 января. Въ виду всего этого проф. Цвѣтаевъ высказалъ предположеніе, что на сеймѣ былъ поставляемъ, на самомъ дѣлѣ, не Филаретъ Никитичъ, а смоленскій архіеп. Сергій, взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими знаменитыми защитниками Смоленска. Народная же молва впослѣдствіи замѣнила менѣе громкое имя архіеп. Сергія болѣе громкимъ и знаменитымъ—митрополита Филарета, тѣмъ болѣе, что и послѣдній появлялся на нѣкоторое время въ Варшавѣ, хотя и значительно позднѣе перваго [1]).

Въ то время, какъ Филаретъ находился въ плѣну въ Мальборской крѣпости, въ Москвѣ между тѣмъ произошли одно за другимъ важнѣйшія событія. Вслѣдъ за ляпуновскимъ ополченіемъ, не достигшимъ, какъ извѣстно, желательныхъ результатовъ, поднялось новое общеземское ополченіе, съ Мининымъ и кн. Пожарскимъ во главѣ. Происходитъ тяжелая, кровопролитная борьба съ поляками, захватившими Москву. Наконецъ, Москва освобождается отъ враговъ,—и созывается Земскій Соборъ для избранія новаго царя.—Лишенный возможности, въ виду своего плѣна, принимать непосредственное участіе въ московскихъ событіяхъ, Филаретъ Никитичъ, какъ можно догадываться, получаетъ тѣмъ не менѣе нѣкоторыя свѣдѣнія о московскихъ событіяхъ отъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, съ которыми онъ ведетъ переписку и въ плѣну. Особенно Филаретъ былъ заинтересованъ, конечно, въ вопросѣ о кандидатѣ на престолъ. Съ освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ открывалась избирательная борьба по случаю выбора новаго царя. Романовы, издавна считавшіеся до-

---

[1]) Проф. Цвѣтаевъ. Царь В. Шуйскій, 59—60, прим. 2.

стойнѣйшими кандидатами на престолъ и уже пытавшіеся однажды осуществить свои права на него, естественно должны были и теперь выставить свою кандидатуру на московскую корону. Еще послѣ убійства Лжедимитрія, какъ было отмѣчено нами, раздавались отдѣльные голоса въ пользу кандидатуры Романовыхъ, а послѣ сверженія Шуйскаго Михаилъ Ѳедоровичъ уже прямо назывался самымъ серьезнымъ кандидатомъ на престолъ, причемъ тогда же образовалась и опредѣленная группа приверженцевъ его. Но во времена смуты Романовы были не организованы; они еще не оправились послѣ пережитыхъ гоненій и бѣдствій. Къ тому же члены романовскаго круга были разбросаны по разнымъ мѣстамъ: Филаретъ Никитичъ въ Тушинѣ, а потомъ—у короля и въ Польшѣ, Иванъ Никитичъ въ Москвѣ, родственные имъ бояре (кн. Черкасскіе, Сицкіе и Репнины, Шереметевъ и др.) разбрелись по разнымъ партіямъ. Да и матеріальными средствами тогда Романовы не располагали большими, какъ можно судить объ этомъ по тому подарку, съ какимъ явился Филаретъ къ королю. Филаретъ Никитичъ поднесъ ему лишь сорокъ соболей, тогда какъ даже думный дьякъ Луговской подарилъ королю „сорокъ соболей, лисицу черную, рысь и два зуба рыбьихъ“, а кн. Голицынъ поднесъ, кромѣ иныхъ подарковъ, цѣлыхъ „два сорока соболей“ [1]).

Къ концу же смутнаго времени, въ виду предстоявшей избирательной кампаніи, члены прежняго романовскаго круга снова объединяются въ тѣсный политическій союзъ. За отсутствіемъ Филарета Никитича, главы романовской фамиліи, и за малолѣтствомъ его сына—Михаила (Иванъ Никитичъ былъ человѣкъ больной) временное руководительство партіей Романовыхъ беретъ на себя бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ, ближайшій родственникъ Филарета.

Существуютъ извѣстія, что Филаретъ Никитичъ весьма внимательно слѣдилъ изъ своего заточенія за дѣйствіями романовской партіи, сносился съ ней чрезъ Шереметева и давалъ весьма полезные совѣты на счетъ того, какъ легче всего достигнуть успѣха въ предстоявшей избирательной борьбѣ. Къ сожалѣнію, переписка Филарета съ Шереметевымъ не дошла до насъ [2]), и мы можемъ судить о ней лишь по немногимъ упоминаніямъ Страленберга. По словамъ послѣдняго, Филаретъ Никитичъ въ своихъ письмахъ совѣтовалъ, между прочимъ, Шереметеву внести на соборъ предложеніе объ ограниченіи новаго царя съ цѣлью расположить въ свою пользу самолюбивихъ и властолюбивыхъ бояръ [3]). Испытавши на себѣ произволъ неограниченной власти при Грозномъ и Годуновѣ, бояре тогда были

---

[1]) Голик., II, 51.
[2]) Проф. Цвѣтаевъ.—Царь Вас. Шуйскій, 35 (прим.).
[3]) Иловайскій.—См. вр., 247—248.

весьма склонны ограничить царское самодержавіе новоизбраннаго царя, по примѣру польско-литовскаго королевства. Зная это стремленіе бояръ и самъ искренно сочувствуя ему [1]), Филаретъ будто бы и совѣтуетъ Шереметеву пойти навстрѣчу такому стремленію московской знати для обезпеченія большаго успѣха романовскому кружку. По словамъ Страленберга, Шереметевъ прочелъ на соборѣ и самое письмо Филарета Никитича, чтобы разсѣять подозрѣнія бояръ на счетъ искренности митрополита Филарета [2]).

Руководимый Филаретомъ, Шереметевъ будто бы склонялъ бояръ къ избранію Михаила Ѳедоровича и тѣмъ, что подчеркивалъ предъ ними молодость и неопытность послѣдняго. Согласно иностранному извѣстію, Шереметевъ писалъ кн. В. В. Голицыну въ Польшу: „выберемъ Мишу Романова; онъ еще молодъ и разумомъ не дошелъ, и намъ будетъ повадно“ [3]). Кн. Голицынъ самъ былъ кандидатомъ на престолъ,—и необходимость для Шереметева того или иного соглашенія съ нимъ по поводу кандидатуры Михаила Ѳедоровича дѣлаетъ это извѣстіе, повидимому, весьма правдоподобнымъ. Но принимая во вниманіе, что оно опирается на невѣдомые намъ документы, мы должны отнестись къ нему, однако, не иначе, какъ съ нѣкоторой осторожностью. Конечно, извѣстной доли вліянія Шереметева на ходъ избирательной кампаніи отрицать нельзя, но не нужно забывать при этомъ, что большинство знатныхъ бояръ, среди которыхъ вращался этотъ вліятельный родственникъ Романовыхъ, не присутствовало на первыхъ засѣданіяхъ Земскаго Собора, а потому и агитація Шереметева не могла имѣть того рѣшительнаго вліянія на избраніе новаго царя, какое склонны признать за нимъ нѣкоторые авторы.

Наряду съ Михаиломъ Романовымъ отдѣльными группами и даже лицами выставлялись кандидатуры кн. Голицына, кн. Мстиславскаго, кн. Воротынскаго, кн. Трубецкого, кн. Пожарскаго и иностранныхъ принцевъ—польскаго Владислава и шведскаго Карла—Филиппа. Всѣ онѣ имѣли большее или меньшее количество приверженцевъ, которые старались агитировать въ пользу своихъ кандидатовъ. Были пущены въ ходъ и неблаговидные пріемы, какъ, напр., подкупы, подарки, всевозможныя обѣщанія и т. п. Кн. Пожарскій, напр., говорятъ, потратилъ значительную часть своего состоянія на подкупы и происки, хотя и безуспѣшно [4]). Борьба между отдѣльными партіями была весьма ожесточенная,—по никоновской лѣто-

---

[1]) Ключевскій.—Бояр. Дума, 369.
[2]) Иловайскій.—См. вр., 248.
[3]) Ibid., 249.
[4]) Ключевскій.—Курсъ Рус. Ист., III, 75—76.

писи—„многое было волненіе всякимъ людемъ, койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо иро коево говоряше, не помянуша бо писанія“ [1])... Побѣдителемъ въ концѣ концовъ оказался кандидатъ романовской партіи—шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, даже не бывшій въ это время и въ Москвѣ.

Уже было замѣчено, что романовская партія къ моменту избранія Михаила Ѳедоровича на царство была одной изъ самыхъ многочисленныхъ и вліятельныхъ,—указывалось и на агитацію, которую вели въ пользу Михаила его ближайшіе родственники и друзья, но всего этого, конечно, недостаточно для выясненія вопроса, почему былъ выбранъ именно Романовъ—и при томъ несовершеннолѣтній молодой человѣкъ.

Однимъ изъ самыхъ сильныхъ мотивовъ въ пользу избранія Романова, кромѣ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, было безусловно то, что Романовы находились въ родствѣ съ умершими царями—Грознымъ и Ѳедоромъ Ивановичемъ. О наслѣдственныхъ правахъ ихъ на престолъ говорилось очень много и ранѣе—еще въ царствованіе Годунова и даже до воцаренія его [2]). Но въ смутное время объ этихъ правахъ мало вспоминали подъ вліяніемъ развернувшихся событій,—смѣнявшихъ одного царя за другимъ. И вотъ русскій народъ, наученный горькимъ опытомъ минувшей смуты, желаетъ утвердить теперь царемъ только такого человѣка, который непремѣнно приходился-бы родственникомъ послѣднему царю изъ старой московской династіи. Выборный царь, по словамъ Ключевскаго, для тогдашняго, политически неразвитого русскаго человѣка былъ „такой же несообразностью, какъ выборный отецъ, выборная мать“ [3]). Ему казалось, что „настоящимъ законнымъ царемъ можетъ быть только прирожденный наслѣдственный государь изъ потомства Калиты и выборнаго царя старались пристроить къ этому племени всякими способами, юридическимъ вымысломъ, генеалогической натяжкой, реторическимъ преувеличеніемъ“ [4]). Поэтому, при избраніи Михаила Ѳедоровича, на его родство съ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ современники взглянули, какъ на самый убѣдительный аргументъ въ пользу его кандидатуры. Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ того времени, говорящихъ объ избраніи новаго царя, мы находимъ на первомъ мѣстѣ указаніе именно на родство Михаила Ѳедоровича съ угасшей династіей [5]). И самое избраніе его представлялось русскимъ людямъ дѣломъ не человѣче-

---

[1]) Никон. лѣт., VIII, 201—202.

[2]) Сказ. М. и Г., 36–37.

[3]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 65.

[4]) Ibid., 64.

[5]) Собр. г. гр. и д., I, 612, 613, 614, 632; Собр. г. гр. и д., III, 2, 3; Рукоп. Ф-та, 67; Никон. лѣт., VIII, 201; Авр. Палиц., 290—293; Доп. къ акт. ист., II, 198 и др.

скимъ, а Божіимъ—„не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ, по избранью,—Богъ учинилъ его государя царемъ...“ [1]).

Были и другія условія, благопріятствовавшія выбору именно Романова. Фамилія Романовыхъ всегда, какъ мы видѣли, пользовалась широкой популярностью среди разныхъ слоевъ населенія. Память добродѣтельной царицы Анастасіи Романовой и ея брата, добродушнаго боярина Никиты Романовича, весьма подкупала сердца выборщиковъ въ пользу этой фамиліи. Но особенно сильно возбудили въ народѣ симпатіи къ боярамъ Романовымъ тѣ бѣдствія, которымъ подверглись они въ царствованіе Годунова. Въ глазахъ народа эта фамилія была окружена ореоломъ мученичества, которое, въ лицѣ заточеннаго въ Польшѣ Филарета, продолжалось и въ моментъ избранія новаго царя. Все это сыграло, несомнѣнно, весьма важную роль въ избраніи Михаила.

Самое поведеніе Романовыхъ въ эпоху смутнаго времени—неустойчивое и оппортунистское—много способствовало успѣху Михаила въ 1613 г. „Вражда съ царемъ Васильемъ и связи съ Тушиномъ доставили Романовымъ покровительство и второго Лжедимитрія, и популярность въ казацкихъ таборахъ“—кратко замѣчаетъ Ключевскій [2]). Тоже подтверждаетъ и Платоновъ въ своей статьѣ „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“. По его словамъ—избраніе Михаила произошло подъ сильнымъ вліяніемъ казачьей массы, считавшей Филарета своимъ патріархомъ [3]). Нужно сказать, что фамилію Романовыхъ сдѣлалъ популярной среди казачества еще отецъ Филарета Никитича, бояринъ Никита Романовичъ, состоявшій одно время начальникомъ всей пограничной службы на югѣ и снискавшій тамъ своей добротой всеобщую любовь и довѣріе.

Михаилъ Ѳедоровичъ и по своимъ природнымъ качествамъ казался (въ особенности для бояръ) подходящимъ кандидатомъ на престолъ. Эти качества, по словамъ Ключевскаго, „обѣщали показать, что племянникъ будетъ второй дядя..., выйдетъ добрымъ, кроткимъ царемъ, при которомъ не повторятся испытанія, пережитыя боярствомъ въ царствованіе Грознаго и Бориса. Хотѣли выбрать не способнѣйшаго, а удобнѣйшаго“ [4]).

Затѣмъ, даже отсутствіе Михаила во время выборовъ, а также и то, что онъ не былъ замѣшанъ въ событіяхъ смутнаго времени, оказали большую услугу ему во время избранія, такъ какъ онъ сохранилъ свою честь не скомпрометтированной ничѣмъ и не успѣлъ, поэтому, нажить себѣ партійныхъ враговъ, а на такомъ нейтральномъ канди-

---

[1]) Собр. г. гр. и д., Ш, 22.—О томъ же: Авр. Палиц., 293; Ник. лѣт., VIII, 201 и др.
[2]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 79.
[3]) Платоновъ.—Ж. М. Н. Пр., 1906, XII, 307—310, 351.
[4]) Ключевскій.—К. Р. И., Ш, 80.

датѣ гораздо легче было сговориться людямъ противоположныхъ партій.

Наконецъ, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ вопроса о землевладѣніи бояръ Романовыхъ, въ послѣднее время большое значеніе въ дѣлѣ избранія Михаила Ѳедоровича признается и за вотчинными связями его семьи. Романовы, какъ было отмѣчено, обладали громадными земельными владѣніями во всѣхъ областяхъ московскаго государства. Какъ крупные и знатные землевладѣльцы, они естественно располагали и большимъ кругомъ дружественныхъ и преданныхъ имъ сосѣдей—помѣщиковъ,—что не могло не оказать, конечно, извѣстнаго вліянія на избраніе новаго царя. Имѣя это въ виду, проф. Цвѣтаевъ обращаетъ особенное вниманіе на ту версію преданія, по которой первый голосъ за Михаила Ѳедоровича на соборѣ былъ поданъ какимъ-то дворяниномъ изъ Галича,—а извѣстно что въ галицко—костромскихъ краяхъ у Романовыхъ было очень много вотчинъ [1]).

Воцареніе Михаила Ѳедоровича Романова, однако, не вдругъ облегчило участь заточеннаго въ плѣну отца его: Филаретъ Никитичъ еще долго томился въ Польшѣ и послѣ торжества своего сына,—и только въ 1619 г. ему удалось, наконецъ, возвратиться въ Москву. Правда, московское правительство тотчасъ же по избраніи Михаила на царство принимаетъ различныя мѣры для возвращенія изъ плѣна какъ Филарета Никитича, такъ и другихъ пословъ [2]), а царь Михаилъ Ѳедоровичъ обращается съ этой цѣлью даже къ посредству императора Матѳея [3]). Но всѣ эти хлопоты не приводили къ желанному результату въ началѣ царствованія Михаила, такъ какъ національная вражда между поляками и русскими, раздутая въ смутные годы и долго не остывавшая потомъ, и масса другихъ недоразумѣній между ними мѣшали скоро сговориться на счетъ перемирія и обмѣна плѣнными [4]). Царь Михаилъ весьма сѣтовалъ на эту невозможность скораго возвращенія изъ плѣна своего отца, часто тосковалъ по немъ, старался разными посылками ему облегчить тяжесть его заточенія [5]), молился о скорѣйшемъ свиданіи съ нимъ и другихъ просилъ молиться о томъ же [6]).

Жизнь Филарета въ польскомъ плѣну русскими документами рисуется обыкновенно самыми мрачными красками. „Повсегда бо укоряемъ, яко навѣтникъ, и отъ мѣста къ мѣсту превозимъ, и безчествуемъ и поношаемъ... яко узникъ...“ и т. д.—говорится, напр. въ од-

---

[1]) Проф. Цвѣтаевъ. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство, стр. 65—66.

[2]) Собр. г. гр. и д., III, 22—31.

[3]) Пам. дипл. сн., II, 931, 1033.

[4]) А. З. Р., IV, 436—498.

[5]) Собр. г. гр. и д., III, 120—122, 123, 124; Ник. лѣт., VIII, 210, 211.

[6]) Собр. г. гр. и д., III, 154.

номъ памятникѣ [1]). Никоновская же лѣтопись приписываетъ Филарету особенныя бѣдствія и притѣсненія отъ поляковъ въ плѣну: „митрополиту жъ наипаче утѣсненіе веліе бысть, и гладомъ мориша ево, и единово въ палатѣ запираху, и былъ онъ государь въ такихъ великихъ бѣдахъ девять лѣтъ“ [2]). Въ такомъ же родѣ и другія русскія извѣстія о бѣдствіяхъ Филарета въ плѣну [3]). Несомнѣнно, однако, что всѣ эти извѣстія до нѣкоторой степени преувеличены какъ вслѣдствіе глубокой ненависти русскихъ къ полякамъ, такъ и изъ угожденія новой династіи. На запросъ московскихъ бояръ о самочувствіи Филарета въ плѣну польско-литовскіе послы даютъ, напр., такой отвѣтъ въ своей грамотѣ отъ 1615 г.: „А што есте писали про Филарета митрополита Ростовскаго и про бояръ кн. В. В. Голицына съ товарышми, и тые суть здоровы, а живутъ по указу милосердному и ласковому, у великаго господаря своего царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всея Руси, какъ суть его царскаго величества подданные“ [4]). Конечно, и словамъ поляковъ довѣрять особенно нельзя. Но все же надо думать, что въ своемъ обращеніи съ Филаретомъ Никитичемъ они не доходили до тѣхъ жестокостей и издѣвательствъ, о которыхъ говорятъ наши источники. Уже фактъ сношеній царя Михаила съ плѣннымъ Филаретомъ и разныя посылки ему въ Польшу свидѣтельствуютъ о болѣе сносной обстановкѣ, въ которой жилъ плѣнный Филаретъ. Да и въ самой никоновской лѣтописи есть указанія на относительную свободу и независимость Филарета въ плѣну: къ нему приходили съ визитами разные вельможи польскіе—духовные и свѣтскіе—и однихъ онъ удостоивалъ аудіенціи, а другихъ, по преимуществу духовныхъ особъ католической вѣры, „отнюдь къ себѣ не пускаху“. Посѣтителей православныхъ онъ благословлялъ, а католикамъ „и сидѣти у себя не повелѣваше“. „Польскіе жъ и литовскіе люди,—заключаетъ лѣтопись,—видя ево такое крѣпкое стоятельство, начаша ево почитать и честь ему воздаваху велію...“ [5]). Есть извѣстіе, что, узнавши о воцареніи своего сына, Филаретъ сталъ рѣзче относиться къ окружавшимъ его полякамъ, нервничалъ и сердился—„сталъ на сына надеженъ, сталъ упрямъ и сердитъ, къ себѣ не пуститъ и грамотъ не пишетъ“ [6]).

Возвращеніе Филарета изъ плѣна послѣдовало въ 1619 г. 1 іюня, на основаніи мирнаго договора между Москвой и Польшей, заключеннаго 1 дек. того же года [7]). Въ Москву Филаретъ прибылъ 14 іюня.

---

[1]) Доп. къ акт. ист., II, 198.
[2]) Никон. лѣт., VIII, 160.
[3]) Лѣт. о мн. м., 215; Собр. г. гр. и д., III, 123; Лѣтоп. великоуст., 56.
[4]) А. З. Р., IV, 445.
[5]) Никон. лѣт., VIII, 160—161.
[6]) Солов., IX, 45.
[7]) Собр. г. гр. и д. III, 185—186; Авр. Палиц., 318—324.

Причемъ ему была устроена исключительная по своей торжественности встрѣча,—такая честь была оказана ему, какой „не единъ же отъ прежде—бывшихъ патріархъ почтенъ бысть“... [1]). Михаилъ Ѳедоровичъ назначилъ три встрѣчи своему отцу—въ Можайскѣ, близъ Звенигорода и въ селѣ Хорошовѣ. Во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ его встрѣчало высшее духовенство и знатные бояре. Встрѣча Филарета Никитича со своимъ царственнымъ сыномъ произошла подъ Москвой, на рѣчкѣ Ходынкѣ. Причемъ оба—и отецъ, и сынъ—поклонились другъ другу до земли, а народъ, наблюдавшій эту сцену, не могъ удержаться отъ слезъ. Радость царя Михаила была неописуема: возвращеніе отца онъ ознаменовалъ постройкой новаго храма во имя прор. Елисѣя, устройствомъ всеобщаго празднества, дарованіемъ амнистіи всѣмъ преступникамъ и т. д. [2]).

VI.

Спустя 8 дней по пріѣздѣ Филарета въ Москву его поставляютъ, по желанію сына, въ санъ патріарха всероссійскаго. 22 іюня было нареченіе, совершенное Ѳеофаномъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, а 24 іюня произошло самое поставленіе, въ присутствіи самого царя и при торжественнѣйшей обстановкѣ [3]).

Въ виду того, что дѣятельность Филарета Никитича, въ санѣ „патріарха московскаго и всея Русіи„, уже достаточно извѣстна, [4]) мы ограничимся, поэтому, здѣсь лишь конспективнымъ указаніемъ главныхъ фактовъ и событій изъ его патріаршей дѣятельности.

Коснемся сначала его общегосударственной роли въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. По пріѣздѣ изъ Польши Филаретъ нашелъ въ московскомъ государствѣ страшное разстройство во всѣхъ областяхъ правленія—и въ экономической, и въ административной, и въ судебной и т. д. Верховная власть была фактически въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя окружали неопытнаго и болѣзненнаго царя. Произволъ былъ полнѣйшій, сверху донизу, во всемъ государствѣ. Умный и искушенный опытомъ Филаретъ Никитичъ тотчасъ же по своемъ возвращеніи приступилъ къ водворенію порядка въ странѣ. Для этого,

---

[1]) Собр. г. гр. и д., III, 184- 185.

[2]) Никон. лѣт., VIII, 243—244.

[3]) Собр. г. гр. и д., III, 187—201; II. С. Р. Л., IV, 332.

[4]) А. Смирновъ.— Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Москва, 1874; Платоновъ.—Московское правительство при первыхъ Романовыхъ.—Ж. М. Н. Пр., 1906, XII.

по соглашенію съ сыномъ, онъ созываетъ земскій соборъ и предлагаетъ ему рядъ мѣръ для упорядоченія правительственной системы. Эти мѣры касались прежде всего поднятія благосостоянія государства и увеличенія доходовъ, а потомъ—упорядоченія администраціи [1]). Ни того, ни другого, однако, Филаретъ не достигъ въ полной мѣрѣ въ виду сильной расшатанности какъ населенія, такъ и особенно правительственнаго класса. Составъ правительства времени царя Михаила болѣе, чѣмъ на половину, состоялъ изъ бывшихъ тушинцевъ—бояръ, дворянъ и дьяковъ, такъ какъ Романовы въ смутные годы были связаны съ ними общностью интересовъ и стремленій. Эти связи остались жить и съ воцареніемъ Михаила, тѣмъ болѣе, что и самое избраніе послѣдняго произошло подъ давленіемъ тушинской партіи. Поэтому, наряду съ родными новаго царя у власти появляются и бывшіе тушинцы, и притомъ послѣдніе составляютъ подавляющее большинство [2]). Естественно, что тушинскіе дѣльцы, искусившіеся въ разнаго рода интригахъ и продѣлкахъ въ смутную эпоху при разныхъ самозванцахъ, внесли свои прежніе неблаговидные пріемы и въ администрацію царя Михаила. Отсюда—и произволъ, и продажность, и масса другихъ пороковъ, какими такъ возмутился Филаретъ Никитичъ.

Преслѣдуя пороки администраціи, Филаретъ Никитичъ тѣмъ не менѣе не измѣнялъ личнаго состава этой администраціи [3]). Съ тушинцами, какъ извѣстно, связывало Филарета его прошлое и притомъ связывало болѣе, чѣмъ кого-либо другого изъ Романовыхъ. Онъ былъ тушинскимъ патріархомъ, считался сторонникомъ Вора, противникомъ Шуйскаго и княжатъ,—въ виду всего этого тушинцы выдвинули и провели и кандидатуру Михаила. Филаретъ Никитичъ, поэтому, не могъ лично ничего имѣть противъ преобладанія тушинцевъ въ правительственномъ классѣ,—наоборотъ, имѣлъ всѣ данныя сочувствовать имъ и выдвигать ихъ, такъ какъ, кромѣ партійныхъ связей въ прошломъ, онъ могъ цѣнить въ тушинцахъ и тѣ способности и умѣнье, съ какими онъ познакомился во время пребыванія свего въ Тушинѣ. И Филаретъ, дѣйствительно, какъ утверждаетъ Платоновъ, держалъ сторону бывшихъ тушинцевъ, предоставляя имъ занимать почти всѣ болѣе или менѣе отвѣтственныя административныя должности, такъ что эти тушинскіе друзья Филарета заняли при немъ самое видное мѣсто „по численности и вліянію“ въ той придворной и чиновной знати, которая образовалась при новой (романовской) династіи [4]).

---

[1]) Собр. г. гр. и д., Ш, 208—210; А. А. Э., Ш, 143—145; Сб. Мух., 546.

[2]) Платоновъ.—Московское правительство при первыхъ Романовыхъ.—Журн. М. Н. Пр., 1906, XII, 342—348.

[3]) Ibid., 340; Ключевскій.—Б. Д., 547.

[4]) Платоновъ.—Жур. М. Н. Пр., 1906, XII, 345, 347—348, 351.

Филаретъ Никитичъ, какъ отецъ царя, наравнѣ съ своимъ сыномъ, принимаетъ участіе почти во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ своего времени. Не было, кажется, такого вопроса, который былъ бы рѣшенъ однимъ царемъ, безъ совѣта или содѣйствія патріарха—отца. Возникнетъ ли война или вообще какое-либо недоразумѣніе съ иностранной державой—царь совѣщается съ отцемъ, [1]) явится-ли нужда въ иностранныхъ офицерахъ—царь опять обращается къ нему же, [2]) случится-ли мѣстническій споръ между боярами—въ судѣ участвуетъ и патріархъ Филаретъ [3]). Мѣстническимъ традиціямъ Филаретъ какъ, видно, весьма не сочувствовалъ,—при всякомъ удобномъ случаѣ онъ совѣтуетъ царю—сыну объявить бояръ „безъ мѣстъ"—и вообще старался выводить понемногу вредный для государства обычай мѣстничества [4]). Особенное вниманіе патріархъ Филаретъ удѣлялъ земельному вопросу—вопросу о помѣстьяхъ, вотчинахъ, и связанному съ ними—вопросу о крестьянствѣ [5]). Изъ грамотъ этого рода видно, что Филаретъ придерживался тенденціи расширенія правъ помѣщиковъ на ихъ вотчины и помѣстья, [6]) и въ то же время заботился о регулированіи порядка владѣнія пожалованными царемъ землями [7]).

Интересовался Филаретъ и торгово-промышленными дѣлами московскаго государства и очень сочувственно относился къ развитію ихъ въ Россіи, отлично сознавая, очевидно, ихъ пользу [8]). Онъ даже лично сносился иногда съ иностранными государями по дѣламъ внѣшней торговли московскаго государства,—сохранилась, напр., грамота патріарха Филарета къ датскому королю Христіану IV о разрѣшеніи бергенцамъ Гофту и Лауритсену закупить въ 1633 г. 25000 четвертей ржи въ Архангельскѣ [9]).

О той чести, какая оказывалась царскому отцу—патріарху Филарету, можно судить уже по тому, что его имя почти во всѣхъ грамотахъ и указахъ того времени стоитъ на ряду съ царскимъ именемъ,—причемъ, какъ и царь, патріархъ Филаретъ называется Великимъ Государемъ [10]). „Совѣтовавъ съ отцемъ своимъ Великимъ государемъ, святѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи"—обычная фраза въ грамотахъ царя Ми-

---

[1]) Собр. г. гр. и д., III, 227—231, 340; Иловайскій. Эпоха Михаила Ѳедоровича Романова, 51—55.

[2]) Собр. г. гр. и д., III, 306—310.

[3]) Др. Р. В., XIII, 129—136.

[4]) Собр. г. гр. и д., III, 216—217, 222—223, 278.

[5]) Ibid., 224, 227; А. И., III, 97—102; А. Ю., III, 28—35, 65—66.

[6]) Собр. г. гр. и д., III, 227.

[7]) А. Ю., III, 28—35.

[8]) Собр. г. гр. и д., III, 351, 455.

[9]) Р. И. Б., XVI, 655—661.

[10]) Собр. г. гр. и д., III, 224, 234, 275, 278; Пам. дипл. сн., III, 21—65; Никон. лѣт., VIII, 253.

хаила. Когда въ Москву пріѣзжало иностранное посольство, или вообще кто-либо изъ вельможъ иностранныхъ, то пріѣзжіе гости обыкновенно являлись обоимъ Великимъ государямъ—и царю, и патріарху—отдѣльно [1]). Иногда на царскихъ пріемахъ присутствовалъ и патріархъ Филаретъ,—и въ такихъ случаяхъ онъ садился по правую сторону царя. По словамъ Олеарія и нѣкоторыхъ русскихъ памятниковъ—вмѣстѣ съ Филаретомъ на торжественныя аудіенціи во дворцѣ являлся и весь клиръ его [2]).

Царь Михаилъ относился къ своему отцу съ большимъ почтеніемъ и послушаніемъ и никогда не выходилъ изъ его воли—что подтверждаютъ, кромѣ русскихъ источниковъ, и иностранцы [3]). Хронографы говорятъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ при этомъ и весьма побаивался своего отца [4]). Сохранились извѣстія, что царь Михаилъ получалъ временами даже выговоры отъ своего вспыльчиваго родителя [5]). Такимъ образомъ, въ виду мягкости и слабоволія царя Михаила верховная власть въ московскомъ государствѣ была фактически почти вся въ рукахъ Филарета—и эпоху патріарха Филарета, поэтому, по всей справедливости слѣдуетъ назвать эпохой двоевластія [6]).

Нужно сказать, что Филаретъ Никитичъ былъ очень властолюбивъ и честолюбивъ; съ людьми неугодными ему онъ расправлялся, какъ хотѣлъ [7]). Въ виду этого отзывы о немъ, какъ патріархѣ и соправителѣ царя, весьма не единодушны. Люди, которые были расположены къ Филарету, хвалили его государственный умъ, называли его справедливымъ, милостивымъ и т. д., [8]) а тѣ, кто, очевидно, былъ обиженъ чѣмъ-либо Филаретомъ, рисовали его съ отрицательной стороны: „нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ былъ, яко и самому царю боятися его, боляръ-же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточенми необратными и инѣми наказанми“ [9]). Какъ бы ни было, однако, личность патріарха Филарета Никитича, какъ государственнаго дѣятеля, производила большое впечатлѣніе на всѣхъ, знавшихъ и слыхавшихъ о немъ. Никто изъ современниковъ не отрицалъ въ немъ сильнаго ума, неослабной энергіи, богатаго жизненнаго опыта и твердой непреклонной воли.

---

[1]) Собр. г. гр. и д., III, 255.
[2]) Олеарій, III, 243; Др. Р. В., XX, 223.
[3]) А. И., III, 88, 89; Олеарій, III, 243.
[4]) Изборн., 316.
[5]) Иловайскій.—Эпоха Михаила Ѳедоровича Романова, 51.
[6]) Солов., IX, 147—148; Ключевскій.—Б. Д., 547.
[7]) Собр. г. гр. и д., III, 266; А. А. Э., III, 284.
[8]) Никон. лѣт., VIII, 245; Лѣт. о мн. мят., 329.
[9]) Изборн., 316.

Для примѣра укажемъ на отзывъ о немъ александрійскаго патріарха Герасима [1]).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о церковной дѣятельности патріарха Филарета.

Какъ глава церковной іерархіи и представитель высшей духовной власти, Филаретъ Никитичъ заботился о строжайшемъ благочиніи какъ среди духовенства, такъ и среди населенія, боролся съ разнаго рода общественными пороками и недостатками, искоренялъ ереси и вольнодумство, занимался исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и т. д.

Духовно-нравственное оздоровленіе тогдашняго общества, потрясеннаго смутами, составляло едва-ли не самую главную заботу патріарха Филарета. Наилучшей иллюстраціей такого рода дѣятельности Филарета Никитича служитъ грамота его отъ 1622 г. сибирскому архіеп. Кипріану, гдѣ говорится о церковныхъ и нравственныхъ непорядкахъ въ Сибири и о наставленіяхъ и обличеніяхъ патріарха по этому поводу [2]). Въ упомянутой грамотѣ особенно подчеркивается нравственная распущенность сибирскаго населенія (кровосмѣшеніе, умыканіе чужихъ женъ и дочерей и т. д.), дошедшая до того, что стала самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, санкціонированнымъ будто бы даже какою-то грамотой изъ Москвы. Филаретъ до послѣдней степени возмущенъ подобными явленіями и для пресѣченія ихъ не ограничивается одними словесными убѣжденіями и обличеніями, а рекомендуетъ для вразумленія грѣшныхъ прибѣгать и къ полицейскимъ мѣрамъ [3]). По отношенію къ нарушителямъ седьмой заповѣди Филаретъ Никитичъ былъ вообще весьма строгъ,—виновныхъ онъ наказывалъ обычно заточеніемъ въ монастырь, оковами, батогами и т. д., не исключая въ данномъ случаѣ и лицъ дворянскаго сословія [4]).

Весьма нетерпимо относился патріархъ Филаретъ къ такъ называемому вольнодумству и разнаго рода ересямъ. Какъ сынъ вѣка своего, Филаретъ практиковалъ въ такихъ случаяхъ обычную тогда мѣру воздѣйствія—полицейскія репрессіи: заточеніе, оковы, битье батогами, разнаго рода пытки и т. д., ошибочно полагая этими внѣшними мѣрами пересоздать внутренній строй человѣческой души. Самымъ яркимъ выразителемъ тогдашняго вольнодумства, противъ котораго боролся Филаретъ Никитичъ, былъ князь Иванъ Хворостининъ. Этотъ князь еще во времена Лжедимитрія сблизился съ поляками и, благодаря имъ, усвоилъ себѣ критическій взглядъ на порядки московской Руси. Въ своихъ „виршахъ“ и подметныхъ письмахъ онъ высмѣи-

---

[1]) Собр. г. гр. и д., III, 355.
[2]) Собр. г. гр. и д., III, 245—253.
[3]) Ibid., 250—252.
[4]) А. А. Э., III, 259, 336.

валъ отсталость и невѣжество москвичей, ихъ пороки и суевѣрія, говорилъ, что „на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупой“, что „московскіе люди сѣютъ землю рожью, а живутъ ложью“ и т. д. [1]) Либеральная мысль кн. Хворостинина коснулась и православной вѣры. Онъ пересталъ ходить въ церковь, запрещалъ посѣщать ее и своимъ людямъ, говоря, что „молиться не для чего и воскресенія мертвымъ не будетъ“. Соотвѣтственно своимъ взглядамъ Хворостининъ началъ и жить „не христіанскимъ обычаемъ“: началъ „безпрестани пити“, не исключая и страстной недѣли, даже „противъ Свѣтлаго Воскресенія былъ пьянъ, и до свѣта за два часа ѣлъ мѣстную ѣству и пилъ вино прежъ пасхи“ [2]). Тяготясь своимъ духовнымъ одиночествомъ въ Москвѣ („въ разумѣ себѣ въ версту не поставилъ никого“), кн. Хворостининъ мечталъ объ отъѣздѣ за-границу и уже началъ было собираться въ Литву, гдѣ ждало его болѣе развитое и свѣтское общество, чѣмъ въ которомъ онъ жилъ въ Россіи [3]). Но отъѣхать въ Литву ему не удалось: какъ ревностный блюститель вѣры, патріархъ Филаретъ арестовалъ его и заточилъ „подъ начало“ въ Кирилловъ монастырь „для исправленія“ [4]). Въ монастырѣ, въ цѣляхъ „исправленія“, князя посадили въ „особную келью“, заставляли „всегды ходити къ церквѣ“, дали ему массу церковныхъ книгъ, свѣтскихъ же не велѣно давать—„сего ради, да не высокоуміемъ вознесся и высокословія возжелѣвъ, въ берегъ погибели впадетъ“ [5]). Впослѣдствіи, искренно или фиктивно—неизвѣстно, князь принесъ формальное раскаяніе въ прежнихъ поступкахъ и былъ возвращенъ въ Москву, гдѣ ему было позволено и „видѣти Государскія очи и быти во дворянѣхъ по-прежнему“ [6]).

Указанный случай вольнодумства, вѣроятно, не былъ единственнымъ, исключительнымъ. Эпоха смуты всколыхнула все русское общество сверху донизу и пробудила не въ одномъ кн. Хворостининѣ недовольство окружающимъ и непорядками московской Руси [7]). Князь Хворостининъ явился только наиболѣе эксцентричнымъ и крайнимъ обличителемъ косности москвичей.

Кромѣ, такъ сказать, свѣтскаго либерализма, патріархъ Филаретъ съ не меньшей энергіей преслѣдовалъ и другія уклоненія отъ догмы православной церкви („гадальныя тетради“, напр.); преслѣдовалъ онъ и всякое неуваженіе къ священнымъ предметамъ, ссылая виновныхъ

---

[1]) Собр. г. гр. и д., III, 332.
[2]) Ibid., 331.
[3]) Ibid., 331—332.
[4]) Ibid., 332.
[5]) А. А. Э., III, 212—213.
[6]) Ibid., 213; Собр. г. гр. и д., III, 332.
[7]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 309—310.

въ заточеніе [1]). Въ 1628 г. онъ издаетъ спеціальный указъ противъ разныхъ общественныхъ игръ и увеселеній, оскорбительныхъ для религіознаго чувства православнаго человѣка [2]),

Ведя борьбу съ различнаго рода ересями, Филаретъ Никитичъ занимался и миссіонерской дѣятельностью: „укрѣпи всю православную христіанскую вѣру,—говоритъ о немъ лѣтопись,—и многія языцы приведе въ православную вѣру, якоже убо древле чудотворецъ Леонтій Ростовскій приводяще заблудящую чудь въ православную вѣру, тако и онъ великій государь святитель многіе поганые вѣры приведе, всѣхъ убо крестяху, и подъ началомъ всѣ быша у него государя на патріаршѣ дворѣ“ [3]). Благодаря стараніямъ Филарета, въ Россіи, особенно въ Сибири, увеличилось число церквей и монастырей [4]). Въ цѣляхъ охраненія чистоты православнаго ученія отъ еретическихъ толкованій патріархъ Филаретъ завелъ въ Чудовѣ монастырѣ греколатинское училище, которое поручено было исправителю книгъ—Арсенію Глухому [5]).

Усиліями же Филарета была получена отъ персидскаго шаха Аббаса риза Господня съ ковчегомъ, ставшая потомъ предметомъ особеннаго религіознаго почитанія у москвичей. Въ честь ея былъ установленъ Филаретомъ даже праздникъ—27 марта [6]).

По совѣту и при помощи восточныхъ патріарховъ—Герасима и Ѳеофана—Филаретъ Никитичъ потрудился и надъ исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Имъ, между прочимъ, былъ уничтоженъ ненужный прилогъ „и огнемъ“ въ молитвѣ на освященіе воды [7]).

Благодаря Филарету Никитичу, въ его патріаршество были значительно расширены права и привилегіи церквей и монастырей—особенно послѣднихъ. Трудно сосчитать, сколько было выдано патріархомъ и царемъ разнаго рода жалованныхъ, несудимыхъ, тарханныхъ и тому подобныхъ грамотъ—монастырямъ и церквамъ. Почти всѣ извѣстные болѣе или менѣе монастыри получили тогда какія-либо льготы и вольности,—назовемъ нѣкоторые изъ этихъ монастырей: Сійскій Антоніевъ монастырь, [8]) Пурдышевскій, [9]) Васильевскій, [10]) Николаевскій корѣльскій, [11]) Вяжицкій, [12]) Іосифовъ Волоколамскій, [13])

---

[1]) А. А. Э., III, 259, 284, 337; Р. И. Б., II, 929; II, Собр. г. гр. и д., III, 298—299.
[2]) А. И., III, 96.
[3]) Никон. лѣтоп., VIII, 245.
[4]) Костомар.—Рус. Исторія въ жизн., отд. II, 27.
[5]) Солов., IX, 401.
[6]) Собр. г. гр. и д., III, 290—291.
[7]) А. А. Э., III, 240—242.
[8]) А. И., III, 124.
[9]) Ibid., 119.
[10]) А. А. Э., III, 156.
[11]) А. И., III, 132, 188.
[12]) Ibid., 143.
[13]) Ibid., 152.

Астраханскій Троицкій, [1]) Суздальскій Покровскій, [2]) Дѣвичій Іоанно-Предтеченскій, [3]) Симоновъ, [4]) Двинскій Архангельскій, [5]) Тихвинскій Введенскій, [6]) Кирилло-Бѣлоозерскій, [7]) Макарьевъ Желтоводскій, [8]) Ржевскій Селижаровъ [9]) и т. д.

Въ лицѣ патріарха Филарета патріаршая власть на Руси достигла небывалыхъ еще размѣровъ.—Въ 1625 г. царь далъ Филарету Никитичу жалованную грамоту на право непосредственнаго суда надъ духовенствомъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ преступленій уголовныхъ, и на право произвольнаго взиманія имъ въ патріаршихъ имѣніяхъ податей и оброковъ [10]). „Во всякихъ управныхъ и въ духовныхъ дѣлахъ судомъ и управою, кромѣ разбойныхъ и татиныхъ и кровавыхъ дѣлъ... велѣли вѣдать и росправу межъ ими чинить и пошлины имать... отцу нашему... Филарету"—говорится въ грамотѣ. Грамота эта дается „по совѣту и по прошенію" патріарха и распространяется на всю патріаршую область, „опричь митрополичьихъ и архіепископлихъ и епископлихъ десятинъ" [11]).

Соотвѣтственно своему высокому положенію царскаго отца и патріарха всероссійскаго Филаретъ Никитичъ имѣлъ и богатый патріаршій дворъ, съ царской обстановкой. Число придворныхъ чиновъ на его дворѣ было огромно. Однихъ стольниковъ патріаршихъ насчитываютъ до 477 человѣкъ [12]). Патріаршее управленіе было сорганизовано по примѣру общегосударственнаго—съ приказными, боярами, дворецкими, дьяками [13]) и т. д. Подобно царю, патріархъ также и жалуетъ иногда своихъ служебныхъ и придворныхъ чиновъ [14]).

О несмѣтномъ богатствѣ патріаршей казны Филарета Никитича можно судить по тѣмъ многочисленнымъ, разнообразнымъ и драгоцѣннымъ вкладамъ, которые онъ сдѣлалъ въ санѣ патріарха въ московскій Успенскій Соборъ и др. церкви и монастыри, а также по описи его келейной казны и по тѣмъ подаркамъ, какіе были поднесены патріархомъ Филаретомъ разнымъ лицамъ. По описи

---

[1]) Ibid., 161.
[2]) Ibid., 179.
[3]) А. А. Э., III, 188.
[4]) А. И., III, 182.
[5]) Ibid., 196.
[6]) Ibid., 230.
[7]) Доп. къ акт. ист., II, 221.
[8]) А. А. Э., III, 257.
[9]) Ibid., 260.
[10]) Собр. г. гр. и д., III, 275—277.
[11]) Ibid., 275—276.
[12]) А. Смирновъ.—Свят. патр. Филаретъ Никитичъ, 156.
[13]) А. А. Ю., I, 235; А. А. Э., III, 242, 259—260, 284, 336, 337; А. И., III, 319.
[14]) А. А. Э., III, 257, 278.

Московскаго Успенскаго Собора, составленной въ 1627 году, въ этомъ соборѣ были слѣдующіе вклады Филарета: „16 полотенецъ праздниковъ, до 12 полотенецъ Миней“, [1]) крестъ хрустальный, обложенный серебромъ рѣзнымъ и позолоченный, [2]) „вѣнцы у святыхъ серебряны, басменные-жъ, золочены“, [3]) торжественикъ писменой, въ десть“, [4]) серебро, золото и др. „прикладъ“ для поновленія паникадила „мѣденаго противъ анбона“, [5]) „Евангеліе ходовое, писано въ полдесть, на немъ распятіе и евангелисты серебряные съ чернью“, [6]) постройка Филаретомъ рѣшотки желѣзной „около кіота“, обогнутой мѣдью, и 4 подсвѣчниковъ желѣзныхъ около рѣшотки, [7]) „покровъ отласу серебреного“... съ разными украшеніями, [8]) „сосуды и покровцы и ризы и стихари и книги во всѣ въ три предѣлы“, [9]) „два убрусца тафтяные червчаты“... съ украшеніями изъ жемчуга, золота... „на образѣ пречистой Богородицы“, [10]) „лампада серебреная новая“ предъ чудотворнымъ образомъ Владимирской Богородицы (даръ Филарета и царя), [11]) „противъ патріарша мѣста на налоѣхъ двѣ срачицы кушачные кизылбашскіе“, [12]) „три подсвѣшника“ съ золоченными яблоками „передъ налои“, [13]) „чара водоосвященная серебрена“ съ позолоченными краями, стоющая „273 руб. и 30 алтынъ, полчетверты денги новыхъ денегъ. [14]) (на наши деньги—около 4000 р.), „чаша водоосвященная, литая да 4 подсвѣшника литыхъ оловяные“, [15]) образъ трехъ святителей московскихъ—Петра, Алексѣя и Іоны, съ разными драгоцѣнными украшеніями, [16]) „лампада серебреная“ у раки св. Петра чудотворца—даръ Филарета и царя Михаила, [17]) такая же лампада у раки св. Іоны—и тоже даръ Филарета и царя Михаила [18]).

---

[1]) Р. И. Б., III, 398.
[2]) Ibid., 399.
[3]) Ibid., 442.
[4]) Ibid., 478.
[5]) Ibid., 480.
[6]) Ibid., 484—485.
[7]) Ibid., 485—486.
[8]) Ibid., 486.
[9]) Ibid., 488.
[10]) Ibid.
[11]) Ibid.
[12]) Ibid.
[13]) Ibid., 489.
[14]) Ibid.
[15]) Р. И. Б., III, 490.
[16]) Ibid., 492.
[17]) Ibid., 495.
[18]) Ibid.

Не мало подобныхъ вкладовъ сдѣлалъ патріархъ Филаретъ и въ другія мѣста: 1) на раку царевича Димитрія въ Угличѣ—„отласу“, камки кизылбашскіе серебреные“ на покровъ и т. п. [1]); 2) на гробъ боярина Никиты Романовича Юрьева [2]); 3) въ монастыри—Новоспасскій, [3]) Никитскій, [4]) и Саввы Вишерскаго, [5]) и въ церкви—Александра Невскаго, [6]) св. Аѳанасія Аѳонскаго, [7]) и Казанской Божіей Матери [8]).

Изъ описи келейной казны патріарха Филарета видно, что дворъ его былъ „полной чашей“ [9]). Здѣсь было всего въ изобиліи,—причемъ все было въ высшей степени драгоцѣннымъ. Однѣхъ разныхъ „шапочекъ“ было—16, [10]) шубъ—17, [11]) рясокъ—23, [12]) посоховъ—14, [13]) панагій—18, [14]) крестовъ—19, [15]) и т. д. А „образовъ на золотѣ“, хранившихся въ разныхъ „сундукахъ“ и „коробьяхъ“ патріаршихъ, можно насчитать свыше 850-ти. [16]). Кромѣ этого у Филарета была масса серебряной, вызолоченной посуды, масса платья и бѣлья, масса драгоцѣнныхъ матерій, камней, металловъ и т. д. Представляла большое богатство по тому времени и библіотека Филарета: въ ней было 235 печатныхъ и рукописныхъ книгъ (125 печатныхъ, остальныя—рукописныя). Всѣ эти книги—религіознаго и главнымъ образомъ—церковно—богослужебнаго характера [17]).

Наконецъ, и подарки Филарета Никитича разнымъ лицамъ говорятъ о большомъ богатствѣ дарящаго. Онъ даритъ обыкновенно или „кубокъ серебрянъ золоченъ“ или кусокъ дорогой матеріи—„камки свѣтлозеленой травной“, „камки адамашки зеленой мелкотравной“ [18]) и т. п.

---

[1]) Ibid., 948, 961, 966.
[2]) Ibid., 946.
[3]) Вкладная книга москов. Новоспас. мон-я.—Памятн. древн. письмен., кн. 2, 16—19.
[4]) Р. И. Б., Ш, 949, 956.
[5]) Ibid., 983.
[6]) Ibid., 957, 958, 965.
[7]) Ibid., 960, 961, 999.
[8]) Ibid., 961.
[9]) Ibid., 875—1000.
[10]) Ibid., 929—930.
[11]) Ibid., 925—926.
[12]) Ibid., 926—928.
[13]) Ibid., 912—914.
[14]) Ibid., 914—917.
[15]) Ibid., 917—918.
[16]) Ibid., 893—894.
[17]) Ibid., 898—912.
[18]) Ibid., 931—938, 940—947, 950—959, 960, 962—967, 975—978, 984—1000.

Богатство патріаршей казны при Филаретѣ такъ умножилось, что, по словамъ Берха „стало всѣмъ въ глаза кидаться“ [1]). Вѣроятно, этимъ богатствомъ и вызвано было указаніе нѣкоторыхъ сословій на соборѣ 1642 г. на патріаршую казну, какъ на средство вести войну [2]).

Мы уже отмѣчали властный и грозный характеръ Филарета, указывали и то, какъ расправлялся онъ съ людьми, такъ или иначе провинившимися предъ нимъ. Теперь слѣдуетъ замѣтить, что, благодаря этимъ чертамъ его характера, у него много было и враговъ какъ среди духовенства, такъ и среди свѣтской знати. Напр., архимандритъ Спасо-Евфиміева монастыря въ Суздалѣ Діонисій отказался въ свое время почтить память умершаго патріарха Филарета—„понахидъ не пѣлъ и обѣденъ не служилъ“, а бывшую жену Филарета не записалъ даже въ синодикъ, „ не токмо что понахиды пѣть и обѣдни служить“ [3]). Были и другіе случаи проявленія прямой враждебности къ патріарху Филарету [4]).

Филаретъ Никитичъ скончался 1 октября 1633 года, и, какъ полагаютъ, подъ вліяніемъ душевной скорби при видѣ несчастной для Руси польской войны, начатой по его настоянію. Погребенъ Филаретъ въ Успенскомъ соборѣ [5]).

Патріаршество Филарета оставило глубокій слѣдъ въ исторіи русской церкви—въ лицѣ Филарета церковная власть достигла самой высшей степени полноты и независимости, какая только возможна для нея. Патріаршая же область, принадлежавшая Филарету Никитичу, была въ собственномъ смыслѣ „status in statu“. Со смертью Филарета авторитетъ и независимость церковной власти сразу же понижаются, что видно уже изъ того, что преемникомъ Филарету былъ назначенъ нарочно такой человѣкъ, который „къ царю не дерзновенъ“ [6]). Послѣ патріарха Филарета начались также и ограниченія для духовенства,—напр., въ 1641 г. было запрещено „поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей“ принимать въ „подъячіе“, наряду со всѣмъ низшимъ сословіемъ“ и т. п. [7]).

---

[1]) Берхъ.—Царств. царя Михаила Ѳеодоровича, I, 283.
[2]) Собр. г. гр. и д., III, 392, 400.
[3]) А. А. Э., III, 436—437.
[4]) Солов., IX, 204.
[5]) Архіеп. Сергій, 8.
[6]) Солов., IX, 200.
[7]) А. И., III, 108.

VII.

Жену Ѳедора (Филарета) Никитича звали Ксеніей Ивановной (въ монашествѣ Марѳа). Относительно происхожденія ея раньше мнѣнія раздѣлялись: одни считали ее изъ рода Шестовыхъ, костромскихъ помѣщиковъ, [1]) а другіе считали ее кн. Шестуновой [2]). Но съ тѣхъ поръ, какъ стала извѣстна запись во „Вкладной книгѣ“ Московскаго Новоспасскаго монастыря относительно пожертвованія иноkиней Марѳой Ивановной этому монастырю наслѣдственной вотчины Шестовыхъ, нужно считать данный вопросъ рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что Ксенія (Марѳа) Ивановна по происхожденію своему была Шестова. Вотъ эта запись: „Государыня великая старица инока Марѳа Іоанновна пожаловала въ домъ ко Всемилостивому Спасу въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Шачебольскомъ стану, на рѣкѣ на Шачѣ, старинную свою вотчину дѣда своего Василья Михайловича Шестова и отца своего Іоанна Васильевича, село Домнино съ деревнями“ [3]).

Родъ Шестовыхъ, хотя ведетъ свое начало и отъ знатнаго предка (Михаила Прушанина—тоже выходца изъ Пруссіи), [4]) однако въ государственной жизни Московской Руси никогда не игралъ большой роли. Члены этого рода стоятъ на второстепенныхъ и даже болѣе низшихъ мѣстахъ служебной лѣстницы. Самъ Иванъ Васильевичъ Шестовъ, отецъ Ксеніи Ивановны, былъ, напр., просто дворяниномъ, да еще второй, слѣдовательно, низшей статьи,—какъ это видно изъ приговорной грамоты 1566 г. на счетъ войны съ Польшей [5]). Незнатность происхожденія Ксеніи Ивановны, какъ невѣсты и жены Ѳедора Никитича, отмѣчалъ, какъ мы указывали, и англичанинъ Горсей, близкій другъ романовской семьи. Эта же незнатность дворянъ Шестовыхъ послужила причиной и того, что нѣкоторые писатели отказывались признать Ксенію Ивановну по происхожденію именно Шестовой, а считали ее, по созвучію фамилій, кн. Шестуновой. Таковъ, напр., Петровъ, совершенно не допускающій брака Ѳедора Никитича, какъ человѣка аристократическаго и притомъ родственнаго царю, съ дочерью простого помѣщика Шестова [6]). Но хотя этой бракъ былъ, дѣйствительно, неравенъ, онъ все-же небылъ

---

[1]) Сборн. Селиф., 104, 291.
[2]) Петровъ.—Ист. род. рус. дв., 88.
[3]) Памятн. древн. письм., II, 21—22.
[4]) Родословныя Шестовыхъ указаны въ „Сборн. Селифонтова“.—См. стр. 335—373.
[5]) Собр. г. гр. и д., I, 551.
[6]) Петровъ.—Ист. род. рус. дв., 88.

единственнымъ исключеніемъ въ боярской средѣ того времени. У того же Петрова есть указанія на случаи такихъ неравныхъ браковъ среди другихъ московскихъ аристократическихъ семей. Напр., князь Иванъ Ѳедоровичъ Пожарскій, несмотря на свой княжескій титулъ и знатность происхожденія, имѣлъ двоихъ зятей (Мячкова и Копнина)—совершенно неаристократическихъ [1]). Кромѣ этого слѣдуетъ припомнить, что въ исторической литературѣ существуетъ предположеніе на счетъ какого-то сторонняго давленія, подъ вліяніемъ котораго былъ заключенъ бракъ Ѳедора Никитича съ Ксеніей Шестовой.

По словамъ Массы, Ксенія Ивановна, будучи женой Ѳедора Никитича, принимала очень горячее участіе въ политической дѣятельности своего круга, всячески побуждая своего мужа не уступать престола Годунову. Когда же царемъ былъ избранъ все-таки Борисъ Годуновъ, она будто-бы съ горькими упреками обратилась къ Ѳедору Никитичу за то, что тотъ не сумѣлъ овладѣть престоломъ: „стыдись! зачѣмъ ты отнялъ корону и скипетръ отъ нашего рода и передалъ ихъ предателямъ нашего любезнаго отечества?“ [2]) Ксенія Ивановна такъ горевала по этому поводу и такъ бранила своего мужа, что между ними произошла, наконецъ, довольно бурная и непріятная семейная сцена [3]). Масса, далѣе, передаетъ слухъ, (которому самъ, однако, не вѣритъ) что Ксенія Ивановна будто бы не успокоилась съ избраніемъ Бориса Годунова и принимала, вмѣстѣ съ братьями своего мужа--Иваномъ и Александромъ, самое дѣятельное участіе въ интригахъ противъ царя Бориса [4]).

Во время гоненія Романовыхъ отъ Годунова въ 1601 г. Ксенію Ивановну постригли съ именемъ Марѳы и заточили въ „заонежскіе погосты“ и тамъ „посадиша въ тюрьму и мориша зъ голоду“—по выраженію лѣтописи [5]). Оффиціальныхъ актовъ относительно ссылки Ксеніи Ивановны и постриженія ея—не сохранилось до нашего времени. Изъ жалованныхъ же (обѣльныхъ) грамотъ, данныхъ потомъ царемъ Михаиломъ разнымъ лицамъ за услуги его матери во время ссылки, видно, что инокиня Марѳа Ивановна была заточена въ Толвуйскомъ Егорьевскомъ погостѣ Новгородскаго уѣзда, Обонежской пятины [6]). „Трудно вообразить себѣ,—говоритъ Фридебургъ,—что нибудь мрачнѣе и суровѣе мѣста ссылки Марѳы Ивановны: это былъ низменный полуостровъ, врѣзывающійся съ сѣверо—запада въ Онежское озеро, почти до его половины, и самъ покрытый множествомъ

---

[1]) Ibid., 16.
[2]) Сказ. М. и Г., 62.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Никон. лѣт., VIII, 45.
[6]) А. И., III, 9, 147, 245.

озеръ“ [1]). Здѣсь то и была выстроена избушка для невольной постриженицы. Ничего, кромѣ болота, поросшаго разноцвѣтнымъ мхомъ и покрытаго желѣзистой ржавчиной, не было кругомъ хижины Мареы Ивановны [2]).

Заточеніе Мареы Ивановны было тѣмъ тяжелѣе, что она была разлучена съ своими дѣтьми—сыномъ Михаиломъ и дочерью Татьяной, которые были сосланы, вмѣстѣ съ теткой своей Анастасіей Никитичной, съ семьей Александра Никитича и княземъ Бор. Черкасскимъ съ женой, на Бѣлоозеро [3]). Относительно тѣхъ строгостей и безчестья, которымъ будто-бы подвергалась, по лѣтописи, Мареа Ивоновна въ своей ссылкѣ, нужно сказать то же самое, что было сказано въ этомъ отношеніи и о Филаретѣ. Надзоръ, конечно, былъ и за ней,—но на счетъ безчестья, и тѣмъ болѣе „моренія голодомъ“—можно усомниться, такъ какъ Борисъ Годуновъ, насколько видно изъ оставшихся грамотъ, никогда не давалъ такихъ наказовъ своимъ приставамъ, посылавшимся стеречь ссыльныхъ. Мы уже видѣли, какъ Годуновъ писалъ въ Сійскій монастырь, чтобы Филарету „безчестья никотораго не дѣлали“ и „чтобы ему ни въ чемъ нужи не было“. А далѣе увидимъ, что царь Борисъ и по отношенію къ другимъ сосланнымъ членамъ романовской семьи относился съ такой же корректностью и предупредительностью. Напр., повелѣвая возвратить изъ Бѣлоозера семью Александра Никитича, дѣтей Мареы Ивановны и др. и помѣстить ихъ въ вотчинѣ Ѳедора Никитича въ Юрьевскомъ уѣздѣ Борисъ Годуновъ, между прочимъ, наказываетъ своему приставу,—и наказываетъ весьма энергично,—чтобы онъ ни въ чемъ не стѣснялъ Романовыхъ, давалъ все, „чего не похотятъ“, чтобы имъ „въ ѣствѣ и питьѣ и ни въ чемъ одноличо никоторыя нужи не было“. При этомъ дѣлаетъ строгій выговоръ приставу за то, что онъ самовольно—„воровствомъ и хитростью“—не додавалъ иногда сосланнымъ положенной провизіи („яицъ съ молокомъ даешь не отъ велика“). [4]) Трудно, поэтому, допустить, чтобы Мареа Ивановна была исключеніемъ въ этомъ отношеніи.—Припомнимъ кстати и сношенія ея съ заточеннымъ Филаретомъ чрезъ толвуйскаго „попа“ Ермолая Герасимова съ сыномъ и нѣкоторыхъ крестьянъ, которые были потомъ вознаграждены царемъ Михаиломъ [5]). Само собой разумѣется, что эти сношенія между ними могли состояться только при условіи нѣкоторой свободы и независимости въ положеніи Мареы Ивановны. Можно бы, повидимому, предположить, что пристава, жившіе при ней, вопреки наказу царя издѣвались надъ Мареой Ивановной,—но и это предпо-

---

[1]) Фридеб.,—отд. о Мареѣ Иван., 3.
[2]) Ibid.
[3]) А. И., II, 47—49; Никонов. лѣт., VIII, 44.
[4]) А. И., II, 47—48.
[5]) Ibid., III, 9—10, 147, 245; А. А. Э., III, 68.

ложеніе едва-ли допустимо въ виду той несомнѣнной снисходительности со стороны приставовъ къ Маріѣ Ивановнѣ, благодаря которой послѣдняя находила возможнымъ пересылаться вѣстями даже съ Филаретомъ Никитичемъ.

Облегченіе участи, наступившее для нѣкоторыхъ изъ Романовыхъ еще при Годуновѣ, не коснулось однако Маріи Ивановны—она въ своемъ заточеніи находилась до воцаренія Лжедимитрія, который, какъ извѣстно, вернулъ изъ ссылки и остальныхъ Романовыхъ. Послѣднимъ были возвращены при немъ и прежнія ихъ вотчины, и прежнія почести. Инокиня Марѳа Ивановна, получивши свободу, поселилась вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы [1]). Здѣсь она находилась до 1608 года, встрѣчаясь время отъ времени со своимъ бывшимъ мужемъ Филаретомъ Никитичемъ, ставшимъ тогда уже митрополитомъ ростовскимъ. Подъ вліяніемъ начавшагося броженія въ окрестностяхъ Москвы въ 1607—8 г.г., Марѳа Ивановна переселяется со своимъ сыномъ на жительство въ столицу, подъ охрану царскихъ войскъ и родственныхъ бояръ. О пребываніи ея въ Москвѣ во время осады намъ говорятъ многіе историческіе памятники, которые добавляютъ при этомъ, что поляки всячески тѣснили её съ сыномъ—„во всякой крѣпости и за приставы крѣпкими держали“ [2]). По освобожденіи Москвы отъ поляковъ Марѳа Ивановна отправляется съ сыномъ въ свои родовыя вотчины, въ Костромской уѣздъ [3]). Избраніе Михаила Ѳедоровича на царство застаетъ Марѳу Ивановну живущей въ Ипатьевскомъ монастырѣ [4]). Надо полагать, что Марѳа Ивановна, благодаря своимъ многочисленнымъ родственникамъ и знакомымъ, была хорошо освѣдомлена на счетъ избранія ея сына Михаила на царство, и потому великое посольство, присланное Соборомъ въ Ипатьевскій монастырь для приглашенія Михаила на престолъ, не было для нея неожиданностью. Въ виду полнаго разстройства московскаго государства и большой „шатости“ въ людяхъ Марѳа Ивановна не сразу рѣшилась отпустить на царство своего юнаго и неопытнаго сына. Только послѣ того, какъ великіе послы стали угрожать ей гнѣвомъ Божіимъ за отказъ благословить сына, Марѳа Ивановна согласилась, наконецъ, отпустить его на московскій престолъ.

Сдѣлавшись московскимъ царемъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, по словамъ „Кратк. Москов. Лѣт.“ назначилъ свою мать „вознесенскою игуменьею“ [5]). Несмотря на неопытность своего сына, Марѳа Ивановна тѣмъ не менѣе не вмѣшивалась въ управленіе страной. Ниоткуда не

---

[1]) Костомаровъ.—См. вр., I, 236.
[2]) Собр. г. гр. и д., I, 611; Собр. г. гр. и д., III, 76, 150; Изборн., 420.
[3]) Собр. г. гр. и д., I, 611–612.
[4]) Ibid., 618—619.
[5]) Кратк. Моск. лѣт., 20.

видно, чтобы она лично вліяла на государственную жизнь Московскаго царства. Хотя современники и думали, что она именно управляла страной вмѣсто своего сына, „поддерживая царство со своимъ родомъ“ [1]), однако въ дѣйствительности, говоритъ Платоновъ, она „правила только дворцомъ и поддерживала не царство, а свой родъ“ [2]). Ея роль сводилась къ тому, что она проводила къ власти своихъ близкихъ родныхъ—и только. Сохранились, впрочемъ, двѣ жалованныя грамоты за подписью великой старицы Марѳы Ивановны. Одна грамота касается суда между Паисіевымъ монастыремъ и нѣкіимъ Аѳ. Кащеевымъ [3]), а другая—„въ домъ боголѣтняго Преображенія и преп. отецъ Засимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, иже на островѣ великаго моря окіана“—имѣетъ цѣлью искоренить распространившееся въ монастырѣ пьянство [4]). Эти грамоты, однако, имѣютъ такой частный характеръ, что говорить о вліяніи Марѳы Ивановны на московскую государственную машину на основаніи ихъ не представляется возможнымъ.

Не вмѣшиваясь въ государственныя дѣла своего сына, инокиня Марѳа Ивановна зато была полной, почти неограниченной хозяйкой царскаго дворца и имѣла сильнѣйшее вліяніе на устройство семейной жизни Михаила Ѳедоровича. Она, между прочимъ, разстроила предполагавшійся бракъ послѣдняго съ Хлоповой [5]). Съ ея разрѣшенія царь Михаилъ Ѳедоровичъ женился потомъ на кн. Долгорукой [6]); не безъ ея вліянія, конечно, состоялся и второй бракъ царя [7]).

Подобно патріарху Филарету, Марѳа Ивановна отличалась большой набожностью. Она то и дѣло путешествуетъ со своимъ сыномъ по монастырямъ. Нѣкоторыя же обители она посѣщаетъ ежегодно [8]). Заботилась Марѳа Ивановна и о благолѣпіи храмовъ. Она сдѣлала массу цѣнныхъ вкладовъ въ разные монастыри и церкви. Напримѣръ, въ Московскій Успенскій Соборъ, по описи 1627 г., Марѳа Ивановна пожертвовала слѣдующія, весьма дорогія, вещи: „Рясы жемчугъ большой, колодки и кольца и переймы и наконешники золоты съ чернью, а въ колодкахъ 8 яхонтовъ червчаты, да 8 изумрудовъ, а въ переймахъ и въ наконешникахъ 56 искорокъ бирюзъ и винисокъ, а на лицо тѣхъ камышковъ искорокъ и бирюзъ и винисокъ 48.—Серги изумрудъ на золотѣ, на нихъ 4 зерна гурминскихъ и др.“ [9]). Въ Ко-

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 64.
[2]) Платоновъ.—Журн. М. Н. Пр., 1906, XII, 298.
[3]) А. И., III, 40.
[4]) И. Хрущовъ.—Древняя и Новая Россія, 1876, XII, 334.
[5]) Илов.—Эпоха царя Мих. Ѳед. Ром., 36.
[6]) Ibid., Никон. лѣт., VIII, 247.
[7]) Никон. лѣт., VIII, 251.
[8]) И. Хрущовъ.—Древняя и Новая Россія, 1876, XII, 340.
[9]) Р. И. Б., III, 379—380.

стромской Богоявленскій монастырь Марѳа Ивановна пожертвовала въ 1619 году золотой панагійный крестъ съ двумя жемчужинами на пробоѣ [1]). Особенно много разнаго рода вкладовъ и пожертвованій сдѣлала Марѳа Ивановна въ Новоспасскій монастырь, какъ свою родовую усыпальницу. По словамъ „Кратк. ист. опис. Моск. Новосп. мон.“ Марѳа Ивановна съ Филаретомъ жаловали этотъ монастырь всѣми возможными способами—„многими вотчинами, денежными суммами, церковными утварьми и прочими вещами и обогащали преизобильно“ [2]). Какая бы нужда не случилась въ этомъ монастырѣ, Марѳа Ивановна всегда приходила ему на помощь. Потребовалось, напр., въ 1619 г. денегъ на ремонтъ монастыря—и Марѳа Ивановна немедленно выдаетъ нужную сумму. „Государыня великая царица инока Марѳа Ивановна,—читаемъ во Вкладной книгѣ,—пожаловала въ домъ ко Всемилостивому Спасу для оскудѣнія и монастырскаго (отъ поляковъ) разоренія на всякое монастырское строеніе сто рублей во 127 (1619) году, да во 128 годѣ ноября въ 17 день сто рублей. Во 128 же годѣ декабря въ 3 день 50 руб.“ [3]). Въ 1631 г. она даритъ монастырю свою вотчину (уже упомянутую) Домнино, въ Костромскомъ уѣздѣ [4]). Въ томъ же году Марѳа Ивановна даритъ 1000 руб. на „поминокъ“ по своей душѣ [5]). Наконецъ, ею же подарена монастырю масса церковной утвари, весьма драгоцѣнной по своимъ украшеніямъ и т. п. [6]).

Живя въ Вознесенскомъ монастырѣ, Марѳа Ивановна обставила свои хоромы съ царской роскошью и великолѣпіемъ. Она имѣла у себя особый штатъ прислуги—свѣтской и монашеской. Въ ея распоряженіи находились всѣ сокровища прежнихъ царицъ московскихъ. Многочисленные и цѣнные подарки, которые дѣлала Марѳа Ивановна въ свое время разнымъ лицамъ, показываютъ, что она никогда не стѣснялась въ средствахъ [7]).

Сохранились извѣстія и о грамотности Марѳы Ивановны. Она требовала себѣ временами изъ библіотеки ту или другую книгу для чтенія [8]) и писала иногда письма Филарету Никитичу во время разлуки [9]).

---

[1]) Фридеб., отд. о М. И., 9.
[2]) Кратк. ист. опис. Моск. Новосп. мон., пред., III.
[3]) Памятн. древ. письм., II, 19.
[4]) Ibid., 21—23.
[5]) Ibid., 23.
[6]) Ibid., 20—21.
[7]) И. Хрущовъ.—Древн. и Нов. Россія, 1876, XII, 335—336.
[8]) Ibid., 337.
[9]) Ibid., 338—340.

Скончалась Марѳа Ивановна 27 января 1631 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [1]). По случаю смерти своей матери и въ память ея царемъ Михаиломъ былъ основанъ цѣлый монастырь—Знаменскій [2]).

VIII.

Второй сынъ Никиты Романовича, Александръ Никитичъ, началъ показываться на придворной службѣ съ 1585 года, присутствуя на пріемахъ иностранныхъ пословъ и отправляя иногда обязанности рынды [3]). Въ 1586 году онъ сказанъ въ „крайчіе“ [4]) и назначенъ намѣстникомъ Коширскимъ [5]). Въ 1591 году Александръ Никитичъ, въ качествѣ воеводы, участвовалъ въ походѣ противъ Казы-Гирея, причемъ былъ „у Мстиславскаго и Бориса Годунова въ прибылыхъ въ думѣ“ [6]). Около 1594 года произошло уже извѣстное намъ столкновеніе его съ Борисомъ Годуновымъ, повлекшее за собой особенную ненависть послѣдняго къ Александру Никитичу [7]). Это столкновеніе, какъ мы уже говорили, было однимъ изъ симптомовъ назрѣвавшей вражды между Годуновымъ и Романовыми. Въ 1597 г. Александръ Никитичъ принимаетъ участіе въ придворной церемоніи по случаю пріема цесарскаго посла Аврама Бургграфа [8]). По смерти царя Ѳедора Ивановича Александръ Никитичъ дѣйствовалъ заодно со своимъ старшимъ братомъ въ поискахъ престола. Когда же Романовы потерпѣли фіаско, то Александръ Никитичъ, по словамъ Массы, совѣщался съ братомъ Иваномъ и съ женой Ѳедора Никитича о томъ, чтобы отдѣлаться какъ-нибудь отъ Годунова [9]). Нѣчто подобное разсказываетъ и Горсей. По его словамъ, Романовы уже давно враждовали съ Годуновымъ и что однажды Александръ Никитичъ будто-бы бросался на Годунова съ кинжаломъ въ рукѣ—и даже ранилъ его [10]). Хотя сообщеніе Горсея и не подтверждается другими источниками,

---

[1]) Снег.—Н. М., 133 (д. ст.).
[2]) Архіеп. Сергій, 14.
[3]) Др. Р. В., XIV, 493; Сборн. Селиф., 291.
[4]) Др. Р. В., XX, 63.
[5]) Карамз., X, прим. 139, 416.
[6]) Синб. сб., 115.
[7]) Сказ. М. и Г., 50—51.
[8]) Пам. дипл. сн., II, 487.
[9]) Сказ. М. и Г., 62.
[10]) Горсей.—Отеч. Зап., 1859, IX, 137.

однако, въ основѣ его лежитъ вѣрная мысль—мысль о той крайней враждебности, которая была тогда между Романовыми и Годуновымъ.

Съ внѣшней стороны царь Годуновъ и къ Александру Никитичу относился очень сдержанно и корректно. Вступивши на престолъ, Борисъ Годуновъ по обычаю даровалъ разныя милости москвичамъ,—такая милость имъ была оказана и Александру Никитичу: послѣдній былъ пожалованъ царемъ въ „бояре“ [1]). Но вражда и ненависть между давнишними врагами отъ этого не уменьшились. Передъ походомъ въ Серпуховъ, по словамъ Андр. Сапѣги, Александръ Никитичъ и его братъ пытаются еще разъ одолѣть Годунова,—для чего они составили было заговоръ противъ него и притомъ не въ свою уже пользу, а въ пользу царевича Симеона. Но и данная попытка Романовыхъ потерпѣла фіаско [2]). Борисъ Годуновъ и на этотъ разъ будто бы сохранилъ наружное спокойствіе и не тронулъ виновныхъ.

Александръ Никитичъ, подобно своему брату, и при новомъ царѣ служитъ при дворѣ, участвуя въ разныхъ торжествахъ и церемоніяхъ. Подписываетъ онъ и грамоту объ избраніи Бориса Годунова [3]). Иногда Александръ Никитичъ появляется даже у царскаго стола, какъ, напр., въ 1599 году, когда у него произошелъ мѣстническій споръ съ кн. Ѳед. Ив. Хворостининымъ [4]).

Въ 1601 году Александръ Никитичъ вмѣстѣ съ своими родными подвергся, какъ извѣстно, опалѣ отъ Годунова. Достойно вниманія при этомъ, что розыскъ на счетъ „измѣны“ Романовыхъ начался какъ разъ съ Александра Никитича: у него именно въ казнѣ были найдены тѣ роковые корешки, о которыхъ говоритъ лѣтопись [5]). Можно заключить поэтому, что Александръ Никитичъ считался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и непримиримыхъ противниковъ Бориса Годунова.

Послѣ розыска Александръ Никитичъ былъ сосланъ Годуновымъ на сѣверъ „къ Студеному морю къ Усолью рекомая Луда“—по выраженію лѣтописи [6]). Хронографы подтверждаютъ это извѣстіе, называя Усолье „маложительнымъ и безлюднымъ мѣстомъ“ [7]). Оффиціальныхъ грамотъ относительно ссыльной жизни Александра Никитича мы не имѣемъ, а потому приходится ограничиться сообщеніями частныхъ лицъ. И лѣтопись, и хронографы, и иностранцы (Масса) утверждаютъ, что Александръ Никитичъ умеръ въ ссылкѣ насильственной смертью отъ руки пристава Леонтья Лодыженскаго, склоненнаго къ этому

---

[1]) Др. Р. В., XX, 69.
[2]) Платоновъ.—Очерки, 183.
[3]) А. А. Э., II, 48.
[4]) Синб. сб., 138.
[5]) Никон. лѣт., VIII, 43.
[6]) Ibid., 44.
[7]) Изборн., 438.

будто бы самимъ царемъ [1]). Но мы уже видѣли, какъ эти частныя сообщенія расходятся съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ отношеніи другихъ ссыльныхъ Романовыхъ,—а потому и смерть Александра Никитича приписывать замыслу царя Бориса нѣтъ рѣшительно никакой возможности. По собственной иниціативѣ—„воровствомъ и хитростью“—по выраженію Годунова, приставъ еще могъ чинить какія-либо стѣсненія заточенному боярину,—но чтобы это было въ силу разрѣшенія или даже повелѣнія самого царя Бориса—едва ли можно допустить.

Когда умеръ Александръ Никитичъ въ своей ссылкѣ—точно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ еще при жизни Бориса Годунова, такъ какъ иначе Лжедимитрій вернулъ бы и его въ Москву. Въ виду смерти Александра Никитича Лжедимитрій распорядился лишь о томъ, чтобы прахъ его былъ перевезенъ въ родную усыпальницу въ Москву—что и было исполнено, какъ показываетъ наличность его гробницы въ Новоспасскомъ монастырѣ. „Лѣта 7114 (1606), марта въ 15 день погребенъ рабъ Божій болярин Александръ Никитичъ Романовъ, а преставися въ заточеніи отъ царя Бориса, Кириллова монастыря въ отчинѣ на Лудѣ“—написано на гробницѣ Александра Никитича [2]).

Александръ Никитичъ былъ женатъ два раза. Первую жену его звали Евдокіей Ивановной. Она была дочерью кн. Ивана Юрьевича Голицына. Умерла 1 авг. 1597 года; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [3]).

Второй женой его была Ульяна Семеновна Погожая. Вмѣстѣ съ дѣтьми Ѳедора Никитича, ихъ теткой и княземъ Черкасскимъ она была сослана въ 1601 году на Бѣлоозеро [4]). Въ 1603 году, по распоряженію царя Бориса, она была вмѣстѣ съ другими родными переведена въ вотчину Ѳедора Никитича, Юрьево-Польскаго уѣзда, Костромской губерніи [5]). Нами уже указывалось, что царскому приставу, сопровождавшему ссыльныхъ на Бѣлоозеро и обратно, было предписано самое вѣжливое и предупредительное отношеніе къ Романовымъ. Съ воцареніемъ Лжедимитрія Ульяна Семеновна, вѣроятно, возвратилась въ Москву. Умерла она инокиней Іуліей—5 дек. 1625 года; погребена въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ [6]).

Изъ царской грамоты по поводу перевода Ульяны Семеновны изъ Бѣлоозера въ Юрьево-Польскій уѣздъ видно, что у нея были и

---

[1]) Никон. лѣт., VIII, 44; Изборн., 438; Сказ. М. и Г., 67.
[2]) Снег.—Н. М., 131 (д. ст.).
[3]) Ibid., 130 (д. ст.).
[4]) А. И., II, 47—49; Никон. лѣт., VIII, 44.
[5]) А. И., II, 47—48.
[6]) Снег.—Н. М., 132 (д. ст.).

дѣти, которыя томились вмѣстѣ съ ней въ ссылкѣ [1]). А Масса говоритъ, что и Александръ Никитичъ будто бы былъ сосланъ въ Луду вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ своимъ Ѳедоромъ [2]). Но всѣ эти дѣти Александра Никитича, повидимому, умерли, не выйдя изъ младенческаго состоянія, такъ какъ потомъ они нигдѣ не упоминаются.

Слѣдующимъ братомъ Ѳедора—Филарета Никитича былъ злополучный Михаилъ Никитичъ. До трагической ссылки его мы знаемъ о немъ немногое. Въ первый разъ Михаилъ Никитичъ упоминается въ числѣ стольниковъ, присутствовавшихъ при пріемѣ цесарскаго посла Аврама Бургграфа въ 1597 году [3]). При воцареніи Бориса Годунова онъ былъ пожалованъ въ окольничіе [4]) и подписался подъ грамотой объ избраніи Годунова на царство [5]).

Въ 1601 году Михаилъ Никитичъ, подобно другимъ Романовымъ, ссылается въ заточеніе. Мѣстомъ ссылки его было село Ныробъ Пермской губерніи. Съ Михаиломъ Никитичемъ былъ отправленъ приставъ Романъ Тушинъ. По лѣтописи, Михаилу Никитичу сдѣлали „тюрьму отъ града семь поприщъ и тамъ удавиша и погребенъ бысть тамъ въ пустѣ мѣстѣ“ [6]).

Судьба ссыльнаго Михаила Никитича оказалась наиболѣе печальной и ужасной. На долю его выпали такія мученія и такая ужасная смерть, что не знаешь, чему болѣе удивляться—безсердечію-ли пристава, мучившаго несчастнаго узника, или силѣ мужества самого Михаила Никитича. Триста слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—а и сейчасъ, когда читаешь сохранившіяся преданія о мукахъ этого страдальца, испытываешь жгучее чувство состраданія.

Оффиціальные документы по дѣлу Михаила Никитича не сохранились,—но если-бы и сохранились они, мы едва-ли бы нашли въ нихъ указанія на соучастіе Бориса Годунова въ тѣхъ жестокостяхъ, какія чинилъ приставъ ссыльному юношѣ. Дошедшія до насъ грамоты по дѣлу другихъ братьевъ Романовыхъ даютъ полное право предполагать, что Романъ Тушинъ мучилъ свою жертву „воровствомъ и хитростью“, не только безъ вѣдома царя Бориса, но и вопреки его наказу.—О томъ, что было съ Михаиломъ Никитичемъ въ ссылкѣ его, мы узнаемъ изъ мѣстныхъ преданій, записанныхъ впервые чиновникомъ особыхъ порученій при пермскомъ губернаторѣ, Василіемъ Берхомъ въ первой четверти XIX вѣка.

Василій Берхъ въ свое время три раза посѣтилъ село Ныробъ—въ 1815, 1818 и 1819 годахъ. Интересъ къ мѣсту заточенія Михаила

---

[1]) А. И., II, 47.
[2]) Сказ. М. и Г., 67.
[3]) Шам. дипл. сн., II, 488.
[4]) Др. Р. В., XX, 70.
[5]) А. А. Э., II, 48.
[6]) Никон. Лѣт., VIII, 44.

Никитича въ немъ возбудилъ одинъ 100-лѣтній ныробецъ, по имени Максимъ Денисовичъ Пономаревъ, съ которымъ онъ познакомился въ г. Перми. Этотъ старецъ, пріѣзжая время отъ времени въ губернскій городъ по дѣламъ своей волости, встрѣчался съ Берхомъ и, въ бесѣдахъ съ нимъ, сообщалъ разныя преданія о Михаилѣ Никитичѣ. Подъ вліяніемъ разсказовъ Пономарева Берхъ рѣшилъ, наконецъ, лично побывать въ Ныробѣ и собрать тамъ тѣ свѣдѣнія, какія сохранились въ народной памяти о Михаилѣ Никитичѣ.

Пріѣхавши въ Ныробъ, Берхъ, съ помощью того же старца Пономарева, осмотрѣлъ землянку, въ которой сидѣлъ и кончилъ жизнь свою Михаилъ Никитичъ, и попутно узналъ слѣдующія интересныя подробности о ссылкѣ этого несчастнаго человѣка [1]).—Михаила Никитича привезли въ Ныробъ зимою 1601 года. Такъ какъ онъ былъ огромнаго роста и обладалъ необыкновенной силой, то стража, посланная съ нимъ и состоявшая изъ пристава Тушина и 6 человѣкъ подчиненныхъ, побоялась держать его безъ оковъ и въ обыкновенной избѣ. Для того, чтобы лишить Михаила Никитича какой-бы то ни было возможности бѣжать изъ ссылки, приставъ Тушинъ прибѣгъ къ чрезвычайной мѣрѣ. Онъ распорядился выкопать для ссыльнаго простую яму въ землѣ. На Михаила Никитича, который былъ свидѣтелемъ того, какъ копали ему яму, видъ готовящейся могилы произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ схватилъ обѣими руками сани, около которыхъ стоялъ, и отбросилъ ихъ отъ себя на нѣсколько саженей.—„Толь необыкновенная сила, говоритъ Берхъ, удивила ныробцевъ; сани были такъ тяжелы, что едва пять человѣкъ могли оныя тронуть съ мѣста“ [2]). Когда яма была готова, въ нее посадили Михаила Никитича, предварительно сковавши его. Яма была маленькая, сырая и темная, такъ какъ отверстіе было оставлено въ ней самое ничтожное. Чрезъ нѣсколько времени въ землянкѣ устроили небольшую печь, въ виду усилившихся морозовъ.

Положеніе замуравленнаго такимъ образомъ боярина было поистинѣ ужасное. Весь скованный—онъ бдительно еще охранялся приставленной стражей. А стража эта состояла изъ людей грубыхъ, жестокихъ и—главное—пьяницъ. Привыкшіе курить и пьянствовать, сторожа страшно тяготились жизнью въ Ныробѣ, гдѣ нельзя было достать ни вина, ни табаку. Свою злобу эти люди старались выместить на несчастномъ узникѣ, котораго они считали виновникомъ своего прозябанія въ Ныробѣ. Михаила Никитича они стали кормить однимъ хлѣбомъ и водой, съ цѣлью ускорить, очевидно, его кончину, а вмѣстѣ и свой отъѣздъ изъ скучнаго села.

---

[1]) Берхъ.—Путеш. въ г.г. Черд. и Солик., 99—104.
[2]) Ibid., 100.

Въ такомъ положеніи Михаилъ Никитичъ пробылъ всю зиму. За это время онъ возбудилъ къ себѣ всеобщее сочувствіе поселянъ. Когда, съ наступленіемъ весны, ныробцы узнали, что заключенному боярину ничего не даютъ, кромѣ хлѣба съ водой, то они стали чрезъ своихъ дѣтей посылать ему въ землянку масла, квасу и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Чтобы не вызвать подозрѣній со стороны пристава, дѣти, наученные родителями, приносили все это секретно въ своихъ дудочкахъ и, якобы играя съ заточеннымъ въ ямѣ, опускали ему туда вмѣстѣ съ дудочками и принесенныя вещи. Приставъ Тушинъ сначала не обращалъ вниманія на игры дѣтей около землянки,— но потомъ какъ-то замѣтилъ, что они что то опустили къ Михаилу Никитичу. Онъ тотчасъ же схватилъ заподозрѣнныхъ дѣтей, началъ пытать ихъ и узналъ въ концѣ концовъ, что, по наущенію своихъ родителей, они носятъ пищу заключенному человѣку. Начался арестъ среди сострадательныхъ поселянъ. „Злобный исполнитель годуновой мести,—говоритъ Берхъ, —схватилъ немедленно 6 сопричастныхъ ныробцевъ и отослалъ ихъ въ Москву, за крѣпкимъ карауломъ“ [1]). Въ царствованіе В. И. Шуйскаго изъ сосланныхъ шести человѣкъ двое вернулись опять въ Ныробъ, а остальные умерли „отъ жестокихъ пытокъ и изнурительнаго содержанія въ тюрьмѣ“ [2]).

Послѣ описаннаго приключенія надзоръ за землянкой Михаила Никитича сталъ еще строже. Кормили его по-прежнему хлѣбомъ и водой. Но живыхъ дѣтскихъ голосовъ теперь онъ уже не слыхалъ вблизи себя. Такъ прошло еще съ полгода,- и Михаилъ Никитичъ, наконецъ, умеръ, не вынесши ужаснаго заточенія. По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя Л. А. Б-ча, ѣздившаго въ 1909 году въ Ныробъ смерть Михаила Никитича послѣдовала 6 сентября 1603 года [3]).

Ходили слухи, что стража, желая поскорѣе покинуть Ныробъ, удавила или уморила въ концѣ концовъ сильнаго и выносливаго боярина. Но Берхъ этому не вѣритъ. „Бывши нѣсколько разъ въ помянутомъ подземельѣ,- говоритъ онъ,—думаю, что Михаилъ Никитичъ умеръ не насильственною смертью, а еще удивляюсь, какъ могъ онъ прожить годъ въ такой тѣсной и сырой ямѣ“ [4]). Упомянутый же Л. А. Б-чъ, наоборотъ, считаетъ слухи о насильственной смерти Михаила Никитича вполнѣ достовѣрными. Причемъ эту смерть ссыльнаго юноши онъ приписываетъ прямо Борису Годунову. Послѣ того, какъ Ѳедоръ Никитичъ былъ постриженъ, Михаилъ Никитичъ, по словамъ Л. А. Б-ча, сталъ для Годунова самымъ опаснымъ изъ братьевъ Романовыхъ по своей красотѣ, силѣ и энергіи. И для Годунова,

---

[1]) Ibid., 101.
[2]) Ibid.
[3]) Новое Время, 1910, № 12420, 6—7.
[4]) Берхъ.—Пут. въ г.г. Черд. и Солик., 102.

поэтому, было самымъ естественнымъ дѣломъ умертвить его. Отсутствіе же оффиціальныхъ документовъ по данному дѣлу, по мнѣнію Л. А. Б-а, говоритъ скорѣе въ пользу насильственной смерти Михаила Никитича, чѣмъ противъ ея [1]).

Согласиться вполнѣ съ приведенными разсужденіями Л. А. Б-а, намъ кажется, нельзя. Зачѣмъ нужно было Годунову умерщвлять Михаила Никитича, когда онъ могъ обезоружить его тѣмъ же постриженіемъ, которымъ онъ обезоружилъ и старшаго брата его Ѳедора? Почему Годуновъ оставляетъ въ живыхъ самаго опаснѣйшаго врага своего—Ѳедора Никитича, и вътоже время убиваетъ менѣе замѣтнаго во всѣхъ отношеніяхъ младшаго брата его, Михаила Никитича? Эти вопросы остаются безъ отвѣта. Что же касается оффиціальныхъ документовъ по дѣлу Михаила Никитича, то ихъ отсутствіе еще ничего не говоритъ въ пользу Л. А. Б-а. На основаніи аналогичныхъ грамотъ царскихъ по дѣлу другихъ братьевъ Романовыхъ мы должны притти совсѣмъ къ противоположному выводу, т. е. что Годуновъ не давалъ и не могъ дать повелѣнія умертвить Михаила Никитича. Насилія же, которыя претерпѣлъ онъ въ Ныробѣ, нужно отнести всецѣло на счетъ звѣрства пристава. Послѣдній, можетъ быть, и дѣйствительно умертвилъ Михаила Никитича, но умертвилъ его по собственной иниціативѣ.

Но какою бы смертью ни умеръ ныробскій узникъ, Берхъ во всякомъ случаѣ вполнѣ резонно удивляется тому, что онъ прожилъ цѣлый годъ въ такой сырой и холодной ямѣ, въ какую посадили его. Только съ такимъ желѣзнымъ здоровьемъ, какимъ, по преданію, обладалъ Михаилъ Никитичъ, и можно было вынести эту пытку [2]). А о необыкновенной силѣ Михаила Никитича говорятъ уже однѣ цѣпи, бывшія на немъ. По подсчету Берха, онѣ вѣсили 2 пуда (плечныя желѣза или стулъ—39 фунтовъ, ручныя желѣза—12 ф., кандалы или нижнія желѣза—19 ф. и замокъ—10 ф.) [3]). Но оказывается, что эти цѣпи раньше были еще тяжелѣе: по „лѣтописи“, хранящейся по сіе время въ Ныробской Богоявленской церкви и напечатанной въ 1910 году Л. А. Б-мъ въ „Новомъ Времени“, онѣ вѣсили цѣлыхъ три пуда [4]). Уменьшеніе вѣса въ цѣпяхъ произошло, по словамъ Л. А. Б-а, по тремъ причинамъ: прежде всего часть цѣпей была увезена въ Москву вмѣстѣ съ тѣломъ Михаила Никитича, затѣмъ—въ продолженіе 300 лѣтъ желѣзо этихъ цѣпей могло значительно износиться отъ частыхъ прикосновеній усердныхъ богомольцевъ, и, наконецъ, несом-

---

[1]) Новое Время, 1910, № 12406, 10; № 12420, 6.
[2]) Берхъ.—Путеш. въ г.г. Черд. и Солик., 102.
[3]) Ibid.
[4]) Новое Время, 1910, № 12413, 7.

нѣнно, что были случаи и частичнаго расхищенія ихъ, такъ какъ нѣкоторыя попытки къ этому уже зарегистрованы [1]).

Въ настоящее время цѣпи Михаила Никитича вѣсятъ всего лишь полтора пуда, какъ говоритъ тотъ же Б-чъ [2]). Однако люди, посѣщающіе Ныробъ и испытывающіе тяжесть ихъ, и теперь находятъ ихъ ужасными. Ѣздившій въ 1910 году въ Ныробъ—художникъ А. Маковскій всего два часа пробылъ въ этихъ цѣпяхъ, но и послѣ такого короткаго времени онъ долго чувствовалъ общую боль въ своемъ тѣлѣ. „Нѣсколько дней,—жаловался потомъ онъ,—все мое тѣло ныло, какъ избитое!“ [3]) Въ 1606 году при Димитріи Самозванцѣ прахъ Михаила Никитича былъ перевезенъ въ Москву и погребенъ въ общей усыпальницѣ бояръ Романовыхъ. „Лѣта 7114 (1606), марта въ 18 день,—написано на гробницѣ Михаила Никитича,—погребенъ рабъ Божій окольничій Михаилъ Никитичъ Романовъ, преставися въ заточеніи отъ царя Бориса въ Перми, у Николы Чудотворца въ Нырпу на погостѣ“ [4]).

Берху разсказывали, что память о мученикѣ Михаилѣ Никитичѣ не умерла среди ныробцевъ и послѣ 1606 года. Спустя семь лѣтъ послѣ того, какъ прахъ его увезли въ Москву, вблизи Ныроба появилась икона Николая Чудотворца. Первыми ее увидѣли какіе то проѣзжіе купцы, которые сообщили о томъ чердынцамъ. А чердынцы,—по преданію,—трижды пытались увезти къ себѣ этотъ образъ,—но всякій разъ икона будто-бы возвращалась на прежнее мѣсто. Благочестивые чердынцы тогда построили часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла икона. Народная вѣра связала потомъ появленіе иконы съ мученическоіі кончиноіі несчастнаго Михаила Никитича, и съ тѣхъ поръ его имя стало еще болѣе почитаться среди народа [5]). Народная молва называетъ его даже святымъ и увѣрена въ нетлѣнности его тѣла.—„Лѣтопись“ ныробской Богоявленской церкви, которую г. Б-чъ приводитъ въ своемъ докладѣ, говоритъ, что „тѣло его (Михаила Никитича) по преставленіи въ пятое лѣто изъ земли взято ничѣмъ невредимо, только отъ перста нѣкоторый членъ земля взяла“ [6]).

По словамъ Н. Брешко—Брешковскаго, посвятившаго памяти Михаила Никитича одну свою статью,—„память о страдальцѣ прочно и крѣпко живетъ въ пермяцкомъ народѣ. Онъ вѣритъ, что рано или поздно мощи Михаила Никитича вернутся къ нему въ Ныробъ“ [7]).

---

[1]) Ibid., 7—8.
[2]) Ibid., 7.
[3]) Биржевыя Вѣдом.—Вечернiй Вып., 1910, № 11934, 5.
[4]) Снег.—Н. М., 131 (д. ст.).
[5]) Берхъ.—Путеш. въ г.г. Черд. и Солик., 102—103.
[6]) Новое Время, 1910, № 12413, 7.
[7]) Бирж. Вѣдом.—Вечерн. Вып.,—1910, № 11934, 5.

Благодарный племянникъ—царь Михаилъ, по словамъ Берха, не оставилъ безъ вознагражденія бѣдныхъ ныробскихъ поселянъ, оказавшихъ такъ много сочувствія его опальному дядѣ. Узнавши о появленіи иконы возлѣ Ныроба и о томъ значеніи, какое усвоялъ народъ этому появленію, царь Михаилъ приказалъ выстроить въ Ныробѣ церковь на казенныя средства. Самъ прислалъ онъ сосуды и ризы въ эту церковь, а потомъ опредѣлилъ и двухъ священниковъ къ ней съ 20 рублевымъ казеннымъ окладомъ [1]). Сохранившаяся царская грамота отъ 1627 года чердынскому воеводѣ кн. П. Мосальскому подтверждаетъ извѣстіе Берха. Царь Михаилъ распоряжается въ своей грамотѣ о написаніи для ныробской церкви иконъ „церковнаго строенья“ и пролога, а также о пожалованіи причту руги и обѣленіи въ пользу его деревни [2]).

Кромѣ этого, царь Михаилъ пожаловалъ ныробцевъ обѣльной грамотой, по которой они освобождались отъ какихъ бы то ни было повинностей [3]). Эта обѣльная грамота не дошла до насъ. Но за то сохранилась другая грамота царя Михаила (отъ 1635 года), которая вновь подтверждаетъ дарованныя раньше ныробцамъ права и льготы. Царь Михаилъ въ своей грамотѣ требуетъ къ суду тѣхъ старостъ чердынскихъ, которые нарушили обѣльную грамоту, данную царемъ ныробцамъ, и начали было попрежнему „править“ подати съ послѣднихъ [4]). Этими льготами ныробцы пользовались до 1720 года,—послѣ же сего стали нести государственныя повинности, наравнѣ со всѣми другими крестьянами [5]).

Ныробская церковь, построенная царемъ Михаиломъ, очень скоро сгорѣла (1617), но по повелѣнію царя опять была выстроена. Въ 1680 году она снова сгорѣла,—и опять построена. Въ 1705 г. въ Ныробѣ выстроенъ былъ первый каменный храмъ, существующій и понынѣ. Рядомъ съ нимъ находится другой храмъ—Богоявленія [6]).

Въ настоящее время мѣсто заточенія Михаила Никитича представляется въ такомъ видѣ. Надъ самой землянкой, въ которой жилъ онъ и умеръ, находится часовня, построенная еще въ 1793 году „усердіемъ и стараніемъ крестьянина Максима Пономарева“—того самаго, съ которымъ велъ свои бесѣды Берхъ. Въ этой часовнѣ два раза въ годъ совершается панихида. Кромѣ часовни въ Ныробѣ находятся двѣ вышеупомянутыя церкви—во имя Николая Чудотворца (лѣтняя) и въ честь Богоявленія (зимняя). Явленная икона Николая Чудотворца стоитъ по очереди то въ одной, то въ другой церкви: лѣ-

---

[1]) Берхъ.—Путеш. въ г.г. Черд. и Солик., 103.
[2]) А. И., III, 241—244.
[3]) Берхъ.—Путеш. въ г.г. Черд. и Солик., 103.
[4]) А. А. Э., III, 391—392.
[5]) Берхъ.—Путеш. въ г.г. Черд. и Солик., 103.
[6]) Ibid., 105, 106; Новое Время, 1910, № 12413, 7.

томъ—въ лѣтней, а зимой—въ зимней. Въ Богоявленской церкви, на сѣверной сторонѣ, въ особой нишѣ устроена гробница съ покровомъ и лампадой, напоминающая гробъ Михаила Никитича. Надъ гробницей, на стѣнѣ, помѣщается та „лѣтопись“, о которой мы уже упоминали. А около гробницы, въ отдѣльномъ ящикѣ, хранятся и цѣпи Михаила Никитича [1]).

Четвертый сынъ Никиты Романовича—Никита Никитичъ—скончался еще въ молодыхъ годахъ, дослужившись лишь до званія стольника. Очевидно, по причинѣ ранней смерти его древнѣйшія родословныя и не упоминаютъ о немъ.—Смерть Никиты Никитича относится къ 1598 году [2]).

Далѣе слѣдуетъ пятый сынъ Никиты Романовича, Василій, называемый иначе Никифоромъ. Въ 1597 году, въ званіи стольника, онъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Никитичемъ присутствовалъ при пріемѣ цесарскаго посла Аврама Бургграфа [3]). Въ числѣ подписей подъ грамотой объ избраніи Бориса Годунова на царство находится подпись и Василія Никитича [4]). Ссылка Романовыхъ застала Василія Никитича очень молодымъ человѣкомъ—онъ былъ всего стольникомъ. Для него, значитъ, вся жизнь еще была впереди. Но заточеніе оказалось и для него преждевременной могилой на чужбинѣ...

Дѣло о ссылкѣ Василія Никитича почти цѣликомъ сохранилось до насъ. Мы имѣемъ около десятка грамотъ, касающихся его заточенія и смерти.—Эти грамоты рисуютъ намъ слѣдующую картину ссылки опальнаго стольника. По боярскому приговору и царскому указу отъ 1 іюля 1601 года Василій Никитичъ былъ отправленъ „въ Сибирь на житье“, съ сотникомъ Иваномъ Некрасовымъ. Сначала онъ посланъ былъ въ г. Яранскъ, а потомъ переведенъ въ Пелымъ, гдѣ жилъ въ то время другой братъ его Иванъ Никитичъ.

Сотнику Некрасову былъ данъ отъ царя наказъ, какъ можно тщательнѣе стеречь порученнаго ему узника. „Ѣдучи въ Яранской, везти дорогою Василья бережно,—говорится въ наказѣ,—чтобъ онъ съ дороги не утекъ и лиха никотораго надъ собою не учинилъ; и того беречи, чтобъ къ нему на дорогѣ и на станѣхъ никто не приходилъ, и не разговаривалъ ни о чемъ, и грамоты съ нимъ никто не сослался; а кто придетъ къ Василью и учнетъ о чемъ разговаривать, или принесетъ какое письмо, и Ивану того человѣка съ письмомъ поимавъ прислать, или распрося отписать ко Государю Царю“... [5]). Это наставленіе на счетъ „береженья“ Василія Никитича повторяется

---

[1]) Новое Время, 1910, № 12413, 6—8.
[2]) Сборн: Селиф., 105, 292.
[3]) Пам. дипл. сн., II, 488.
[4]) А. А. Э., II, 49.
[5]) А. И., II, 35.

въ наказѣ нѣсколько разъ. По пріѣздѣ въ Яранскъ, Некрасову предписывается „съ двора Василья и дѣтины его [1]) спущати никуды не велѣть"—и снова: „того беречи накрѣпко, чтобъ къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ, и не разговаривалъ съ нимъ ни о чемъ" и т. д. [2]). Заканчивается наказъ опять повелѣніемъ „держати къ Василью береженье великое, чтобъ съ дороги и изъ Яранскаго не утекъ" и т. п. [3]).

Самое помѣщеніе для ссыльнаго Василія Никитича обставляется съ большою таинственностью, съ соблюденіемъ всяческихъ предосторожностей. Борисъ Годуновъ строго наказываетъ оберегать узника отъ сообщенія съ міромъ. Его велѣно помѣстить и въ Яранскѣ какъ можно дальше отъ людей. „А въ Яранской пріѣхавъ,—сказано въ наказѣ,—занять себѣ и для Василья дворъ въ городѣ, чтобъ отъ церкви, и отъ съѣзжей избы, и отъ жилецкихъ дворовъ подалѣ" [4]). Если же такого изолированнаго дома не найдется въ Яранскѣ, царь приказываетъ поставить для ссыльнаго новый дворъ и „чтобъ не близко жилецкихъ дворовъ и дороги бы мимо дворъ прохожія не было" [5]). Предписывая такое строгое „береженье", царь Борисъ, однако, заботится о жизни ссылаемаго—чтобъ и „лиха никоторого надъ собою не учинилъ". Ни о мореніи голодомъ Василія Никитича, ни о другихъ притѣсненіяхъ, которыя обычно приписываются Годунову, наказъ не говоритъ. На счетъ же пищи въ наказѣ говорится слѣдующее: „А корму Василью давать съ человѣкомъ: по колачу да по два хлѣба денежныхъ, да въ мясные дни по двѣ части говядины да по части боранины. а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ лучится, да квасъ житной; а на кормъ послано... сто рублевъ денегъ" [6]).

Василій Никитичъ прибылъ съ сотникомъ Некрасовымъ въ Яранскъ 22 іюля.—Изъ отписки Некрасова отъ 4 авг. 1601 года видно, что послѣдній проявилъ слишкомъ много усердія на счетъ „береженья" порученнаго ему узника—столько, сколько не требовалъ отъ него и самъ царь Борисъ. Никто Некрасову не указывалъ заковывать Василія Никитича въ цѣпи, а онъ между тѣмъ везъ его все время скованнымъ. Василію Никитичу такъ было тяжело, что онъ однажды, по словамъ Некрасова, попытался насильно избавиться отъ оковъ. „Ѣдучи, укралъ онъ у меня на Волгѣ,—писалъ потомъ сотникъ царю,—чѣпной ключъ да и въ воду кинулъ, для того, чтобъ я

---

[1]) Какъ оказалось, Василій Никитичъ былъ взятъ Иваномъ Некрасовымъ и увезенъ безъ „дѣтины"—Ibid., 35, 39.

[2]) Ibid., 35.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid.

его не ковалъ; и хотѣлъ у меня утечь, и я, холопъ твой, и другой ключъ прибралъ, и на него чѣпь и желѣза, за его воровство, положилъ“ [1]). Обращеніе Некрасова съ Василіемъ Никитичемъ, какъ видно, было весьма жестокое. Надо полагать, поэтому, что и содержаніе ему Некрасовъ выдавалъ—„мимо Государева наказу“—весьма скудное, недостаточное. Въ своей готовности услужить царю онъ не остановился даже предъ нарушеніемъ царскихъ приказаній.

Всю дорогу до Яранска Василій Никитичъ молчалъ. Только пріѣхавши на мѣсто ссылки, онъ первый разъ заговорилъ со своимъ приставомъ. Подобно Филарету, Василій Никитичъ упрекалъ бояръ—лиходѣевъ, погубившихъ его семью: „погибли де мы напрасно, безъ вины, ко Государю въ наносѣ, отъ своей же братьи; а они де на насъ наносили не узнався, а и сами де они помрутъ вскорѣ, преже насъ“ [2]).

Въ Яранскѣ Василій Никитичъ пробылъ всего лишь шесть недѣль, и по указу 9 августа 1601 г. былъ посланъ съ тѣмъ же сотникомъ Некрасовымъ въ г. Пелымъ, гдѣ уже отбывалъ свое заточеніе братъ его Иванъ Никитичъ [3]). По прибытіи въ Пелымъ (20 ноября), Некрасовъ, согласно царскому указу, передалъ Василія Никитича приставу Смирному Маматову, у котораго на рукахъ находился и Иванъ Никитичъ,—а самъ отправился въ Москву. Здѣсь ему бояре учинили 10 января допросъ, на какомъ основаніи онъ ковалъ Василія Никитича. Иванъ Некрасовъ призналъ свою вину предъ государемъ. Въ оправданіе свое онъ ссылался прежде всего на примѣръ Смирнова Маматова, который везъ Ивана Никитича тоже скованнымъ. Затѣмъ указывалъ на то, что онъ, Иванъ, „блюлся отъ него (Василья) побѣгу“, особенно въ виду ходившихъ кругомъ тревожныхъ слуховъ. И, наконецъ, оправдывалъ свою вину тѣмъ, что до сихъ поръ не получалъ никакого указа отъ государя по данному предмету, хотя де онъ и доносилъ ему, что везъ Василія Никитича скованнаго [4]). Изъ дѣла не видно, получилъ-ли какое наказаніе сотникъ Некрасовъ за нарушеніе наказа. Но несомнѣнно, что и царь, и бояре отнеслись отрицательно къ самовольному поступку его, такъ какъ вслѣдъ за допросомъ Некрасова изъ Москвы былъ посланъ въ Пелымъ царскій указъ приставу Маматову о томъ, чтобы онъ немедленно снялъ оковы съ Ивана и Василія Романовыхъ, посаженныхъ было имъ „въ одной избѣ, на чѣпяхъ по угломъ“. „Ивана и Василья Романовыхъ ковати вамъ не велѣно,—пишетъ царь: и вы то сдѣлали мимо нашего указу.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Ивана и Василья рас-

---

[1]) А. И., II, 39.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 39—40.
[4]) Ibid., 41—42.

ковалъ“ [1]). Въ концѣ указа Маматову напоминается о томъ, чтобъ и „кормъ“ онъ давалъ имъ „доволенъ“, какъ сказано въ наказѣ [2]). Очевидно, въ Москвѣ стало извѣстно о притѣсненіяхъ, которыя испытывали братья Романовы въ своей ссылкѣ,—и правительство рѣшило принять мѣры противъ произвола и насилія жившихъ при нихъ приставовъ.—Но было уже поздно,—по крайней мѣрѣ въ отношеніи Василія Никитича. Указъ о снятіи оковъ съ Романовыхъ былъ подписанъ 15 января 1602 года, а 15 февраля того же года Василій Никитичъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ мученій, скончался отъ ранъ и опухолей, появившихся у него вслѣдствіе ношенія желѣзныхъ цѣпей. Цѣлыхъ три мѣсяца лежалъ въ постели несчастный юноша. Даже приставъ сжалился надъ страданіями Василія Никитича, и снялъ съ него, наконецъ, на время болѣзни, тяжелыя оковы. Вотъ какъ доноситъ царю Маматовъ о смерти опальнаго стольника: „Взялъ я, холопъ твой, у Ивана Некрасова, твоего государева измѣнника Василія Романова, ноября въ 20-е число, больна, только чуть жива, на чѣпи, опохъ съ ногъ; и я, холопъ твой, для болѣзни его, чѣпь съ него снялъ, и сидѣлъ въ болѣзни его у него братъ его Иванъ да человѣкъ ихъ Сенька; и я, холопъ твой, ходилъ къ нему, и попа къ нему пущалъ, и преставился февраля 15-е число“ [3]).

Василій Никитичъ, по словамъ Ивана Некрасова, заболѣлъ еще на дорогѣ изъ Яранска въ Пелымъ. Расчетливый приставъ поскупился нанять для него подводу,—и Василію Никитичу двѣ съ половиной недѣли пришлось итти пѣшкомъ, почти безъ отдыха, такъ какъ днемъ шли, а на ночь приставъ его заковывалъ въ желѣзо. Въ концѣ дороги Василій Никитичъ такъ надорвалъ себя и ходьбой, и цѣпями, что слегъ окончательно и ѣхалъ нѣкоторое время въ саняхъ. „А шли они волокомъ пѣши,—докладывалъ Некрасовъ,—отъ Соли отъ Камской до Верхотурья, полтретьи недѣли..., а какъ шли пѣши, и онъ съ Василья чѣпь сымалъ, шелъ онъ простъ, а къ ночи чѣпь на него клалъ для того, чтобъ у него не утекъ. А какъ прошли Верхотурье, къ Пелыни, и Василій разболѣлся, и онъ, Иванъ, везъ его въ санѣхъ простого; а какъ ему полегчѣло, и онъ на него опять чѣпь клалъ“ [4]). Несмотря на болѣзнь Василія Никитича, Некрасовъ передаетъ его Маматову, по прибытіи въ Пелымъ, все таки закованнымъ. А Смирной Маматовъ, хотя и доносилъ въ Москву, что Василій Никитичъ прибылъ въ Пелымъ „чуть живъ“, тѣмъ не менѣе цѣпей съ него не снялъ, а „посадилъ Василья Романова съ братомъ, съ Иваномъ, въ одной избѣ, на чѣпяхъ же, по угломъ“ [5]).

---

[1]) Ibid., 42.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 41—42.
[5]) Ibid., 42.

Изъ сказаннаго ясно, какую роковую роль въ судьбѣ братьевъ Романовыхъ сыграли чрезъ мѣру услужливые и безсердечные пристава. Смерть Василія Никитича, Михаила Никитича, а, можетъ быть, и Александра Никитича лежитъ безусловно на совѣсти этихъ приставовъ. Получивши наказъ „держати великое береженье“ по отношенію къ ссылаемымъ и боясь царскаго гнѣва, въ случаѣ побѣга послѣднихъ, пристава, для большаго спокойствія, надѣваютъ на нихъ, по своей собственной иниціативѣ, трехпудовыя цѣпи, и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности не только бѣжать, но и просто двигаться. Тяжелое желѣзо стираетъ тѣло узниковъ; у нихъ появляются опухоли, раны, нарывы; начинаются мученія и стоны и т. д.—но приставъ думаетъ только о томъ, чтобы порученный ему бояринъ „не утекъ“. Онъ добровольно соглашается быть виновникомъ мучительныхъ страданій и преждевременной смерти опальнаго, лишь бы только не подвергнуть риску свою собственную голову въ случаѣ „утека“ ссыльнаго. Лучше,—думаетъ приставъ,—нарушить право слабѣйшаго, чѣмъ прогнѣвать сильнѣйшаго.

Насколько обращеніе приставовъ съ Романовыми расходилось съ царскими наказами, показываетъ слѣдующій случай брани, съ которой однажды обратился приставъ Некрасовъ къ Василію Никитичу. „Кому деи Божьимъ милосердьемъ, и постомъ, и молитвою, и милостынею, Богъ далъ царство,—упрекалъ онъ Романова,—а вы деи злодѣи измѣнники хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ“ [1]). Мы уже говорили, какую корректность въ отношеніи опальныхъ Романовыхъ предписывалъ Борисъ Годуновъ своимъ приставамъ. Однако, пристава не только позволяли себѣ „мимо наказу“ безчестить ихъ, но еще, съ цѣлью выслужиться, открыто сознавались въ этомъ.

Лжедимитрій, вступивши на престолъ, вмѣстѣ съ прахомъ Александра и Михаила Никитичей, распорядился перевезти въ Москву прахъ и Василія Никитича. Сохранилась и грамота его въ Пелымъ по этому поводу, адресованная на имя Алексѣя Зюзина и Максима Радилова и датированная 31 дек. 1605 года. Для перевоза тѣла Василія Никитича были посланы слуги брата его, тогда уже боярина, Ивана Никитича Романова [2]). Погребенъ Василій Никитичъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Время погребенія его тамъ неизвѣстно, такъ какъ надгробная надпись говоритъ лишь о днѣ смерти его въ Пелымѣ [3]).

Шестой сынъ Никиты Романовича былъ Иванъ Никитичъ, по прозванію Каша [4]),—единственный мужчина изъ своей семьи (кромѣ

---

[1]) Ibid., 41.
[2]) Собр. г. гр. и д., II, 250.
[3]) Снег.—Н. М., 130 (д. ст.).
[4]) Времен., 1851, X, 161.

Филарета Никитича), пережившій сравнительно благополучно годину гоненій.—Иванъ Никитичъ началъ упоминаться въ нашихъ древнихъ историческихъ памятникахъ ранѣе даже нѣкоторыхъ своихъ старшихъ братьевъ (напр., Михаила и Василія Никитичей). Еще 10 іюля 1591 года онъ пріѣзжаетъ къ войску, въ Серпуховъ—„боярамъ и воеводамъ править отъ государя поклонъ“ и отъ имени царя раздать подарки воеводамъ по случаю избавленія отъ непріятеля (Казы-Гирея) [1]). Появляется Иванъ Никитичъ и при пріемѣ цесарскаго посла Аврама Бургграфа въ 1597 г. [2]). По смерти царя Ѳедора Ивановича, Иванъ Никитичъ, какъ можно догадываться на основаніи словъ Массы, принималъ дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ противъ кандидатуры Годунова [3]). Въ грамотѣ объ избраніи Годунова царемъ есть подпись и Ивана Никитича, въ званіи стольника [4]). При царѣ Борисѣ мы встрѣчаемся съ Иваномъ Никитичемъ (до его ссылки) всего одинъ разъ—въ 1599 году, когда онъ, въ званіи чашника, присутствуетъ при пріемѣ шведскаго королевича Густава [5]).

Подобно своимъ братьямъ, Иванъ Никитичъ, вслѣдствіе опалы государя на Романовыхъ, по указу 30 іюня 1601 года, былъ тоже сосланъ въ заточеніе [6]). Мѣстомъ ссылки для него былъ назначенъ сибирскій городъ Пелымъ; приставомъ у него былъ Смирной Маматовъ. Наказъ послѣднему былъ данъ совершенно тожественный съ тѣмъ, какой получилъ приставъ Некрасовъ, т. е. и Маматову приказано было какъ можно лучше „беречь“ ссылаемаго [7]). Въ результатѣ такого строгаго наказа получилось то, что Смирной Маматовъ еще предъ отъѣздомъ изъ Москвы заковалъ Ивана Никитича въ желѣзо, и такимъ образомъ везъ его всю дорогу. Мы узнаемъ объ этомъ изъ словъ пристава Некрасова, которыя онъ сказалъ на допросѣ 10 января 1602 г. [8]). По словамъ того-же Некрасова, Маматовъ и въ Пелымѣ держалъ Ивана Никитича на цѣпи, въ углу [9]).

Сначала Иванъ Никитичъ жилъ въ Пелымѣ одинъ; съ 20-го же ноября 1602 г. въ одной избѣ съ нимъ помѣщенъ былъ и Василій Никитичъ, доставленный сюда Некрасовымъ „чуть живымъ“ [10]). На допросѣ Некрасовъ докладывалъ потомъ боярамъ, что Смирной, при-

---

[1]) Синб. сб., 118.
[2]) Пам. дипл. сн., II, 488.
[3]) Сказ. М. и Г., 62.
[4]) А. А. Э., II, 49.
[5]) Синб. сб., 141.
[6]) А. И., II, 34.
[7]) Ibid., 35.
[8]) Ibid., 41.
[9]) Ibid., 42.
[10]) Ibid., 40—42.

нявши отъ него Василія Никитича, посадилъ его „съ братомъ съ Иваномъ, въ одной избѣ, на чѣпяхъ же, по угломъ“ [1]). Пристава, очевидно, считали оковы для опальныхъ вполнѣ естественными и необходимыми и не стѣснялись заявлять объ этомъ своему начальству, хотя послѣднее въ своихъ наказахъ даже и не упоминало о желѣзѣ и цѣпяхъ. Откровенность Ивана Некрасова оказалась, однако, очень полезной для Ивана Никитича. Правительство, какъ было отмѣчено, узнавши о произволѣ и насиліи приставовъ, тотчасъ же отправило Маматову приказъ расковать Ивана Никитича съ его братомъ Василіемъ [2]). Но Василій Никитичъ, какъ видно изъ донесенія Маматова о смерти его, не дожилъ до полученія въ Пелымѣ этого приказа,—и благами послѣдняго воспользовался одинъ лишь Иванъ Никитичъ—и то только послѣ смерти своего несчастнаго брата, такъ какъ Маматовъ въ своей отпискѣ по случаю смерти Василія Никитича ничего не говоритъ еще о полученіи царскаго указа о снятіи оковъ [3]).

Иванъ Никитичъ, какъ видно изъ упомянутой отписки, ухаживалъ вмѣстѣ со своимъ слугой за больнымъ, умиравшимъ братомъ и присутствовалъ при его кончинѣ [4]).

Муки заточенія и боли отъ тяжелыхъ цѣпей подѣйствовали разрушающимъ образомъ и на здоровье Ивана Никитича. У него повторился параличъ руки и ноги, которымъ онъ страдалъ и ранѣе когда-то. Еще сообщая о смерти Василія Никитича, Маматовъ упоминаетъ въ концѣ своей отписки объ этой болѣзни Ивана Никитича: „а измѣнникъ твой Государевъ Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу маленько приступаетъ“ [5]). Болѣзнь Ивана Никитича, то усиливаясь, то ослабѣвая, продолжается во все время его заточенія.

Подъ вліяніемъ смерти Василія Никитича и извѣстія о болѣзни его брата Ивана сердце Годунова понемногу начинаетъ смягчаться по отношенію къ Романовымъ—и въ особенности къ Ивану Никитичу. Оковы съ него были сняты еще ранѣе, по указу 15 янв. Теперь же, по указу царя Бориса отъ 28 марта 1602 г., Иванъ Никитичъ переводится изъ далекой Сибири ближе къ Москвѣ—въ Уфу. Причемъ этотъ переводъ стоитъ въ прямой связи со смертью Василія Никитича и болѣзнью Ивана Никитича. „Писалъ еси къ намъ, сказано въ указѣ Маматову въ Пелымъ, что Василья Романова не стало, а братъ его Иванъ Романовъ боленъ же.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота при-

---

[1]) Ibid., 42.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

детъ, и ты-бъ, взявъ Ивана Романова и человѣка его, ѣхалъ на Уфу“... [1]).

Не предрѣшая пока дальнѣйшей судьбы Ивана Никитича, Борисъ Годуновъ велитъ Маматову, по пріѣздѣ въ Уфу, остаться тамъ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій отъ царя. Приближая пелымскаго узника къ Москвѣ, а, слѣдовательно, и къ освобожденію отъ заточенія, Годуновъ, однако, не рѣшается ослабить надзоръ за нимъ. И теперь онъ наказываетъ приставу: „ѣдучи дорогою, и живучи на Уфѣ, къ Ивану береженье держалъ бы еси великое, по нашему наказу“ [2]). Но въ отношеніи стола для Ивана Никитича замѣтно улучшеніе: „А корму Ивану съ человѣкомъ, пишетъ царь теперь, въ постные дни давалъ-бы еси по три блюда рыбы, какова гдѣ лучится“ и т. д. [3]). По первому же наказу ему полагалось всего два блюда [4]). Указъ о переводѣ Ивана Никитича въ Уфу пришелъ въ Пелымъ черезъ два мѣсяца слишкомъ,—и Иванъ Никитичъ поэтому отправился къ мѣсту новаго назначенія только 11 іюня, т. е. тогда, когда уже давно состоялось новое рѣшеніе въ Москвѣ—о переводѣ его изъ Уфы въ Н.-Новгородъ на царскую службу. Иванъ Никитичъ выѣхалъ изъ Пелыма совершенно больнымъ и разбитымъ. Еще за мѣсяцъ до отъѣзда изъ Пелыма Маматовъ доносилъ царю, что „Иванъ Романовъ разболѣлся, маія въосмый день, старою своею черною болѣзнью, рукою и ногою не владѣетъ и языкъ ся отнялъ, лежитъ при концѣ“, и что онъ, Маматовъ, даже „попа пущалъ“ къ нему [5]). Въ такомъ болѣзненномъ состояніи Маматовъ повезъ Ивана Никитича и въ Уфу. Только дорогой больной почувствовалъ нѣкоторое облегченіе—„вѣзучи языкъ у него появился, рукою сталъ владѣть“,—ноги же попрежнему болѣли, и нельзя было ходить—„а ноги обѣ въ колѣнѣхъ сволокло, на персты маленко приступаетъ, и то водятъ, а сказываетъ сердце здорово, а ѣстъ довольно“ [6]).

28 мая 1602 г. Борисъ Годуновъ рѣшилъ перевести Ивана Никитича еще ближе къ столицѣ—въ Нижній Новгородъ, и даже пожаловалъ его назначеніемъ на свою царскую службу [7]). Царь, повидимому, все болѣе и болѣе смягчается. Въ наказѣ приставамъ о переводѣ Ивана Никитича съ кн. Черкасскимъ въ Н.-Новгородъ три раза говорится о томъ, чтобы пристава всемѣрно заботились объ опальныхъ, чтобъ „имъ однолично ни въ чемъ нужи никоторыя не было и жили бъ они и ходили просты“, и чтобъ „лиха бъ надъ собою ни-

---

[1]) Ibid., 43.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 35.
[5]) Ibid., 45.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., 43—44.

котораго не учинили“ [1]). Пища увеличивается въ два раза противъ предыдущаго: „а корму въ постные дни давали бъ есте по шти блюдъ рыбы, какова лучится, а въ мясные дни по три части боранины да по три части говядины; а хлѣбъ давали какъ имъ мочно сытымъ быти безъ нужи, а пить давали квасъ житной“ [2]). Но и здѣсь еще замѣтенъ призракъ недовѣрія царя къ Романову. Несмотря на свои милости къ Ивану Никитичу, несмотря на возвращеніе его изъ ссылки, царь все-таки наказываетъ приставу „беречи накрѣпко“, чтобъ никто не подходилъ къ Романову, чтобъ письма какого не принесли ему и т. п. [3]).

Указъ отъ 28 мая полученъ Маматовымъ 6 іюня,—а 25 іюня онъ уже прибылъ съ Иваномъ Никитичемъ въ Н.-Новгородъ. Причемъ Иванъ Никитичъ по прежнему лежитъ больнымъ—„маленько на персты приступаетъ, и то водятъ“ [4]). Пока они находились въ Н.-Новгородѣ, изъ Москвы пришла новая грамота относительно милостей царскихъ къ Ивану Никитичу съ кн. Черкасскимъ. Въ этой грамотѣ подтверждается прежній царскій указъ о заботливомъ уходѣ за опальными, а также и о столѣ ихъ. Сверхъ шести прежнихъ блюдъ царь разрѣшаетъ теперь выдавать имъ и меду съ пивомъ, буде того захотятъ они [5]).

Указами отъ 17 сент. и 14 окт. 1603 года Иванъ Никитичъ, наконецъ, былъ пожалованъ царемъ возвращеніемъ въ Москву. Ни о какомъ надзорѣ за нимъ въ этихъ указахъ уже не говорится,—рекомендуется лишь повременить отъѣздомъ изъ Н.-Новгорода въ случаѣ нездоровья Ивана Никитича [6]). Но Иванъ Никитичъ къ этому времени, очевидно, нѣсколько поправился, такъ какъ оказался въ состояніи отправиться въ дорогу. 12 окт. 1603 г. Иванъ Никитичъ покинулъ Н.-Новгородъ и уѣхалъ по направленію къ Москвѣ [7]). Когда и гдѣ поселился Иванъ Никитичъ на жительство послѣ своего возвращенія изъ ссылки—точныхъ свѣдѣній не сохранилось.

Можетъ возникнуть вопросъ: почему Борисъ Годуновъ отнесся съ особымъ благоволеніемъ и вернулъ изъ ссылки именно Ивана Никитича и не вернулъ, напр., Ѳедора—Филарета? Едва-ли ошибемся, если объяснимъ это тѣмъ, что Иванъ Никитичъ былъ неизлѣчимоболенъ, а слѣдовательно и не страшенъ для царя въ качествѣ конкурента, такъ какъ паралитика ни въ какомъ случаѣ не выбрали бы царемъ.

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 45.
[5]) Ibid., 46.
[6]) Ibid., 47, 49.
[7]) Ibid., 50.

До воцаренія Лжедимитрія Иванъ Никитичъ живетъ въ полной тѣни. Розыскъ и опала наложили въ глазахъ правительства Годунова черное пятно на Романовыхъ,—и Ивану Никитичу не довѣряютъ, повидимому, никакой высокой и отвѣтственной должности. Картина совершенно мѣняется, когда на престолѣ сѣлъ мнимый сынъ Грознаго и якобы двоюродный братъ Романовыхъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, возвращаются въ Москву и осыпаются всевозможными милостями отъ царя. Иванъ Никитичъ, какъ старшій членъ въ своемъ родѣ сохранившій свѣтское званіе, сразу же возводится самозванцемъ въ боярское достоинство [1]). По словамъ одного сказанія Лжедимитрій при этомъ „всѣмъ ево обильно наполнилъ“ [2]). Въ числѣ другихъ знатнѣйшихъ бояръ Иванъ Никитичъ былъ предназначенъ занять и въ „Совѣтѣ его цесарской милости духовныхъ и свѣтскихъ персонъ“, проектированномъ Лжедимитріемъ [3]). Несмотря на благоволеніе къ себѣ Лжедимитрія, Иванъ Никитичъ принималъ все-таки участіе въ заговорѣ противъ него и сверженіи его съ престола—17 мая [4]).

Въ царствованіе Шуйскаго Иванъ Никитичъ вмѣстѣ со всѣми членами романовской партіи находился почти въ открытой оппозиціи царю. Вначалѣ, впрочемъ, отношенія Ивана Никитича къ Шуйскому кажутся еще благожелательными. Онъ сражается съ врагами царя—со вторымъ самозванцемъ и его приверженцами. По словамъ никоновской лѣтописи, Иванъ Никитичъ и кн. Дан. Мезецкій одержали рѣшительную побѣду на рѣкѣ Выркѣ надъ ворами и даже убили предводителя ихъ, кн. Вас. Мосальскаго [5]). Царь Шуйскій наградилъ Ивана Никитича за побѣду надъ кн. Мосальскимъ золотой медалью [6]). Присутствуетъ Иванъ Никитичъ и на свадьбѣ царя Василья Ивановича въ 1608 г.—мы видимъ его „въ поѣзду“ и на второмъ даже мѣстѣ [7]). Но уже въ томъ же 1608 г. обнаруживается и недоброжелательство Ивана Никитича къ Шуйскому. Подъ его предводительствомъ царемъ было послано войско противъ Вора. Но это войско успѣло дойти только до рѣчки Незнани, а затѣмъ, по приказанію царя, вернулось въ Москву. Причиной внезапнаго возвращенія всего войска въ столицу, по словамъ лѣтописи, было то, что въ полкахъ „нача быти шатость“—открылся заговоръ среди воеводъ измѣнить Шуйскому и перейти къ самозванцу [8]). Хотя лѣтопись изъ числа сосланныхъ

---

[1]) Др. Р. В., XX, 76.
[2]) Р. И. Б., XIII, 813.
[3]) Собр. г. гр. и д., II, 209; А. З. Р., IV, 285.
[4]) Платоновъ.—Очерки, 233.
[5]) Никон. лѣт., VIII, 85.
[6]) Карамз., XII, 32 (5 изд.).
[7]) Др. Р. В., XIII, 123.
[8]) Никон. лѣт., VIII, 97.

именныхъ потомъ заговорщиковъ упоминаетъ только князей—Ив. Катырева, Юр. Трубецкого, Ив. Троекурова и нѣкот. друг. и ничего не говоритъ о Иванѣ Никитичѣ, однако, проф. Платоновъ утверждаетъ, что этотъ заговоръ состоялся не безъ участія Романовыхъ. Вопреки тѣмъ историкамъ, которые считаютъ заговорщиками въ данномъ случаѣ только указанныхъ лѣтописью воеводъ, Платоновъ говоритъ,—что „сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ даетъ поводъ думать, что движеніе въ войскѣ не было мелкимъ замысломъ отдѣльныхъ лицъ, искавшихъ карьеры, а исходило изъ вліятельнаго круга Романовыхъ. Оно имѣло, очевидно, большую силу, если Шуйскій нашелъ нужнымъ все войско возвратить въ Москву“ [1]. .Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ Платоновъ указываетъ и главное основаніе для такого именно заключенія: всѣ заговорщики, перечисленные лѣтописью, находились въ близкомъ родствѣ съ Романовыми (кн. Ив. Катыревъ—зять Ѳед. Ник. Романова, кн. Ив. Троекуровъ—шуринъ его и т. д.), и всегда, поэтому, принадлежали къ одной политической партіи съ Романовыми [2].

Вмѣстѣ со своимъ братомъ, митрополитомъ Филаретомъ, Иванъ Никитичъ, несомнѣнно, былъ въ числѣ главныхъ вдохновителей и переворота 17 іюля 1610 года, положившаго конецъ царской власти Шуйскаго, хотя онъ и не появлялся лично въ уличной толпѣ, свергнувшей царя. Въ эпоху междуцарствія, послѣдовавшую за указаннымъ переворотомъ, Иванъ Никитичъ входилъ въ составъ временнаго боярскаго правительства, управлявшаго тогда государствомъ. За его, между прочимъ, подписью шли грамоты и смоленскимъ воеводамъ (Шеину и кн. Горчакову) о немедленной сдачѣ города польскому королю [3], и Филарету съ другими послами—о подчиненіи Сигизмунду и съ упреками въ нарушеніи якобы наказа, [4]—и въ др. мѣста [5].

Подобно другимъ боярамъ, засѣвшимъ тогда въ осажденной Москвѣ, Иванъ Никитичъ склоняется скорѣе на сторону поляковъ и Владислава, чѣмъ на сторону Вора. Поэтому, въ числѣ другихъ, онъ совѣтуетъ предъ Гермогеномъ о томъ, чтобы впустить часть польско-литовскаго войска въ Москву для защиты отъ самозванца. По словамъ польскихъ пословъ, Иванъ Никитичъ слѣдующимъ образомъ убѣждалъ Гермогена: „вѣдаешь дей ты самъ, какова въ людѣхъ на Москвѣ смута, надобѣ намъ свои головы отъ Вора оберегати, а воинскихъ людей польскихъ и литовскихъ для береженья въ столицу впустити, или въ Дѣвичьемъ монастырѣ да по слободамъ поставити; и коли на то не произ-

---

[1]) Платоновъ.—Древнерус. сказ. и пов., 211—212.
[2]) Ibid.
[3]) А. И., II, 379.
[4]) Ibid., 383.
[5]) Собр. г. гр. и д., II, 582, 587.

волишь, и то вѣдаешь ты, а станется столицѣ какое дурно отъ Вора, ино наши души въ томъ передъ Богомъ и Господарствомъ будутъ чисты; а нынѣ только гетманъ пойдетъ съ войскомъ прочь отъ столицы, и намъ ити за нимъ, а головъ нашихъ не выдати вору“ [1]). Это обстоятельство дало поводъ полякамъ считать потомъ Ивана Никитича своимъ вѣрнымъ союзникомъ и наилучшимъ образомъ отзываться о немъ: „а дѣлалъ то Иванъ Никитичъ яко человѣкъ добрый, правдивый, не вѣдаючи брата своего Филарѣта съ патріархомъ тайного совѣту“ [2]). Поляки, какъ видно, полагали, что Иванъ Никитичъ не былъ освѣдомленъ относительно истинныхъ плановъ и намѣреній своего брата—но это безусловно ошибка. За время междуцарствія мы имѣемъ документальныя доказательства переписки Ивана Никитича съ Филаретомъ, находившимся тогда подъ Смоленскомъ. Сохранилось, напр., письмо его къ Филарету Никитичу отъ 24 февраля 1611 г., въ которомъ Иванъ Никитичъ проситъ брата „писать о своемъ душевнѣмъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи“ и т. п. [3]). Находясь въ постоянномъ живомъ общеніи между собой, Иванъ Никитичъ и митрополитъ Филаретъ безусловно дѣлились и своими мыслями по поводу текущихъ событій, и тѣми планами, которые имъ рисовались въ зависимости отъ того или иного политическаго момента.

Хотя въ избирательную кампанію 1613 г. дѣятельность Ивана Никитича и не бросается въ глаза, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что и онъ вложилъ свою лепту въ дѣло избранія Михаила Ѳедоровича Романова. Наряду съ другими избирателями Иванъ Никитичъ подписалъ и соборную грамоту объ избраніи Михаила Ѳедоровича [4]). Въ чинѣ вѣнчанія на царство новоизбраннаго царя Ивану Никитичу предложено было нести царскую шапку—порученіе одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ [5]).

Съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича Иванъ Никитичъ становится самымъ вліятельнымъ и приближеннымъ къ царю бояриномъ. Участвуя вмѣстѣ съ другими боярами въ засѣданіяхъ Боярской Думы, [6]) Иванъ Никитичъ въ то-же время во всѣхъ болѣе или менѣе торжественныхъ случаяхъ присутствуетъ и въ царскихъ палатахъ. Сравнительно съ другими боярами Иванъ Никитичъ пользуется во дворцѣ исключительною честью,—что иногда возбуждало зависть у его товарищей и мѣстническіе споры. Такъ, въ 1613 г. 8 сентября, по Дворцовымъ разрядамъ, произошелъ слѣдующій споръ на парадномъ обѣдѣ у царя Михаила между Иваномъ Никитичемъ и кн. Бор.

---

[1]) А. З. Р., IV, 477.
[2]) Ibid.
[3]) А. И., II, 376.
[4]) Собр. г. гр. и д., I, 637.
[5]) Ibid., III, 71.
[6]) Др. Р. В., XX, 87; Собр. г. гр. и д., III, 119.

Мих. Лыковымъ. Князь Лыковъ, оскорбленный тѣмъ, что его посадили ниже Ивана Никитича, билъ царю челомъ на послѣдняго, говоря, что „ему менши его (Ивана Никитича) быть не вмѣстно“. А Иванъ Никитичъ увидя въ этомъ челобитьи безчестье для себя, обратился въ свою очередь къ царю со встрѣчной жалобой на кн. Лыкова. Царь, какъ и слѣдовало ожидать, правымъ призналъ своего роднаго дядю, а кн. Борису предложилъ сѣсть на то мѣсто, какое ему указано, такъ какъ „подъ Иваномъ Никитичемъ быти ему мочно“ [1]). Кн. Лыкову ничего не оставалось, какъ примириться на этотъ разъ со своимъ положеніемъ [2]). Но въ слѣдующемъ году онъ снова возбудилъ мѣстническій споръ съ Ивановъ Никитичемъ и опять по поводу мѣста за царскимъ столомъ. При этомъ кн. Лыковъ такъ упорно мѣстничалъ, что не слушалъ рѣшительно никакихъ увѣщаній со стороны царя. Онъ твердо заявлялъ послѣднему, что ему „менши Ивана Никитича никоторыми дѣлы быть не вмѣстно, лучше-бъ его велѣлъ государь казнить смертью, а менши Ивана быть не велѣлъ“. „По родству“ еще Лыковъ соглашался уступить Романову,—но такъ какъ царь Михаилъ говорилъ кн. Лыкову, что „менши Ивана Никитича быти ему мочно по многимъ мѣрамъ, а не по родству“, то кн. Борисъ отказался отъ стола, и уѣхалъ къ себѣ домой. Когда же царь сталъ чрезъ посланныхъ просить его вернуться къ столу, то кн. Лыковъ отвѣчалъ, что „онъ ѣхать готовъ къ казни, а менши ему Ивана Никитича не бывать“. Царь тогда такъ разгнѣвался на Лыкова, что выдалъ его Ивану Никитичу головой [3]). Послѣ этого инцидента мѣстническіе споры бояръ съ царскимъ дядей прекратились,—соперники—бояре, повидимому, не рѣшаются болѣе спорить съ Иваномъ Никитичемъ и безмолвно уступаютъ ему первенствующую роль. Дѣйствительно, съ 1615 г. мы видимъ Ивана Никитича во всѣхъ дворцовыхъ торжествахъ на первомъ мѣстѣ—и у царскаго стола, [4]) и на пріемахъ иностранныхъ пословъ, [5]) тогда какъ ранѣе онъ занималъ только второе мѣсто, какъ это видно изъ тѣхъ же мѣстническихъ споровъ съ нимъ кн. Лыкова [6]).

Какъ родной и единственный дядя царя, Иванъ Никитичъ играетъ большую роль въ событіяхъ и частной, семейной жизни Михаила Ѳедоровича. Такъ, напр., онъ принимаетъ участіе въ дѣлѣ Хлоповой, бывшей невѣсты царя, [7])—занимаетъ первое мѣсто („въ

---

[1]) Дворц. разр., I, 109.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 129—130.
[4]) Ibid., 176.
[5]) А. Ю., III, 381, 382, 383, 384.
[6]) Дворц. разр., I, 109, 129—130.
[7]) Собр. г. гр. и д., III, 259.

отцево мѣсто") на обѣихъ свадьбахъ царя Михаила въ 1625 и 1626 г. г. [1]) и т. п.

Будучи неизлѣчимо больнымъ (паралитикомъ), Иванъ Никитичъ все время проводитъ въ Москвѣ, въ кругу родныхъ и близкихъ бояръ, не принимая участія ни въ какихъ военныхъ походахъ или посольствахъ. Даже во время наступленія Владислава на Москву въ 1618 г. онъ остается въ Москвѣ: царь приговорилъ его „быти на Москвѣ въ осадѣ" [2]).

Подобно своему брату Филарету, Иванъ Никитичъ былъ очень набожнымъ человѣкомъ. Во „Вкладной книгѣ Новоспасскаго монастыря" сохранились указанія на слѣдующіе вклады его въ этотъ монастырь.—16 сентября 1608 г. Иванъ Никитичъ пожаловалъ по братѣ своемъ Михаилѣ Никитичѣ „тридцать пять чюгъ нострафильныхъ, за сорокъ за три рубли; да двадцать одна шапка лисьихъ нагольныхъ ханеныхъ за три рубли за тринадцать алтынъ за двѣ деньги" [3]). 25 февраля 1624 г. Иванъ Никитичъ и Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ съ кн. Ив. Бор. Черкасскимъ „дали вкладу" по князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Мстиславскомъ „изъ его Ѳеодоровыхъ животовъ" пятьдесятъ руб. [4]) 9 ноября 1640 г. „бояринъ Іоаннъ Никитичъ Романовъ по сестрѣ своей по боярынѣ Иринѣ Никитичнѣ далъ вкладу къ вотчинѣ къ селу Елтосупову тысячу рублей [5]).

Что касается матеріальныхъ средствъ Ивана Никитича, то можно съ увѣренностью полагать, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ и богатыхъ помѣщиковъ своего времени. Мы уже указывали, какими земельными богатствами располагалъ его отецъ, Никита Романовичъ. Значительная часть этихъ богатствъ по обычаю стала потомъ собственностью Ивана Никитича. Съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича земельныя владѣнія Романовыхъ возросли еще болѣе. Естественно, что увеличилось и богатство царскаго дяди, Ивана Никитича. Сынъ Ивана Никитича, Никита Ивановичъ, впослѣдствіи считался самымъ богатымъ бояриномъ, [6])—приблизительно такимъ же богачемъ, вѣроятно, былъ и самъ Иванъ Никитичъ [7]). Скончался Иванъ Никитичъ 18 іюля 1640 г; погребенъ въ общей усыпальницѣ бояръ Романовыхъ—въ Новоспасскомъ монастырѣ [8]).

---

[1]) Др. Р. В., XIII, 137—138, 154; Собр. г. гр. и д., III, 282, 288.

[2]) Собр. г. гр. и д., III, 170; Дворц. разр., I, 356.

[3]) Памятн. др. письм. II, 27.

[4]) Ibid., 28.

[5]) Ibid., 29.

[6]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 353; Платоновъ.—Ж. М. Н. Пр., 1906, XII, 341.

[7]) Въ одной Твери Ивану Никитичу принадлежало слишкомъ полтора десятка дворовъ.—Вып. изъ Твер. писц. кн. Нарбекова и Ѳадеева, Тверь—1901, 13, 17—28, 53 и др.

[8]) Снег.—Н. М., 133 (д. ст.).

Жену Ивана Никитича звали Ульяной Ѳедоровной. Студенкинъ полагаетъ, что она по своему происхожденію была княжна Литвинова—Мосальская [1]). Ульяна Ѳедоровна упоминается на трехъ царскихъ свадьбахъ: на двухъ свадьбахъ Михаила Ѳедоровича и на первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича. На первой свадьбѣ царя Михаила въ 1625 г. она была посаженою матерью („въ материно мѣсто“) со стороны жениха [2]). На второй свадьбѣ (1626) она является не только посаженою матерью, но и идетъ „подлѣ государыни для береженія“ съ правой стороны, а потомъ она же „осыпала царя и вел. князя и его царицу осыпаломъ“ [3]). На свадьбѣ царя Алексѣя въ 1648 г. Ульяна Ѳедоровна находится „у царицы и вел. княгини въ комнатѣ [4]). Умерла она 23 октября 1650 г; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [5]).

Самымъ младшимъ сыномъ Никиты Романовича былъ Иванъ (второй) Никитичъ, по прозванію Левъ. Умеръ онъ еще въ молодыхъ годахъ—5 февраля 1595 г. [6]) Погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ [7]). Одинъ изъ хронографовъ приписываетъ смерть и младшаго Никитича заточенію отъ Бориса Годунова: „Льва же Никитича посылаетъ въ заточеніе къ Соли Галицкой и тамо нужнѣйшіе смерти его повелѣ предати“ [8]). Но этотъ хронографъ безусловно ошибается, такъ какъ опала постигла Романовыхъ спустя почти цѣлыхъ шесть лѣтъ послѣ смерти Ивана—Льва Никитича, а въ 1595 г., когда онъ умеръ, Борисъ Годуновъ еще и не царствовалъ.

Изъ шести дочерей Никиты Романовича старшей называютъ обыкновенно Ульяну Никитичну, умершую еще въ младенчествѣ—27 августа (по древнимъ извѣстіямъ—24 августа) 1565 г. Погребена она въ Новоспасскомъ монастырѣ [9]).

Далѣе слѣдуетъ Анна Никитична, бывшая замужемъ за кн. Иваномъ Ѳедоровичемъ Троекуровымъ. Анна Никитична умерла 6-го (по другимъ извѣстіямъ 2-го) декабря 1585 г. и погребена вмѣстѣ со старшей сестрой [10]).

Третья дочь Никиты Романовича—Евѳимія Никитична—была замужемъ за кн. Иваномъ Васильевичемъ Сицкимъ—какъ это видно изъ надгробной надписи ея [11]). Въ 1601 г., вмѣстѣ со своимъ мужемъ

---

[1]) Сб. Селиф., 294, 307 (прим. 47).
[2]) Др. Р. В., XIII, 138.
[3]) Ibid., 153—154, 167.
[4]) Ibid., 211.
[5]) Снег., Н. М., 133 (д. ст.).
[6]) Ibid., 130 (д. ст.).
[7]) Ibid.
[8]) Изборн., 438.
[9]) Снег.—Н. М., 128 (д. ст.); Сб. Селиф., 294.
[10]) Снег.—Н. М., 130 (д. ст.); Сб. Селиф., 294—295.
[11]) Снег.—Н. М., 130—131 (д. ст.).

Евѳимія Никитична была сослана царемъ Борисомъ въ Сумскій острогъ, гдѣ потомъ была пострижена съ именемъ Евдокіи. Черезъ годъ она умерла въ своемъ заточеніи (8 апрѣля 1620 г.), и погребена была въ Сумскомъ острогѣ. Въ 1617 г., по повелѣнію царя Михаила, прахъ ея былъ перевезенъ въ Москву и 28 марта того же года былъ положенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ ея предками [1]).

Далѣе—Марѳа Никитична, бывшая замужемъ за кн. Борисомъ Камбулатовичемъ Черкасскимъ [2]). Въ 1601 г., вмѣстѣ со своимъ мужемъ и нѣкоторыми родными, Марѳа Никитична была сослана на Бѣлоозеро [3]). Тамъ она вскорѣ овдовѣла,—и по указу 5 сентября 1603 г. была переведена вмѣстѣ съ другими родственниками въ Юрьевскій уѣздъ, въ вотчину Ѳедора Никитича [4]) Въ своемъ заточеніи на Бѣлоозерѣ Марѳа Никитична тяжко болѣла „камчюгомъ“, отъ котораго умеръ и ея мужъ. Но предъ отъѣздомъ въ Юрьевскій уѣздъ она нѣсколько поправилась—и съ „жадностью“ приняла вѣсть о переводѣ ея изъ Бѣлоозера [5]). Вмѣстѣ съ ней въ заточеніи была и дочь—но имя послѣдней неизвѣстно [6]). Въ вотчинѣ Ѳедора Никитича Марѳа Никитична находилась до смерти Бориса Годунова, а потомъ переѣхала въ Москву. Умерла она 28 февраля 1610 г: „преставися раба Божія княгиня Марѳа Никитична, болярина Никиты Романовича Юрьева дщерь, а княгиня князя Бориса Камбулатовича Черкаскаго“ [7]). Погребена въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ [8]).

Слѣдующая дочь Никиты Романовича, Ирина Никитична, была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ [9]). Родство съ царствующимъ домомъ Годуновыхъ спасло Ирину Никитичну отъ царской опалы,—и она одна изъ всей семьи Романовыхъ избѣжала ссылки. Ирина Никитична присутствуетъ на торжествахъ второй свадьбы царя Михаила въ 1626 г.—показывается „у царицы и вел. княгини въ комнатѣ“ [10]). Затѣмъ она была воспріемницей при крещеніи царевича Алексѣя Михайловича въ 1629 г.: „а и каптаны къ крещенію и отъ крещенія въ каптанѣ царевича несла Ирина Никитична да съ нею два боярина, а за ними боярынь съ 30“ [11]). По разряднымъ записямъ Ирина Никитична упоминается и въ чинѣ первой

---

[1]) Ibid.
[2]) Р. И. Б., XXII, 61; Снег.—Н. М., 132 (д. ст.).
[3]) Никон. лѣт., VIII, 44.
[4]) Ibid., 45; А. И., II, 47—48.
[5]) А. И., II, 46—48.
[6]) Ibid., 48.
[7]) Снег. Н. М., 132 (д. ст.).
[8]) Ibid.
[9]) Снег.—Н. М., 133 (д. ст.).
[10]) Др. Р. В., XIII, 169.
[11]) Дворц. разр., II, 51.

свадьбы царя Алексѣя—„въ материно мѣсто“, [1]) но это извѣстіе не вѣрно, такъ какъ намъ положительно извѣстно, что онаумерла 6 іюня 1635 г., [2]) а въ 1640 г. Иванъ Никитичъ сдѣлалъ даже и вкладъ по ней въ Новоспасскій монастырь [3]) Погребена Ирина Никитична въ Новоспасскомъ монастырѣ [4]).

Младшая дочь Никиты Романовича, Анастасія Никитична, была замужемъ за кн. Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ—Оболенскимъ,—за тѣмъ самымъ, который мѣстничалъ, какъ мы видѣли, съ Иваномъ Никитичемъ [5]). Въ 1601 г., еще дѣвицей, Анастасія Никитична, вмѣстѣ съ другими Романовыми, была сослана на Бѣлоозеро, гдѣ находилась до 1603 года [6]). Въ сентябрѣ 1603 г. она была переведена въ Юрьево—Польскій уѣздъ, въ имѣніе своего старшаго брата [7]). По смерти Бориса Годунова Анастасія Никитична возвращается въ Москву вмѣстѣ со всѣми Романовыми, бывшими въ ссылкѣ. Здѣсь, въ Москвѣ, она вышла и замужъ за кн. Лыкова. Въ качествѣ княгини Лыковой, Анастасія Никитична упоминается въ чинѣ второй свадьбы царя Михаила въ 1626 г. [8])—и въ чинѣ первой свадьбы царя Алексѣя въ 1648 г. „у царицы и вел. княгини въ комнатѣ“ [9]).

Умерла Анастасія Никитична схимницей Анисіей—9 октября 1655 г.; погребена въ Пафнутьево-Боровскомъ монастырѣ [10]).

IX.

Мы кончили исторію восьмого колѣна предковъ царя Михаила,—того поколѣнія, жизнь и дѣятельность котораго завершились воцареніемъ Михаила Ѳедоровича Романова на московскомъ престолѣ и основаніемъ на Руси новой царской династіи. Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ представителяхъ нецарственной линіи Романовыхъ, которые принадлежали уже къ слѣдующему—девятому колѣну.

---

[1]) Др. Р. В., XIII, 175.
[2]) Снег.—Н. М., 133 (д. ст.).
[3]) Памятн. древ. письм., II, 29.
[4]) Снег.—Н. М., 133 (д. ст.).
[5]) Др. Р. В., XIX, 355.
[6]) Никон. лѣтоп., VIII, 44.
[7]) А. И., II, 48—49.
[8]) Др. Р. В., XIII, 170.
[9]) Ibid., 211.
[10]) Др. Р. В., XIX, 355.

Нужно сказать, что нецарственная вѣтвь бояръ Романовыхъ совершенно вымираетъ вмѣстѣ съ двоюродными братьями Михаила Ѳедоровича. Романовы всю свою силу и энергію какъ бы передали новорожденной династіи—и, выполнивши свою историческую задачу, навсегда сходятъ со сцены бытія. Изъ семи братьевъ Никитичей только Ѳедоръ Никитичъ да Иванъ Никитичъ оставили дѣтей, исторически засвидѣтельствованныхъ. У Александра Никитича хотя и были дѣти, но всѣ они, очевидно, умерли въ заточеніи, такъ какъ ни въ одномъ историческомъ памятникѣ нѣтъ указаній на потомство Александра Никитича. Остальные четыре брата—Михаилъ, Никита, Василій и Иванъ—Левъ—умерли неженатыми.

Ѳедоръ Никитичъ имѣлъ пять сыновей; но изъ этихъ пяти сыновей выжилъ только самый младшій, Михаилъ Ѳедоровичъ сдѣлавшійся первымъ царемъ изъ дома Романовыхъ. Всѣ четыре старшихъ брата Михаила Ѳедоровича умерли въ младенческомъ еще состояніи. Борисъ Ѳедоровичъ умеръ 20 ноября 1593 г.; [1]) Никита Ѳедоровичъ умеръ 29 ноября того же года [2]); Левъ Ѳедоровичъ, скончался 21 сентября 1598 г., [3])—и наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ умеръ 7 іюня 1599 года [4]). Погребены они, вмѣстѣ съ сородичами своими, въ Новоспасскомъ монастырѣ [5]).

Кромѣ перечисленныхъ сыновей у Ѳедора Никитича была еще дочь, Татьяна Ѳедоровна. Замужемъ была она за кн. Иваномъ Михайловичемъ Катыревымъ—Ростовскимъ [6]). Во дни гоненій на Романовыхъ Татьяна Ѳедоровна (тогда еще дѣвица) была сослана Борисомъ Годуновымъ на Бѣлоозеро [7]). Въ сентябрѣ 1603 г., вмѣстѣ со всѣми родными, бывшими съ ней на Бѣлоозерѣ, она переводится въ имѣніе Ѳедора Никитича, гдѣ и остается до смерти Бориса Годунова [8]). Умерла Татьяна Ѳедоровна 21 іюля 1611 г.; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ [9]).

Иванъ Никитичъ имѣлъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей. За исключеніемъ старшаго сына, Никиты Ивановича, всѣ почти дѣти его умерли въ младенчествѣ. Никита Ивановичъ, послѣ смерти своихъ братьевъ—родныхъ и двоюродныхъ (исключая, конечно, Михаила Ѳедоровича), былъ послѣднимъ представителемъ нецарственной линіи фамиліи Романовыхъ.

---

[1]) Снег.—Н. М., 130 (д. ст.).
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid., 132.
[7]) Никон. лѣт., VIII, 44.
[8]) А. И., II, 48—49; Никон. лѣт., VIII, 45.
[9]) Снег. Н. М., 132 (д. ст.).

Какъ ближайшій родственникъ новой московской династіи, Никита Ивановичъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Подобно своему болѣзненному отцу, онъ рѣдко покидаетъ столицу. Но за то въ придворныхъ торжествахъ онъ занимаетъ самое видное мѣсто. О придворной службѣ Никиты Ивановича намъ извѣстно слѣдующее. 2 и 15 января 1644 г. онъ, въ званіи еще стольника и рынды, присутствуетъ на пріемѣ датскаго посла Петра Марселиса [1]). Въ томъ же году, 28 января, при пріемѣ датскаго королевича Вольдемара Христіановича, Никита Ивановичъ въ качествѣ перваго чашника „передъ Государя въ столъ пить носилъ“ [2]). Въ 1648 г., во время вѣнчанія царя Алексѣя Михайловича на царство, онъ „осыпалъ государя золотыми въ дверяхъ соборовъ и на золотой лѣстницѣ“. При этомъ Никита Ивановичъ получилъ и боярскій санъ [3]). Вмѣстѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Никита Ивановичъ выступаетъ, наконецъ, и въ походъ противъ польско-литовскаго короля Яна Казимира „за его многіе неправды и крестопреступленіе“—18 мая, 1654 года [4]).

По своему характеру Никита Ивановичъ напоминалъ дѣда—Никиту Романовича. Онъ также отличался веселымъ, добродушнымъ настроеніемъ, былъ ласковъ со всѣми, не чуждался иностранцевъ и пользовался большею популярностью среди москвичей. Ключевскій отмѣчаетъ одну особенно любопытную черту въ характерѣ Никиты Ивановича—это его пристрастіе къ западноевропейскому комфорту и образованію. Никита Ивановичъ не только „покровительствовалъ и любилъ нѣмцевъ“, не только состоялъ членомъ придворнаго кружка сторонниковъ европейской науки, но былъ даже и „немножко вольнодумцемъ“ [5]).

Какъ дядя царя, Никита Ивановичъ имѣлъ возможность пріобрѣсти массу земельныхъ и иныхъ богатствъ, кромѣ родовыхъ своихъ вотчинъ. Историки единодушно называютъ его первымъ богачемъ въ Москвѣ послѣ царя въ половинѣ XVII вѣка [6]).

Во „Вкладной книгѣ Новоспасскаго монастыря“ записанъ лишь одинъ вкладъ Никиты Ивановича въ этотъ монастырь—по отцѣ его Иванѣ Никитичѣ и теткѣ Иринѣ Никитичнѣ—1, 500 руб., 1643 г. 21 января [7]). Но въ виду колассальныхъ богатствъ Никиты Ивановича едва-ли можно допустить, чтобы этотъ вкладъ его въ фамильную усыпальницу былъ и единственнымъ.

---

[1]) Дворц. разр., II, 718, 720.
[2]) Ibid., 727.
[3]) Сб. Селиф., 297.
[4]) Дворц. разр., III, 413.
[5]) Ключевскій.—Курсъ Рус. Ист.. III, 353.
[6]) Платоновъ.—Жур. М. Н. Пр., 1906, XII, 341; Ключев.—К. Р. И., III, 353.
[7]) Памятн. др. письм. II, 29.

Умеръ Никита Ивановичъ 11 декабря 1654 г.—„идучи съ государевой службы“ [1]). „Опис. царск. пресв. прар.“ относитъ смерть его къ 1656 г., [2])—но, очевидно, ошибочно, такъ какъ въ мартѣ и іюлѣ 1655 г. царь Алексѣй Михайловичъ уже дѣлаетъ вклады по покойномъ боярине Никитѣ Ивановичѣ [3]).

Никита Ивановичъ не оставилъ послѣ себя никакого потомства. Неизвѣстно даже, былъ ли онъ женатъ. Со смертью его угасла нецарственная вѣтвь Романовыхъ по мужской линіи.

У Никиты Ивановича были слѣдующіе младшіе братья: Андрей Ивановичъ, умершій младенцемъ—25 апрѣля 1609 г. и погребенный въ Новоспасскомъ монастырѣ; [4]) Дмитрій Ивановичъ, умершій 4 ноября 1611 г., тоже младенцемъ, и погребенный въ томъ же монастырѣ, [5]) и Иванъ Ивановичъ, скончавшійся, какъ и предыдущіе, въ младенчествѣ 30 іюля 1625 г. и похороненный вмѣстѣ съ братьями [6]).

Кромѣ братьевъ, Никита Ивановичъ имѣлъ еще трехъ сестеръ, также не достигшихъ совершеннолѣтія. Старшую изъ нихъ звали Параскевой Ивановной—умерла младенцемъ 27 декабря 1612 г. [7]) Слѣдующая была Ирина Ивановна, умершая тоже младенцемъ [8]). И, наконецъ, третья—Параскева Ивановна (младшая)—умерла дѣвицей—25 октября 1622 г. [9]) Всѣ онѣ погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ [10]).

С. Некрасовъ.

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Др. Р. В., XX, 110; Опис. Новосп. Мон., 46.
[2]) Снег.—Н. М., 133 (д. ст.).
[3]) Памятн. древ. письм., II, 26.
[4]) Снег.—Н. М., 131 (д. ст.).
[5]) Ibid., 132. (д. ст.).
[6]) Ibid., 133. (д. ст.).
[7]) Ibid., 132. (д. ст.).
[8]) Ibid.
[9]) Ibid.
[10]) Ibid.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Родословная таблица предковъ царя Михаила.

Колѣно I.

1. Андрей Ивановичъ Кобыла.

Колѣно II.

Ѳедоръ Андреевичъ Кошка.
Семенъ Андреевичъ Жеребецъ.
Александръ Андреевичъ Елка.
5. Василій Андреевичъ Ивантей.
Гавріилъ Андреевичъ Гавша.

Колѣно III.

Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ.
Ѳедоръ Ѳедоровичъ Голтяй.
Александръ Ѳедоровичъ Беззубецъ.
10. Михаилъ Ѳедоровичъ Дурной.
Игнатій Семеновичъ Жеребцовъ.

Колѣно IV.

Захарій Ивановичъ Кошкинъ.
Иванъ Ивановичъ Кошкинъ.
Ѳедоръ Ивановичъ Брехъ.
15. Яковъ Ивановичъ Козакъ.
Иванъ Ѳедоровичъ Голтяевъ.
Гавріилъ Ѳедоровичъ Голтяевъ.
Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ.
Марія Ѳедоровна, кн. Боровская.
20. Иванъ Александровичъ Беззубцовъ.
Григорій Александровичъ Беззубцовъ.
Константинъ Александровичъ Беззубцовъ.

Колѣно V.

Юрій Захарьевичъ (Кошкинъ).
Ирина Ивановна (Тучко).
25. Яковъ Захарьевичъ (Кошкинъ).
Ирина (происхожденіе неизвѣстно).
Василій Захарьевичъ Ляцкой.
Василій Яковлевичъ (Козакъ).
Марія Ярославна, жена вел. кн. Василія Васильевича.

Колѣно VI.

30. Романъ Юрьевичъ Захарьинъ.
Ульяна Ѳедоровна.
Василій Юрьевичъ Захарьинъ.

Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ.
Ирина (происхожденіе неизвѣстно).
35. Иванъ Юрьевичъ Захарьинъ.
Григорій Юрьевичъ Захарьинъ.
Ульяна (происхожденіе неизвѣстно).
Семенъ Юрьевичъ Захарьинъ.
Ѳеодосія Юрьевна Захарьина.
40. Петръ Яковлевичъ Захарьинъ.
Анна (происхожденіе неизвѣстно).
Василій Яковлевичъ Захарьинъ.
Анна (происхожденіе неизвѣстно).
Иванъ Васильевичъ Ляцкой.

Колѣно VII.

45. Никита Романовичъ Юрьевъ—Захарьинъ.
Варвара Ивановна (Ховрина).
Евдокія Александровна (кн. Горбатая).
Данила Романовичъ Ю.—Захарьинъ.
Анна (происхожденіе неизвѣстно).
50. Анна (происхожденіе неизвѣстно).
Долматъ Романовичъ Ю.—Захарьинъ.
Анна Романовна Ю.—Захарьина.
Анастасія Романовна Ю.—Захарьина.
Иванъ Михайловичъ (Большой) Ю.—Захарьинъ.
55. Василій Михайловичъ Ю.—Захарьинъ.
Анастасія Дмитріевна (кн. Бѣльская).
Иванъ Михайловичъ (Меньшой) Ю.—Захарьинъ.
Михаилъ Семеновичъ Юрьевъ.
Григорій Петровичъ Яковлевъ.
60. Захарій Петровичъ Яковлевъ.
Иванъ Петровичъ Яковлевъ (Хиронъ).
Стефанида Ѳедоровна (Сукина).
Василій Петровичъ Яковлевъ.
Анна Петровна, кн. Бѣлевская.
65. Михаилъ Васильевичъ Яковлевъ.
Семенъ Васильевичъ Яковлевъ.
Варвара (происхожденіе неизвѣстно).
Анна Васильевна Яковлева.

Колѣно VIII.

Ѳедоръ (Филаретъ) Никитичъ Романовъ—(Юрьевъ).
70. Ксенія (Марѳа) Ивановна (Шестова)
Александръ Никитичъ Романовъ.
Евдокія Ивановна (кн. Голицына).
Ульяна Семеновна (Погожая).
Михаилъ Никитичъ Романовъ.
75. Никита Никитичъ Романовъ.
Василій Никитичъ Романовъ.
Иванъ Никитичъ Романовъ.
Ульяна Ѳедоровна (кн. Литвинова-Мосальская).
Иванъ—Левъ Никитичъ Романовъ.

80. Ульяна Никитична Романова.
Анна Никитична, кн. Троекурова.
Евѳимія Никитична, кн. Сицкая.
Марѳа Никитична, кн. Черкасская.
Ирина Никитична, Годунова.
85. Анастасія Никитична, кн. Лыкова --Оболенская.
Михаилъ Ивановичъ Юрьевъ.
Протасій Васильевичъ Юрьевъ.
Иванъ Васильевичъ Юрьевъ.
Ѳедоръ Васильевичъ Юрьевъ.
90. Михаилъ Даниловичъ Юрьевъ.
Иванъ Даниловичъ Юрьевъ.
Ѳедоръ Даниловичъ Юрьевъ.
Анна Даниловна Юрьева.
Ѳеотинья Даниловна, кн. Шестунова.
95. Тимоѳей Ивановичъ Яковлевъ.
Агрипина Семеновна Яковлева.

Колѣно IX [1]).

Борисъ Ѳедоровичъ Романовъ.
Никита Ѳедоровичъ Романовъ.
Левъ Ѳедоровичъ Романовъ.
100. Иванъ Ѳедоровичъ Романовъ.
Татьяна Ѳедоровна, кн. Катырева—Ростовская.
Никита Ивановичъ Романовъ.
Андрей Ивановичъ Романовъ.
Дмитрій Ивановичъ Романовъ.
105. Иванъ Ивановичъ Романовъ.
Параскева Ивановна Романова.
Ирина Ивановна Романова.
108. Параскева Ивановна (младшая) Романова.

---

[1]) Къ этому колѣну относятся родные и двоюродные братья и сестры Михаила Ѳедоровича Романова.

IV.

ОПЕЧАТКИ [1]).

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
4.	20 снизу	происходеніе	происхожденіе
6.	21—20 снизу	которому-бы	которому
9.	11 сверху	путь (въ Псковъ),—	путь (въ Псковъ),
10.	14 сверху	нпхъ	нихъ
14.	10 снизу	комиссоінеровъ	комиссіонеровъ.
25.	18—17 снизу	скиперъ	скипетръ.
28.	7 снизу	въ старинѣ	въ странѣ
29.	9 снизу	Петръ. Долгорукій	Петръ Долгорукій
39.	15 сверху	исполнено было	было исполнено
41.	3 снизу	подпись,	подпись
44.	18—17 снизу	лѣтосью	лѣтописью
49.	14 снизу	такъ	такъ и
54.	4 сверху	съ братолъ	съ братомъ
59.	14 снизу	качестѣ	качествѣ
61.	7 сверху	древняхъ	деревняхъ
77.	18 сверху	оыли	были
89.	10 снизу	находился	находится
92.	14 сверху	возвращется	возвращается
96.	18 сверху	избражается	изображается
101.	6 сверху	Катыревъ-Ростовскій	Катыревъ-Ростовскій:
104.	14 снизу	воеводы)	воеводы)—
108.	13 сверху	семейетву	семейству
114.	8 сверху	совпадаетъ	совпадаютъ
118.	13 снизу	онъ въ,	онъ въ
124.	17 сверху	1565 г.	1566 г.
128.	14 сверху	Романовича,	Романовича;
134.	11 сверху	Палицина	Палицына
139.	6 снизу	приводили	привели
140.	7 снизу	[1]) А. И., II, 64—65.	[1]) Ключев.—К. Р. И., III, 79.
—	6 снизу	[2]) Сказ. М. и Г., 59—60 и т. д.	[2]) Солов., VIII, 66.
—	4 снизу	[3]) Ключевскій.—К. Р. И., III, 79.	[3]) Костомар.—См. вр., I, 48.
—	3 снизу	[4]) Солов., VIII, 66.	[4]) А. И., II, 64—65.
—	2 снизу	[5]) Костомаровъ.—См. вр., I, 48.	[5]) Сказ. М. и Г., 59—60; А. Сапѣга.—Платон.—Очерки, 179; Костомаровъ.—См. вр., I, 27.
142.	2 сверху	Өедоровича,	Өедоровича),
143.	7 снизу	Өедора и	Өедора или
148.	20 сверху	пытаху	пыхаху
—	21 сверху	шуму.	шуму...
151.	7 сверху	ностриженнымъ	постриженнымъ.
152.	20 снизу	гоненію,	гоненію
164.	21 снизу	партіи	партіи,
168.	23 сверху	двусмыленное	двусмысленное
—	20 снизу	никакоже и	никакоже
171.	6 сверху	грамоты,—	грамоты,
172.	12 снизу	Со смертью же	Со смертью

[1]) Здѣсь указаны только болѣе важныя изъ замѣченныхъ опечатокъ.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
176.	11 сверху	не расположеніе	нерасположеніе
—	17 сверху	1611 г.	1610 г.
185.	19 сверху	событій,—	событій,
187.	14 сверху	извѣстно	извѣстно,
191.	10 сверху	Филаретъ какъ,	Филаретъ, какъ
195.	14 снизу	корѣльскій	Корѣльскій
199.	2 сверху	Берха	Берха,
200.	7 снизу	этой	этотъ
202.	20 снизу	не стѣснялъ,	не стѣснялъ
203.	8 снизу	„Кратк. Москов. Лѣт.“	„Кратк. Москов. Лѣт.“,
206.	20 снизу	даря	царя
211.	18 снизу	въ Ныробъ	въ Ныробъ,
222.	19 сверху	от—	отъ—
225.	22 снизу	между царствія	междуцарствія
227.	3—4 сверху	Никитичъ	Никитичъ,
—	8—9 сверху	Кн. Лыковр	Кн. Лыкову
—	16 снизу	во всѣхъ	на всѣхъ
229.	3—4 сверху	царскихъ свадьбахъ	царскихъ свадьбахъ:
—	4 сверху	Ѳедоровича:	Ѳедоровича
231.	16—15 снизу	воцареніемъ,	воцареніемъ
232.	13 сверху	Ѳедоровичъ	Ѳедоровичъ,
—	17 сверху	Ѳедоровичъ,	Ѳедоровичъ
233.	4 сверху	въ придворныхъ	на придворныхъ
—	10 снизу	колассальныхъ	колоссальныхъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы:

Глава I. 3—31

I. Вопросъ о происхожденіи перваго историческаго предка царя Михаила—Андрея Кобылы. Преданія и сказанія . 3—8
II. Теорія П. Н. Петрова о русскомъ (новгородскомъ) происхожденіи Андрея Кобылы . . . . 8—20
III. Теорія Кампенгаузена, признающаго иноземное (норманское) происхожденіе Андрея Кобылы . . . 20—29
IV. Взглядъ позднѣйшихъ русскихъ историковъ на происхожденіе Андрея Кобылы . . . . . 29—31

Глава II. 32—125

I. Историческіе предки царя Михаила. Первое колѣно—Андрей Ивановичъ Кобыла . . . . . 32—33
II. Родословная роспись предковъ царя Михаила. Второе колѣно—Ѳедоръ Андреевичъ Кошка . . . . 33—39
III. Третье колѣно—Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ и др. . 40—43
IV. Четвертое колѣно. Захарій Ивановичъ Кошкинъ. Его братья. Голтяевы. К. А. Беззубцовъ . . . 43—50
V. Пятое колѣно. Юрій Захарьевичъ, Яковъ Захарьевичъ и Василій Захарьевичъ Ляцкой . . . . 50—65
VI. Шестое колѣно. Романъ Юрьевичъ, Михаилъ Юрьевичъ и ихъ родные и двоюродные братья . . . 66—85
VII. Седьмое колѣно. Никита Романовичъ Юрьевъ—Захарьинъ. Его братья и сестры . . . . 85—112
VIII. Двоюродные братья Никиты Романовича (Василій Михайловичъ Юрьевъ, Иванъ Петровичъ Яковлевъ и др.). 113—125

Глава III. 126—234

I. Восьмое колѣно. Ѳедоръ Никитичъ Романовъ. Его воспитаніе и образованіе . . . . . 126—137
II. Вражда между Борисомъ Годуновымъ и Романовыми. Кандидатура Ѳедора Никитича на престолъ по смерти царя Ѳедора Ивановича . . . . . 137—146
III. Опала царя Бориса на Романовыхъ. Постриженіе и заточеніе Ѳедора Никитича . . . . . 146—161
IV. Освобожденіе Филарета (Ѳедора) Никитича и его роль въ смутное время . . . . . 161—176
V. Дѣятельность Филарета, какъ посла подъ Смоленскомъ. Плѣнъ его и возвращеніе въ Москву . . . 176—189
VI. Дѣятельность Филарета, какъ патріарха (государственная и церковно-общественная) . . . . . 189—199
VII. Жена Ѳедора (Филарета) Никитича—Ксенія (Марѳа) Ивановна . . . . . 200—206
VIII. Братья и сестры Филарета Никитича и ихъ судьба . 206—231
IX. Вымираніе нецарственной линіи Романовыхъ. Послѣдніе ея представители (девятое колѣно) . . . 231—234

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

mar. 16 14

£ 10 P.

5851